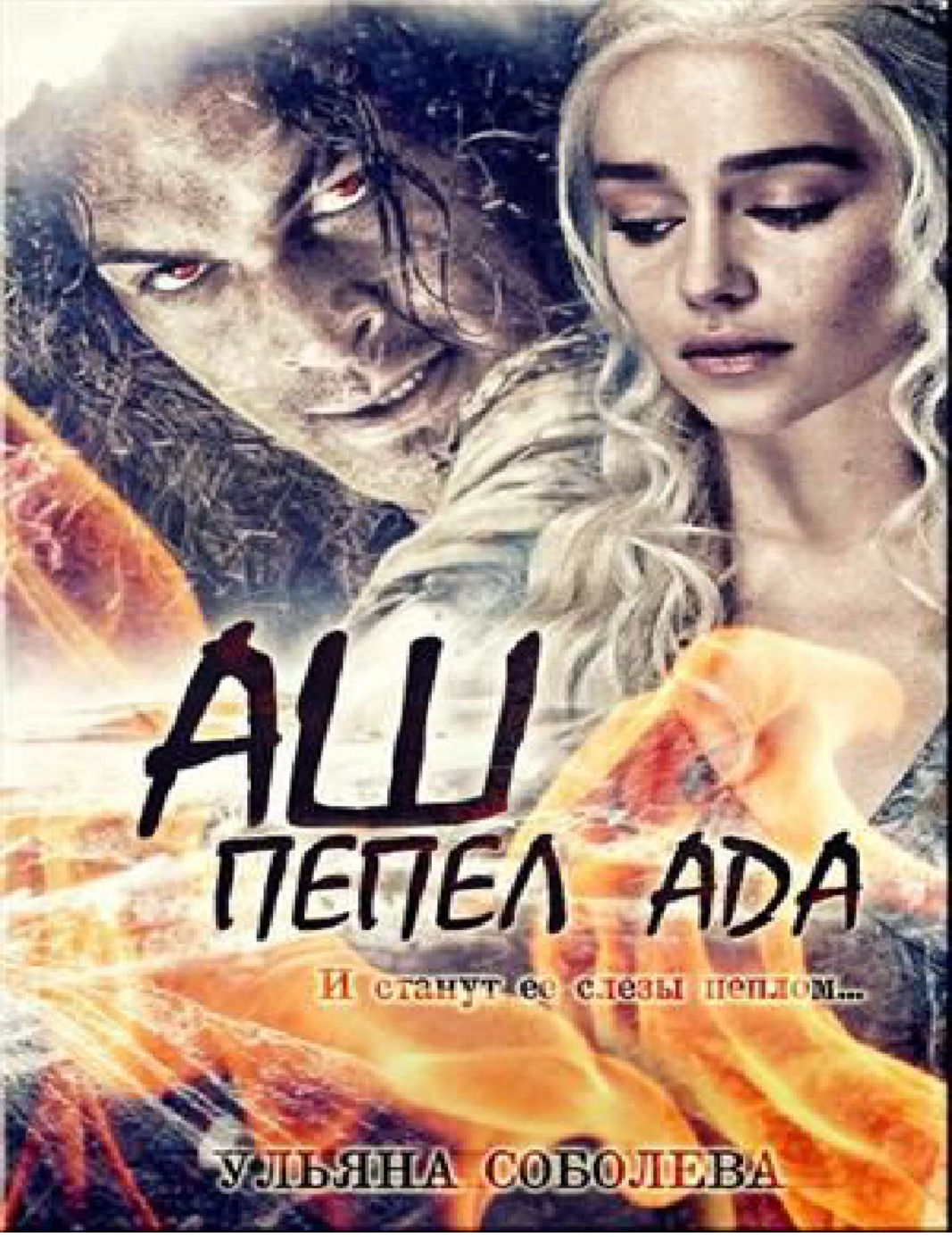
АШ
ПЕПЕЛ АДА
И станут ее слезы пеплом...
УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

SHOUT
SHARE
IT
WAKE

Annotation

Ее, смертную девушку, выкрали из привычного мира, выбрали из миллиона других по неведомой ей причине, и подарили. Подарили ему, Демону Высшего Ранга, полководцу Армии Апокалипсиса. Безмолвная рабыня, невольница, у которой больше нет имени, она должна выполнять прихоти Хозяина, или умереть, как многие другие до нее… Он сожжет дотла ее розовые мечты и представления о любви. Потому что он не знает, что это такое. И станут её слезы пеплом…

- Ульяна Соболева
  -
  - ПРОЛОГ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28

Ульяна Соболева
Аш. Пепел Ада

ОБЪЯСНЕНИЯ, ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЛ СЕРИЮ О ВАМПИРАХ:

ВАМПИРЫ: — Сильная раса. Живут в нашем мире, скрывают свою сущность. Разделены на кланы. Ничем не отличаются от людей, кроме своих способностей. Состоят в Братстве. Подчиняются закону Братства, Совету и Нейтралам (соблюдающие баланс в мире смертных и бессмертных). Магические способности: гипноз, подчинение воли, ощущение ауры и энергии. Питаются кровью смертных. Бесплодны с любой расой, кроме Падших.

Кланы: Черные Львы (правящий королевский клан), Северные Львы (княжеский клан), Гиены (низший клан), Носферату (примитивный клан).

ЛИКАНЫ: — Сильная раса. Живут в нашем мире, скрывают свою сущность. Враждуют с вампирами. Подчиняются законам Стаи и Нейтралам (соблюдающим баланс в мире смертных и бессмертных). Превращаются в волков. Лишь в полнолуние они опасны для вампиров, когти ликана становятся ядовиты, как и слюна. Магические способности: обращение. Питаются кровью и мясом смертных. Фертильны со своей расой, дампирами и Падшими.

ДАМПИРЫ: Редкая раса (подвид вампиров). Живут в нашем мире. Их рождение чудо среди вампиров. Рождаются от вампира и смертной женщины. Нет никакой тенденции, невозможно понять, как такое происходит. Фертильны с ликанами и Падшими. С остальными расами бесплодны.

ДЕМОНЫ: — Высшая раса. Живут в двух мирах. Беспрепятственно пересекают Грань между мирами. Намного сильнее вампиров и ликанов. Разделены на династии и ранги. Подчиняются закону Нейтралов. Не пересекают границу с миром Ангелов — Леаминией (земли Рая).

Враждуют с Эльфами и Ангелами. Магические способности (в зависимости от ранга): читать мысли, летать, убивать взглядом, убивать силой мысли, изменять сознание, пытать любое существо энергетической силой, подчинять всех бессмертных и тварей Ада. Содержат рабов. Изменяют облик. Разделены на династии: Правящие демоны (королевская каста), демоны-воины, демоны-собиратели душ, демоны-инквизиторы, хамелеоны. Фертильны со смертными и своей расой (от смертных почти не имеют

потомства плод убивает мать и погибает сам).

Правящие демоны: Перемещаются в любом мире, имеют неограниченную власть в Мендемае и в мире смертных. Имеют все способности, перечисленные выше. Управляют всеми династиями. Абсолютные узурпаторы в своем мире.

Демоны-воины: Перемещаются только в Мендемае. Ведут войну с Эльфами. Магические способности: противостоять Эльфам, Ангелам и любой другой нечисти, летать. В мир смертных могут попасть лишь во время Апокалипсиса.

Демоны-инквизиторы: демоны правящей касты. Выносят приговор в Мендемае и в мире смертных. Карают провинившихся бессмертных любой расы, имеют собственную Армию из 13 Палачей. Существуют в любом мире. Наделены властью в мире смертных. Повелевают демонами-собирателями душ.

Демоны-собиратели душ: принимают дань от правителей рас бессмертных, провинившихся отдают в рабство.

Хамелеоны: Демоны-перевертыши. Принимают любой облик. Обладают самой разной магией. Тайные воины Демонов инквизиторов. Существуют в обоих мирах. Бесплодны. Подчиняются только Правящим Демонам и Нейтралам. Создания Черных Чанкров.

Инкубы (мужской) и Суккубы (женский род): — повелители сновидений, соблазняют души смертных и бессмертных во сне. Подчиняются правящим расам. Являются управляющими при Верховных демонах. Рождаются от Демонов любой расы, кроме Высшей. Избираются Чанкром и возводятся в касту Повелителей снов.

ОРКИ: — низшая раса в мире Мендемай (земли Ада). Ведут торговлю живым товаром, питаются мертвыми существами, людьми. Не имеют магических способностей. Фертильны со своей расой. Вымирающий вид.

АНГЕЛЫ: Высшая раса. Живут в обоих мирах, скрывают свою сущность. Ведут вечную борьбу с Демонами, но соблюдают баланс и подчиняются Нейтралам. Не пересекают границу с Мендемаем. Враждуют с Демонами, вампирами, ликанами и прочей нечистью. Вмешиваются в ход событий в мире смертных, если нарушен баланс и Тьма выходит из-под контроля.

Магические способности (в зависимости от касты): летать, излечить любое существо, убить силой мысли и взглядом, подчинить гипнозом, увидеть будущее, дать выбор между мирами Падшим. Разделены на касты: Ангелы-правители, ангелы-воины, ангелы-проводники, ангелы-хранители, ангелы-судьи, Падшие.

Фертильны как со смертными, так и бессмертными. Не имеют права вступать в отношения с Темными бессмертными, теряют

частично сущность и права, попадают в полное распоряжение правящих Демонов.

Ангелы-проводники: Существуют в мире бессмертных. Не знают о своей сущности до достижения совершеннолетия по законам смертных. Проявляют свои способности лишь при необходимости. Посланы в мир смертных при угрозе Апокалипсиса. Чаще всего рождены в семьях смертных и избраны Нейтралами. Реже рождаются от союза Падшего и Высшего бессмертного на территории мира смертных (нейтральны до совершеннолетия или падения). Цель — открыть врата иного мира для Ангелов-воинов при угрозе Апокаплисиса. Подчиняются Ангелам-правителям и Нейтралам. Магические способности (скрыты до совершеннолетия): способность к излечению, перемещение силой мысли, способность противостоять бессмертным и Чанкрам.

Разум и предназначение Ангелов-проводников скрыто от возможности вторжения. Их прошлое и будущее не видны для Верховных Магов.

Ангелы-воины: существуют в своем мире, в мир смертных попадают при Апокалипсисе. Магические способности: перемещение в мирах, противостояние любым силам Тьмы, излечение.

Ангелы-правители: существуют только в своем мире. Королевская каста.

Магические способности перечислены выше.

Ангелы-Судьи: существуют лишь в своем мире. Решают куда попадет смертный и бессмертный после смерти. Магические способности перечислены выше.

Ангелы- хранители охраняют границы Леаминии. Магические способности перечислены выше. Существуют только в своем мире.

ПАДШИЕ — Особая раса (относится к Ангелам), теряют все способности Ангела после того как лишаются крыльев. Становятся рабами Демонов-инквизиторов. Могут быть взяты в рабство любой расой Тьмы. После обращения частично имеют способности создателя. Могут принять любую сторону как Света так и Тьмы. Право выбора имеют лишь единственный раз. Падшие редкое явление среди иного мира. Чаще всего ими становятся Ангелы-проводники, существующие только в мире смертных, отдав душу Темному добровольно.

ЭЛЬФЫ: Высшая раса. Живут как в Мендемае так и в Леаминии. Разделены на Светлых и Темных Эльфов. Имеют в Мендемае собственное княжество. Ведут борьбу за земли и власть с Демонами. Сохраняют нейтралитет по отношению к Ангелам. Не вмешиваются в мир смертных. Цель — захват власти в

Мендемае. Фертильны только с себе подобными.

ЧАНКРЫ: Верховные Маги, существуют в обоих мирах. Особая раса. Может служить как Тьме так и Свету. Подчиняется высшим расам и Нейтралам.

Бесплодны. Бессмертны лишь частично (если питаются кровью бессмертных)

Магические способности их стихия: Колдовство, возможность видеть прошлое и будущее (всех кроме Демонов, ангелов и Нейтралов), излечение.

СМЕРТНЫЕ: Люди. Существуют в обоих мирах.

В Мендемае низшая каста рабов. Не имеют никаких прав.

МИРЫ:

МИР СМЕРТНЫХ: Наш мир. Самый обычный.

ГРАНИЦА: Нейтральная территория во всем копирующая мир смертных (неподвластна течению времени). Пересекать границу могут лишь высшие расы или бессмертные и смертные с проводниками, принадлежащими Высшей расе Демонов.

АРКАЗАР: Город — рынок в Мендемае. Торговля живым товаром, аукционы, пиршества, вакханалии, притоны. Город вечного греха.

МЕНДЕМАЙ (Территория Ада): выжженые земли принадлежат расе правящих демонов. Границы бесконечны. Природа — мертвая. Вечный Сумрак.

МЕРТВОЕ ОЗЕРО: Ядовитая вода, рыбы-людоеды, вертиго.

ТАРТОС — скала с золотыми рудниками, раньше принадлежала Руаху Эшу — Верховному демону Высшего Ранга, правителю Мендемая. Захвачена Темными Эльфами

ЭРГОС — княжество Темных Эльфов. Граничит с Леаминией.

МЕНДЕМАЙ ПОДЕЛЕН НА КНЯЖЕСТВА:

ТЕНЕМАЙ — принадлежит Бериту, единокровному старшему сыну Руаха Эша

СЕНДЕМАЙ — Принадлежит Асмодею второму единокровному сыну Руаха Эша. Демону-инквизитору.

НИЖЕМАЙ — Принадлежит Лючиану третьему сыну Руаха Эша.

АНГОМАЙ — Принадлежит Аонесу четвертому сыну Руаха Эша.

ОГНЕМАЙ — принадлежит Ашу, внебрачному младшему сыну Руаха Эша, рожденному от смертной рабыни.

АРГОН — Скалы на границе с миром смертных. Асфентусом.

ЛЕАМИНИЯ (территория Рая) — Рай одним словом □

ПРОЛОГ

— Отправь его на войну, мой Повелитель. Среди крови и смерти нет места таким ненужным чувствам, как любовь. Демоны-воины не знают ее, как любое существо не испытавшее ласки и нежности матери.

Чанкр склонился в низком поклоне и прильнул губами к тонким пальцам Повелителя. Глаза Хозяина сверкнули огненным сполохом, оранжевые языки пламени колыхались и плясали танец ярости, густые черные брови сошлись на переносице, и бледная рука с длинными ногтями сомкнулась на горле Чанкра.

— Он еще не вырос для войны.

Голос Повелителя казался глухим и вязким, он разносился эхом под сводами замка, отталкиваясь от алебастровых стен и устремляясь к фрескам на резном потолке.

Чанкр не смотрел на Повелителя он опустил сверкающие глаза в мозаичный пол, где блики красного солнца сплели невероятный узор радуги, как капли человеческой крови.

— Да, Аш мал…ему исполнилось всего две зимы от роду. Поэтому он ее не запомнит. Прикажи убить смертную и отправить ребенка к Лютеру. Там ваш внебрачный сын вырастет настоящим Темным принцем. Война и смерть лишат его способности к эмоциям, а мои заклятия иссушат и умертвят его сердце и душу, породив зверя, и тогда древнее пророчество не сбудется. Мы вершим наши судьбы, вопреки оракулам. Захватите все земли Мендемая, огненное море и скалу Тантос, станьте полноправным Господином Иного Мира с помощью вашего сына.

Огненный взгляд погас и глаза Повелителя Тьмы стали темно фиолетовыми. Он разжал пальцы и отвернулся.

— Авия…, — имя прошелестело между тонкими губами и замерло, завибрировало в воздухе, так и не прозвучав.

— Сын важнее смертной шлюхи, — тихо заметил Чанкр и в тот же миг отлетел к стене, скорчился от боли, поджав ноги к животу и зажмурился, тихо постанывая. Но он не боялся. Маг знал какое решение примет Повелитель.

Тени мелькнули, проползли по стенам, и темная фигура демона исчезла, только голос донесся издалека:

— Убей ее. Ребенка, на рассвете отвезешь, к Лютеру и лично будешь за ним присматривать. Убирайся.

Чанкр попятился к широким железным дверям, на четвереньках, как паук, злорадный блеск промелькнул в его белесых глазах, ухмылка спряталась в белой бороде, достающей магу до самого пояса. Тщеславие — порок не только жалких

смертных, но и таких великих князей, как демон Руаха Эш. Один их самых могущественных древних демонов, которому подчиняются стихии огня и ветра.

Его младший внебрачный сын Аш, байстрюк, на которого возлагал самые большие надежды Чанкр первого ранга — Сеасмил. Маленького ублюдка нужно отдалить от отца и использовать в своих целях, а для этого Маг готов рискнуть головой… пророчество не должно исполниться. Мендемай и мир смертных должны слиться. Пусть исчезнут все границы и тогда, во время вселенского Апокалипсиса, Чанкры снова возродятся, используя силу бессмертных и их драгоценную кровь…которой так мало…ничтожно мало, даже в Мендемае и Арказаре, даже в Аду.

Ребенок не плакал. Он смотрел немигающим взглядом на мертвую мать, которая прижимала его к груди всего лишь несколько минут назад, умоляя Сеасмила пощадить ее, дать еще несколько секунд, поцеловать свое дитя.

А сейчас она, окровавленная, с торчащей из груди серебряной рукояткой кинжала, лежала на атласных простынях и смотрела широко распахнутыми глазами в вечность. Бессмысленная жизнь рабыни окончена так же бессмысленно по прихоти Хозяина. Ее тело в белых шелковых одеяниях, отражалась в расширенных зрачках мальчика, как в зеркале. Костлявые руки Чанкра прикасались к голове ребенка, перебирая черные густые волосы малыша. Яркий неоновый свет мерцал под ладонями мага, отбрасывая блики. На смуглых щеках маленького Аша проступила сетка вен, они то исчезали, то появлялись под золотистой кожей, как тоненькие змеи. Чанкр не произнес ни звука…он говорил с мальчиком мысленно:

«Нет боли и сожаления…нет любви и нежности. Это низшие эмоции недостойные демона. Смертная рабыня ушла к своему Богу. Ты забудешь ее, как только выйдешь из этой комнаты. У тебя великое предназначение, Аш… Воину не нужна жалость, у тебя ее не останется и для себя самого. Ты заставишь содрогнуться от ужаса даже Ад, ты поставишь всех на колени… Ты…Ты, Аш…».

Постепенно свет в глазах мальчика мерк, становился пустым, он посмотрел на Чанкра и тот вздрогнул. Мертвый взгляд — словно на мир взирала сама смерть глазами двухлетнего ребенка, порождая вселенский ужас даже у того, кто только что сам породил чудовище. Сеасмил взял мальчика за руку и Аш послушно пошел за магом. Чанкр не заметил в кулаке ребенка тонкую платиновую цепочку с прозрачным камнем, вместо кулона, так похожим на слезу. По мере того как маленькие

пальчики все сильнее стискивали камень, тот краснел, теперь уже напоминая застывшую каплю человеческой крови.

Жестокость порождает жестокость… Чанкр был прав — Аш стал одним из самых страшных полководцев Армии Апокалипсиса, самым безжалостным и бесчувственным зверем за всю историю существования династии правящих демонов.

Глава 1

Я раньше никогда не понимала, как в наше время человек может пропасть без вести. Не война все-таки, и настолько развиты технологии. Неужели при всех наших возможностях, мы не в силах отыскать пропавших людей? Был человек и нет человека. Даже тела нет. Это жутко. Самое страшное — неизвестность. Меня она пугала всегда.

И сейчас, наверное, я одна из тех, кто в скором времени будет числиться именно пропавшей без вести. Меня никто и никогда не найдет. Потому что мои похитители не люди. Нет, я не сошла с ума, хоть и думала так, когда поняла, что медленно погружаюсь в кошмар наяву.

Охрипнув от крика, ослабев от яростного сопротивления и дикого ужаса я просто лежала с широко раскрытыми глазами в кузове фургона и почти не дышала, глядя в кромешную тьму. Веревки больно растирали кожу на запястьях и лодыжках. Но я больше не дергалась, зная, что я здесь совсем не одна. Рядом со мной такие же жертвы, связанные по рукам и ногам и все смотрят в темноту, молчат, потому что ОНИ среди нас. Нам страшно и этот животный ужас впитался в воздух и растворился в нашем дыхании. Запах страха. Чтобы окончательно не сойти с ума я вспоминала, что еще сегодня утром поцеловала маму, взъерошила волосы старшего брата и вышла из дома при полном параде — устраиваться на работу продавщицей в цветочный магазин. Надела нарядное платье, которое мы купили с мамой накануне, простенькое, но очень симпатичное, туфли-лодочки и прихватила новую сумочку. Мне ужасно не хотелось так наряжаться, я бы предпочла любимые джинсы, футболку и кроссовки, но мама настояла, а у меня не было настроения спорить, тем более хозяйка магазина мамина бывшая преподавательница. Я даже помнила, как ехала в маршрутке, засунув наушники в уши и слушая плеер с любимой музыкой. Моросил теплый весенний дождь, пахло молодой травой и листвой. На остановке никого не оказалось. Хотя, кто станет бояться утром? Почему-то считается, что все самое страшное происходит ночью, в темноте. Но это заблуждение — Тьма, она всегда рядом, она дышит вам затылок, просто вы о ней не знаете.

Последнее, что я увидела — это медленно опускающееся стекло, на затормозившем возле меня черном джипе, и глаза того, кто лишил меня возможности даже закричать. Нет, меня схватили не сразу, а точнее я совсем не уверенна, что меня вообще кто-то хватал. На меня просто посмотрели, и я почувствовала, как

шевелятся волосы на затылке от дикого ужаса. В этом мертвом взгляде я увидела пустоту, вселенскую тьму и засасывающую бездну. Страшные глаза без зрачков, словно подернутые пленкой, как у слепых. Меня, словно, парализовало и дальше я уже ничего не помнила. А пришла в себя уже в фургоне, связанная, с заклеенным скотчем ртом.

Наверное, я жертва маньяка, или меня вскроют как на скотобойне, а органы пойдут на трансплантацию. Я не хотела умирать. Боже, мне всего лишь восемнадцать, я хочу жить, у меня все впереди, я даже не занималась сексом, у меня нет парня и я влюблена в своего бывшего одноклассника Димку…Черт раздери этих ублюдков. Я не хочу умирать. Меня дома ждет мама и брат. Пусть меня отпустят…пусть отпустят немедленно. Паника лишила возможности мыслить трезво.

Вот тогда я начала брыкаться, выть, стонать, зашлась в истерике, чувствуя, как задыхаюсь. Меня окружала темнота, но я знала, что я не одна и слышала мычание нескольких женщин. Они тоже стонали и всхлипывали. Я хотела выдернуть руки из веревки, мечтала дотянуться до скотча на губах, я билась, пожалуй, громче всех. Вдруг в темноте зажглись несколько пар глаз. Оранжевые огоньки смотрели прямо в душу и обещали мучительную смерть.

Внезапно меня выгнуло дугой от дикой боли. Казалось кто-то обжег все внутренности раскаленным железом, болели даже кончики волос и ногти. Меня скручивало и подбрасывало, как в приступе эпилепсии. Хватит…я все поняла. Я успокоюсь, только не нужно больше меня мучить, терпеть не могу физические страдания. Боль стихла, но все конечности свело судорогой и покалывало как после онемения. Оранжевые огоньки нечеловеческих глаз погасли. Только что меня заставили замолчать и показали, что будет если я не успокоюсь. Вот тогда мне открылась истина — ОНИ не люди. ОНИ нечто другое и мне стало не просто страшно, меня парализовало от ужаса.

Мы ехали слишком долго или так казалось, потому что каждая минута превратилась в пытку ожидания чего-то страшного, непостижимого. Нас не кормили и не выпускали облегчиться несколько часов. Когда фургон наконец-то остановился все затаили дыхание. Включился тусклый свет, а меня ослепило, после долгого пребывания во мраке, я зажмурилась и не решилась открыть глаза даже тогда, когда меня вытащили на улицу. Но почувствовав запах пищи я разлепила веки и стала озираться вокруг, голодные спазмы кололи желудок. По — видимому желание жить не позволяло мне сломаться и сдаться, хоть я и понимала — самое страшное еще впереди. Нас

выстроили в шеренгу — десять женщин испуганных, дрожащих в перепачканной одежде. Мы озирались по сторонам, смотрели друг на друга, затем на своих тюремщиков, которые в сумраке ничем не отличались от людей. Они говорили на странном непонятном мне языке. Я не могла определить на каком именно. Нам развязали руки и подтолкнули к земляной насыпи на обочине дороги. Я отодрала скотч со рта и вздохнула полной грудью, совершенно не представляя где мы и сколько времени ехали. Местность была не знакома, но я лихорадочно всматривалась вдаль, пытаясь отыскать указатели. Ничего. Словно мы оказались вне времени и пространства. Дул ледяной ветер и деревья гнулись к земле, теряя последние листья, багряный ковер застилал мерзлую землю. Каркали вороны, кружа над дорогой. Мне стало холодно, зуб на зуб не попадал. Когда я выходила из дома последний раз была поздняя весна…сейчас, судя по всему, конец октября или начало ноября. Этого просто не могло быть на самом деле или я уже сошла с ума.

Тюремщики раздавали похлебку в пластмассовых мисках и пластиковые стаканы с кипятком. Но не всем. Только троим. Мне и еще двум девушкам. Остальных оттащили в другую сторону. Им тоже развязали руки, но их ноги обвивали тяжелые ржавые цепи, сковывая девушек вместе друг с другом. Я сжала дрожащими руками горячую миску и стакан. Один из похитителей ткнул пальцем на меня и показал характерным движением чтобы я ела. Мог и не показывать, я слишком проголодалась, а от жажды драло горло. Я быстро поглощала суп, и запивала сладким чаем. Еда немного успокоила нервы. Точнее тепло, которое разливалось по телу.

Тем, другим пленницам, еще ничего не принесли, но…спустя несколько минут, я почувствовала, как съеденный мною суп просится наружу.

Одну из девушек, оставшихся рядом со мной схватили и бросили к ним, швырнули, как тряпичную куклу. А дальше началось то, чего не увидишь даже в самых жутких фильмах ужасов. На жертву накинулись. Те, другие пленницы потеряли человеческий облик, они драли несчастную на части, вживую, впивались длинными клыками ей в шею, руки, плечи. От диких криков заложило уши. Я закрыла глаза чтобы не смотреть, как в детстве, когда мне было страшно брат закрывал мне лицо руками и мы боялись вместе.

Меня колотило, как в лихорадке. Наконец-то жертва замолчала и теперь я слышала только чавканье и отвратительный хруст. Я медленно поставила миску с недоеденным супом и стакан на землю, а потом меня стошнило. Я упала на колени и

долго содрогалась от спазм, исторгая все содержимое желудка. Я вдруг поняла зачем нас везут вместе с теми женщинами. Мы — их еда. И не было никакой закономерности в том, что похитили именно меня. На моем месте могла оказаться любая другая. Нас, обычных людей, осталось теперь только двое. Вторая девушка стояла рядом со мной и смотрела на ручейки крови, расползающиеся по земле, а потом она потеряла сознание. Упала, закатив глаза. Я так и стояла на четвереньках, пошатываясь. Немного отдышавшись и стараясь не смотреть на кровь, я вытерла рот тыльной стороной ладони и подползла к девушке. Я легонько била ее по щекам, потом влила ей в рот немного моего чая, она поперхнулась и наконец-то пришла в себя, посмотрела на меня безумным взглядом.

— Они и нас сожрут, — прошептала синими губами.

— Не сожрут, — упрямо ответила я и бросила взгляд на похитителей. Они стояли возле фургона и о чем-то тихо беседовали, иногда поглядывая на кучку окровавленных пленниц, которые теперь сидели у тела мертвой жертвы, не обращая внимание на воронов, уже растаскивающих жуткую добычу на куски.

Внезапно я вздрогнула, еще не осознав, что именно меня так насторожило.

Я слышала отдельные фразы…Они складывались в предложения, выстраивались в диалог. Я резко повернула голову и замерла — это ОНИ говорят. Наши тюремщики. Нет…не на русском языке, все так же на своем, гортанном и странном, но я их понимала. Вначале разобрала несколько слов, а потом их речь стала для меня совершенно доступной. Как будто я выучила их язык за несколько секунд. После всего что произошло у меня на глазах это «чудо» уже не казалось таким неожиданным. Мне еще никогда в жизни не было настолько страшно и дико как в эту минуту, когда я вдруг ясно осознала всю ничтожность себя самой и этой несчастной, чья голова лежала у меня на коленях. Она тихо молилась. А я понимала, что не поможет ни одна молитва. Бог слишком далек от этих адских тварей, к которым мы попали. Нужно рассчитывать только на себя и поэтому я жадно слушала все что говорили ОНИ.

— Мы подъезжаем к границе. Удачная перевозка Кхен, самая удачная за последние десять лет.

— Да, в Арказар обычно прибывает семь из десяти при лучшем раскладе, — они рассмеялись.

— Ну так я прихватил для них «еду». Сразу три порции, — и он расхохотался, а по моему телу пошли мурашки и по спине потекли ручейки ледяного пота. Значит не ошиблась — мы пища,

жалкое звено в цепочке выживания.

— Ты всыпал смертным снотворное?

Я замерла со стаканом в руке, притворяясь, что пью. Но разве это имело значение, когда я проглотила уже больше половины?

— Всыпал. Заснут через полчаса максимум. Мы придерживаемся сроков. Приедем без опозданий. Ленц скотина, начнет торговаться. Я его знаю. Приезжает первым и старается урвать кусок получше да подешевле. Гребаная война. Когда она закончится?

— Никогда, пока существует семейка правящих демонов, они завоёвывают новые территории. Балмест — серьезный противник, он просто так не сдастся. Демоны и Черные эльфы не станут жить в мире. Каждый из них хочет абсолютной власти. Зато у нас все больше заказов. Рабы мрут как мухи.

— Да, но и обесценилось все в три раза. Теперь не качество подавай, а количество. Раньше я за вампиров мог просить по две тысячи дуций. За каждого. А теперь продать бы за полторы хотя бы троих.

Нас опять везли в фургоне связанных с заклеенными ртами, в кромешной темноте. Я почувствовала, как меня клонит в сон. Проклятое снотворное начинает действовать. Я старалась не спать, кусала губы до крови, не закрывала глаза, но все же моментами проваливалась в беспамятство и снова выныривала из него и опять борьба со сном.

Фургон остановился и нас начали выносить на улицу. Я расслабилась притворяясь спящей и прислушиваясь к тому, что ОНИ говорят:

— Троих вампирш возьму я, — услышала низкий голос, похожий на скрип несмазанной двери.

— Тысячу пятьсот дуций золота, Ленц.

— Не дам больше, чем тысяча двести.

— Тысяча пятьсот! Не меньше, — настаивал один из тюремщиков, — мы договаривались.

— Плевать. Они все из низшего клана. Ты привез мне товар второго сорта. За Гиен я не стану платить как за Львов.

— У нас не было таких условий. Значит я подожду других перекупщиков. Сейчас военное время, шлюхи и есть шлюхи и не важно какого клана или стаи. Давай тысячу пятьсот и бери вон ту беловолосую смертную в придачу, — не унимался тюремщик.

Я напряглась. Это он кого имеет ввиду? Вторая девушка-человек черноволосая. Блондинка только я, и то — была, я перекрасила волосы пару месяцев назад и сейчас они у меня огненно-рыжие.

— Не дури. Она не стоит и десяти дуций. Смертные долго не

живут в военное время. Ее трахнет всего-то пару солдат, она истечет кровью и сдохнет. Да и кто позарится на нее? Кожа да кости, бледная, облезлая. Нахрен мне такая?

— Есть любители. Сам Руаха Эш, наш Великий Повелитель, имел смертную рабыню много лет, и ты прекрасно об этом знаешь. Она особенная. Посмотри какая белая у нее кожа и сверкающие косы. Если хорошенько отмыть с нее грязь и копоть — бриллиант померкнет перед блеском ее волос, а кожа заблагоухает, не то что у бессмертных. Красавица. Ты посмотри на тело, Ленц. Немного подкормить и слюни потекут у тебя самого. К тому же девственница.

— Сукин ты сын, жадная продажная скотина, — загромыхал тот, кого назвали Ленцем, — хорошо, тысяча четыреста дуций, и я беру смертную в придачу.

— Тысяча четыреста пятьдесят, — сказал тюремщик.

— Договорились. Переносите их в нашу повозку.

— Идите пустынными землями, мимо мертвого озера, Ленц. Армия Аша совсем рядом, охраняет границы. У тебя могут быть неприятности после того как ты нарушил закон и продавал рабов Балместу.

— Аш занят войной. Какое ему дело до торгаша живым товаром?

— Ты продал Балместу воинов-вампиров.

— Меньше болтай, Кхен. Я продаю только шлюх мужского и женского пола. Я не торгую бойцами.

— Тебе виднее, Ленц. Мое дело предупредить.

Когда меня схватили холодные руки, я зажмурилась, стараясь не дышать. Все-таки белобрысой оказалась я. Только что меня продали. Кому-то по имени Ленц, и я не хотела знать кто это такой. За нас рассчитались золотом. Кто в наше время рассчитывается золотом, а не евро или долларами? Или я не в нашем времени? Господи, где я? Пусть этот кошмар закончится.

Кроме того, я поняла, что никакой ценности не представляю. Совершенно. Иду в довесок и скоро сдохну, как сказал этот Ленц. Особенно если меня…О Боже… Впору тронуться умом, но я старалась изо всех сил не думать об этом. Просто выжить. Сейчас это самое главное. Выжить и сбежать.

Нас везли в повозке, самой настоящей деревянной телеге, застеленной сеном и запряженной парой старых клячей. Я видела их облезлые хвосты и плешивые крупы. Возница изредка взмахивал хлыстом и лошади прибавляли ход. Нас сопровождали два всадника. Один ехал спереди, а другой сзади. Оба одеты в коричневые плащи с капюшонами. Я видела лишь того, что ехал впереди. Невысокий, но очень коренастый и широкоплечий. Я

почему-то была уверенна, что это и есть Ленц. Его меч то и дело бился о луку седла стальной рукояткой, высокие кожаные сапоги в стременах, заляпанные грязью, напоминали охотничьи, а штаны из выдубленной кожи местами потерлись и обветшали. Не такой уж богатей этот Ленц, а возможно, его внешний вид не имел никакого значения в этом мире. Торговец сжимал коленями круп коня, иногда натягивал поводья мощными руками в толстых перчатках, осаждая своего скакуна, чтобы не опережать телегу.

Я полностью пришла в себя и теперь, чуть приоткрыв глаза, украдкой осматривалась. Нам развязали руки, я обнаружила это когда инстинктивно обхватила плечи, чтобы хоть немного согреться. Как же холодно, словно в кожу впились тысяча иголок. Изо рта шел пар. Я видела небо…темно серое, без облаков, ни намека на солнечные лучи, непроглядное, как и мое будущее. Есть ли оно у меня теперь? Кто я и где я? И на эти самые простые вопросы не было ответов. Я боялась приподняться, боялась показать, что не сплю, так как три вампирши, как назвал их Ленц, сидели совсем рядом. Они не спали и им не было холодно, по крайней мере они не тряслись и не стучали зубами, как я. Просто молча смотрели друг на друга. В отличии от меня, наверняка прекрасно знали куда нас везут и зачем. Я дрожала настолько явно, что одна из пленниц крикнула:

— Ленц, смертная продрогла, она заболеет и помрет раньше времени, ты хоть накидку ей дай или одеяло.

Всадник, который ехал впереди обернулся и меня затошнило, лучше бы он не оборачивался. Я никогда не видела более отталкивающей внешности. Он напоминал человека больного проказой или сгнившего заживо. Серая кожа покрыта наростами и шрамами, взгляд маленьких глаз, из-под косматых бровей, царапнул мое лицо. Я успела рассмотреть засаленные клочки волос, торчащие из-под капюшона. Его тонкие губы растянулись в усмешке, открывая ряд гнилых желтых зубов.

— Плевать. Пусть дохнет. Брошу ее вертиго на мертвом озере. Все же больше пользы чем теперь.

И отвернулся, моя участь его явно не волновала. Вампирша посмотрела на меня, и я инстинктивно вжалась в борт телеги. Девушка сняла свитер и протянула мне, сама она осталась в тонкой футболке и ей, явно, не было холодно.

— Надень, не то простудишься, и он тебя заколет как больное животное, проклятый орк или выбросит в мертвое озеро на съедение тварям.

Я несмело взяла свитер и с трудом натянула через голову, стало немного теплее. Тварям…есть еще более страшные чем сам Ленц? Что-то подсказывало мне, что есть. Особенно загнанный

взгляд вампирши.

— Спасибо, — собственный голос звучал как чужой, едва слышно.

— Не бойся нас. Мы не бросаемся на людей. Просто мы были смертельно голодны. Нас продержали около суток под замком, прежде чем Кхен вывез нас к границе. Никто тебя не тронет.

Она не добавила слово «пока», но я и так прекрасно это поняла, несмело осмотрелась по сторонам. Мы ехали по пустынной местности. Ни одного дерева или былинки, земля красная и потрескавшаяся, словно не видела дождей несколько лет, покрыта коркой льда. Но если есть лед, то была и вода? Впрочем, вряд ли в этих проклятых местах хоть что-то подчинялось законам природы как в моем мире.

— Где мы? — хрипло спросила я.

— В Мендемае, Сумеречные земли, едем в Арказар на торги.

Мне это ни о чем не говорило, я лишь сильнее стиснула плечи, стараясь не дрожать.

— Думаешь о том почему ты? И как сюда попала? Мечтаешь проснуться от кошмара? Со смертными все до банального просто, тебя поймали, как дичь, не выслеживая и не присматриваясь. Просто им нужна была еда для нас. Ты не представляешь никакой ценности в этом мире, как китайская игрушка — красивая, дешевая и сломаешься так же быстро.

Это я и без нее поняла, могла не напоминать. Китайская игрушка…сразу вспомнились ряды торговых лотков у нас в городе, на базаре. Куклы, похожие на Барби, подделка, суррогат. Мне подарили такую…у нее отломалась нога в первый же день, а потом с ее лица слезла краска и я нарисовала ей другое лицо фломастерами, тоже китайскими, а брат починил ей ногу. Если я сломаюсь в этом жутком месте кто починит меня? «Никто», — прошептал внутренний голос.

— Значит, я скоро умру? — мною овладело отчаяние и тоска.

— Скорей всего да, — «успокоила» вампирша и с грустью посмотрела на меня.

— А ты?

— Я тоже умру, но не так скоро, как ты, но это если повезет и попаду к одному из царствующих демонов, стану наложницей. А не повезет и попаду в бордель, то там долго не продержусь. Будь я из королевской семьи, то и отношение было бы другое. Но Кхен больше не связывается с Черными Львами, ведь в Мендемае идет война. Это жестокий мир, в нем выживает сильнейший, а мы таковыми здесь не являемся. Здесь царит патриархат, абсолютная мужская власть. Женщины пригодны лишь для одного — удовлетворять похотливые желания Господ. Особенно мы,

вампиры, так как женщины наша раса бесплодна и ломаемся мы так же, как и люди, точнее нас ломают Хозяева, а потом выбрасывают за ненадобностью. Зачем я тебе это рассказываю, будто ты понимаешь, о чем я?

— Тебя похитили?

— Нет, меня отдали за долги. Мой брат, подсел на красный порошок, который поставляет Кхен и не смог расплатится. Точнее, он расплатился мною.

Она отвернулась и тяжело вздохнула. Ветер трепал ее густые каштановые кудри. Я почему-то подумала, что такая красавица не должна пропасть или погибнуть.

— Что за красный порошок? — тихо спросила и бросила взгляд на ее соплеменниц. Они словно отключились. Наверное, впали в подобие сна, транса или на что там способны вампиры? Хотя, какая мне разница? Я знаю, что для меня они опасны и если проголодаются я проживу ровно несколько секунд, как та несчастная, которую они растерзали у меня на глазах. По телу прошла дрожь страха и отвращения.

— Наркотик для бессмертных, ядовитая пыль вызывающая зависимость. Я могла пойти к королю братства и искать защиты, но тогда…тогда бы Яна судили и приговорили. Порошок вне закона. А так мы оба живы.

— Тебя как зовут? Меня …, - она резко обернулась ко мне и оборвала на полуслове.

— Это не важно. У нас больше нет имени. Смирись с этим и забудь о прошлом. Мы — рабыни. Наши хозяева сами дадут нам прозвища, и мы будем на них отзываться, если не будем, нас просто убьют или изнасилуют, а потом разрубят на части и отдадут церберам на съедение.

Я больше ничего не спрашивала, меня опять обуял первобытный ужас перед неизвестностью. Кто такие церберы я знала, только почему-то мне не казалось, что это метафора. Здесь все адские твари — настоящие.

Повозка выехала к берегу озера.

— Привал. Разведем костер и переночуем здесь, нам еще до Арказара двенадцать часов пути, а Пустынными землями лучше идти днем.

Ленц повернулся к нам:

— Эй, шлюхи, будете себя хорошо вести — с вас снимут ошейники, побегаете, разомнете кости.

Он громко заржал и спешился, кивнул своему напарнику.

— Дин, разводи костер и тащи жратву. Сучкам налей чентьема*1, полные бокалы. Пусть расслабятся. Смертной дай воды и одеяло. Синяя вся. Глядишь и правда сдохнет.

Он остановился напротив меня, и я затаила дыхание. Какой же зловонный тип. Несет падалью и потом. Меня снова затошнило.

— А что…Кхен не так уж и преувеличил, — тронул толстыми пальцами мои волосы, и я судорожно глотнула воздух, стараясь задержать дыхание, — красивая, живая. Жаль, что смертная. Продать бы тебя, так не купит никто… Оставлю себе. Может продержишься пару недель под орком. Тебя трахали орки, смертная? Я буду очень нежным…постараюсь не кусать твое тело и сохранить тебя подольше…ух, как сладко пахнешь, человеченкой. Давно не лакомился.

Меня все еще тошнило от смрада, к нему не привыкнуть, а от его слов и похотливого взгляда едва не сработал рвотный рефлекс. Он вдруг нахмурился, косматые брови сошлись на переносице и зрачки блеснули недобрым огнем.

— Кривишься? Поняла, что я хочу с тобой делать? Да, сожрать после того как станешь непотребной. Противно ей… ничего скоро на коленях будешь передо мной ползать, как на Бога смотреть. Давай, пошла отсюда, дрова собирай.

Он толкнул меня в плечо, ткнул мне в руки сухую ветку и отвернулся. Что-то внутри меня подсказывало — я не должна подавать вид, что понимаю их язык. Я принялась подбирать хворост прямо у берега.

Мне ужасно хотелось измазаться грязью, чтобы этот урод больше не рассматривал меня страшными маленькими глазками, не сверлил во мне дыру.

Почему мертвое озеро? Я так и не поняла. Обычная вода, пахнет тиной. Я наклонилась чуть ниже и увидела свое отражение. С трудом удержалась чтобы не закричать. Мои волосы…они были серебристого цвета, очень белые, сияющие и похожие на лунный свет. Да, я была натуральной блондинкой когда-то, но… волосы не были столь яркими. Или в этом проклятом месте внешность меняется? Я еще несколько секунд рассматривала себя и вдруг поскользнулась, и упала в воду. Окунулась с головой и от дикого ужаса у меня внутри все похолодело. Все дно было усеяно костями…человеческими. В тот же миг чья-то рука выдернула меня наверх. Я задыхалась и всхлипывала.

— Смертная, ты идиотка?! — глаза той самой вампирши, которая отдала мне свитер блестели в темноте зелеными огнями, — Это мертвое озеро. Вода ядовитая, рыбы-людоеды. Тебе жить надоело? Хлебнула?

Я отрицательно качнула головой, меня пробирало до костей в промокшем платье. Она все еще держала меня за шиворот.

— Там костер разожгли, иди прогрейся и высуши одежду, не то утром превратишься в кусок льда.

Вдруг вампирша резко обернулась, и ее рука инстинктивно сжала воротник моего свитера сильнее. Я увидела, как затрепетали ее ноздри и расширились зрачки. Я ничего не слышала, только завывание ветра в сухих ветках деревьев и шум воды, потрескивание костра.

— К нам идут, — прошептала вампирша и разжала пальцы, — их очень много. Они окружают нас со всех сторон. Это демоны… войско демонов-воинов. Похоже у Ленца неприятности и у нас вместе с ним.

Ее грудь бурно вздымалась и опускалась, зрачки полностью перекрыли радужку. Она оскалилась и теперь резко крутанула головой в другую сторону. Я ничего не понимала, мне все еще мерещились кости и черепа под водой.

Ленц и его два товарища заметались по берегу, они беспомощно озирались по сторонам, хватаясь за мечи.

— Ко мне, рабыни. Сюда, я сказал! — зашипел он и мы бросились к нему, ощущая панику каждой клеточкой тела. Мы сбились у костра и не я заметила, как сильно сжимаю руку вампирши. В этот момент мы перестали быть настолько разными, нас объединял общий страх, панический ужас перед неизвестностью. Точнее она боялась того, что знала, а я…мне оставалось доверять ее инстинктам, развитым гораздо лучше, чем у меня.

— Это Аш, — прошептал приятель Ленца и его серое лицо приобрело синеватый оттенок, губы дрогнули.

— Знаю, мать твою. Как он вышел на след? Мы обошли его десятой дорогой. Дьявол…у него нюх как у адского цербера.

Ленц повернулся к нам.

— Молчать. Просто заткнуться и не произносить ни слова. Смертной так и скажи. Откроет пасть, вырву язык и поджарю.

Теперь уже я слышала хруст веток и топот копыт. Одновременно с нескольких сторон показались всадники, с мечами наголо. Их было много, очень много. Они молчали, но от одного их вида пробирала дрожь ужаса. У всех на лицах маски, полуобнажённые тела отливали бронзой и бугрились мышцами, грудь пересекали кожаные перевязи с металлическими кольцами, сквозь которые были продеты шнурки от широких плащей, развевающихся длинными черными шлейфами за их спинами. От них веяло мощью и звериной одержимостью, жаждой крови. Я видела, как сверкают под прорезями железных масок их безжалостные, горящие адским огнем, глаза. Внезапно ни расступились и на берегу озера показался еще один всадник на

огромном вороном жеребце. Таком же дьявольском, как и его хозяин. Глаза коня сверкали адским пламенем, а из пасти валил пар, он нетерпеливо перебирал копытами, высекая искры. Всадник казался выше и крупнее остальных воинов, если такое вообще возможно. Его иссиня-черные волосы развевались змеями на ветру. На нем не было маски, и он смотрел прямо на нас. От одного вида его жутких оранжевых глаз, с пляшущими в них огненными бликами, мне стало нечем дышать. Это был Зверь в человеческом обличии, он казался воплощением самой Смерти.

Демон обвел нас тяжелым взглядом и непреодолимое желание пасть ниц, заставило меня стиснуть челюсти до боли, ноги сами подгибались. Все остальные уже медленно опустились на землю, и я последовала их примеру. Они склонили головы, а я, содрогаясь от холода и страха, смотрела, как медленно приближается черный скакун вместе со своим страшным всадником, который одним взглядом поставил нас на колени, включая самого Ленца. Кто он? Дьявол? Я готова была в это поверить.

Глава 2

Не знаю, чего я ждала. Наверное, боя. Или просто бессмысленного убийства. Потому что те, кто появились перед нами явно не собирались просто погреться у костра Ленца. Точнее, им вообще не нужно греться, они сами излучали огонь. Их тела, глаза, аура, которую чувствовала и я — человек. Особенно их главный, тот, кого Ленц назвал Ашем. Его боялись даже молчаливые мрачные воины, стоявшие позади своего Хозяина и Повелителя. Демон обратился к Ленцу и от звука его голоса кровь стыла в жилах, замерзала, превращалась в лед. Очень низкий, вибрирующий гортанный. Он, словно рокот грома, разнесся по пустынному побережью и запутался в макушках огромных тысячелетних елей, заслоняющих раскидистыми лапами темнеющее небо.

— Что везешь, Ленц на это раз?

Орк приподнял голову, и я увидела, как судорожно сжаты его пальцы и посинели тонкие губы.

— Мой Господин, всего лишь шлюх в Арказар. Ничего ценного. Ничего такого, что могло бы заинтересовать моего Повелителя.

— А Балместа?

Я украдкой подняла голову и теперь мне было видно мощные ноги коня Демона, черные кожаные сапоги с железными пряжками и набойками с острыми шипами на носках. Один удар такого сапога раскроит врага на куски.

— Тем более его, Аш. Шлюхи вампирши не волнуют короля эльфов.

— Зато его волнуют воины вампиры, — голос демона стал вкрадчивым и звучал как у зверя успокаивающего жертву урчанием. Конь перебирал копытами, а я уже приподнялась на локти, рассматривая того, кто говорил с Ленцем. Теперь я видела торс мужчины, наполовину скрытый под тяжелым плащом и перевязью, украшенной пиктограммами и многочисленными тонкими кольцами. Его кожа была темной, отливала бронзой и блестела, словно смазанная жиром или какой-то другой дрянью, на животе…нет у этого зверя не живот, это каменный пресс с отчетливо проступающими мышцами, несколько шрамов уродовали гладкую кожу, следы, словно от когтей чудовищного монстра. Торс очень мощный и широкий, за ним могли бы спрятаться три, таких как Ленц. Хоть орк и был довольно крупным и очень коренастым.

— Аш, это сплетни завистников, промыслы конкурентов. Я бы

никогда не посмел пойти против тебя и…

Я приподнялась на локтях, и теперь видела демона полностью. Безрассудное любопытство. Я даже не задумывалась, что оно может стоить мне жизни. Его длинные волосы, закрученные в многочисленные тонкие жгуты, перехваченные металлическими скобами, развевались на ветру. Черты лица, словно высечены из гранита, очень четкие, ровные совершенные. Дикая красота, звериная, первобытная. Она восхищала, завораживала и пугала до окоченения одновременно. Демон вдруг резко повернул голову к нам, я успела заметить оранжевый блеск его страшных глаз и в тот же момент чья-то рука вдавила меня в землю.

— Не смотри на него. Никогда не смотри ему в глаза. Нам не положено.

Вампирша повернулась ко мне бледная и взволнованная. Пожалуй, этого Аша она боялась намного сильнее, чем Ленца и его приятелей.

Раздался вскрик, и я увидела, как в воздухе дергаются ноги торговца. Судя по всему, его приподняли за шиворот, как марионетку.

— Никогда не лги мне, орк, ничтожная падаль. Не смей мне лгать. Ты продал Белместу десять солдат. Десять вампиров. Они могли служить у Асмодея в его армии, но ты предпочел отдать их Эльфу. Почему?

— Он…бо…ль…ше…зап…ла…тил.

— Кто бы сомневался, тварь!

Торговец упал на землю и тихо заскулил, подполз к ногам демона, целуя сапоги и обхватывая их дрожащими руками.

— Пощади, Аш. Я всего лишь торговец. Я продаю и покупаю. Никакой политики.

— Ты продажная тварь, орк.

— Да, Господин. Всего лишь жалкая продажная тварь. Ничтожество недостойное гнева Повелителя. Кто угодно, но не предатель.

Раздался хохот и задрожала земля. Следом за демоном засмеялись и его воины.

— Чем будешь расплачиваться, Ленц?

— У меня нет золота, еду в Арказар продать рабынь. Только живой товар, Аш. Вампиры клана Гиен. Никакой ценности.

— Я голоден. Еда есть? Земли опустошены набегами эльфов.

Я почувствовала, как орк облегченно вздохнул.

— Есть мой повелитель, все есть. Как раз собрались отужинать.

— Так накорми мой отряд, орк и рабыни твои пусть ублажат

моих солдат. Невелика плата за собственную шкуру.

Я бросила взгляд на свою случайную подругу, она закусила губу до крови. Тихо застонал Ленц.

— Твои воины загубят мой товар…после них я не смогу продать рабынь. Разве что за копейки.

— Мне плевать, хоть закопай их живьем или утопи в мертвом озере. Это твоя плата, Ленц за проезд через мои земли. Считай, что уплатил дань и выкупил свою жалкую и непотребную жизнь. Накрывай орк, мы голодны. Развлекай гостей.

Костер пылал высоко, словно задевая косматые лапы елей, освещая берег, бросая блики на деревья и на воду. На вертеле жарили мясо. Мне не хотелось знать какого зверя. Какое это имеет значение? Меня все равно кормить не будут. Но в желудке урчало и запах жаренного дразнил меня, соблазнял. Я была очень голодна. После той жалкой похлебки, которую полностью отторг мой желудок я больше ничего не ела. Воины отрывали от туши куски мяса и жадно вгрызались в него зубами. По их пальцам стекал жир и сукровица. Мясо явно не дожарилось. Ленц разливал в кружки темно фиолетовую жидкость и подавал их демонам. Солдаты развалились прямо на земле, в отличии от их хозяина, которому Ленц заботливо постелил шкуру медведя прямо возле костра и сам прислуживал Ашу.

Я чувствовала страх трех женщин-вампиров, он передавался мне, они стояли спиной к друг другу и чего-то ждали. Бледные с расширенными глазами они смотрели на воинов, как на свою смерть.

— Они напьются, а мы пойдем на закуску, — обреченно сказала одна из вампирш.

— Их тридцать…на каждую по десять, не считая самого Аша. Мы не выдержим и умрем. А если кто попадется ЕМУ самому, то остальным уже ничего не достанется. Никто не залечит наши раны и Ленц бросит нас подыхать прямо здесь, унося ноги подальше от отряда, спасая свою шкуру.

— Не десять. Меньше. С нами смертная. Пусть и ее берут.

— Смертная умрет моментально.

— Зато это даст шанс кому-то из нас.

— Не даст. Только отсрочку, не больше.

— Этого достаточно.

В этот момент появился Ленц и схватил двух девушек за волосы, поволок к костру и швырнул в ноги Ашу.

— Ты первый, мой Господин. Эти две нетронуты, и ты можешь взять их девственность и лишь потом отдать своим воинам, — донесся голос Ленца. Демон скользнул взглядом по дрожащим рабыням и скривился.

— Они мне не нравятся. Эй, Фиен, какая из вампирш тебе по вкусу?

Демон засмеялся и все мое тело покрылось мурашками, когда я увидела, как блеснули его зубы в полумраке. Хищная усмешка, оскал. Я закусила губу когда девушек схватили и потащили вглубь леса. Через несколько секунд раздались крики, страшные, оглушающие. Звуки ударов, рычание и даже треск разрываемой одежды. Я зажала уши и присела на корточки.

— Есть еще одна, мой Повелитель, — глухим голосом сказал Ленц, — может она вам понравится.

В этот момент моя Подруга повернулась ко мне:

— Спрячься. Они даже не заметили тебя. Просто спрячься. Это твой шанс. Когда Ленц будет уходить разъяренный и наложивший в штаны от страха он забудет о тебе. Может ты сможешь сбежать.

Но я даже не успела ответить ей, орк схватил последнюю вампиршу и потащил к Ашу. В низменном желании угодить, подлизаться. Все как у людей, только более жестоко. Словно в этом мире обнажалось все самое худшее, самое подлое и низкое.

— Хороша. Не девственница, но чудо как хороша, — рекламировал свой товар Ленц.

Я затаилась за деревом, окоченев от страха. Все еще слышались стоны двух других девушек, и я даже не хотела думать о том, что с ними делают там, в сумраке этого страшного леса.

Их крики переходили в завывание и хрипы агонии. Меня снова начало тошнить.

Я смотрела как Ленц содрал с моей подруги одежду и толкнул ее к демону. Но тот даже не смотрел на нее.

— Не хочу. Где четвертая?

— Их всего три, мой Повелитель, — ответил орк и склонил голову. Он трясся как в лихорадке, даже кончики его серых, засаленных волос дергались от ужаса.

— Я видел четвертую. Не лги мне, орк.

Вот теперь я покрылась каплями ледяного пота. Не права была моя подруга-вампир. Он все заметил. И меня тоже. Мои волосы…это они предательски сверкали в бликах костра. Такие белые, что их мог увидеть и полуслепой старик.

— Всего трое, Аш. Я клянусь, три рабыни на продажу.

Это случилось мгновенно орк упал на землю и скорчился от боли, а демон склонился над ним. Он смотрел прямо в глаза Ленцу и того выкручивало, я слышала, как хрустят кости орка, как он жалобно скулит и хрипит от дикой боли. На его жутком пепельно-сером лице вздулись все вены.

— Она смертная, Аш…я не думал, что…ты захочешь

смертную.

— Лжешшшшшь, — прошипел демон, — смотри мне в глаза, ты лжешшшььь, падаль.

Орк выгнулся, как тетива лука, словно из него тянуло все жилы. Из посиневшего рта пошла пена вперемешку с зеленой жидкостью. Меня трясло от ужаса, подбрасывало от…да, жалости. Я не выносила боль. Ничью. Ни свою ни чужую. Ленц умирал у меня на глазах, и я физически чувствовала насколько ему больно. Не знаю, зачем я это сделала, но я вышла к костру. Сама.

Демон медленно повернулся ко мне, и я посмотрела ему в лицо, прямо в страшные оранжевые зрачки, пылающие языками пламени. Внутри зародился крик ужаса. Я смотрела в огненную гиену, в самую бездну ада и она выворачивала мне душу наизнанку. Сильная головная боль ослепила вспышкой, занемел затылок, позвоночник свело судорогой, а во рту пересохло, словно меня иссушило изнутри. Я посмела посмотреть ему в глаза. Наверное, я за это умру. Прямо сейчас.

Демон молниеносно поднялся во весь свой исполинский рост, и я словно уменьшилась в размерах, стала маленькой и ничтожной, как пыль. Он возвышался надо мной словно скала. Боковым зрением я заметила, как Ленц перестал дергаться в конвульсиях и пытался встать с земли.

— Ленц не станет лгать Повелителю. Она мне не нужна. Я могу подарить тебе, если хочешь. Убей ее за дерзость сам. Не моя вина, что она посмела на тебя смотреть. Забирай ее. Это мой подарок Повелителю.

Я судорожно глотнула воздух и стиснула до боли пальцы. Аш сделал шаг в мою сторону и я все же зажмурилась. Все. Это конец. Я доигралась. Благими намерениями вымощена дорога в Ад.

— Подарок от самого Ленца…жадного торгаша, который никогда и ничего не отдает даром. Настолько испугался, орк? Или хочешь чего-то взамен?

— Нет, мой Господин. Ничего. Только пощадите.

Мое сердце отсчитывало удар за ударом, кружилась голова и я летела в пропасть.

— Я принимаю твой подарок, орк. Мне чертову тучу лет ничего не дарили, даже мусор. Мелочь, а приятно. Знаешь…я даже пощажу твою оставшуюся в живую рабыню вампиршу. Ты мне угодил, Ленц. И двух других забирай, если они конечно живы после ласк моих одичалых ребят.

Я приоткрыла глаза и с облегчением вздохнула, когда увидела, что демон стоит ко мне спиной. Бросила взгляд на свою подругу, она прикрылась руками и смотрела на языки пламени. Я не осознала до конца, что именно сейчас произошло. Я все еще

прибывала в трансе после его взгляда, который обжег меня изнутри, больно обжег.

Вздрогнула, когда принесли двух окровавленных вампирш, полностью обнаженных, с ободранной кожей над глубокими ранами, следами от когтей и клыков. Я стояла и смотрела на них, чувствуя, как от ужаса и щемящей жалости к несчастным, шевелятся волосы на затылке. Неприкрытая мужская жестокость во всей своей уродливой откровенности. Самое страшное, что мужчины могут сделать с женщиной. Такое не забывается никогда.

Аш повернулся к одному из воинов:

— Фиен, застегни штаны, мы трогаемся в путь. До Огненных земель еще несколько недель пути. Мы возвращаемся домой. Дозор будет нести армия Асмодея. Белмест отступил к Тантасу, он не посмеет напасть пока не пополнит ряды своих полудохлых, трусливых солдат.

Аш вскочил в седло. На секунду я подумала, что он забыл обо мне. Сейчас умчится и растворится во мраке, как ночной кошмар. Но я ошибалась. Демон сгреб меня за шкирку и перекинул поперек своего коня, как вещь. Впрочем, так оно есть, я его подарок. Но скорей всего меня убьют по дороге и выбросят, или я умру от голода и холода. Теперь я — собственность Аша. Возможно, все же было лучше оставаться с орком. Ленц по сравнению с этим жутким Зверем просто плюшевый мишка.

У меня затекло все тело, болел каждый мускул и от холода хотелось выть. Нет это уже не страх, это транс. Я среди жутких тварей, которые на моих глазах растерзали тех, кто был сильнее меня во сто крат. Я лишь былинка или мусор, как выразился демон. Куда и зачем меня везут? Как долго я проживу? Он вообще понимает, что я человек? Что мне нужно есть, пить и что я не могу висеть часами поперек его седла. Или ему наплевать? Скорей всего это так.

Внезапно конь остановился, и я внутренне подобралась, даже пальцы на ногах поджались.

— Остановимся на пару минут.

— Какого дьявола?

Поравнялся с ним воин, которого Аш назвал Фиеном.

— Подарок покормить, а то сдохнет.

Фиен засмеялся.

— Ты это серьезно, брат? Покормить низшую? Нахрена? Я думал ты хочешь ее выкинуть, как раз рядом карьер коршуны поклюют падаль.

— А ты меньше думай, Фиен. Она принадлежит мне. Моя вещь. Я же не думаю о том что у тебя дырка на заднице и твои

штаны похожи на трико? Это твоя вещь, тебе она нравится. Давай прикажи накормить и дай воды. Потом дальше поедем.

Я насторожилась, значит пока что никто меня убивать не собирается. Это радует. Демон спешился и сдернул меня с седла. Мои ноги подкосились, и я кулем свалилась на землю. Онемели ноги и руки не слушались. Демон даже не пошевелился, он уселся на поваленный ствол дерева и смотрел на меня, как я жалко извиваюсь, пытаясь встать. Наконец-то мне удалось, вывалявшись в грязи сесть на колени. Все тело подрагивало от напряжения. Он смотрел на меня, а я уже хорошо помнила, что мне на него смотреть нельзя. Уж точно не в глаза. Вернулся Фиен с куском мяса наколотым на вилку и флягой. Аш отобрал у него еду и протянул мне. Я попятилась назад, не решаясь взять.

— Ещь, не то заставлю. Затолкаю в глотку и вилкой утрамбую.

Я не подавала виду, что понимаю его, но внутри все сжалось. Несколько не сомневалась, что он выполнит угрозу в точности как сказал. Демон швырнул мясо на землю.

— Ешь.

Я протянула руку и подняла мясо. От голода свело скулы и выделилась слюна. Мне уже было наплевать, что оно грязное и какому животному принадлежит. Я жадно вгрызлась в него зубами и откусив кусочек блаженно закрыла глаза.

— Вот так-то лучше. Я приказываю — ты подчиняешься. Все понятно?

Я и бровью не повела. Все понятно, только ты об этом не узнаешь. Он молниеносно оказался возле меня и стиснул мои щеки жестокими пальцами, причиняя боль и скорее не догадываясь об этом. Я зажмурилась, чтобы не посмотреть в его страшные глаза. Но какая-то сила все же заставила меня это сделать. Я содрогнулась, встретив его взгляд. Пустой, совершенно дикий, внутри которого нет ничего кроме обещания мучительной боли, но в тот же момент очень завораживающий, как взгляд змеи.

— Скажи — да, господин, — спокойно приказал демон на моем языке. Я молчала. Признать его господином значило полностью покориться и превратиться в вещь, какой он и так меня считает.

Я выплюнула мясо на землю и отрицательно качнула головой. В этот момент щеку обжег удар, а голова откинулась назад. Но демон не дал упасть, он удерживал меня за плечо. Скорей всего это был легкий шлепок, но с его силой для меня конкретная оплеуха. Кожа тут же зарделась.

— Нет, — упрямо сказала я. Нагло, дерзко. Он захохотал. От

неожиданности я опять зажмурилась.

— Ты не мой господин. Я не из твоего мира и никому не подчиняюсь. Я — человек.

Теперь он смеялся еще громче и его солдаты вместе с ним. Я их забавляла. Конечно. Кто они, а кто я? Внезапно Аш замолчал.

— Люди в нашем мире самые низшие и жалкие существа. Как насекомые. На них наступишь и не заметишь. Я не просто твой Хозяин. Я твой Бог, а ты зверушка. Ты моя вещь. Собственность. Я решаю, когда тебя сломать, выкинуть, раздавить, накормить. Так что, если не хочешь сдохнуть, просто подчиняйся.

Воины молчали, а я вдруг поняла, что они удивлены. Чему именно? Я не знала. Демон поднял с земли мясо и снова швырнул мне.

— Ешь.

Я упрямо сжала губы. Его глаза сменили цвет, почернели. По смуглой щеке проползли сетки тоненьких вен темно бордового цвета и мне опять стало страшно, до боли в груди. Он усмехнулся уголком рта.

— В следующий раз тебя покормят через сутки.

Я молчала, но к мясу так и не прикоснулась.

Уже через несколько минут я снова болталась поперек его седла, чувствуя, что теряю сознание от голода и усталости. Пусть меня выбросят. Я не хочу никому принадлежать. Особенному этому зверю. Зачем я ему? Или забавная смертная игрушка скрасит дорогу домой? Жуткий монстр, отвратительный и ужасный. Теперь я понимала почему его так боятся. Он циничное чудовище и редкая сволочь. Все еще болела скула после его удара. Наверняка там ужасный синяк. Я с диким ужасом подумала, что будет если он ударит по-настоящему. Наверное, мои кости переломаются их вывернет наружу, словно меня переехал семитрейлер.

Я, то теряла сознание погружаясь в вязкое полусонное состояние, то снова выныривала из беспамятства и слышала их голоса. Я уже не чувствовала своего тела, оно закоченело. Будет очень забавно если «зверушка», как он меня назвал, помрет по дороге от холода. Но в этот момент меня приподняли и усадили в седло, на плечи набросили плащ. Горячий, обжигающий. Я инстинктивно закуталась в него и с губ сорвался стон облегчения. Тело покалывало и приятно пощипывало в тех местах где от холода свело мышцы.

Мы приехали куда-то. Я это поняла потому что конь остановился.

— Разбивай шатры. Заночуем здесь. Скоро начнется буря. Фиен, разожги костры и выстави охрану.

Чентьем остался? Или все вылакали, черти?

— Остался, Аш. Целая тирта чентьема, хватит на два полка солдат.

Я слышала их голоса сквозь дремоту, меня разморило от тепла. Как мало человеку нужно для счастья.

— Не пойму, Аш, какого дьявола ты не разрубил Ленца на части? Зачем оставил его в живых, эту падаль?

— Не знаю. Хотел разодрать или мозги ему в фарш превратить, но передумал.

— А смертную зачем взял? Я серьезно. Мы друзья, Аш. Братья по оружия. Зачем тебе девка? В каждой ваште есть свой притон с разными шлюхами. К дьяволу мы тащим ее за собой в Огнемай?

— Простая смертная говоришь?

Он вдруг склонился ко мне, и я напряглась.

— Зверушка, как ты думаешь, что будет если я сейчас оторву тебе голову? Осторожно возьму за волосы и дерну так, что твоя кожа на горле лопнет и порвутся все связки? — он говорил очень тихо и совсем не угрожающе. Но я в ужасе распахнула глаза и подскочила в седле. Мое сердце заколотилось, как бешеное. И в эту секунду я поняла, что он сказал это на своем языке. У меня тут же пересохло в горле. Вот так и прокалываются. На мелочах. Плохой из меня партизан. Никудышний.

— Фиен, простые смертные не знают языка демонов. Они так же не могут выучить его слишком быстро. А она прекрасно нас понимает. И когда вышла к костру тоже поняла, что я говорил падали Орку. Она не обычный человек. И я узнаю кто, уже сегодня. Ее не просто так подарили. Она заговорит. Я заставлю. У меня даже мертвые разговаривают.

Внутри все похолодело от этого жуткого обещания.

Глава 3

Я была готова к чему угодно, но не к такому повороту событий. Потому что в следующую секунду уже находилась внутри огромного шатра. Я не успела осмотреться, меня отшвырнуло к стене ударной волной, легко, как теннисный мячик, отскочив от натянутой материи, похожей на брезент, я поднялась на колени и замерла, не в силах пошевелиться. Нет, не от страха. Меня сковывало нечто другое, гораздо более мощное. Я словно чувствовала запрет. Мое тело не подчинялось. Оно превратилось в камень. В неподвижный и жесткий гранит, совершенно не принадлежащий мне. Демон стоял напротив, сложив мощные, покрытые жгутами вен, руки, на груди. Его глаза страшные, нечеловеческие, не моргая смотрели на меня.

— Давай по-хорошему, смертная, или кто ты там на самом деле, ты мне все рассказываешь и я, так уж и быть, не выверну тебе мозги наизнанку, а разум не превращу в болото, засасывающее непрекращающимся кошмаром. Начнем по-порядку — кто ты?

Я дышала очень медленно, каждый вздох давался с трудом, но не могла не ответить. Даже моя воля больше не принадлежала мне.

— Я - человек. Меня похитили и притащили в это проклятый мир, чтобы кормить мною голодных тварей.

Он усмехнулся уголком рта и приблизился ко мне, не на секунду, не отпуская мой взгляд.

— Это то, что ты выучила. Прикрытие. А мне нужна правда. Я, конечно, получаю удовольствие от боли и не откажу себе в развлечении тебя помучить, но хотелось бы все же услышать добровольное признание. Тогда я убью тебя быстро. Ты даже не почувствуешь. Уснешь и не проснешься.

Я судорожно вздохнула. То есть он планировал меня убить при любом раскладе. У меня нет никаких шансов. Как же глупо умереть просто так. Особенно за то, чего никогда не делал и вообще не понимаешь в чем тебя обвиняют.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. В чем признаться? В том, чего не понимаю? Придумать?

Он присел на корточки возле меня и от его близости стало тесно. Лишь его присутствие может породить первобытный ужас и лишить разума.

— Я облегчу тебе задание. Задам пару вопросов, и ты на них ответишь. Честно.

Я кивнула, чувствуя, как взгляд демона проникает мне в

сознание, как он порабощает. Насколько тусклым и диким становится само мое существование.

— Балмест послал тебя?

— Кто такой Балмест? — дрожащим голосом спросила я, и демон вдруг схватил меня за горло. Оранжевые глаза почернели, как обсидианы. Радужка полностью скрыла белки, а лицо покрылось сеткой багровых вен, которые извивались как змеи, цвет кожи стал пепельно-серым. Я задохнулась от ужаса. Он показал мне свой истинный облик. Ничего человеческого. Страшнее орка. Страшнее смерти и всего что я боялась когда-то. В моем мире. Пепел…вот почему его так называют, он сеет вокруг пепел смерти.

— Не играй со мной в эти игры, низшая. Они плохо для тебя кончатся. Я просто проникну в твои мозги и превращу их в месиво. Ты испытаешь дикую боль, ты даже не имеешь представления что такое можно почувствовать. Я буду считывать твои воспоминания, и ты познаешь агонию. А когда я закончу — сойдешь с ума и умрешь. Потому что твой разум и мой сольются воедино. Ты увидишь мою сущность. Ты этого не вынесешь.

На глаза навернулись слезы страха. За что? Что я ему сделала? Я просто хочу жить. Просто жить, дышать и вернуться к маме домой. Я не хочу этого мира. Зачем все это мне? Почему? На секунду пальцы, сжимающие мое горло, ослабили хватку, но всего лишь на секунду. А затем его взгляд наполнился огненной магмой, и я почувствовала, как в мои нервные окончания впились тысячи иголок. Я не могла даже закричать, словно онемела и погружалась во мрак, в дикий вселенский ужас, где погибает вся радость жизни. Мертвая пустота. Все под слоем пепла и тлена. Ни воспоминаний, ни радости. Ничего, кроме дикой боли. Всепоглощающей, ужасной муки, которую не выдержит никто. И она не физическая. Это боль душевная. Она вызывает желание умереть. Прекратить пытку немедленно. Если самоубийцы чувствуют, то же самое в момент, когда уходят добровольно из жизни, то сейчас я могла их понять. Освобождением станет лишь смерть. От таких страданий нет иного избавления. Мое тело подрагивало как под воздействием тока, по спине стекали ручейки ледяного пота. А потом меня поглотила тьма.

Аш вышел из шатра закрыл глаза, чувствуя приближение бури. Красный песок поднимался с обожжённой земли в воздух и порывами ветра разносился по Мендемаю. Алые блики молний раскалывали черное небо напополам, поджигая сухую траву и серные озера. Смрад разнесется по всему Сумеречному миру. Буря стихнет не раньше, чем через сутки. За это время смертная умрет. Фиен подошел к Повелителю и тоже взглянул на небо.

— Что сказала?

— Ничего, — ответил Аш, продолжая смотреть в бездну над головой, в ожидании очередной вспышки.

— Ничего?

— Ей не нужно было говорить — я взял ее сознание, вместе с воспоминаниями. Там пусто, Фиен. Она не эльф и не посланник эльфов. Она и правда смертная. С какими-то странными способностями. Орк об этом не знал. Он не отдавал ее мне потому что…он ее хотел.

— Ленц? Шутишь? Через него шлюх прошло, как через мои руки дохлых эльфов, если не больше.

— Она ему понравилась.

— Значит ты погубил свой подарок, который так хотел поиметь орк. После твоего вторжения смертная не выживет.

Аш метнул на друга горящий взгляд.

— Это имеет значение?

— Не знаю. Не помню, чтобы ты подвергал таким пыткам смертных. А вот бессмертные не выдерживали.

— Какая разница смертная или бессмертная, все равно умрет, — сказал Аш и его лицо осветила вспышка молнии. Отразилась в глазах, которые изменили цвет на светло зеленый и прозрачный, но остались такими же мертвыми, как всегда.

Демон вернулся в шатер, лег на землю, он привык спать на твердом. В постели никогда не мог уснуть. С детства, с тех пор как попал к Лютеру и тот приучил его спать на земле.

Аш несколько минут прислушивался к завыванию ветра и оглушительным раскатам грома. Потом посмотрел на смертную. Она свернулась в позу эмбриона и очень тяжело дышала, вся покрылась испариной. Ей недолго осталось. Ее сердце остановится от нагрузки, через несколько минут максимум. Он вторгся в ее разум, заставил ее кровь разнестись по венам со скоростью света, сердце биться нереально быстро, скорей всего разрушил ее мозг.

Он не имел дела со смертными рабами. У него их не было никогда. Только у отца. Сам Аш не сталкивался с людьми. Слишком жалкие и хрупкие. Воину не нужны смертные рабы. Зачем? На войне это только обуза. Есть невольники, но все они бессмертны и выносливы. Чанкр поставлял ему самых лучших. Говорил, что у принца должны быть отборные рабы. Дома Аш бывал не чаще пары раз в году: или приходил в себя от тяжелых ранений, или, когда наступало затишье, после серьезного боя. Война с Эльфами длилась несколько столетий, но лишь последние годы обострилась и начала наносить существенный ущерб его династии. Орды эльфов разрастались и захватывали

земли, обращали демонов низших рангов в зомбированных солдат-смертников. Увеличились поставки живого товара, и торговцы начали продавать бессмертных не только для правящей династии, а и противнику. Эльфы захватили Тартас. У них теперь больше золота, чем в казне у Руаха Эша и отбить обратно золотоносные рудники пока не представлялось возможным. Стратегически важная точка охранялась с особой тщательностью и Аш не мог взять ее просто так. Хотя жажда мясорубки мутила его рассудок и пробуждала желание разорвать захватчиков на куски мяса, на ошметки, которые сожрут его церберы.

Скрывать войну от мира смертных стало все труднее. Информация не должна просочиться туда, где низшие расы и так выходят из-под контроля. Особенно вампиры, ими занимается Асмодей. Это его стихия. Он держит баланс в мире смертных, но кровопийцы ему не подвластны. Кланы окрепли, все труднее забирать рабов чистой крови. Поставки увеличивались по мере спроса, но становились не качественными. Черные Львы перестали отдавать Асмодею провинившихся чистокровных Братьев. А династии требовалось не меньше семидесяти в год для поддержания Армии Асмодея и пропитания.

Впрочем, забота Аша охранять территории Мендемая и изгнать эльфов с земель Сумеречного мира на их солнечную сторону. Он прекрасно справлялся со своей задачей. Его боялись и уважали как самого сильного воинствующего принца-демона, королевской крови. Байстрюка. Руаха никогда не умалял значение младшего сына для династии, но сводные братья относились к Ашу с долей высокомерия. Они рождены от Падшей, законной жены князя демонов. А он, Аш, сын смертной рабыни. Несмотря на то, что в нем нет ни капли человеческой крови, чувств, эмоций, но он больше всех в семье похож на человека. Даже цвет его глаз в спокойном состоянии отличался от такового у братьев. Самая выделяющаяся черта правящей династии — оранжевая радужка. Глаза Аша становились такими лишь в моменты ярости и опасности. В обычном состоянии они были такими же зелеными, как и у его матери. Аш стыдился своего происхождения. Он стал одним из самых жестоких воинов за всю историю существовании Адской Армии. Аш Великий и Ужасный. Так его называли за глаза, и он этим гордился. Породнился со смертью, насколько это возможно. Монстр внутри него ликовал, он жаждал чужой боли, крови, секса и Аш никогда и не в чем ему не отказывал.

От мыслей отвлек стук…нет, не от того что демон не слышал его и раньше, а потому что уже давно должен был перестать слышать. Сердце смертной все еще билось и ритм

восстанавливался. Аш приподнялся на локте и прислушался. Она еще дышит, ровнее и спокойнее, как во сне. Испарина пропала и конечности полностью расслабились. Демон резко встал и подошел к девушке. Этого не может быть. Она должна была умереть еще час назад если не раньше. Он склонился к девушке. Ноздри затрепетали — она пахнет иначе чем бессмертные, сквозь запах пыли и грязи неуловимо чувствуется аромат ее кожи. Удивительно, как это существо выжило после того что он сделал? Демон вывернул ее сознание с особой жестокостью, подозревая в шпионаже, даже не предполагая, что она не лжет.

Аш привык считать людей слишком хрупкими и ничтожными. Их жизнь в его мире не стоила и потертой дуции бронзы. Их почти не продавали из-за непрактичности. Они не выживали в Мендемае. А те, кто выжили влачили жалкое существования в виштах или прислуживали демонам низшего ранга. У смертных была единственная привилегия — их женщины могли зачать. Не все, очень маленькое количество избранных, и далеко не всегда они выживали в момент родов. Плод убивал своего носителя и погибал вместе с матерью. Это делало фертильность смертных бессмысленной в Мендемае. Рождение Аша было чудом, как и то что его мать прожила после этого несколько лет, но все равно умерла. Аш не помнил ее смерти. Чанкр сказал, что избавил его от боли и стер воспоминания. За что демон был благодарен Сеамилу. Ему не нужны эмоции. По отношению к смертной и подавно. Он даже не хотел знать ее имени. У них нет имен, только клички, прозвища, которые дает Хозяин. На имена имеет право только высшая раса — демоны. Она же просто сосуд, который треснул и разбился, а ценное содержимое осталось.

Демон снова прислушался к дыханию рабыни. Девушка спала. Невероятно, после всего что вынесла. Он склонился ниже чтобы рассмотреть это существо. Правда, очень хрупкое, как стеклянное. Кожа прозрачная на шее просвечивает голубая венка, очень нежные щеки и родинка возле рта. На телах бессмертных нет таких отметин. Только шрамы и татуировки, принадлежность к касте. У Аша такая на скуле, ближе к виску. Цветок огня, символ их правящей династии. Такими татуировками метят внебрачных детей королевской крови, отмечая их от простых демонов. С одной стороны, знак высшего ранга, а с другой клеймо ублюдка. Но таков закон.

Мысли снова вернулись к рабыне. К его подарку. Это волосы смертной ввели его в заблуждение. Аш еще никогда в жизни не видел такого цвета волос. Разве что у эльфов, но у них обычно золотистые пряди, а здесь настоящее серебро. Демон нахмурился и его густые черные брови сошлись на переносице. Это он что

сейчас делает? Рассматривает ее? Вместо того чтобы добить? Почему, нет? Не будет мучиться. Это даже гуманно. Как прикончить раненную лошадь или друга. Странные у нее воспоминания и мысли странные. Шокирующие для демона. Он привык видеть грязь, самые извращенные фантазии, жуткие преступления, подлость и предательство. У всех. Не было ни одного бессмертного с иными мыслями. Чистого. В нее же окунулся и увидел свет. В Сумеречной зоне нет света никогда, а в ее сознании есть и воспоминания у смертной как картинки, они яркие, окрашенные эмоциями, самыми разными и такими незнакомыми для Аша. На долгие минуты он стал ее глазами и ее разумом, увидел иной мир. Демон знал, что примитивные умеют чувствовать. Они придумали фальшивые шаблоны и живут по ним. Им так удобнее. Сеамил рассказывал еще юному Ашу, что смертные лживы, они скрывают свои низменные поступки за такими словами как: любовь, ревность, нежность, страсть. У демонов этого нет. Чистокровные не умеют чувствовать, только привязанность к династии. Преданность касте и все. Остальное не имеет значение в Мендемае и совершенно не нужно. Аш склонил голову набок, под таким углом он видел, как подрагивают ее длинные светлые ресницы. Смертной снятся сны?

Ее воспоминания и чувства не были фальшивкой. Они настоящие. Диковинные и необычные. Ничего низменного и грязного Аш в них не увидел. Это настораживало, вызывало очень странное чувство, непонятное ему самому, но объясняло ее идиотский поступок там на берегу. Тогда он принял его за игру. Она защитила Ленца, своего работорговца, которого все невольники ненавидели и желали ему смерти. Ведь могла удрать, подождать пока Аш раздерет орка на части. Безумная. Все что приходило на ум. Смертная просто слабоумная. Никаких других причин для себя Аш не видел.

Девушка начала слегка подрагивать, а из ее приоткрытого рта вместе с дыхание струился пар. Буран принес ледяной ветер. Просто демон не чувствовал смены температуры, а смертная начала замерзать. Аш снял с себя плащ и набросил на нее. Если выжила после того что он сделал, умереть от холода будет абсурдом. Кроме того, Аш так и не понял откуда рабыня знает язык его мира, а он любил получать ответы на все вопросы.

Демон покинул шатер и пошел к костру, где Фиен распивал чентьем в одиночестве. Пыль летала в воздухе, окутывая фигуру друга красноватым туманом. Рядом с Фиеном, растянув мощные лапы и склонив три головы на землю, дремал Норд, королевский цербер, подаренный Ашу отцом. Заслышав хозяина, он приподнял морды и завилял длинным хвостом с шипами, поднимая столп

красной крошки.

— Ну что? За упокой смертной душеньки?

— Она жива.

Фиен поставил флягу на землю и удивлённо моргнул.

— Жива? Ты оживил?

— Нет, она выжила. Не знаю почему. Спит.

Аш сел рядом с другом и взял флягу в руки, сделал глоток огненного напитка. Норд устроился у ног Хозяина и снова задремал.

— Твой пес — предатель, он сожрал мясо и валялся возле меня пока ты не появился.

— Он не предатель, просто знает свое место, и кто его Хозяин.

— Значит смертная жива?

— Вот именно, — Аш приподнял цербера за железный ошейник и грубо потрепал среднюю голову за ушами. Пес в экстазе закатил глаза.

— Так в чем проблема? Трахнем ее вместе, похороним в песках или отдадим Норду на ужин, — усмехнулся Фиен, — давно не трахал и не убивал смертных.

Аш медленно поднял взгляд на Фиена и глаза демона засверкали оранжевыми бликами.

— Мы не будем ее трахать вместе, не будем убивать вместе. Если я захочу — я сделаю это сам.

Фиен криво усмехнулся, но взгляд отвел.

— Как скажешь. Твоя рабыня, что хочешь то и делай.

— Вот именно. Моя. Я хочу, чтобы все это четко уяснили и не приближались к ней, если я не отдам такого приказа лично. Просвети воинов.

Фиен фыркнул. Его явно задели слова давнего друга.

— Если бы не знал тебя столько лет, решил бы что ты о ней слишком печешься.

— Я должен оправдываться перед тобой? — Аш сделал ударение на последнее слово. Это можно было расценить по-разному.

Аш уже давно не разговаривал с Фиеном свысока своего положения. Они были равны. До этого момента.

Фиен слишком хорошо знал своего Повелителя, и когда отпил из фляги его пальцы слегка подрагивали. Несмотря на многовековую дружбу всегда присутствовал страх. Они все боялись и это оставалось неизменным. Аш мог убить любого из них. Улыбаясь, глядя в глаза, вырвать сердце когтями и бросить своему церберу. Нельзя быть уверенным ни в чем. Низший рангом демон об этом никогда не забывал, хоть и был приближенным и

поверенным. Другом. Но все прекрасно знали — Аш не способен на чувства. Сегодня друг, уже завтра мог стать врагом.

— Нет. Не должен. Просто я подумал…

— Не нужно думать. Пусть сменят караул и сделают обход территории из-за проклятого бурана ничего не слышно и не видно.

Я проснулась. Не так, как обычно дома, медленно выныривая из мякоти сновидений, а резко и безжалостно. Тут же села на своеобразном ложе из шкур и замерла. Я поняла, что меня разбудило. Приказ. Моего Хозяина. Он сидел, развалившись на полу и смотрел на меня, скорее лениво, чем сосредоточено. Сейчас он не был похож на то чудовище, которое я видела ночью. Всего лишь мужчина. Огромный, сильный с неординарной и очень яркой внешностью, но человек. По крайней мере так казалось. И его глаза. Они не оранжевые, а светло-зеленые, а в них любопытство как к подопытному насекомому. Я украдкой скользнула по нему взглядом. Одежда демона отличалась от торгашей. На нем ее на так уж много, но вся она из блестящей черной вареной кожи, на торс наброшена тонкая сетка, похожая на кольчугу, но закрывающая лишь левую часть тела, а поверх нее все та же перевязь с пиктограммами, на боку ножны от меча. Самого орудия не видно поблизости и это внушало надежду. Впрочем, очень зыбкую. Этот зверь может убить даже не прикасаясь.

Ночью он заставил меня испытать самую жуткую боль из всей что мне доводилось чувствовать за всю жизнь. Он обещал, что после этого я умру. Но не сдержал обещание. Почему?

— Ты просто не захотела в Рай, наверное, — ответил он и потянулся как большая черная кошка, уверенная в своей силе и ловкости. Звякнули кольца на перевязи, а мощные мышцы пресса еще отчетливей проступили под упругой бронзовой кожей. Словно там, внутри его плоти не мясо и мышцы, а железо или гранит. А мне стало снова страшно, но к страху примешивалось нечто новое — ненависть. Демон читал мои мысли. Я больше в этом не сомневалась.

— Верно, все твои мысли. Теперь я даже знаю, о чем ты думала в прошлом, — он казался ужасно довольным, а я совершенно жалкой.

— Значит, ты знаешь, что я не обманула тебя вчера, — вздернув подбородок нагло сказала я.

— Теперь знаю, — голос равнодушный и спокойный. То, что он вывернул меня наизнанку пытками его совершенно не волновало. Во мне поднималась волна ярости, за все время пребывания в этом проклятом мире, во мне наконец-то проснулся

гнев, не контролируемый, вспышка дикой ненависти. К нему особенно. Наверное, мой страх ослаб из-за его нового облика, нормального для глаза человека.

— Тогда отпусти меня. Верни меня домой. Я никакого отношения не имею к вашему миру.

Он засмеялся. Если бы не надо мной, то я бы сочла его смех завораживающим, как и сверкающие белые зубы, яркие глаза и легкую щетину на скулах. Как и его темно коричневую татуировку у виска, пересекающую бровь, многочисленные серьги в мочках ушей и кольца в длинных волосах. Но он насмехался. Моя просьба его развеселила.

— У тебя больше нет дома. Твой дом рядом с Хозяином. То есть со мной. Ты принадлежишь мне. В нашем мире подарок имеет особое значение, даже большее чем покупка. Так что смирись.

— Зачем я тебе? — скорее отчаянный крик, чем вопрос.

— Я еще не решил. Откуда ты знаешь наш язык?

Я сжалась в комок на шкурах и обхватила колени грязными руками.

— Я его не знала никогда. Просто вдруг начала понимать. Еще на границе.

— В этом мире ничего не бывает просто так, запомни это. Смертные за всю жизнь не способны выучить и пары предложений. Слишком трудно для их разума.

Я разозлилась, но это скорее отчаянная злость, от безысходности и непонимания.

— Значит я особенная, умная, — огрызнулась и вдруг испугалась, потому что его зрачки моментально сменили цвет. Снова стали оранжевыми и страшными, с узкими черными зрачками.

— Ты жалкая и ничтожная идиотка. Почему? Не важно. Я так считаю. Ничего особенного в тебе нет. Запомни это. Ты жива пока мне это интересно, так что постарайся быть покорной и не злить меня.

Я невольно задрожала, этот взгляд напомнил ту дикую боль, которую демон заставил меня испытать ночью. Что-то подсказывало мне, далеко не в последний раз.

— Перестань трястись, сегодня ты не умрешь. Сейчас тебе принесут лохань с водой отмоешься, а то воняешь похлеще Ленца и грязная. Потом поешь и тебе найдут нормальную одежду. В этих тряпках ты похожа на пугало.

Вот и хорошо, что похожа. Лучше оставаться пугалом, чем снова видеть похотливые взгляды как у орка или стать жертвой насилия, как те несчастные в диком лесу. Словно в ответ на мои

мысли демон красноречиво посмотрел в вырез моего разорванного свитера, и я невольно стиснула его на груди. Он усмехнулся и взгляд стал тяжелым.

— Грязь и дранные тряпки не прячут того, что есть под ними, но мне приятно, когда мои вещи чистые, — сказал он и выскользнул из шатра.

Глава 4

Оказывается, искупаться в теплой воде, в какой-то очень пахучей пене, очень приятно, несмотря на мое незавидное положение. На какие-то минуты это заставляло забыть о том, что может быть уже завтра меня не будет.

Я яростно растирала тело мочалкой, взбивала пену на волосах. Довольно неплохой день по сравнению с двумя предыдущими. Боже, я здесь всего лишь три дня, а такое впечатление, что вечность. Ощущения времени исчезло. Наверное, потому что в Мендемае нет солнца. Небо постоянно затянуто сплошной серой пеленой, а ночью оно черное как волосы демона, без единой звезды. Это я уже успела заметить. Моментами мне все еще казалось — вот-вот проснусь. Я щипала себя и дергала за волосы. Чертовые патлы, откуда они только взялись? Такое впечатление, что я не стриглась с рождения. Они доставали мне почти до колен и этот цвет, как у кролика альбиноса. В детстве у меня был такой. Я обожала кроликов. Интересно, а глаза у меня все такие же? Раньше были голубые, а теперь какие?

Сегодня я впервые плотно поела. Очень вкусный суп, какую-то кашу из странных злаков и запила напитком очень похожим на компот. У Аша неплохой повар. Я бы дала ему пару уроков, но и так сойдет. Постепенно мои мысли лихорадочно выстроились в цепочку. Я должна сбежать. Не знаю, как, но должна, иначе погибну. Я не так боялась смерти, как Аша. Одно воспоминание о том, как он входит в этот шатер доводило меня истерики. Я помнила муки после его вторжения в мое сознание и никогда их не забуду. Он расколол мой разум на мелкие осколки просто потому что так захотел. Я не хотела задумываться на какие зверства способен мой хозяин. Аш. Какое странное имя. Когда-то я читала про демонов, про ангелов. Мне нравилось все мистическое и потустороннее. Я никогда не встречала имя Аш. Впрочем, у них по три-четыре имени на каждого всех не упомнишь. Если б знала, что меня ждет перебрали бы всю информацию, выучила на зубок.

Снаружи было тихо, какая-то гробовая тишина, ни звука. Я вылезла из лохани вытерлась полотенцем и потянулась за одеждой, но ее не оказалось. Проклятье. Чертов демон. Какое милое словосочетание. Разве он не сказал, что мне принесут новую?

Я завернулась в полотенце и высунулась из-за занавески. В шатре никого не оказалось. Чудненько. Хоть в чем-то мне везет

сегодня. Наверное, это мой день. После черных полос всегда идут белые. Хотя мой брат говорит, что после черной полосы может настать полная ж***а, я все же более оптимистична настроена. Хотя, оптимизм — это недостаток информации. Я осмотрелась по сторонам. Сундук у стены и ничего больше, трусливо бросив взгляд на полог шатра, все же отважилась к нему подойти, откинула крышку. Как я и думала — ничего интересного. Для меня. Несколько льняных рубах, кожаных штанов, кольчуг, перевязей и перчаток. Я схватила первую попавшуюся рубаху и едва успела натянуть ее на влажное голое тело, как полог откинулся, и демон заслонил собой тусклый дневной свет. Я так и застыла посреди комнаты в его рубашке, она свисала ниже колен, и я естественно запуталась в рукавах. С мои-то счастьем иначе и быть не могло. Зеленые глаза сузились, а я вся внутренне сжалась, ожидая чего угодно за свою наглость поковыряться в его вещах.

Аш сделал шаг ко мне, а я один назад. Дыхание перехватило от ужаса, потому что там, в этой темно-зеленой бездне я увидела странный сухой блеск. Мужчина осмотрел меня с ног до головы. Капли воды стекали на его шкуры, а рубашка намокла почти насквозь. Вдруг это его любимая рубашка? Мой брат убил бы если бы я стащила у него майку с черепами и заляпала водой. Обошел вокруг меня и остановился сзади, а я зажмурилась. Если он тронет, я заору или упаду в обморок от страха.

— Прекрати постоянно трястись от страха. Меня это бесит.

— Неужели? Разве только я тебя боюсь?

Я все еще не открывала глаза, стараясь справится с дрожью, чувствовала себя беззащитной в его мокрой рубашке на совершенно голое тело.

— Не только, но ты боишься постоянно.

— Отправь меня домой в мой мир, и никто не будет тебя раздражать, — надерзила очень тихо, но все же надерзила и с этим уже ничего не поделаешь.

— Из Ада нет дороги назад. Считай, что ты умерла. Тебя больше нет. Я принес тебе одежду. Открой глаза и прекрати дрожать.

Я выдохнула и подчинилась. Демон стоял прямо передо мной, широко расставив стройные мускулистые ноги в черных кожаных штанах, его длинные волосы змеились по обнаженному торсу. Я уставилась на его грудь. Никогда раньше не видела такой мощи. Каждый изгиб и мышца, словно отлиты из бронзы. Накачанное тело воина, привыкшего к нагрузкам, идеальное как у Бога. Какая завораживающая и опасная красота. От нее перехватывает дыхание и в тот же момент хочется бежать без

оглядки. Заметила в его левом соске маленькое колечко и вспыхнула. Это было неожиданно порочно и сексуально. Не знаю почему, но мой взгляд задержался на этом варварском украшении. Как у рок музыканта, Аш вполне мог воплотить образ патлатого кумира, прыгающего по сцене с бас-гитарой. Миллионы фанаток сходили бы по нему с ума, целовали его ботинки и ради автографа… Что-то меня унесло.

Он вдруг усмехнулся и мне захотелось опять зажмуриться, но в этот раз не от ужаса, а от его красоты. Порочной, дикой, первобытной. В чем-то звериной.

— Смертные долго не живут если так нагло рассматривают Хозяина. Тебе понравилось? — голос прозвучал ниже обычного.

Вся моя кровь хлынула к щекам. Очень надо его рассматривать. У него мания величия.

— Ты слишком наглая для рабыни и дерзкая, но я делаю скидку на незнание нашего мира и мое неплохое настроение сегодня. Когда приедем в Огнемай сменишь гардероб. Быть вещью не так уж неприятно, зверек. О вещах иногда заботятся, чтобы они не испортились, а иногда, — он вдруг наклонился ко мне, — их безжалостно ломают. Просто из прихоти. Без причины. Просто потому что так хочется.

Он ткнул мне в руки какую-то легкую ткань.

— Давай, переодевайся.

Я сглотнула и прижала ткань к груди.

— Отвернись.

Он даже бровью не повел.

— Чего ради?

— Просто отвернись.

— Здесь я отдаю приказы, и я приказал переодеться.

— При тебе не буду, — и про себя подумала, что добровольно точно никогда не буду.

Зеленые глаза вновь стали оранжевыми, и я уже точно знала ничего хорошего это не сулит.

— Я могу заставить.

Черт с тобой, я знала, что это просто унижение, чтобы показать мне насколько ничего не значит мое мнение. Я сама от него отвернулась, это ведь не значит неповиновение, сбросила рубашку и мгновенно натянула на себя шерстяное платье. Это было очень молниеносно, насколько смогла. Сердце билось где-то в горле, потому что точно знала — проклятый демон смотрит мне в спину жутким оранжевым взглядом. Тонкая шерсть приятно покалывала голую кожу и грела, намного лучше, чем мои вещи и рубашка демона. Я повернулась к нему, оранжевые зрачки стали еще ярче и в них плясали языки пламени, а также мое отражение.

Кошмар, ну почему он не может быть нормальным, а не таким жутким? Почему, когда я на него смотрю, то от ужаса мне хочется умереть на месте. Он страшнее смерти.

Густые брови Аша сошлись на переносице.

— Ты еще не видела смерть, — пророкотал он, — если будешь меня злить я устрою вам долговременное свидание.

«Не дай Бог», — помолилась я и завела руки за голову чтобы заплести волосы хотя бы в косу. Слишком длинные и влажные. Так и замерла, сжимая непослушные локоны в хвост на макушке, потому что взгляд Аша потемнел, а зрачки расширились. Он смотрел на мою грудь, и я сама опустила голову. Тонкая черная шерсть с серебряными нитями, вплетенными в узор, облепила мое тело как вторая кожа, полностью повторяя контуры груди и торчащих от прохлады сосков. У меня опять зарделись щеки, и я не просто отпустила волосы, а взъерошила их, чтобы они упали на плечи и все скрыли от наглых глаз зверины. Слишком много он сегодня увидел.

Демон прищурился и медленно обвел меня взглядом, с ног до головы. Это был совсем другой взгляд. Не такой как вчера или ночью, или даже сегодня утром.

Я вся подобралась от ужаса. Только не это. Я не хочу, чтобы он возжелал меня и растерзал как тех несчастных в лесу. Словно в ответ на мои мысли Аш отвел взгляд.

— Ты останешься под охраной Фиена. Я уезжаю в ближнюю вишту, буду через несколько часов. Просто сиди здесь и ничего плохого с тобой не случится.

— Сидеть и все?

— А что ты хочешь делать? Пока я не приказал просто сиди здесь, мне что отправить тебя к рабам готовить ужин? Или отдать солдатам? Чтоб скучно не было, — с раздражением бросил демон. От его, как он выразился, неплохого настроения не осталось и следа. Как говорит моя мама: «семь пятниц на неделю».

— Хоть бы почитать или… не знаю…я умру от скуки.

— Умрешь, когда я решу. Так что смерть с повестки дня сегодня снимается. Просто думай. Ты сама себя довольно неплохо развлекаешь и меня иногда.

Ушел, словно растворился. Я с облегчением вздохнула полной грудью. Несколько часов без него, наверное, все же, этот день однозначно мой.

Как только стих топот копыт, я улеглась на шкуры и уставилась в потолок. Меня куда-то везут. Куда? В какой-то Огнемай. У меня каждый день на счету, как у смертельно больного. Только радоваться не получается и не хочется. Тоска по дому снедала изнутри, словно червь. Я не хотела об этом думать

сейчас. О том, как плачет мама и как нервничает брат. Как они ищут меня, расклеивают листовки на остановках, спрашивают прохожих: «Вы не видели эту девушку?», а им отвечают: «Нет не видели».

Полог шатра вдруг откинулся, и я вздрогнула, молниеносно забилась в угол, когда увидела одного из тех воинов, которые разодрали на части вампирш-рабынь.

— Скучаешь без Хозяина?

Я растерянно смотрела на демона, он отличался от Аша. Немного ниже ростом, худощавей, волосы короткие темно-коричневые и цвет глаз желтовато-зелёный.

— Нет, не скучаю.

— Вот решил составить тебе кампанию.

— Мне не скучно.

Ответила я и встав со шкур сцепила руки за спиной.

Он задернул полог шатра, и я судорожно вздохнула. Незнакомый демон смотрел на меня и расстегивал пуговицы на своей рубахе.

— Не знаю, как Аш до сих пор этого не сделал, но тебя ужасно хочется трахнуть. Поставить на колени и драть до последнего хрипа. Ты очень красивая и необычная зверушка. Заморская, я бы сказал. Может ты не в его вкусе? Но точно в моем. Никогда не видел таких блондинистых маленьких кошечек. Таких чистеньких и беленьких, у меня от голода скулы сводит и член колом стоит. Ужасно хочется порвать. Увидеть красную кровь на белоснежном теле.

Мне захотелось закричать, но я прекрасно понимала, что это совершенно бесполезно. Никто не войдет в шатер Аша.

— У тебя красивые волосы. Серебро Тартоса и то не сверкает так ярко, — он протянул руку и тронул прядь моих волос, я брезгливо отшатнулась, и он помрачнел:

— Раздевайся, шлюха! Не хочешь по-хорошему, будет, по-моему,! Мы чудесно проведем время. Аш вернется через несколько часов.

— А ты у него спросил? Он разрешил тебе трогать его рабыню? — это была слабая попытка отсрочить неизбежное.

Глаза демона светились в полумраке, он оскалился и пошел на меня.

— Раньше мы трахали его рабынь вместе. По очереди или одновременно. Но думаю, когда я отымею тебя, а потом убью и скажу, что ты просто сбежала — он мне поверит. Аш не станет переживать за смертную.

Демон склонился ко мне и потянул на себя за волосы. Я знала, что сопротивляться бесполезно. В нем силы как у сотни

тысяч таких как я, но не могла покориться. Я впилась ему в лицо ногтями. В ответ он ударил меня по лицу и разбил губу. Я вскрикнула, упала, пытаясь отползти в сторону, но меня схватили за шкирку, как котенка, и швырнули на шкуры. Демон менялся, он на глазах превращался в чудовище, цвет кожи становился серым, глаза чернели, затягивая белки, а на пальцах появились длинные когти. Он распорол подол моего платья сбоку до бедра, задев кожу. Я отбивалась как могла, но лишь раззадоривала его, он оставлял на мне отметины, то на ноге, то на руке, а потом рванул меня к себе и раздвинул мне ноги. Я плюнула ему в страшное лицо. Демон зарычал и замахнулся когтями. Боже… сейчас он вспорет мне грудную клетку. Я зажмурилась, метнулась в сторону и в этот момент услышала, как взвыл демон, распахнула глаза — в руку монстра впилось существо, напоминающее собаку. Цербер. Жуткая тварь всеми тремя пастями удерживал демона, вонзив в его предплечье страшные клыки, черная кровь бессмертного сочилась на пол. Монстр рычал, раздирая морды животного, другой рукой, пытаясь отшвырнуть в сторону, но цербер держал жертву мертвой хваткой. В тот же момент я услышала голос Аша. Это был страшный низкий рокот, от которого стыла кровь в жилах и останавливалось сердце, а я обрадовалась. Наверное, звучит по-идиотски, но в этот момент я до боли хотела, чтобы он появился.

— Я же сказал не трогать то, что принадлежит мне! — прорычал мой Хозяин на своем языке.

— Прикажи церберу отпустить, Аш, — взмолился демон.

— Норд, отпусти эту падаль, ко мне!

Пасти цербера разжались и выпустили израненную руку демона, страшная псина, тихо заскулив, подползла к ногам Аша, но тот не смотрел на животное. Он не сводил взгляда звериных оранжевых глаз с воина.

— Как ты смел меня ослушаться, Ситх? Я приказал Норду сторожить ее, но не предполагал, что нападет один из моих лучших солдат.

Провинившийся и едва не убивший меня демон, поднял голову, он смотрел на Аша несколько секунд, а потом прорычал:

— Она просто рабыня. Никто. Я хотел ее трахнуть. Всего-то трахнуть шлюху. Раньше мы это делали втроем с Фиеном и тобой. Какая тебе разница если это буду я, а потом ты и не наоборот?

— Никакой по отношению к ней, но ты ослушался. Ты нарушил мой приказ и знаешь, что тебя за это ждет.

Ситх опустил голову, его когти исчезли, и он сжал руки в кулаки:

— Из-за смертной, которая все равно сдохнет рано или

поздно, ты наказываешь меня, своего верного воина, друга по оружию?

— Не из-за рабыни, Ситх. Ты сам знаешь за что.

— Ты не поступишь со мной как с простыми бессмертными, из-за шлюхи, — глухо пробормотал Ситх, не смея взглянуть на Повелителя.

— Верно, я поступлю с тобой хуже, потому что тебе я доверял.

По телу Ситха прошла дрожь и лицо перекосило от ужаса, он в отчаянии закричал:

— Она сама начала. Я просто зашел сюда, а смертная шлюха меня завлекала. Она манила.

Аш захохотал и от его смеха задрожала земля, а я зажала уши.

— Кому ты лжешь? Мне? Тому, кто знает тебя почти тысячу лет?

— Сжалься, Аш, — Ситх закрыл лицо руками, а я даже не успела вскрикнуть, когда Повелитель вдруг молниеносно вынул меч и отрезал воину голову. Я зажмурилась, чувствуя, как немеет мое тело от ужаса, прислонилась к стене и обхватила себя руками, из разбитой губы текла кровь. Я вытерла ее тыльной стороной ладони.

Аш вдруг сгреб меня за шиворот и посмотрел страшным взглядом, полным ненависти:

— Он прав. Ты — жалкая смертная и не стоишь даже капли крови такого воина, как Ситх. Он тронул мою вещь и поплатился за это. Но он прав из-за тебя я убил его, хоть мне и плевать на твою жизнь, а сути это не меняет. Пошла вон пока я сам не придушил тебя или не свернул голову!

Прорычал Аш на своем языке, швырнул меня на пол и не оглядываясь вышел из шатра.

Я приподнялась на локтях и заметила, что цербер, который защитил меня, выполз наружу за Хозяином, слегка поскуливая, оставляя за собой кровавый след. Если бы не адская псина, Ситх бы убил меня, разодрал мою грудную клетку, как тем вампиршам, чьи тела превратились в кровавое месиво. Он сказал, что раньше делал это вместе с Ашем. Что ж я даже не сомневалась в этом. Они вместе убивали несчастных, после того как зверски их насиловали. И я не уверенна, что сам Ситх был более жесток, чем его Повелитель. Возможно, очень скоро меня ждет та же участь, если не хуже. Не хотелось думать, как поступит со мной демон после того как сочтет меня ненужной или не интересной.

В шатер зашли несколько рабов-мужчин, в одинаковых черных одеждах: жилетки на голое тело, свободные штаны и

кожаные ошейники с железными кольцами и пиктограммами, очень похожими на те самые, которыми украшены перевязи демонов-воинов. Рабы не смотрели на меня, молча вынесли тело и голову, а так же перепачканные черной кровью шкуры, затем принесли новые, расстелили и удалились. Какие покорные, не смеющие даже поднять головы, как загнанные животные. Они все такие? И эти жуткие ошейники. Я не хочу стать как они и не стану. Я должна отсюда сбежать, найти способ и удрать куда глаза глядят. Пока не поздно.

Я взяла полотенце, флягу с водой и пошла за псом. Раны можно промыть и заодно посмотреть насколько они глубокие. Конечно, мне потом не хватит питья, а Аш вряд ли принесет еще, но псина спасла мне жизнь. Так что долги нужно возвращать.

Цербер лежал прямо у входа в шатер, положив раскроенные когтями демона морды на лапы. Огромное тело, покрытое черной шерстью, подрагивал от боли. Я сделала шаг в сторону пса, и он утробно зарычал. Я посмотрела в красные глаза цербера и тихо сказала:

— Эй…я понимаю, что чужая и не нравлюсь тебе. Ты тоже мне не особо нравишься. Просто о тебе надо позаботиться. Ты позаботился обо мне…теперь моя очередь.

Три пары ушей шевельнулись. Я сделала еще один шаг и псина оскалилась.

— Тссс. Я только посмотрю. Не обижу тебя, обещаю.

Я присела на корточки. Наверное, в любой другой ситуации это было бы опасно. Но что мне боятся собаку, пусть и такую ужасную, если меня окружают твари гораздо хуже, чем пес? Я смочила тряпку водой и протянула руку. Красные глаза следили за мной не отрываясь, а по мордам текла черная кровь. Едва я коснулась, как все три пасти оскалились снова. Я вздрогнула, но не отшатнулась.

— Просто вытру. Не ударю, не обижу. Разрешаю меня укусить, если будет больно.

Я говорила очень тихо, на своем языке. Очень надеялась, что цербер меня понимает. Остаться без руки совсем не хотелось, но эта животина единственная кто за меня вступился в треклятом мире хаоса. Я была ему благодарна. Снова коснулась влажной тканью головы пцербера и на это раз он не зарычал. Я осторожно вытерла кровь. Какие страшные раны, до мяса. Так быстро они не заживут. Вряд ли я особо смогу помочь. Я с жалостью посмотрела на пса.

— Тебе круто досталось, но ты очень храбрый.

— Напрасно стараешься. Раны от их когтей смертельны. Он сдохнет.

Бросил кто-то и я подняла голову. Надо мной стоял раб. Я поняла это по его одежде. Мускулистый, худой, он смотрел на меня странными желтыми глазами с нескрываемым презрением.

— Норд может ожить только от крови, но кто ж ему ее даст? Псина честно отслужила Хозяину и сдохнет из-за смертной рабыни. Ужасно жаль. Он мог бы погибнуть в бою, как настоящий воин и перекусить тысячу эльфийских глоток.

Раб скривился и посмотрев на меня, как на насекомое, ушел. Странный тип. Не похожий на тех, что убирали в шатре. Видимо он на ином положении при войске, я даже заметила на его бедре кинжал и у него не было ошейника.

Я снова повернулась к церберу, который шевельнув ушами смотрел мне в глаза. Ну и чем он отличается от тех несчастных псов, которым я насыпала корм? Ничем. Разве что немного иной внешностью.

— Значит ты — Норд. Повезло тебе. Мне еще не дали имя, я — никто.

Бедняга все еще вздрагивал. Наверняка, ему ужасно больно. Только животные сносят мучения молча. Я вздохнула и вернулась в шатер. Села на пол и обхватила себя руками. Мною снова овладела черная тоска по дому. В этом месте даже у собаки есть имя, а я…я просто вещь. Шкафу и стульям не дают имена. Вот и мне не торопятся. Послышался низкий звериный стон, и я поняла, что цербер тихо скулит, понимая, что скоро умрет.

Я вдруг заметила на полу небольшой кинжал. Сталь поблескивала в полумраке, отливая голубизной. Наверняка Ситх уронил оружие, когда напал на меня. Я потянулась и взяла клинок в руку, покрутила рукоятку, а потом решительно подошла к церберу. Пес лишь приоткрыл глаза и тяжело вздохнул. Я зажмурилась и резко вскрыла вену на запястье, моя кровь закапала на морды цербера, он поднял головы и жадно ловил языком алые струйки. Интересно как я потом остановлю кровотечение? Или зачем останавливать? Может это и есть выход?

В тот же момент на мое запястье легли железные пальцы и так сжали, что у меня потемнело перед глазами. Я подняла голову и увидела Аша. Похоже я начинаю привыкать к этому страшному взгляду и языкам пламени в его зрачках.

— Зачем?

— Ему нужна кровь, иначе он умрет.

— Тебе какая разница?

На равнодушном лице ни одной эмоции.

— Он спас мне жизнь.

— Он получил приказ и выполнил его. К тебе это не имело

никакого отношения. Я мог приказать стеречь мои сапоги, и он поступил бы точно так же.

На глаза навернулись слезы. Нет, не из-за себя и сравнения с сапогами, а от его равнодушия к церберу.

— И все? Пусть теперь умирает после того, как рисковал жизнью по-твоему приказу?

На лице демона отразилось недоумение.

— Благородная смерть для верного адского цербера. Умереть, исполняя приказ Хозяина.

— Но его можно спасти, — в отчаянии всхлипнула я, чувствуя, как боль в порезанной руке отступает.

— Зачем? — все с тем же недоумением спросил Аш.

— Затем, что, когда он умрет его не будет. Он…он исчезнет. Смерть — это навсегда. Это страшно. Ты не будешь по нему скучать?

Демон смотрел на меня так, словно я говорила на совершенно непонятном для него языке.

— Скучать по мертвым? — переспросил он.

— Да, скучать. Это когда очень хочется кого-то увидеть, а нельзя. Совсем. Мертвых увидеть невозможно.

— Бред, — Аш выпустил мою руку.

На запястье не осталось даже шрама от пореза, но отчетливо проступили следы от его пальцев.

— Для меня нет ничего невозможного.

— Для тебя — да, а я очень хочу увидеть свою семью и не могу. Я по ним скучаю и … Зачем я тебе это говорю? Можно подумать это имеет значение для тебя?

— Не имеет, — подтвердил он и рывком поднял меня с колен за шкирку. Затем отобрал кинжал и сунул за отворот сапога.

Я бросила взгляд на Норда. На секунду забыла об Аше, если такое вообще возможно. Цербер ожил, он приподнял морду и принюхивался, жуткие раны на его огромных головах исчезали, затягивались. Я протянула руку и в тот же момент Аш стиснул мое плечо с такой силой, что я охнула.

— Не стоит. Он не позволит к себе прикоснутся, оттяпает руку. Или рискнешь?

Я рискнула, вначале несмело коснулась средней головы цербера и тут же одернула руку. Норд вильнул жутким хвостом с шипами. Я уже уверенно положила руку на его голову и нежно почесала за ухом. Норд встрепенулся, и я снова отняла ладонь, но цербер потянулся за моей рукой и ткнулся в нее одной из морд, лизнул мои пальцы шершавым языком. Я опять погладила, присела на корточки и теперь чесала все три головы цербера по очереди. Он изо всех сил бил хвостом поднимая облако пыли.

— Хороший пес, и ушки у тебя мягкие. Вот так нравится, да? А вот так? — я потрепала его под мордами и Норд, закрыв глаза, снова потерся о мою руку. Внезапно я вспомнила, что Аш стоит в стороне, возвышается надо мной, как скала, заслоняя свет. Я посмотрела на демона, он сложил руки на груди и нахмурил брови, его глаза снова были светло-зеленого цвета, как у человека.

— Даже не знаю радоваться или плакать. Моя вещь подружилась с моим зверем. Пошли, Норд, на обход территории. А ты, — он посмотрел на меня, — иди к себе.

Через час мы тронемся в путь.

Демон взял Норда за ошейник, но цербер умудрился напоследок опять лизнуть мои пальцы.

Глава 5

Аш услышал крик хотя и находился в нескольких километрах от лагеря. Ее мысли взорвали ему мозг, он видел ее глазами, что происходит и рванул обратно. В Аше клокотала ярость, бесконтрольная, сметающая все на своем пути. Увидел ее под Ситхом и в голове нарастал рев. Перед глазами промелькнули следы от чужих когтей на белых бедрах, разорванное платье, сопротивление безрассудное и бесполезное, физически ощутил похоть Ситха и ее дикий страх.

Никто не смел трогать ЕГО рабыню. Тем более убить. Она принадлежит Ашу.

Когда голова Ситха покатилась по полу шатра, Аш поднял голову и посмотрел на рабыню. Внутри горел пожар. Он понимал Ситха смертная манила, будоражила, заставляла огненную демоническую кровь носится по венам с бешеной скоростью. Эти серебряные волосы, кожа нежная и прозрачная, голубые глаза и тело пробуждающее самые дьявольские желания. Смять, подчинить, рвать когтями и врезаться в нее яростно под крики агонии или наслаждения, утолить желание…

Ашу не хотелось отдавать ее смерти. Не сейчас. Он не понимал своего яростного сопротивления самому себе и от того приходил в бешенство.

Когда смертная залечивала раны Норда, что-то внутри Аша дрогнуло. Демон не понимал рабыню и в тот же момент знал, о чем она думает. Смертная жалела Норда. Искренне. Ашу была чужда жалость, он считал это чувство недостойным воина, а тот, кого жалеют становится ничтожеством. Лишь ничтожество способно пробудить жалость. Норд не был ничтожеством, это храбрый зверь, достойный уважения. Преданный и верный.

Рабыня исчезла за пологий шатер, а потом вышла с кинжалом Ситха в руке. Первой мыслю Аша было то, что она прервет страдания зверя — так бы поступил он сам. Только произошло невероятное, когда лезвие вспороло тонкую кожу на хрупком запястье Аш ощутил болезненный укол в груди. Демон не ведал страха перед болью, но это иная боль, незнакомая ему до сих пор. Сам не понял, как сжал руку смертной, залечивая рану. Впервые за тысячу лет. Забрал боль себе, и она растворилась в его энергии. Невольный порыв, странный, необъяснимый.

Ярость исчезла, смотрел в ее глаза, слушал странные слова, читал эмоции на лице и успокаивался. А потом она погладила Норда. Не думал, что отважится. Фиен никогда не прикасался к церберу — тот не позволял, хоть и знал приближенного уже

несколько сотен лет. Касаться мог только Хозяин. Сейчас же адская тварь закатила глаза от наслаждения, когда маленькие тонкие пальцы смертной нежно гладили черную шерсть. Аш снова почувствовал в груди укол и какое-то дикое желание чтобы эти руки коснулись и его самого…

* * *

— Ты казнил Ситха, только за то, что он хотел трахнуть рабыню.

— Я наказал, за неповиновение. Мой приказ был нарушен, в военное время, — Аш резко повернулся к Фиену, — или ты не предупредил их, не сказал не трогать?

— Предупредил. Ты бы все равно его убил, при любом раскладе. Ситх…сам знаешь всегда нарывался, считал, что после победы в Фаргосе ему многое позволено.

— Вам обоим очень многое позволено. Ты должен был ее охранять вместе с Нордом. Где ты шлялся?

— Никто не воспринял всерьез рабыню, — ответил Фиен, — я тоже.

Аш повернулся к приближенному, от демона повеяло холодом. Обжигающим льдом.

— Мой приказ?

— Нет, твое отношение к смертной.

— Мой приказ! — Аш, не слышал оправданий, он сверлил Фиена взглядом, а коже проползали багровые змеи вен. Фиен побледнел, но стойко выдержал взгляд.

— Никто не думал, что ты разъяришься из-за рабыни, Аш. Раньше…

— Забудь все что было раньше. Не нужно думать, как оправдаться и выгородить свою шкуру. Тебя я сегодня казнить не стану. Не потому что ты ближе всех ко мне, а потому что мне не хочется твоей крови. Пока не хочется. Если еще раз ослушаешься — я залью ею все Сумеречные земли.

Аш расправил крылья — обсидиановые перья перемешались с огненными, ослепляя яркими вспышками. Демон взмыл вверх и приближенный за ним следом, рассекая воздух серыми крыльями.

С высоты скалы был виден Мендемай и Сумеречные земли, под рваными облаками вечного тумана. Внизу расходились ветви дорог, как глубокие шрамы на красной обожженной земле, вдалеке мерцало мертвое озеро, окруженное диким лесом. Его земли. От Огнемая до самой водной глади. Здесь он правитель и князь. Когда-то в Мендемае светило солнце, очень давно, до

разделения Тьмы и Света. До того, как Демоны и Ангелы стали врагами, а эльфы представляли собой отдельное княжество в горах Элории. До того, как Демоны стали проклятыми созданиями Тьмы, Мендемай сгорел дотла, и огненная граница разделила обе части этого мира. Солнце перестало светить в Сумеречных землях более нескольких десятков тысяч лет назад.

— Почему она все еще жива?

Фиен стоял совсем рядом. Сильные порывы ветра трепали волосы Повелителя и длинный плащ струился по воздуху, как шлейф. Аш посмотрел вдаль, и сжал челюсти.

— Потому что я так хочу. Я всегда успею оборвать ее жизнь. В любой момент.

— Не понимаю. Всегда они умирали. В первые сутки. Самые лучшие, прекрасные, особенные из королевских кланов или смертные. Все. Из твоего шатра ни одну не вынесли живой.

— Она спасла Норда, — отстраненно сказал Аш, продолжая смотреть на свои владения, — он ей позволил. Гладила, как маленькую комнатную собачку. Моего самого свирепого цербера, который мог перекусить ее напополам как косточку цыпленка. Перерезала вену и дала ему кровь. Никому бы это и в голову не пришло — делиться своей кровью со зверем.

— И что это значит?

— Вот и я хочу понять, что это значит, — Аш обернулся к другу и его зрачки полностью слились с радужкой, — Норд лизал ее пальцы с унизительной преданностью в глазах. Она знает наш язык, она выжила после того как я вскрыл ее сознание. Привезу в Огнемай и Сеамил скажет мне кто она.

— Есть предположения?

— Нет! Но я должен понять, хоть ее разум и чист как лист бумаги. Я не верю, что все так просто. Я не верю в случайности и совпадения.

— Пытай ее снова, заставь говорить. Возможно она блокирует проникновение.

Аш отрицательно качнул головой.

— Я бы почувствовал преграду и взломал. Я разодрал все оболочки. Я видел те воспоминания, о которых она не помнит.

— Уверен, что это ее воспоминания, а не та информация, которую подсунули, скрывая истину? Ведь она восстановилась. Я помню тех, к кому ты применил эту пытку, они сходили с ума, истекали кровью, у них останавливалось сердце, воспламенялась кожа. Это были бессмертные. Смертная должна была превратится в пепел.

— Не уверен.

— Убей ее и дело с концом. Все вопросы отпадут сами собой.

— Не хочу. У меня нет такого желания на данный момент.

— Ты уверен, что не она спровоцировала тебя убить Ситха специально?

— Я ее не чувствую, — минуту назад ощущал, а сейчас глухо…, - медленно сказал Аш, игнорируя вопрос Фиена, и вдруг нырнул вниз камнем и Фиен следом за ним. Они мягко приземлились рядом с лошадьми, — словно она очень и очень… далеко ТВОЮ МАТЬ!

Демон откинул полог шатра и зарычал:

— Где она?

Норд встрепенулся и повел ушами.

— Где смертная? — голос Аша громыхал как раскаты грома, он рассвирепел, в глазах полыхал пожар, они светились, а демон изменял облик, увеличиваясь в росте, разметав крылья, покрываясь бордовыми венами, как трещинами на жерле вулкана, превращаясь в жуткое порождение Ада. Кожа стала темно-серой, словно пепел.

— Она была в шатре, — пролепетал один из рабов и тут же упал замертво, Аш заживо сжег его взглядом, так что кожа слезла с несчастного струпьями, — ГДЕ МОЯ ВЕЩЬ?

Аш схватил с пола ее свитер и ткнул в морду Норду:

— Искать! Найдешь — разрешаю порвать суку и сожрать.

Я сбежала. До банального просто. Это оказалось настолько легко, что я даже не поверила сама себе, что сделала это. Вышла из шатра и ушла. Точнее, вдруг поняла, что никто не следит за мной. Воины в спешке собирали лагерь, рабы запрягали коней и таскали тюки к повозке. Я сделала несколько шагов в сторону леса, а потом побежала. Очень быстро. Так быстро, насколько была способна. Я даже не задумывалась куда. Да хоть обратно в лапы к Ленцу. Мне просто казалось, что если побегу, то обязательно выберусь. Ведь где-то там есть та самая граница. Тот самый рубеж, через который мы прошли в это проклятый мир, и я могу добраться до него. Видно ко мне пришло понимание, что меня окружают звери. У них другие законы, у них нет ничего святого. Для них все тлен и мусор, а я хуже мусора — я никто. Мне стало до дикого страшно. Я хотела уйти. Куда угодно.

Я бежала к кромке леса. Мне казалось, что там, за деревьями, я смогу спрятаться, переждать и никто меня не найдет. Какая наивная. Просто невероятно глупая. Но разве в тот момент я могла подумать, что иду в самые лапы смерти? Я даже предположить не могла какие твари скрываются в диком лесу под покровом ночи. Я бросилась туда, ища спасение. Только когда забежала в самую чащу, где деревья растут переплетаясь друг с другом, вдруг поняла — меня окружает туман, клубы пара,

горячего и словно живого. Он щупальцами расползался по земле, и я вдруг ощутила кожей в этом лесу, в темноте я далеко не одна и при мне совершенно нет никакого оружия.

Я замедлила бег и остановилась, слыша биение собственного сердца, задыхаясь после бега. Глаза расширились, и я лихорадочно озиралась по сторонам. Услышала шорохи. Очень тихие, словно что-то скользило по земле, по опавшим сухим листьям. Что-то ползло ко мне с разных сторон. Я попятилась назад и наткнулась на ствол дерева. В этот момент меня обвили ветки, они, как змеи, поползли по моему телу, заставив очень громко закричать. Еще никогда в своей жизни я так не кричала. Они душили меня, сдавливали так сильно, что я слышала, как хрустят мои кости. Из тумана показалась блестящая чешуя, а потом надо мной возвысилось нечто…оно раскрыло огромною пасть с многочисленными острыми клыками, похожими на иглы, с пасти стекала слюна. Я снова закричала и в вдруг увидела, как монстр дернулся и вдруг исчез, послышался быстрый шорох. Оно уползало обратно в туман, а ветви, оплетающие мое тело медленно спрятались в ствол дерева. Я вздохнула полной грудью и тут же судорожно всхлипнула. В сумраке засветились три пары красных глаз, они приближались с невероятной скоростью, и я побежала что есть силы. В темноту, в самую чащу проклятого леса, пока сильный удар в спину не опрокинул меня на землю и прочесав на животе несколько метров, я резко обернулась. Надо мной стоял Норд. Он придавил меня лапами, не давая пошевелиться. Я задыхалась, уже точно зная — сейчас появится его хозяин. Цербер не трогал, он просто обездвижил меня и охранял. Я вглядывалась в темноту, пока не увидела гигантскую тень, надвигающуюся на меня. Аш. Наверное, поздно молиться. Демон поднял меня с земли за шкирку и тряхнул. Я болталась в его руке, как тряпичная кукла. Я не решалась смотреть на Аша. Я только успела увидеть его дикие глаза и страшные бордовые вены на лице, точнее, лицом это теперь трудно назвать. Облик Демона, монстра, жуткого чудовища. Удерживая навесу ударил наотмашь по щеке, я всхлипнула и зажмурилась, стараясь не зарыдать в голос от боли и отчаяния.

— Ты знаешь, что в моем мире делают с беглыми рабами? — прорычал так оглушительно, что у меня заложило уши и я невольно зажмурилась, — Гидра, могла сожрать и глазом не моргнуть. Лучше бы сожрала.

— Убей меня! — крикнула я в это жуткое лицо, — Убей чего ты ждешь?

Он оскалился, а потом засмеялся, жуткий смех, сулящий все муки Ада:

— Убью, когда сочту нужным. Не сегодня. Но накажу за побег, и ты пожалеешь, что просто подумала о том, чтобы ослушаться меня.

И тогда я с ужасом поняла, чего испугалась та тварь. Она смертельно боялась Аша. Как любой хищник, который чувствует, что рядом более опасный зверь и бросает добычу, уступая сильнейшему. Демон швырнул меня с такой силой, что я покатилась по твердой сухой земле, счесывая кожу на руках, щеке и даже на ребрах. Одним шагом он преодолел расстояние и толкнул меня в плечо носком сапога, переворачивая на спину, потом легко как ребенка поднял одной рукой за шиворот и потащил словно куль, с завидной легкостью. Наверное, в этот момент у меня пропала всякая надежда. Я никогда не сбегу из этого места. Особенно от моего Хозяина. Скорей всего он убьет меня уже сегодня.

Нет, не убил, а я недооценила всю степень его жестокости. Когда мы вернулись к лагерю он швырнул меня на землю, уже в который раз, а потом приказал на своем языке:

— Заклеймить, пометить как мою собственность, надеть ошейник. Пойдет за нами на цепи, вместе с другими рабами.

Меня поставили перед ним на колени, я не кричала и не билась в истерике, просто очень часто дышала. Я еще не понимала, что именно со мной сделают, мне не верилось, что все это происходит на самом деле. Человек на коленях перед толпой других …пусть не людей, но где суд? Где хоть какое-то соблюдение законов? Глупые мысли, ничтожные, но я закричала, глядя в эти равнодушные оранжевые глаза:

— Я - человек. Я не из твоего мира. Я свободна. Не ты и никто другой не имеет права отнять мою свободу.

Демон ухмыльнулся. Он уже давно сменил облик на привычный для меня, хотя лучше бы оставался монстром, так легче принять бесчеловечность и то, что он для меня приготовил.

— Мы не в твоем мире, смертная. Добро пожаловать в Ад. И я здесь Хозяин. Ты принадлежишь мне. Пока я этого хочу. До этих пор я обращался с тобой неплохо, делал скидку на то, что ты ничего о нашем мире не знаешь. Пришло время узнавать на своей шкуре, в полном смысле этого слова.

Он наклонился ко мне и содрал платье с моего плеча.

— Я сам, — кивнул одному из воинов, который нагревал на последнем костре длинный штырь. Я дрожала от предчувствия дикой боли. Наверное, самое страшное — это ждать.

Кода раскаленная сталь коснулась нежной кожи на плече я провалилась во мрак. Даже не успела закричать.

Недолгое забвение, из которого меня безжалостно вырвал

резкий запах серы. Я застонала, чувствуя дикую боль в плече, повернула голову и увидела огненный цветок, точно повторяющий татуировку на лице моего Хозяина.

— Каждый раз, когда ты удалишься от меня хоть на пару метров, он начнет сжигать твою плоть и ты будешь вынуждена вернуться обратно, — сказал демон и жестоко усмехнулся. Его глаза поблескивали от удовольствия. Я видела наслаждение моей болью даже в лицах его воинов и рабов. Для них это норма. Каждый прошел через это. Вот почему они не сбегали и были так покорны.

А потом на меня надели ошейник. Такой же, как и у всех, только пиктограммы с точностью повторяли узор, что и на перевязи Повелителя. Раб бросил цепь Ашу и тот тряхнул ею, заставляя меня упасть на четвереньки.

— Даже мой пес не ходит на поводке, а ты будешь ходить. Пошли, — он дернул, и я опять растянулась на земле.

— В клетку еще посади, — хрипло простонала и с трудом поднялась на ноги. Вот сейчас мой страх куда-то исчез. Я его ненавидела. Презирала и мечтала, чтобы он сдох. Чтобы корчился в муках агонии.

— Надо будет посажу в клетку. Кстати, твои мечты несбыточны, девочка. Я бессмертен. Запомни в Аду мечты не сбываются, только кошмары.

Он вскочил на своего вороного коня, пристегнул конец цепи к луке седла и пришпорил лошадь. Меня дернуло вперед, и я побежала за его конем. Шею обожгло от трения об ошейник. Думаю, что меня надолго не хватит. После марафона по дикому лесу я не протяну и километра, упаду и кони его воинов, следующих позади, меня затопчут.

Но этого не произошло, потому что я обессилела уже через несколько метров. Переоценила себя. Мои батарейки закончились. Нет, я не сломалась, просто произошло замыкание. Устала. Слезы боли текли по щекам, и я крепко зажмурила глаза, падая вниз, под ноги коня моего Хозяина. Услышала, как сквозь вату:

— Она смертная, не дотянет не то что до Огнемая, а до ближайшей вишты. Лучше убей ее. Мы не можем плестись в таком темпе.

Что-то теплое коснулось моего лица, и я приоткрыла глаза. Норд облизывал мои слезы. Потом меня подняли с земли, и я почувствовала под собой седло. Обессиленно откинулась назад. К моей шее прижались чьи-то горячие пальцы.

— Очень слабый пульс. Аш, не довезем до Огнемая.

— Довезем. А не довезем значит не судьба.

Я только и успела подумать о том какое же он чудовище прежде чем окончательно погрузится в беспамятство.

* * *

— Ну…?

— Живая.

— Что ж они хрупкие такие? Я ни разу не ударил.

— У них это называется шок. Бессмертные теряют сознание после нанесения клейма раба, а тут девчонка. Цветок будет жечь кожу еще несколько дней, и ты напугал ее до полусмерти.

— Я не клоун чтоб смешить. Она сбежала. Другая поплатилась бы за это жизнью. Пусть радуется, что жива.

— Я б на ее месте тоже сбежал.

Аш натянул поводья.

— Ты защищаешь беглую рабыню? Мне не послышалось?

— Я просто не пойму почему ты кидаешься из крайности в крайность, Аш? Если ты хотел, чтобы она умерла мог позволить гидре сожрать ее.

Аш бросил взгляд на рабыню в седле у Фиена. Цепь все еще пристегнута к его собственному седлу, ошейник стер кожу на нежной шее до крови, на лице и руках ссадины и синяки.

— Всего пару царапин. Ничего серьезного, — сказал Аш и пришпорил коня, а Фиен следом за ним.

— Тогда какого черта мы продолжаем плестись? Или боишься, что я отстану и ей оторвет голову?

Аш снова осадил коня, а потом рывком пересадил рабыню к себе в седло.

— Поехали. В виште возле Огнемая сделаем остановку.

Аш даже не обернулся, он не видел каким взглядом провожал его Фиен. Только что произошло нечто невероятное…то, чего никогда не происходило до сих пор. Фиен увидел в глазах Повелителя едва заметную тень страха. Она исчезла так же быстро, как и появилась, но демон низшего ранга заметил и сделал определенные выводы. Хозяин не просто не хотел, чтобы смертная умерла…более того, он этого боялся. И наказал не за побег…испугался, что гидра сожрет его рабыню. Вот за что наказал. За то, что породила этот страх. Фиен удивленно приподнял одну бровь, потом резко пришпорил коня и последовал за Повелителем.

Глава 6

Я уже давно пришла в себя, только глаза открывать не хотела. Зачем? Чтобы снова увидеть этот проклятый мир? Демона, который показал мне мое место и снова ломал меня с жестокостью чокнутого маньяка? Когда я открою глаза меня снова ждут страдания и унижения. А сейчас мне хорошо, у меня ничего не болит. Я просто отдыхаю и меня никто не трогает. Мне было интересно где мы, потому что последнее, что я помню, это красная сухая пыль подо мной, под моими ладонями и даже в горле. Она забилась везде, где только можно, потому что конь Аша таки протянул меня за собой, когда я упала. Боже, наверное, на мне нет живого места, тогда почему ничего не болит? Теперь я слышала голоса:

— Я делаю все что могу. Поверь, мой Повелитель. Все что в моих силах. Смертные очень хрупкие существа их очень легко сломать. То, что ты называешь царапинами, для нее очень серьезные повреждения.

— У тебя полчаса, ведьма. Полчаса на то чтобы она открыла глаза. Мне некогда здесь задерживаться.

— Дай мне время. Я постараюсь. Давно не имела дела со смертными.

Мне показалось что на меня смотрят, и я перестала даже дышать.

— На ней уже нет ссадин и царапин. Я приходил пятнадцать минут назад, и ты говорила то же самое.

— Ты взял физическую боль, Аш. Еще есть душевная. Страх, ужас, тоска, отчаяние. Тебе не знакомы эти чувства, а смертные иначе не могут. Ты причинил ей не только физическую боль, ты вверг ее в состояние шока. Давай, мой Повелитель, прогуляйся по рынку. Заодно купи ей одежду. Как можно продолжать путь в этих тряпках? Королевская рабыня не должна выглядеть как оборванка.

— Веда…ох, дерзкий у тебя язык, старая ведьма. Когда-нибудь я отрежу его и отдам псам на съедение.

Раздался женский смех. Та, кого Аш назвал старой ведьмой, обладала заливистым девичьим голосом.

— А кто тебя латать тогда будет, Аш? Тебя, твоих воинов? Кто, кроме старой Веды знает, как вернуть вам энергию и жизнь?

— Почему не едешь со мной в Огнемай? Ты — Чанкр, Веда… Мое покровительство тебе не помешает.

— Я дала обет…Я не принадлежу никому из вас. Я нейтральна и в любой момент могу уйти из Мендемая. Если

начну служить кому-то из демонов я лишусь этой возможности.

— Как знаешь, через час я вернусь. Я хочу, чтобы к тому времени она открыла глаза.

Я услышала, как захлопнулась дверь и выдохнула с облегчением.

— Он ушел и вернется не скоро, хватит делать вид, что ты спишь.

Голос послышался совсем рядом, и я несмело приоткрыла глаза. Передо мной стояла пожилая женщина с длинными седыми волосами, заплетенными в толстую косу в просторном белом платье с накидкой. На ее морщинистом лице ярко выделялись голубые глаза. Слишком молодые, блестящие. Я лихорадочно осмотрелась по сторонам. Я в ее доме. Деревянные стены, низкий потолок, много полок с разными склянками и банками. Из убранства стол, сундук и кровать на которой я лежала.

— Боишься его, да? Кто б не боялся? Только старая Веда, потому что держала его на руках еще ребенком. Хотя он и не помнит об этом, а точнее не хочет помнить.

Ведьма наклонилась ко мне и потрогала мой лоб.

— Жара давно нет, все раны затянулись еще когда Аш принес тебя сюда. Я просто дала тебе возможность отдохнуть. Ты слишком устала, девочка. Тебе был нужен этот отдых после всего что пришлось пережить.

— Он чудовище! — сказала я и посмотрела на свое плечо — огненный цветок, как живой, шевелил под кожей лепестками, — Монстр, убийца. Ненавижу его.

Веда усмехнулась:

— Ненависть — это сильная эмоция…она намного лучше страха и равнодушия, — сказала она как бы про себя, даже не глядя в мою сторону. Ведьма сделала жест рукой и в ее пальцах оказался стеклянный сосуд, она взболтнула его и протянула мне.

— Он твой Хозяин. Смирись с этим. Этого уже не изменить. Аш везет тебя к себе. Еще три дня пути. Этот эликсир даст тебе силы продержаться, ты не будешь чувствовать усталости. Они задерживаются из-за тебя на целые сутки. В нашем мире время так же ценно, как и в твоем. Скоро вернется ураган и изменит дорогу, им придется заново проделать путь от Мертвого Озера. Это плохой знак. Не следует возвращаться.

Я фыркнула.

— Почему меня это должно волновать? Пусть они все сгорят, пусть дьявол заберет их в Ад, пусть они все сдохнут. Мне что до этого?

Ведьма расхохоталась. Какой у нее молодой смех. Словно под обликом старухи прячется молодая девушка.

— Мы итак в Аду, девочка. А дьявол прямой родственник твоего Хозяина. Так что …твои проклятия уже сбылись. Выпей. Он вкусный. А потом я тебя покормлю и погадаю. Хочешь? Веда не только колдунья, она еще и прорицательница.

Она мне нравилась. Впервые в этом треклятом месте мне кто-то нравился, почему-то ужасно захотелось остаться у нее. Здесь безопасно. Уютно.

— Самое безопасное место в этом мире рядом с Ашем. Поверь мне. Рядом с ним тебя никто не посмеет обидеть, особенно с этим знаком.

— Клеймо рабыни? Так уж никто и не посмеет? — съязвила я.

— Это не просто клеймо, это принадлежность. Таким клеймом можно гордится. Все остальные рабы имеют лишь выжженную пиктограмму с первой буквой имени хозяина. Ты имеешь знак, символ своего господина. Ты не просто рабыня, ты дорога Хозяину и этим цветком он показывает твое особое значение.

Я внимательно посмотрела на Веду, а потом взяла из ее рук сосуд.

— Велика честь быть чьей-то вещью. Без имени, без роду.

— Он даст тебе имя очень скоро. Намного раньше, чем думает сам.

Я все же выпила жидкость, она была похожа на вино сладкая и вкусная. Отдала пустую склянку ведьме, потом потрогала горло, вернулись воспоминания о ранах после ошейника. Его сняли.

Веда принесла мне тарелку с кашей, лепешку и сладкую воду.

— У нас мало еды для смертных, это все что есть. Но в замке Аша с этих проблем не возникнет.

Я жадно съела всю кашу, запила водой. Не особо вкусно, но съедобно, а я успела проголодаться и совсем не была уверенна что меня скоро покормят.

— Вот и молодец. Ну что? Погадать тебе? Давно я не рассматривала будущее смертных. Даже самой интересно.

Я протянула ей руку, но она засмеялась:

— Я не цыганка из твоего мира, я гадаю иначе.

Ведьма коснулась руками моей головы, и я дернулась. Последний раз, когда меня так коснулся демон, я испытала самую жуткую боль за всю свою жизнь.

— Не бойся, мне не нужно тебя ломать, чтобы увидеть. Я не Аш. У меня иные способности.

Она снова положила руки мне на голову, и я почувствовала покалывающее тепло, закрыла глаза и вздохнула. В этот момент ведьма одернула руки. Я так же резко распахнула глаза и увидела на ее лице странное выражение, она нахмурилась и смотрела на

меня с недоверием.

— Я не вижу твоего прошлого также, как и будущего. Ничего. Словно там глухая стена.

— Он видел, — пролепетала я.

— Он видел совсем другое. Он видел то, что ему было можно видеть. То, что позволили.

— Кто позволил? — я опять холодела от страха.

— Не знаю. Кто-то намного сильнее меня и его. Ты…ты не та, кем кажешься.

Я испугалась, у меня даже сердце зашлось. Что значит не та? И что теперь? Сейчас она скажет этому Зверю о своих предположениях, и он снова будет меня пытать.

— Я человек. Обычная девушка. У меня была семья: мать, брат. Все было: и учеба, и друзья, любимые книги и вещи. Я — человек! — Закричала так громко, что у самой заложило уши.

— Тихо, тссс, — никто не говорит, что ты в чем-то виновата. Успокойся. Вот так. Не кричи. Дай подумать.

Я замолчала, судорожно сжимая тарелку и чашку. Она открыла глаза, посмотрела на меня и тихо спросила:

— Ты их чувствуешь?

— Кого? — так же тихо переспросила я.

— Крылья.

Боже, они все сумасшедшие и эта старуха тоже. Ненормальная. Когда же весь этот кошмар закончится? А?

— Какие крылья? — я старалась не скатится в истерику, но очень была к ней близка. Захохотать со слезами на глазах.

— Ты — девственница, — она не спросила, а констатировала факт.

— Так получилось, — пожала я плечами, — какое отношение это имеет к крыльям?

— Потому что они появятся и очень скоро, — серьезно ответила ведьма и забрала у меня пустую тарелку, — тогда у тебя начнутся неприятности, очень большие.

Вот теперь я засмеялась, впервые за все время пребывания в этом треклятом месте. Неприятности? А сейчас что? Генеральная репетиция или пробы?

Дверь с грохотом распахнулась, и мы обе резко повернули головы. Мой мучитель стоял на пороге и удивленно…да, да, мне не показалось, именно удивленно, на меня смотрел. Не знаю, что его так поразило. Во мне ничего не изменилось, разве что все ссадины и синяки исчезли, а так я такая же какой была вчера и позавчера.

— У вас здесь весело, — сказал он и шагнул в комнату.

Тут же стало тесно, словно он занял собой все пространство.

Потом ткнул сверток Веде.

— Вот, пусть переоденется и через пять минут выходит. Мы уезжаем. Скоро снова буря, на этот раз со снегом. Если не выедем в ближайшие полчаса из вишты опоздаем к перепутью.

Бросил на меня пронзительный взгляд и ушел.

На этот раз одежда была довольно теплой. Шерстяное платье плотной вязки, рейтузы, сапоги и накидка с капюшоном обитая красивым мехом неизвестного мне зверя. Немного не мой размер, да и ладно. Главное, что я не буду мерзнуть. Я быстро переоделась, натянула сапоги, чуть великоватые, но довольно удобные. Веда помогла мне зашнуровать сзади платье, затянула тесемки на талии.

— Ладная ты. Особенная. Не привыкли к таким здесь. Сразу в глаза бросаешься. Я должна была понять, когда волосы твои увидела. Лунное серебро. В Мендемае нет луны и солнца. Давай заплету.

Она расчесала мои спутанные кудри очень аккуратно, а потом заплела несколько косичек по бокам и заколола сзади.

— Какая разница…все равно умру. Он убьет рано или поздно, — прошептала я.

Веда вдруг повернула меня к себе.

— Если бы хотел уже убил бы. Поверь, я точно знаю. Ты еще не видела его жестокости, ты не знаешь, что он есть на самом деле. С тобой он не жесток. Так что хорошо запомни, девочка, пока Аш рядом никто тебя не убьет. Не посмеют.

Ничего она не понимает эта ведьма. Она сумасшедшая, это сразу видно. Впрочем, чему удивляться? Здесь весь мир сошел с ума.

Веда подала мне зеркало.

— Посмотри какая ты необыкновенная.

Я с трепетом взялась за рукоятку овальной вещицы и посмотрела. Лучше бы я этого не делала. Там в овальном отражении на меня смотрел кто-то другой. Не я точно. Точнее я… только иная. Там в зеркале у меня белоснежная кожа, нет веснушек, ярко голубые глаза и мои волосы…они просто сияют. Ведьма права я необычная. И я совсем не уверенна, что мне все это дерьмо нравится. Иначе эти перевоплощения и ее бред о крыльях не назовешь.

Я вышла на улицу с опаской, застыла на пороге, ожидая чего угодно. Люди шныряли мимо, бросая на меня любопытные взгляды. Аш направился ко мне, и я судорожно вздохнула, сдерживаясь изо всех сил чтобы не сжаться в комок или не побежать. В его руках был ошейник. Тот самый. Я дернулась назад, но он схватил меня за волосы и удержал. Ну почему?

Почему нельзя обращаться со мной нормально, не как с собакой или какой-то тварью? Вдруг пришло на ум — он не умеет иначе.

— Пожалуйста…я прошу тебя, не надевай на меня это. Я не сбегу. Пожалуйста.

— Обсуждению не подлежит.

Отчеканил мучитель и надел на меня жуткую металлическую штуку, которая тут же впилась в кожу. Если он снова посадит меня на цепь и потащит, я не выдержу. Но вместо этого Аш запрыгнул в седло, а потом наклонился и легко, как ребенка, подхватив одной рукой, усадил впереди себя в седло.

— Фиен, двигаемся в путь. Рабов в повозку, накиньте капюшоны скоро начнется ураган мы застанем самое начало если повезет, а не повезет попадем в самую бурю.

Я вся внутренне сжалась, быть настолько близко к нему…это не просто страшно, это ужасно. Кажется, одно движение, и он свернет мне голову как цыплёнку. Всего то пережмет двумя пальцами и нет меня. Меня снова бросило в дрожь.

— Перестань, — пророкотал позади меня, и я вздрогнула, — я не собирался тебя душить и хватит дрожать. седло ходуном ходит.

Я стиснула зубы стараясь унять дрожь, но у меня ничего не получалось. Скорее это от не от страха, а от холода. Чем дальше мы ехали по пустынным землям, тем холоднее становилось. Ветер поднимал вихри красной пыли и пробирал до костей, даже шерстяное платье и теплая накидка не помогали. Я потерла руку об руку и дохнула на свои пальцы, со рта вырвался пар. В этот момент почувствовала, как демон резко прижал меня к себе очень грубым рывком, у меня чуть сердце не остановилось, когда я почувствовала под грудью огромную горячую ладонь и ощутила спиной его железный торс. Я тут же попыталась вырваться, но это было жалкой попыткой, такой ничтожной, что у меня от усилий свело все мышцы, а его рука не сдвинулась даже на дюйм. Я еще какое-то время барахталась, а потом затихла. Потому что согрелась. У него очень горячее тело, оно излучало жар и окутывало меня теплом, тогда как воздух становился все холоднее. Мне вдруг стало очень уютно, насколько это вообще возможно в моем положении, я не только согрелась, а еще и удобно устроилась на его груди.

Мужская ладонь по-прежнему лежала на моей талии, очень большая и теплая, она жгла кожу, но не сжимала, а лишь придерживала меня. Я вдруг подумала о том, что он не одет, только накидка и кольчуга, а значит я прижимаюсь спиной к его голой груди. К той самой…бронзовой с кубиками мышц, умопомрачительной.

— Хватит, — проворчал он.

— Что? — сонно спросила я.

— Хватит обо мне думать.

— Я не думала о тебе.

— Думала.

— Ты жуткий монстр и все, о чем я думаю это как вырваться на свободу и избавится от тебя, — возразила я, а сама вопреки своим словам откинула голову назад и закрыла глаза. Мне было хорошо, мысли куда-то улетучились, и я просто наслаждалась теплом.

— Тогда давай отправим тебя в повозку с рабами, тебе там самое место. Он резко осадил коня, и я насторожилась. Что значит в повозку? Там холодно, я там превращусь в кусок льда. Я не бессмертная как остальные рабы.

— Тогда перестань выделываться и сиди тихо. В любом случае тебе нравится здесь со мной. Прижиматься к моей голой бронзовой груди с хм…кубиками.

Черт, ну почему я никак не привыкну что этот монстр читает мои мысли?

— Ничего подобного, мне просто тепло. У тебя горячая кожа. Наверное, это единственный твой плюс. Точнее ваш плюс.

Его рука вдруг сильнее сжала мою талию и сдвинулась чуть наверх.

— Да, у нас очень горячая кожа. Демоны мужчины — это огонь, а моя династия — это огненная династия. Эш, мой отец — огонь, а я Аш — пепел. Мы повелеваем стихией огня и ветра.

Я снова задремала, под завывание вьюги, мерный шаг коня и под стук его сердца.

Странно у этого Зверя есть сердце? Или это так, физиология? Когда он превращается в чудовище у него тоже бьется сердце?

Наверное, я все же заснула. Во сне чувствовала, как сильнее сжимается его рука на моей талии, как она жжёт мое тело сквозь платье, совсем рядом возле груди. Интересно…демоны они спят со своими рабынями? Занимаются с ними любовью? Или только рвут на части и убивают? Аш какой он в любви, сексе? Если бы он касался меня иначе, лаская…чтобы я почувствовала? У него очень мощные руки и невероятно красивое лицо. Особенно губы. Сурово сжатые, резко очерченные. Если коснуться их губами они, наверное, твердые?

В этот момент мне показалось что он сжал меня очень сильно, я распахнула глаза и глубоко вздохнула, он тут же ослабил хватку. Шел снег. Самый настоящий, огромными хлопьями, кололся и жег кожу, царапая и обмораживая мое лицо. Я жмурилась, натягивала капюшон пониже, но он все равно

забивался мне за шиворот и обжигал, жалил. Наверное, я достала демона своим копошением и Аш вдруг резко подняв меня в воздух усадил на лошадь лицом к себе.

— Может теперь ты перестанешь ерзать, — проворчал он.

Я подняла голову и посмотрела ему в лицо. Слишком близко. На секунду у меня перехватило дыхание от его красоты. Словно впервые увидела. У него и в самом деле бронзовая кожа, резкие правильные черты лица и светло зеленые глаза. Прозрачные, как хрусталь. Перевела взгляд на губы. Как я могла подумать, что они сурово сжаты и что они твердые? Вблизи они казались мягкими и сочными, очень чувственными, особенно нижняя губа. Никогда не видела кого-то красивее его. Если бы он не был демоном, зверем, таким жутким монстром там в моем мире я бы… Зеленые глаза стали оранжевыми за мгновение, языки пламени колыхнулись в глубине, зрачки расширились, удерживая мой взгляд насильно. Нет…никогда я бы не смогла. Он жуткий. Это все обертка, а он сам ужасный Зверь. Никогда мне не понравится такое жуткое чудовище. Он стиснул челюсти и по левой щеке пробежали огненные змейки вен. Я вдруг почувствовала, как Аш схватил меня за волосы на затылке и потянул, заставляя запрокинуть голову. И снова вспышка — боже, как же он красив. Как Бог или сам Дьявол. Даже страшные оранжевые глаза не портят его дикой красоты, порочной, первобытной страстной. Я затихла…сейчас он не пугал меня происходило что-то совершенно невероятное, но я поняла, что жду. Чего? Не знаю. Наверное, как эти безумно красивые губы коснутся моих губ или жадно сомнут их, или искусают до крови. Но захотелось чтобы касался. До боли захотелось. Это было яростное и неожиданное желание, оно пульсировало в висках, заставляя задыхаться. Аш обхватил мое лицо пятерней, грубовато, но неожиданно приятно. Большой палец скользнул по моим губам, словно проверяя какие они на ощупь. Я вдруг поняла, что вместо того чтобы сопротивляться положила руки ему на грудь и от ощущения его кожи под пальцами меня снова бросило в дрожь. Но это уже не страх это дикое восхищение прикосновением. У него удивительно гладкая кожа, горячая, бархатная. Палец на моих губах дрогнул. Ладонь скользнула по подбородку. Пальцы опустились ниже и мое сердце забилось намного быстрее. Еще немного и ладонь ляжет мне на грудь. Мне до безумия захотелось ласки, мгновенно затвердели соски. Я уже «чувствовала» как его пальцы сжимают тугой комочек, заставляя меня застонать от наслаждения. Низ живота обдало жаром. Меня давно никто не касался…вот так по-настоящему никогда. Страх и воспоминания о той боли что он причинил мне отошли на второй план. Я смотрела на его рот и

жаждала почувствовать вкус этих губ, жестоких, властных. В этот момент я ощутила нечто очень странное под кожей на спине, словно прошла судорога. Сначала слегка, потом сильнее, натягивая, вызывая легкую боль. Рука на затылке рванула меня вперед и теперь наши губы почти соприкасались. Я чувствовала его тяжелое дыхание и мое сердце забилось так быстро, так неистово. От волнения я перестала дышать. Снова странная судорога и меня тут же бросило в жар, мужская ладонь накрыла мою грудь, сжала, довольно грубо, но у меня помутилось перед глазами от болезненной жажды продолжения, а губы демона жадно прижались к моим губам. В это момент я вся дернулась. Меня пронзила адская боль, невыносимая…, под лопатками, словно острые бритвы резали плоть изнутри. В тот же миг Аш сжал мои волосы сильнее и так рванул назад, что я закусила губу.

— Противно? Боишься?

Я не могла ответить, меня парализовало. Я чувствовала, как под кожей что-то шевелится и от ужаса у меня на глазах выступили слезы. Губы демона скривились в презрительной усмешке, а глаза затянулись черной пеленой в них полыхала ненависть.

— Правильно, бойся! Жалкая смертная… и больше ничего, — прорычал он и прижал меня к себе, — мы въезжаем в самый буран, спрячь лицо не то обморозишься.

Я закрыла глаза и уткнулась носом ему в грудь. Все еще было очень больно, но постепенно жуткие шевеления сошли на нет. Мне стало страшно, но я запретила себе думать. Не сейчас.

— Аш, — я услышала голос Фиена, — дальше ехать нельзя. Перепутье сместилось, а Черной дорогой не стоит.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы я боялся? Я не собираюсь заново проделать весь путь. Давай скажи всем, что мы поедем Черной дорогой через тонель.

— Хорошо. Тебе виднее, — крикнул Фиен.

Я не знаю, как все это началось. Я вообще ничего не поняла, но вдруг послышались крики, свист мечей, рассекающих воздух, звон стали. Конь Аша бросался из стороны в сторону, а демон сжал меня так сильно, что я постанывала от боли. Слышались дикие крики, рычание, хлюпающие звуки.

— Они со всех сторон, Аш.

— Держите круг. Спина к спине, не подпускайте и не нападайте.

Боже, что происходит? Что черт раздери происходит?

— Держись за меня. Чтобы не случилось просто держись за меня и не разжимай рук, ШелИ!

Я была слишком напугана, чтобы понять, что сейчас мне дали

имя. Я даже не сразу поняла, что это имя…на их языке оно означало «Моя».

— Не нападать, только отражать удары, — услышала я голос Аша и зажмурилась. Мне стало страшно. Внутри меня нарастал рев ужаса. На нас кто-то напал.

А потом началось невозможное, конь метался из стороны в сторону и меня подбрасывало в седле, а я намертво вцепилась в Аша. Свист воздуха, рассекаемого сталью, удары, ржание коней, дикие крики агонии и снова свист.

— Их не так уж много, засада. Эльфы, ублюдки. Отобьем путь. Давайте, в атаку. Сейчас.

Демон все еще прижимал меня к себе, и я слышала, как он рычит, все его мышцы ходят ходуном, дыхание срывается, и я боялась открыть глаза. Я знала, что он принял нечеловеческий облик и я не хотела этого видеть. Мне было страшно до безумия, и я так сильно впилась пальцами в его шею, в волосы, в жесткую перевязь, что, наверное, меня было не оторвать. Вдруг Аш вздрогнул, и рука, удерживающая меня разжалась, но я все равно держалась очень крепко, а потом он снова подхватил меня под ребрами и сдавил, не выпуская. И почему-то в этот момент я нисколько не сомневалась — он не выпустит, чтобы не произошло, он меня не выпустит.

Наконец-то все закончилось, я уже почти не шевелилась от ужаса, мои пальцы затекли, а тело свело судорогой от напряжения. Конь замер и рука, сжимающая меня так крепко, наконец-то разжалась.

— Суки…твари. Фиен, есть потери?

— Нет. Только раненые. В конце тоннеля сделаем привал. Ты цел?

— Так пару царапин, приму противоядие, когда выедем из тоннеля.

— Их было слишком много, и они словно, ждали нас. Или… или их предупредили о нашем появлении.

— Плевать. Отбились. Оставим здесь несколько воинов — пусть охраняют. Приедем в замок я отправлю сюда армию. Если кто-то сдал — разберемся в Огнемае. Допросим всех воинов.

Он вдруг отодрал меня от себя и посмотрел мне в лицо:

— Согрелась? — радужки сменили цвет на ярко зеленый. Я кивнула, говорить не могла от страха сердце едва билось. Я стерла все пальцы о его перевязь и теперь они кровоточили.

— Скоро передохнем.

С этими словами он снова прижал меня к себе и мне вдруг стало уютно, не просто уютно, а я поняла, что рядом с ним мне и правда ничего грозит…кроме него самого. Только сейчас я не

боялась. Напрасно, конечно. Прежде всего стоило бояться именно его. Только как бояться если я понимала, что он дрался одной рукой и почти не на секунду не выпустил меня. Наверное, это требовало сумасшедшей выдержки, умения, дьявольской ловкости и силы.

Глава 7

В этот раз они не разбили лагерь, просто развели костры в самом конце каменного тоннеля. Дико завывал ветер, крупные хлопья снега залетали во внутрь наши укрытия. Снаружи все стало тускло серым, даже воздух. Раненный демонов положили у костра. Я смотрела как рабы поливают их жуткие раны из небольших сосудов с голубой жидкостью, а потом зашивают рваную плоть на живую длинными иглами с загнутыми концами. Меня слегка передернуло. Я опять чувствовала боль, чужую. Очень странное ощущение. Я просто впитывала в себя эти волны страданий и у меня ныло сердце. Вспомнила как отнесся Аш к моему всплеску жалости по отношению к Норду и тяжело вздохнув села у костра.

Я обхватила плечи руками, облокотилась о каменную стену и смотрела как Аш снял плащ, перевязь, кольчугу, небрежно бросил на землю, затем аккуратно положил меч, отливающий огненными бликами, словно он был ему необычайно дорог.

— Фиен, заштопаешь? Не доверяю лапам рабов, — проворчал он, а повернулся ко мне. Я вздрогнула — на щеке демона зияла глубокая рана, черная кровь залила шею и плечо, чуть выше локтя еще несколько ран, таких же страшных и глубоких. Плоть демона покромсало до кости, именно этой рукой он прижимал меня к себе.

— Аш, Чеар тяжело ранен, не могу сейчас, — раздался голос Фиена, — противоядие не помогает голубой хрусталь разрезал жизненно важные органы, яд распространился слишком быстро. Похоже мы его потеряем.

Аш тихо выругался, достал из кармана на перевязи маленький сосуд и плеснул в раны на руке. Плоть зашипела как обожжённая и демон заскрежетал зубами.

Оторвал кусок материи от плаща, плеснул на нее жидкость и приложил к щеке, на секунду закрыл глаза, но не издал ни звука, лишь по лицу пробежала сетка вен, вспыхивая и затухая. Аш взял иглу, втянул нить и принялся зашивать рану на лице.

Я смотрела на него, чувствуя, как в горле пересохло. Теперь я ощущала его боль дикую, нечеловеческую. Ощущала намного сильнее, чем раньше.

Внутри появилось снедающее чувство…нет, не жалость — осознание. Если бы он мог драться двумя руками, его бы скорей всего даже не задели. Но левая сторона осталась незащищенной. Из-за меня. Я подошла к нему, но он меня не заметил. Стиснув челюсти, Аш зашивал рану наощупь.

Не знаю, как я это сделала и вообще откуда взялась такая дерзкая и отчаянная смелость, но я коснулась его плеча. В ту же секунду мое запястье и горло перехватили его железные пальцы. Одной рукой Аш удерживал меня на расстоянии, а другой так сильно сжимал мое запястье, что у меня невольно вырвался тихий стон.

Наши взгляды встретились, он слегка подрагивал, не от ярости, я даже не поняла почему:

— Никогда не подкрадывайся и не прикасайся ко мне, — прорычал Аш.

И я вдруг поняла — он терпел боль, его челюсти были сжаты, а глаза метали огненные молнии. Я помешала ему терпеть.

— Позволь зашью, я умею, — сказала очень тихо и взгляд не отвела, продолжала смотреть ему в глаза. Постепенно оранжевые блики померкли, и демон медленно разжал пальцы. Он слегка прищурился, глядя на меня, потом протянул иглу.

— Зашивай.

Я судорожно сглотнула, и став на колени приблизилась к нему. Черт, нет…я так не достану, я намного меньше ростом. Демон, как всегда, прочел мои мысли, взял меня за талию и усадил к себе на колени, лицом к лицу, чуть приподнял свои ноги и теперь наши лица впервые находились почти на одном уровне. Аш подставил мне щеку.

Я опасливо прикоснулась к его лицу кончиками пальцев, очень осторожно, как прикасаются к опасному хищнику, ожидая подвох и он вдруг дернулся. Скорее непроизвольно. Я неосознанно попыталась успокоить и нежно провела ладонью по израненной щеке. В этот момент мою руку опять перехватили его пальцы лишь на секунду и снова разжались. Странно…я бы никогда в это не поверила, но такое впечатление что мои прикосновения его пугают.

Я не отняла ладонь, а он прикрыл глаза. Если честно, то я никогда не зашивала людей. Разве что одежду или свои игрушки. Мама научила меня шить, когда я была еще совсем маленькой… ведь она швея, а я любила смотреть как она мастерит безумно красивые вещи на заказ. Оказывается, не так просто проколоть чью-то кожу, осознавая при этом, что причиняешь боль живому существу. Я могла бы мстительно исколоть ему всю щеку… но меня останавливало то, что он мне доверился. Конечно это дикое определение по отношению к нему, думаю он спокоен, потому что уверен в себе, а не потому что доверяет, одно мое неверное движение и демон свернет мне шею, как цыплёнку.

Я зашивала осторожно, настолько сосредоточилась, что слегка прикусила кончик языка и вдруг почувствовала, как его

ладонь сжала мою талию, придвигая меня ближе. Я на секунду замерла — Аш смотрел на мое лицо, словно изучая или напряженно о чем-то думая. Ну почему я тоже не могу читать его мысли? Хотела бы я знать, о чем он думает. Я устроилась поудобнее у него на коленях и сделала еще несколько стежков.

— Не вертись, — очень тихо попросил демон.

Попросил? Не приказал. Я снова подвинулась на нем и в этот момент ладони сжали меня сильнее.

— Перестань ерзать на мне, — хрипло сказал он и я вдруг почувствовала твердость, там внизу, под моими распахнутыми бедрами, под кожаной материей его штанов ощущалась длинная горячая выпуклость и я сижу прямо на ней…на нем…Кровь прилила к моим щекам, когда я вдруг поняла, что ощущаю его эрекцию. Я нечаянно укололась иголкой и инстинктивно взяла палец в рот. Взгляд демона запылал, он смотрел на мой палец и на мои губы. Я судорожно вздохнула и принялась зашивать дальше, придерживая его лицо ладонью. Теперь я не просто не вертелась, я не дышала, а мое сердце колотилось так сильно, что, наверное, его слышно за несколько метров.

— Неплохо, — сказал Аш, когда я закончила зашивать последнюю рану на его предплечье.

— Кто на нас напал? — спросила я и он вдруг снял меня с себя и усадил на землю. Не швырнул как обычно.

— Отдыхай. Потом об этом поговорим.

Он повернулся к рабам и громко приказал:

— Разбивайте шатры, мы остаемся здесь до окончания бури.

Я пригрелась у огня и смотрела на блики. С детства завораживал костер, искры и пепел. Как символично. Пепел.

Демон дремал. Впервые видела, чтобы он спал. Хотя, можно подумать я давно его знаю, но те четверо суток, что я провела рядом с ним ни разу не видела Аша не то что спящим, а даже чтоб прилег хоть на минуту. Сейчас он растянулся на медвежьих шкурах и закрыл глаза, а я рассматривала его жадно, со всем любопытством которое скрывала все это время. Если сравнивать Аша с теми мужчинами, которых я знала, то все он меркли на его фоне становились серыми и безликими, смазанными. Аш обладал животной энергией, яркий и харизматичный, его внешность…она не поддается определению. Он безумно красив и в тот же момент от его красоты кровь стынет в венах или плавится как жидкое железо. Он волновал меня и пугал одновременно. Особенно сегодня, когда прикоснулся ко мне, когда его грубая ладонь легла на мою грудь, а губы прижались к моим губам…это…это было непереносимо. Я расплавилась. Я жаждала его прикосновения, знала, что нежности не будет и все равно жаждала как никогда и

никого за свою жизнь. Это самые яркие сексуальные переживания из всех что я помню. К демону. К Хозяину, которого ненавижу всем своим существом. Может быть я ненормальная? Или у меня синдром жертвы…сексуальное влечение к мучителю. С психологией я не дружу и своим чувствам не могу дать определения. Только когда увидела его раны…так странно, я смогла почувствовать боль, физически ощутить его ауру, которую он пытался скрыть от всех. Со мной что-то не так. Я действительно странная.

Подползла к нему и села совсем рядом, подогнув ноги под себя. Рядом с ним теплее чем у костра. Черные волосы демона разметались по белоснежным шкурам и блестели в свете костра. Он не казался мне таким неприступным и диким как обычно. Все черты лица правильные, четкие, идеальные. Густые брови, длинные ресницы, ровный нос и очень чувственный рот, широкие скулы и даже свежий шрам не портил этой красоты.

Какая дерзость рассматривать его так близко, но удержаться невозможно. Я несмело прикоснулась к его груди и тут же одернула руку, вспоминая как жадно сминала атласную кожу и задыхалась в объятиях. В эту секунду он открыл глаза и я перестала дышать, сердце пропустило несколько ударов, а потом забилось с бешеной скоростью.

Я хотела попятится назад, но он сгреб меня за шиворот и рванул к себе.

— Иллюзии, они причиняют гораздо больше боли, чем реальность, — прорычал он.

А я не понимала, чем разозлила, неужели прикосновениями?

— Когда я возьму тебя это не будет походить на твои сказочные представления о герое любовнике. Не для тебя. Ты побываешь в лапах зверя, на тебе не останется живого места, ты истечёшь кровью и умрешь.

Я зажмурилась, когда он приблизился ко мне и больно сжал мои волосы.

— Хочешь превратится в кусок мяса?

— До сих пор не превратилась…ты спасал меня.

Неуверенно ответила я, а он расхохотался.

— Так же, как и свою собаку, свой плащ или своего коня. Мою вещь.

— Ты лжешь, — ответила я и сама ошалела от своей наглости.

Пальцы на моих волосах сжались еще сильнее и на глаза навернулись слезы от боли.

— У тебя слишком дерзкий язык для рабыни. Я могу сделать тебя немой, выдрать его и отдать Норду. Немая рабыня ценится

намного выше, она не может предать и много болтать, как ты. Мои братья всем смертным рабыням отрезают языки я кажется начинаю их понимать.

— Ты не сделаешь этого, — но я не верила сама себе, когда сказала это, — там внутри тебя есть боль, я чувствую ее.

Он зарычал и глаза засверкали, заставляя меня сжиматься от ужаса.

— Я не знаю, что такое боль, смертная…но ты это узнаешь очень скоро.

Я поздно поняла, что он меняется, слишком поздно чтобы убежать или спрятаться.

— Смотри какой я…смертная…смотри и содрогайся от ужаса.

Кожа демона стала пепельной, покрываясь сеткой вен, словно под ней бурлила магма. Радужки глаз полностью затянулись черной пленкой, демон оскалился, и я увидела длинные острые клыки. Пасть зверя. Я дышала очень часто, глубоко, стараясь побороть панику, унять бешеное сердцебиение.

Когти демона коснулись моей щеки и слегка надавливая спустились ниже к подбородку.

— Одно движение, и я распорю тебя на части. Твоя кожа обвиснет как жалкие лохмотья. Мой язык заставит тебя задохнуться еще прежде чем я войду в тебя и разорву изнутри.

Словно в доказательство своих слов он высунул язык, очень длинный, раздвоенный на конце как у змеи. Мне хотелось закричать, но меня парализовало под взглядом этих жутких глаз без зрачков.

Демон провел языком по моим губам, а коготь подцепил материю платья и с легкостью распорол на груди оставляя на моей коже кровавый след. Я вскрикнула и черные глаза заблестели, он пожирал мой страх и мою боль, ему нравилось впитывать этот дикий ужас. Я скармливаю демону его любимые эмоции. Он жаждет агонии, повиновения и тогда растерзает меня без сожаления. Я словно дразню сырым куском мяса голодного хищника и его реакция будет вполне предсказуемой.

— Ты можешь быть другим, — простонала я, — прикасаться иначе. Сегодня…ты ласкал меня. Не так. По-другому, — это была жалкая попытка что-то изменить. Ничтожная. Мне не оставалось ничего другого, я хотела достучаться до него, я все еще не верила, что тот, кто нравится мне настолько, что каждый раз от его прикосновений замирает сердце, все же окажется просто зверем.

Я взяла страшную руку с длинными звериными когтями и положила себе на грудь.

— Ты заставил мое сердце биться чаще…не от страха…от желания.

Демон замер, язык исчез за уродливыми черными губами. Он смотрел на меня, и я вдруг почувствовала, что мои слова…они действуют, я должна говорить. Он слушает меня. Внимательно. Слегка склонив голову набок и прищурив страшные глаза.

— Ты целовал меня и мне хотелось раствориться в твоих руках…я не боялась тебя, а хотела…как мужчину. Моего Хозяина. Любовника.

В голове вспыхнула яркая картинка, как он прижимает меня к себе, одной рукой, а другой ласкает мою грудь, как жадно и алчно его мягкие губы сминают мой рот. По моему телу прошла дрожь и внизу живота стало горячо. Как тогда…когда я впервые в жизни испытала на себе жестокие ласки демона. Мне хотелось еще…

Если он читает мои мысли, то должен прочесть и эти. Словно в ответ Аш снова изменялся, зверь исчезал и на его месте появлялся человек, а я снова осмелела и теперь положила руки на его широкие плечи.

— Поцелуй меня…как сегодня утром, — попросила я, стараясь не замечать, как сильно он держит меня за волосы. Он тряхнул головой, словно не понимая, словно я говорила нечто такое, чего он никогда в своей жизни не слышал.

— У тебя очень мягкие и вкусные губы, — продолжала я, обвивая его шею руками, чувствуя его недоумение, он словно застыл, превратился в камень. Я гладила его затылок, погружая пальцы в густые волосы, привлекая к себе. Мне до боли хотелось его поцелуя, снова почувствовать это жестокий рот на своих губах, а руки на моем теле. Я прикоснулась к его щеке и так же как и он сегодня утром провела большим пальцем по его губам. Демон закрыл глаза, его ноздри трепетали, а челюсти сжались до скрежета в зубах. Ему нравилось. Я была уверенна в этом. Ему нравились мои прикосновения. Я поцеловала его сама, обхватив лицо Аша ладонями, прижимаясь к его горячей груди всем телом. Я чувствовала голод…неясный, волнующий сводящий с ума, заставляющий трепетать, особенно когда его ладони сжали меня так сильно, что я тихо застонала.

Он вдруг жадно набросился на меня, перехватил мой стон губами. Меня еще никто и никогда так не целовал: властно, дико, с каким-то исступлением, терзая, поглощая, выпивая мою волю, страх, отчаяние. Мое сердце билось в горле, мне хотелось кричать, меня раздирало от самых примитивных и сумасшедших желаний, в мой мозг врывались такие жаркие фантазии, о которых я даже не подозревала…я хотела его. Как мужчину. Хотела неожиданно, требовательно, до боли.

— ШелИ, — шептал он мне в губы и снова терзал их, иногда

прикусывая, погружая язык в мой рот, переплетая с моим языком.

Я целовала его исступленно, сгорая от страсти неведомой мне ранее. Даже не подозревая, что способна на такое безумие. Горячие ладони накрыли мои груди, сжимая соски, перекатывая между пальцами, заставляя меня взвиться от сумасшедшего желания позволить ему все, почувствовать на себе тяжесть его мощного тела, обхватывать его торс ногами и отдаваться с отчаянным безрассудством забывая о страхе и о том, что он не человек. Я выгнулась навстречу его ласкам.

Аш прижался губами к моей шее опаляя ее горячим дыханием, спускаясь ниже, провел языком по царапине, оставленной его когтями и, закрывая в изнеможении глаза, я прошептала:

— Ты мой Хозяин…ты решаешь растерзать меня или нет. Ничто не может управлять тобой и повелевать…только твои решения. Быть Зверем или человеком.

Внезапно Аш схватил меня за волосы, оторвал от себя

— Повтори, что ты сказала, — прошипел мне в лицо и глаза снова затянулись черной пленкой.

— Ты решаешь Зверем быть или человеком, — всхлипнула я и он вдруг наотмашь ударил меня по лицу и отшвырнул в сторону настолько яростно, что от неожиданности я задохнулась, распласталась по полу.

— Ты назвала меня человеком? Ты сравнила меня с собой? Жалкой смертной? Решила, что представляешь для меня ценность? Ты — моя вещь и ты значишь для меня ровно столько, сколько любая безделушка. Захочу — сломаю, захочу раздавлю, а захочу просто вышвырну. Легко. Вот так.

Он щелкнул двумя пальцами у меня перед носом.

— И ты права — я все решаю, и я Демон, а значит хуже зверя.

Я протянула к нему руку, но он больше не смотрел на меня, вышел из шатра. Я свернулась в комок на полу, чувствуя, как кровоточит изнутри разбитая щека. Я не поняла, что произошло, не поняла почему он вдруг пришел в такую неистовую ярость, когда всего минуту назад так страстно сжимал меня в объятиях и ласкал, целовал с диким исступлением, заставляя стонать от нетерпения и терять стыд в его руках.

Аш вернулся через несколько минут с Фиеном. От ярости не осталось и следа. Ледяное холодное равнодушие.

— Ты едешь в Арказар. Продашь ее.

Я приподняла голову. Фиен смотрел на меня сверху вниз:

— Надоела?

— Осточертела. Все. Забери. Завтра чтоб духу ее не было среди нас.

— Почему? — Фиен в недоумении приподнял одну бровь, а я вытерла разбитые губы ладонью и попыталась в стать. В голове шумело, закладывало уши.

— К дьяволу вопросы. Продай, я сказал. Мне по фиг кому. За копейки, бесплатно отдай. Плевать.

Я не верила своим ушам…Почему? За что? За то, что посмела его захотеть, целовать и прикасаться?

— Не пойму тебя, то кричишь что она твоя, то приказываешь продать.

— Кто тебя просит понимать? Просто выполни приказ.

Фиен снова посмотрел на меня.

— И тебе все равно кто будет ее новым Хозяином?

— Плевать.

— Тогда я возьму ее себе

Воцарилась тишина.

— Нет! — похоже на раскат грома.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы она оставалась в лагере. Избавься.

Фиен пожал плечами.

— Я отвезу ее в мою виштy это по пути в Огнемай, и ты ее не увидишь. Вместо Арказара. До моего имения гораздо ближе.

— Забирай, — прозвучало как приговор, словно только что мне оторвали кусочек сердца. Маленький, совсем еще крошечный. Тот самый который воспламенился от его прикосновений и поверил, что Демон может чувствовать. Я приподнялась на дрожащих руках. Неужели ошиблась? А мне показалось в нем есть что-то человеческое. Немножко. Искорка. Я видела…или это то что я хотела видеть.

— На ней твое клеймо, — Задумчиво сказал Фиен рассматривая меня блестящими от похоти глазами, — Я не увезу даже на несколько метров, — проворчал он.

Аш усмехнулся, и я вся сжалась от этого дикого оскала. Он достал из-за пояса нож.

— Подержи, — сказал Фиену.

Приближенный схватил меня за плечи, рывком усадил на полу и зажал между коленями как в тиски, удерживая мое плечо, у меня не осталось сил на сопротивление, я просто смотрела на Аша и тихо прошептала:

— Ты чудовище… Ты монстр. Ты…животное. Я ошиблась…в тебе нет ничего человеческого.

В этот момент лезвие ножа впилось в мое плечо и от волны дикой боли у меня потемнело перед глазами. Демон срезал с меня свою метку. Ту самую, которую ведьма назвала особенной. Для меня это было слишком, лишь успела пожалеть, что Гидра не

сожрала меня в диком лесу…я просто молилась, пожалуйста, Господи, пусть я закрою глаза и все это окажется кошмаром.

Глава 8

Мы ехали молча, ураган немного поутих, мелкие снежинки кружились в воздухе и падали на землю, таяли на моих щеках и ресницах. Видимость все еще оставалась плохой, белый туман окутывал все вокруг, опутывая паутиной даже ноги коня, но Фиен уверенно пришпоривал скакуна и мчался вглубь тумана. Ни живой души, ни звука, лишь эхо от конских копыт. Словно все замерло. Жуткое место, жуткий, проклятый мир.

Мне уже было все равно куда он меня везет.

Я все еще не могла осознать, что сменила Хозяина, в который раз за несколько дней, даже не думала об этом, как и о боли в плече, она уже стихла. Фиен, в отличии от его Повелителя, оказался более гуманным. Он перевязал мою рану куском мягкой материи, прежде чем мы отправились в дорогу.

Мне уже не было страшно. Казалось, я пережила за это время все, что способно напугать человека. Фиен не ужаснее самого Аша. Я бы сказала наоборот. Просто в груди невыносимо больно, словно каждый вздох причинял страдания. Какой же дурой оказалась, во что поверила и на что надеялась? Какое ничтожное и жалкое я существо, если допустила мысль, что самый жуткий демон Ада способен относится ко мне иначе. Я, как слепой котенок, ткнулась в те руки, которые меня накормили и защитили, но именно эти руки и били больнее других. Наотмашь, в самое сердце и ударят еще не раз.

— Не замерзла, красавица? — спросил Фиен и крепче прижал меня к себе, — приедем в вишту — согрею, ух согрею. В отличии от Аша я уже имел смертных любовниц и умею быть очень нежным, внимательным любовником. Я сохраню тебя надолго. Угодишь мне — станешь любимой рабыней и будешь купаться в роскоши. Даже когда ты мне надоешь, я не убью тебя, а выдам замуж за одного из рабов. Вот увидишь, Серебрянка, ты будешь счастливой.

Я молчала. Мне уже все равно как он будет ко мне относится — пусть лучше убьет. Я не хочу «ходить» по рукам. Не хочу, чтобы мне давали позорные клички, как собаке. Каждый хозяин свою.

— Чего молчишь? Или ласки Аша предпочтительней моих? Он уже прикасался к тебе? — Фиен расхохотался, — Аш не умеет прикасаться, он слишком груб в сексе, он всегда убивает или калечит. Нежность ему неведома. Наслаждение в боли. Когда жертва кричит и задыхается от мучений — Аш ликует. Такова природа его Зверя. Его династии Огня. Так что радуйся, что он отдал тебя мне. Я же имею другую природу — во мне течет кровь

инкубов, соблазнителей, повелителей снов и наслаждений.

Я закрыла глаза, стараясь не слушать его. Плечо снова пекло и с каждой секундой боль становилась сильнее. Я терпела, закусив губу, стиснув пальцы, но чувствовала, как под кожей закипает огонь.

— Почему ты дрожишь?

Господи, пусть он заткнется иначе я сойду с ума. Меня раздражало все, даже снег и влажный холодный воздух, а больше всего его голос и прикосновения рук к моему телу.

— Тебе холодно? Или тебе нравится, как я сжимаю тебя?

Его ладонь пошарила по моей груди, меня передернуло от отвращения.

Плечо разрывало изнутри и с моих губ сорвался стон. Фиен осадил коня, видимо он принял этот стон за знак согласия или… Господи, как же больно, даже когда Аш срезал мою кожу кинжалом мне не было так плохо, как сейчас.

— Давай я согрею, тебя, Серебрянка, приласкаю… — прошептал Фиен в этот момент меня скрутило от боли пополам, и я вскрикнула, повязка на плече вспыхнула и загорелась.

— Твою мать! — зарычал демон и содрал обгоревшую ткань. Я беззвучно плакала, сил терпеть не осталось, медленно повернула голову и посмотрела на плечо, у меня тут же перехватило дыхание — огненный цветок ярко сиял под кожей, излучая блики оранжевого пламени, облизывающего языками мою плоть изнутри, словно никто его не уничтожил, не срезал безжалостно вместе с мясом.

— Что за…дьявол тебя раздери!

Фиен, стащил меня с коня и смотрел на цветок расширенными полыхающими глазами. Не такими страшными как у Аша, но все же.

— Только высшая раса, заклейменная другой высшей не может менять Хозяина, — пробормотал он и обошел меня со всех сторон, — бред, мы не брали в плен Эльфов чертовую тысячу лет, с тех пор как Нейтралы запретили нам. Кто ты? Ты не человек…

Боль постепенно стихала, но плечо ныло, обжигало. Я не могла отвечать на его вопросы, я сама не понимала, что происходит.

— Сделай несколько шагов вперед, — приказал Фиен, — ну, давай, шевелись. Пробегись вперед, я разрешаю.

Можно подумать я его боюсь, наоборот я уже мечтала, чтобы кто-то из них меня наконец-то прикончил. Я устала от всего этого дерьма. Сил моих больше нет.

— Беги, я сказал!

И я побежала…не далеко, пару шагов и от боли меня

швырнуло на колени, плечо буквально взорвало, плоть загорелась, и я попятилась назад, чувствуя облегчение, инстинктивно прикладывая к метке снег, чтобы унять жжение.

Фиен рывком поднял меня на ноги и заставил посмотреть ему в глаза.

— Не знаю кто ты, но ты можешь сделать выбор сейчас. Назови меня Хозяином и, возможно, я смогу избавить тебя от проклятого клейма Аша. В моей виште я поставлю тебе свой знак. Намного гуманней, чем мой Повелитель. Я опою тебя сладким зельем, — демон привлек меня к себе, — я буду ласкать тебя до изнеможения и лишь потом поставлю свою метку, когда ты закричишь от наслаждения.

Он смотрел мне в глаза, а я все еще подрагивала от жжения и чувствовала, как шевелятся лепестки на моем плече.

— У тебя чудесный волосы, дивные глаза…белая кожа. Я тоже заметил тебя там у Ленца и захотел себе, но кто посмеет пойти против Аша?

Демон гладил мою щеку пальцем, а я тяжело дышала, чувствуя, как снежинки падают мне на лицо.

— Назови меня Хозяином, и я избавлю тебя от клейма, — прошептал мне на ухо.

— Никогда, — тоже шепотом ответила я, — я никого не назову Хозяином. Я — свободна. Я — человек.

Фиен схватил меня за шиворот и приподнял. Возможно при других обстоятельствах я бы даже посчитала его красивым…не таким как Аш, но очень привлекательным:

— Ты назвала ЕГО Хозяином! Иначе это клеймо не появилось бы снова! — прошипел мне в лицо, — Дьявол, а ведь он знал об этом. Знал и проверил. Вот почему он отдал тебя мне, сукин сын. Хитрый сукин сын, а я идиот, которого использовали.

Ты мой Хозяин…ты решаешь растерзать меня или нет.

О Боже…да…я говорила. Назвала его Хозяином, но в тот момент я могла бы назвать его даже Богом.

Демон тряхнул меня со всей силы, он был в ярости, но после гнева Аша меня уже ничего не пугало. Разве после разрушительного торнадо вас испугает простая буря?

— Ну же, решай я или он? Вечная боль, как в Аду или блаженство в моих объятиях. Сделай правильный выбор, Серебрянка. Ты ведь не идиотка, понимаешь, что он тебя сломает, раскрошит, превратит в пепел как все к чему он прикасается. Женщин выносят мертвыми, разодранными в клочья после ночи с ним. Мало кто остался в живых, разве что его бессмертные наложницы.

Я смотрела в желтые глаза демона и видела в них…

удивительно, неужели надежду? Презрительное желание получить то, что принадлежит другому.

— Он отдал тебя как игрушку, вещь, бессловесную марионетку, — продолжал Фиен, обхватив мое лицо пальцами, — со мной будет иначе… Выбирай Пепел или Райское блаженство?

— Я выбрала, — тихо прошептала и зажмурилась, наверное, я сделала этот выбор еще в тот момент, когда вышла к костру Ленца. Сейчас мне придали смелости слова самого Фиена: «Дьявол, а ведь он знал об этом. Знал и проверил».

— Кого? — желтые глаза сверлили меня, но разве им сравнится с огненными? После Аша уже ничего не страшно.

— Я выбрала Пепел, — прошептала я и почувствовала, как пальцы демона разжались.

— Идиотка! — Красивое лицо исказилось от злости, зрачки засветились, а кожа на секунду посерела, — Я бы мог тебя убить прямо сейчас, но не имею права по закону. Думаю, об этом он тоже прекрасно знал. Я отведу тебя обратно к твоему Хозяину, и он прикончит тебя уже сегодня. Растерзает, как кусок мяса, а я лишь плюну на твои останки.

Вот и хорошо, пусть растерзает. Я не желаю кочевать по рукам, как ненужная и надоевшая вещь. Аш будет моим первым и последним Хозяином. Если не он, то и никто. Так что, пусть. Я готова к смерти, мне уже не страшно.

Мы развернулись обратно, но уже через несколько метров увидели зарево возле тоннеля.

— О, да у нас там весело, я смотрю, кому-то явно не повезло.

Фиен пришпорил коня и помчался навстречу полыхающим огням.

У самого тоннеля нас встретили несколько воинов, охраняющих лагерь, они поприветствовали Фиена.

— Вернулись? Из-за тумана?

— В честь чего ритуальный костер? — усмехнулся Фиен, игнорируя их вопрос, и спешился.

— Аш зверствует, когда ты уехал с этой, — один из стражей кивнул в мою сторону, — он надрался чентьема, разнес шатер рабов и троим вывернул мозги наизнанку. Вот так нашелся виноватый. Один из рабов скрывал, что перепродан Ашу после плена у Эльфов. Теперь Аш выбивает из него правду. Мог бы и по-другому, но видимо ему захотелось крови. Можешь представить, как не повезло бедняге попасть под руку Повелителя в таком настроении, — воин засмеялся, — пьяный Верховный демон с плетью в руках…Давно я не слышал столько признаний, как сегодня. Пошли повеселишься. Кстати хорошо, что ты вернул ее, а то к утру мы останемся без единого раба, порешит всех от ярости.

Фиен схватил меня под руку и потащил за собой. Я слабо упиралась, не совсем понимая, что сейчас увижу, но все же догадывалась — мне это не понравится. Последнее время я не только не выносила чужие страдания, я чувствовала их как на себе.

Возле огромного костра в землю вбили железный кол, к нему привязали того самого парня-раба, который заговорил со мной, когда я лечила Норда. Полностью обнаженное тело жертвы извивалось, сверкая в бликах пламени.

Несчастный так кричал, что у меня закладывало уши, все остальные смеялись, поглядывая то на Аша, то на его жертву, которая содрогалась от каждого удара горящей плетью.

Кнут оставлял ожоги на спине несчастного, плоть не успевала затянуться и Аш бил снова, в то же место, с поразительной точностью. Жуткое зрелище. Глаза демона сверкали от удовольствия, под кожей пробегали змейки вен, ему несомненно доставляло наслаждение то, что он делал. Затем Аш опустил плеть и прорычал:

— Давай, Тиберий, ты хотел этого раба — бери его. Да, пожестче. Доставь нам удовольствие.

Один из воинов, крупный, высокий с длинными каштановыми волосами, подошел к рабу сзади. Я лишь успела прижать руку ко рту, когда вдруг поняла, что сейчас будет.

— Тиберий, давай, сделай из него девочку, а то в походах так не хватает женской ласки, порви его. Пожестче.

Через секунду дикий вопль жертвы оглушил меня, и я расширенными от ужаса глазами смотрела как крепкие голые ягодицы Тиберия ритмично двигаются позади раба. Видела, как судорожно несчастный скребет ногами по земле, как сдирает кожу под кандалами, пытаясь вырваться. Меня тошнило, я обливалась холодным потом, видя, как раздирает когтями спину жертвы демон, как содомирует его с диким остервенением.

Я снова почувствовала чужую боль. Она меня оглушала, в этот раз она разрывала мне сердце. Я сквозь слезы смотрела как безжалостно демон снова и снова полосует спину раба, насилуя его и калеча одновременно, пока тот не обвис на цепях, жалобно всхлипывая и хрипя, сил кричать у него уже не осталось.

Я чувствовала, как он ломается, как с хрустом рассыпается его душа, подчиняясь и превращаясь в тлен, в пепел, под ногами Хозяев.

— Я не предатель…я не…предатель, — хрипел парень и я вдруг поняла, что рядом с ним кружит смерть. Еще несколько секунд и парень умрет. Боль жертвы зашкаливала и у меня начинался непонятный приступ паники, дикого ужаса. Эта аура

страданий она проникала в мое сознание, и я сама чувствовала дикую боль и отчаяние. Тиберий оставил несчастного, беспомощно повисшего на столбе и Аш замахнулся снова, я не выдержала и громко закричала:

— Нет!

Демон резко обернулся. Его глаза полыхали похлеще костра. Волосы развевались на ветру, полуобнаженное тело сверкало в бликах пламени и горящая плеть змеилась по земле, покрытой талым грязным снегом.

Весь забрызганный кровью раба, Аш перевел взгляд на Фиена. Тот толкнул меня к Повелителю.

— Она принадлежит тебе, клеймо появилось снова.

Я не смела посмотреть на Аша, только зажмурилась, ожидая чего угодно. После увиденных мною зверств я бы ничему не удивилась, даже тому что могу сейчас висеть там же где и несчастный вампир, истекающий кровью.

— И что? Тебе это помешало взять ее? Ты у нас способен соблазнить даже святых, — прорычал Аш, поигрывая с плетью, от которой искры рассыпались в разные стороны.

— Я не имею права тронуть то, что не принадлежит мне. Я дал ей возможность выбрать, и она выбрала — тебя. Сам решай, что с ней делать, Аш. Впрочем, могу предположить, что ты знал об этом.

— Я не был в этом уверен, — ответил мой Хозяин и резко повернул меня к себе, взяв за подбородок заставил посмотреть в огненные глаза и меня обдало жаром:

— Почему? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила я.

Языки пламени в его зрачках запылали еще ярче.

— Я могу тебя сжечь на этом костре, безумная, — прорычал мне в лицо и я вздрогнула, но взгляд не отвела.

— Можешь. Ты мой Хозяин и тебе решать.

Аш несколько секунд смотрел на меня, а потом разжал пальцы, и я с трудом удержалась на ногах.

— Я закончу казнь и разберусь с тобой потом.

Он замахнулся плетью и нанес рабу новый удар. Несчастный захрипел и беспомощно повис на цепях, захлебываясь кровавыми слезами. В этот момент со мной что-то случилось, я приняла на себя такую вону боли, что меня скрутило пополам, по спине потекли липкие ручейки, я почувствовала, как лопается моя кожа, трещит по швам одежда. Наверное, я закричала, потому что все обернулись ко мне, все, кроме моего Хозяина, который замахнулся в очередной раз. В этот момент невероятная сила вздернула меня в воздух и все вокруг засверкало голубоватым

светом

То, что я чувствовала не передать словами, я горела, как в огне, у меня свело все мышцы судорогой боли, а от диких мучений слезы текли по щекам. Я не понимала, что происходит, но внизу, на земле, я видела свою тень с огромными раскинутыми в сторону крыльями. От меня тянулись тонкие лучи к несчастному, висящему на столбе, и я наполнялась его болью до краев, чувствуя, как рядом кружит нечто дикое и первобытное, черное, готовое поглотить раба в бездну вечности.

Аш повернулся последним. Он опустил плеть и смотрел на меня так же, как и другие, с удивлением и недоумением, а я думала, что в этом мире никого и ничем нельзя удивить.

— Охренеть, — крикнул Фиен и присвистнул, — Ангел в Аду. В рабстве у демона. Чудовищно даже для нашего Мендемая.

Прошел ропот в толпе, а я беспомощно висела в воздухе, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Я всегда боялась высоты, до безумия.

Аш все еще смотрел на меня снизу-вверх, потом сделал резкое движение рукой, и я упала к его ногам, крылья куполом накрыли меня сверху. Теперь я видела белоснежные перья, перепачканные кровью.

— Не просто Ангел проводник, а забирающая боль, вот кто она, — услышала чей-то шепот, — ее обращение произошло в тот момент, когда раб почти испустил дух. Она почувствовала приход Ангела смерти и забрала боль себе. Невероятно!

Я тяжело дышала, наверное, разум покидает меня окончательно.

«Ты их чувствуешь?»… «Кого?»… «Крылья»

Вот теперь я поняла, что Веда имела ввиду и она не сумасшедшая…а я не человек?

— Верни ее, — крикнул один из воинов и сделал шаг вперед, — верни ее Аш. Отвези к границе — свои заберут. Нам не нужна стычка с Нейтралами и Ангелами. #286594757 / 13-сен-2015 Не во время ожесточенной войны. Это чревато для нас всех, как только Нейтралы пронюхают об этом они придут за ней. Мы не имеем право брать эту расу в плен и в рабство.

Аш проигнорировал слова воина, он подошел ко мне. Я видела его сильные ноги, затянутые в черную кожу штанов и высокие сапоги напротив моего лица, он вдруг присел на корточки.

— Убери крылья, — сказал Аш и приподнял меня с земли.

— Не умею, — жалобно ответила я, чувствуя, как слезы продолжают катится по щекам, — мне больно.

Вокруг снова послышался смех. Боже, кому я жалуюсь? Тому,

кто только что почти забил до смерти раба? Тому, кто приказал насиловать несчастного на глазах у всех?

— Да, непростая у тебя рабыня, Аш. Отвези ее за пустынные земли пусть свои учат как прятать крылья.

Аш приподнял меня и посмотрел мне в глаза:

— Просто прикажи им исчезнуть, и они исчезнут, — сказал он, а потом встал и повернулся к воинам.

— Я не отвезу ее к границе, это моя рабыня, она принадлежит мне. Всем понятно? На ней моя метка и она признала меня Хозяином иначе Фиен не вернул бы ее обратно.

— А что будешь делать с крыльями, Аш? — спросил Фиен, бросая на меня удивленные взгляды, а я тщетно пыталась пошевелиться, крылья мешали мне и тянули то вверх, то вниз, — воины правы, нам не нужна рабыня, за которой в любой момент могут прийти Нейтралы.

Аш сверкнул глазами и его брови сошлись на переносице, даже я уже знала, что ничего хорошего этот взгляд не предвещал:

— У кого-то есть возражения против моих решений? Кто-то хочет их оспорить?

Никто не посмел ответить. Демон повернулся ко мне, оранжевые блики в его зрачках потускнели. Аш отбросил плеть и громко сказал:

— Забирай своего раба, Тиберий. Он теперь принадлежит тебе, вылечи его и утешь.

Демон наклонился ко мне, легко поднял и поставил на ноги.

— Прикажи своим крыльям исчезнуть. Представь себе, что это твои ноги или руки, ты же знаешь, что с ними делать? Давай, убери крылья.

Я закрыла глаза, стараясь сосредоточится, стараясь думать о крыльях как учил Аш, но у меня ничего не получалось.

— Дотронься до лица!

Я дотронулась.

— Прикажи крыльям исчезнуть, это так же просто, черт возьми, иначе проторчишь здесь до утра.

Я стиснула челюсти и зажмурилась.

«Давайте, миленькие прячьтесь, пожалуйста, ну пожалуйста»

Аш смотрел мне в глаза, потом вдруг вытер большим пальцем слезу с моей щеки:

— Я хотел, чтобы ты вернулась, ты принадлежишь мне, Шели, я должен был в этом убедится, — сказал он и в этот момент крылья все же исчезли. Они спрятались под кожу, заставив меня содрогнуться от боли, но уже не такой сильной, как при их появлении.

Потом он вдруг перекинул меня через плечо и понес к шатру.

Я не сопротивлялась, у меня вообще пропал всякий интерес ко всему что происходило вокруг. Я устала и была опустошена.

— После хорошей взбучки и драки нужен такой же хороший секс, — крикнули нам вдогонку.

— Есть способ оставить Ангела без крыльев, — сказал кто-то и расхохотался, — но возможно вместе с крыльями исчезнет и сама рабыня. Аш у нас парень горячий.

— Фиен, тебе обломилось? Не горюй, дружище, скоро в Огнемае найдем тебе девку, не Ангела, конечно. Такой экзотики обещать не могу, но хорошую шлюху гарантирую.

— Да, пошел ты!

— Пошли выпьем чентьема. Тиберий, ты с нами или девочку свою новую приласкаешь? Ты все раны будешь зализывать?

Глава 9

Аш впервые меня не швырнул, как обычно, а очень осторожно поставил посреди шатра и медленно обошел вокруг. Все еще онемевшая от страха, боли, после появления крыльев, я опять дрожала. Мне невыносимо хотелось спрятаться, зажаться в угол. Неприкрытая дикая жестокость этого мира и его Хозяев ввела меня в состояние шока. Я впитала боль несчастного раба, пережила с ним каждую секунду страданий. Самое жуткое — это унижение, когда ломают не тело, а душу. Его сломали, этот раб больше никогда не поднимет голову, он навечно в грязи. То черное зло, безымянное и глубокое оно кружило рядом с ним, чтобы сожрать, утянуть за собой. Я чувствовала дикий голод этой жадной бездны, как жерло водоворота, готового засосать все живое, когда-нибудь, возможно очень скоро, придет и мой черед.

— Ангел смерти не заберет тебя, пока ты принадлежишь мне.

От звука этого голоса на теле поднялся каждый волосок. Я не решалась посмотреть на Аша, все еще перепачканного кровью раба, чувствовуя ее тошнотворный запах, выворачивающий наизнанку и напоминающий о том, кто на самом деле мой Хозяин и на что он способен.

— Почему не осталась с Фиеном?

Теперь демон стоял напротив меня и я, физически, чувствовала тяжелый, невыносимый взгляд. Если бы было можно закрыться от этого взгляда руками, спрятаться, как улитка в панцирь. Только почему-то мне казалось, что если я это сделаю Аш меня раздавит, не пожалеет. Хищник всегда нападает, чувствуя страх и слабость добычи.

Какого ответа он ждет? Правильного? Если бы я знала правильный…Неужели такой вообще существует? Ответ, который понравится Хозяину.

— Просто скажи правду. Я ненавижу ложь. За вранье могу убить на месте. Так что хватит думать. Говори.

— Я хотела вернуться, — глупо прозвучало, но это и есть правда. Самая что ни на есть безумная.

— Зачем? — сделал шаг ко мне, и я инстинктивно попятилась назад, не поднимая глаз на Хозяина.

— Посмотри на меня, — приказал Аш, но я не могла, словно боялась потерять саму себя растворившись в огненной магме или зеленом омуте, а может в черной бездне. Не важно какого цвета сейчас его глаза, они одинаково невыносимы. Аш схватил меня за подбородок и заставил поднять голову, — зачем?

— К тебе.

Аш удерживал мое лицо, не давая отвернуться. В этот момент его радужки были светло-зелеными. Наверное, я вернулась, чтобы иметь возможность смотреть на него, слышать свирепый, лишающий воли, голос и знать, что рядом с ним меня никто не обидит. Смешно, но ему я доверяла больше, чем кому бы то ни было в этом проклятом мире. Брови Аша сошлись на переносице, но в глазах мелькнула искра.

— Доверять демонам безрассудно. Особенно мне. Думаю, если б ты знала, как поступают с такими, как ты, в моем мире — не вернулась бы. Фиен смог бы сделать тебя счастливой…На свой лад, конечно.

Такими, как я? До этого момента я считала себя человеком, обычной девчонкой вздорной и наивной, доверчивой до невозможности. Почему я? Почему не такая как все? Ведьма сказала, что после появления крыльев у меня начнутся неприятности. Разве Ангелы не должны находиться в Раю…или быть совершенно в другом месте? Если я Ангел, то почему я никогда об этом не знала?

— Мне все равно кто я. Для меня это ничего не меняет.

— Это меняет все, Шели. Тебя не должно быть здесь.

— Но я здесь и я в твоей власти, как и до появления крыльев. Для меня все по-прежнему.

— Ты ошибаешься по-прежнему уже не будет…именно для тебя.

Аш обошел вокруг меня, остановился сзади и я вдруг почувствовала, как с треском он разорвал на мне единственное платье. Сейчас предъявит права, я в этом не сомневалась. Слишком хорошо расслышала пошлые шуточки его свиты. Вот и настал мой час, живой я уже отсюда не выйду. Я заплакала, закусив губу чтобы не издать ни звука. Я точно знала — сегодня умру и моя смерть будет страшной и мучительной.

Мягкая шерсть платья скользнула к мои ногам, бесшумно упала на мягкие шкуры, и я обхватила себя руками, прикрывая грудь, зажмурилась, готовая к нападению и грубости.

— Только сделай это быстро, пожалуйста, — попросила, стараясь не стучать зубами.

— Быстро? — услышала голос позади себя и напряглась еще сильнее. Конечно у него не получится, ведь Аш насладится моими страданиями сполна. Выпьет мою боль, страх, агонию. Кого я прошу? Саму смерть?

Ожидание сводило с ума, мне казалось, что каждая секунда длится неимоверно долго.

Горячие пальцы демона коснулись моей спины, и я вздрогнула. По телу растекся огонь. Я сжала челюсти и начала

тихо молиться, отбивая зубами барабанную дробь, то ли от холода, то ли от страха, но постепенно начинала понимать, что именно он делает и у меня дух захватило.

Жжение, там, где остались раны от крыльев, пропадало, вместо него пришло тепло, а потом прохладное успокоение. Словно раны зажили от прикосновений его пальцев.

— Болит?

Это он у меня спросил?

Я отрицательно качнула головой и сжала себя руками еще сильнее. Аш развернул меня к себе за плечи. Я молчала, понимая, что он удерживает мой взгляд насильно, подавляя волю и не оставляя ни малейшего шанса отвернуться, скрыться.

— Я тоже умею забирать боль…равно как и дарить, — голос прозвучал очень тихо, зловеще, — забирать одну боль и рвать твое тело другой.

Аш провел ладонью по моей щеке, и я опять зажмурилась. То, как он трогал. В этом было что-то странное, не свойственное ему, такому резкому и порывистому. Конечно, до нежности далеко. Он касался ладонью, не гладил, не ласкал, а трогал мою кожу, словно проверял какая она на ощупь.

— Очень гладкая, — спокойно сказал Аш, все еще удерживал мой взгляд, как в плену, — мягкая.

Провел пальцами по моим губам. Я не понимала, что все это означает мне бояться, радоваться или плакать. Происходит нечто особенное для нас обоих, я это чувствовала. Или, как всегда, заблуждалась.

Демон растрепал мои волосы, и они волнами упали мне на плечи. Я тяжело дышала, стараясь ни о чем не думать. Затаиться, переждать. Вдруг мне повезет, и я умру не сегодня, а в другой день? Аш снова обошел вокруг меня и остановился сзади.

Я услышала, как щёлкнула пряжка ремня, сжала челюсти. На пол упала его кольчуга и перевязь с мечом. Значит решение принято, живой я не останусь. По щекам опять потекли слезы. Он отвел мои волосы с затылка и перебросил вперед, и я сильнее обхватила себя руками, тело покрылось мурашками. Аш насильно развел мои руки в стороны и рванул к себе, прижимая спиной к его голой груди. Меня обуял дикий ужас, от его силы и мощи, от осознания с какой легкостью он способен разорвать, в полном смысле этого слова. Я начала задыхаться от паники, когда его большие и шершавые ладони накрыли мою грудь. Резкий контраст белой кожи и смуглой. Как бронза и платина.

Да, красиво, но ничего романтичного и поэтичного в этом нет и все мои розовые мечты, желания, фантазии просто ничто по сравнению с реальностью. Я прекрасно знала, чем это закончится

— моей смертью. На мне живого места не останется. Я помнила тела тех девушек в диком лесу. А еще лучше я помнила длинные когти, серую кожу и оскаленную пасть монстра. Один раз мне повезло, во второй — такого не случится. Везение и я всегда ходим разными дорогами, нам не по пути.

Демон грубо схватил меня за затылок и резко наклонил вперед, я не удержалась и упала на четвереньки. Всхлипнула, понимая, что назад дороги нет. Он — чудовище, безжалостный убийца, который не пощадит. В подтверждение моих мыслей Аш сильно надавил мне на поясницу, заставляя прогнуться. Я не ребенок и прекрасно понимала, что он со мной сделает. Вот так просто и грубо, как с непотребной шлюхой, которой даже в глаза не смотрят.

В этот момент во мне поднялась волна протеста.

— Нет, — крикнула и резко обернулась, откуда только взялась эта наглость.

Зрачки демона сузились и едва заметно полыхнули огнем. Он толкнул меня в спину, опрокидывая обратно на пол.

— Ты думаешь твой отказ имеет значение? Покорись и смирись. Такова твоя участь. Я всегда получаю то, что хочу.

Свою участь мы выбираем сами, не покорностью, а действием. Я снова поднялась с четверенек и повернулась к нему. Волосы взметнулись серебряной волной и опутали мое голое тело покрывалом. На этот раз глаза демона сверкали яростью, а брови свирепо сошлись на переносице. Он схватил меня за плечи, оставляя следы от грубых пальцев.

— Не усложняй. Если будешь сопротивляться — покалечу.

Я судорожно глотнула воздух.

— Со мной не надо, как с вещью, — выдохнула и перехватила его широкие запястья и сжала, — не надо насильно. Я не животное.

Сейчас счет идет на секунды, он может просто выломать мне руки, ударить, искалечить, пытать, лишить воли, а я не то что не смогу сопротивляться, я даже пикнуть не успею. Демон легко сбросил мои руки, снова перевернул на живот и притянул к себе за бедра, игнорируя любое сопротивление. В его движениях чувствовалась неуловимая ярость и нетерпение. Будь это обычный мужчина я бы решила, что он сгорает от желания, но…Аш таковым не являлся. Скорее это утверждение власти надо мной. Подавление, желание сломать непокорную рабыню, осквернить.

На это раз я ловко увернулась и снова повернулась лицом к нему. Демон схватил меня за волосы и, чуть приподняв, дернул, к себе, так что наши лбы почти соприкоснулись. Я больше не опускала глаза, я гордо смотрела на моего Хозяина.

Он не дождется страха и мольбы. В моем мире человек — это высшее существо, а не насекомое, живущее инстинктами. Я понимала, что возможно, подписываю себе приговор и делаю глупость за глупостью, провоцируя его на насилие, но остановиться не могла.

— Все же хочешь по-плохому. Пожалуй, здесь я предоставлю тебе право выбора.

Огненные глаза скользнули по моему лицу, по груди, которая бурно вздымалась и опадала. Идеально очерченные губы демона слегка дрогнули, и он сжал челюсти. Я вспомнила наш поцелуй, вспомнила, как жадно он терзал мой рот, как сжимал меня сильными ладонями. Без намека на насилие. Тогда почему сейчас все иначе? Что изменилось? Я хотела ласк, хотела эту свирепую мощь, познать его, как мужчину. Он волновал меня с первого взгляда. Я готова покориться его ласке, но не грубости.

— Ну как? Ты выбрала? — мрачно спросил демон и сильнее сжал мои волосы.

И все же он мужчина, пусть не земной, не простой и очень свирепый, но в моей власти попытаться хоть что-то изменить. Если я все же пробуждаю в нем желание, то разве я не могу получить хотя бы немного нежности, его поцелуев? Что говорят в постели желанному любовнику? Я хочу сказать хотя бы слово, хотя бы одно коротенькое слово, прежде чем он превратит меня в кровавое месиво. Я хочу познать вкус его губ сполна и пусть эти губы станут последней отрадой в моей нелепой и жалкой жизни.

— Да, отпусти…я покорюсь.

Пальцы демона разжались, в этот момент я обхватила его лицо руками и поцеловала Аша сама. Мой поцелуй был скорее отчаянной попыткой что-то изменить, но едва я коснулась губами его губ, меня, словно пронизало током, сотрясло от невероятного возбуждения. Какой контраст, какие мягкие и сочные…живые, не мертвые, как взгляд оранжевых глаз. Пальцы демона снова впились в мои волосы в попытке оторвать от себя, но я обвила его шею руками.

— Аш…пожалуйста, — взмолилась очень тихо, без всякой надежды, что он услышит. Он закрыл мне рот рукой, не давая говорить.

— Пытаешься выжить любым способом? — зарычал и на секунду по щеке проползли змеи багровых вен. Приближающаяся волна ярости, я уже начала различать те моменты, когда нужно начинать бояться, но, вопреки здравому смыслу, страх почти отступил на второй план.

— Просто хочу принадлежать тебе…не как добыча, а как женщина…твоя женщина…Поцелуй меня еще раз, пожалуйста,

Аш. Вкус твоих губ заставляет мое сердце биться быстрее…

Я впервые произнесла его имя…и мне нравилось его звучание. Такое чужеродное для слуха и в тот же момент могучее, резкое, страстное. Я никогда не соблазняла и не искушала мужчин и скорей всего сейчас делаю это нелепо, но искренне. Я сказала то, что хотела сказать, то что чувствовала впервые в жизни и в другой ситуации никогда бы в этом не призналась.

Я не знаю, в какой момент все изменилось, но пальцы, безжалостно сжимающие мои волосы, разжались и погрузились в локоны, лаская. Другая рука легла мне на спину и Аш прижал меня к себе, к гладкой и горячей груди. Я тихо всхлипнула, обхватывая сильные плечи, такие мощные и необъятные. Теперь его губы терзали мой рот с алчной настойчивостью, то нежно, то грубо, слегка прикусывая нижнюю губу, толкая меня в пропасть безумия и противоречий. Внутри разгорался пожар. Медленно, словно искра за искрой занималось пламя под моей плотью, как вулкан, еще далекий до извержения, но уже бурлящий и проснувшийся от спячки.

Я осмелела и сжимала пальцами его жесткие волосы, скрученные в тонкие жгуты, скользила ладонями по колючим щекам, возвращая поцелуи и начиная задыхаться от яростного натиска его нетерпеливых губ и дерзкого языка, который исследовал мой рот. Я еще никогда и не с кем не целовалась настолько безумно и еще никогда поцелуй не заставлял меня плавиться и трепетать от нарастающего возбуждения. Моя грудь скользила по его груди и от трения болезненно ныли соски, желая, чтобы он прикасался к ним, сжимал их, чтобы целовал жестокими безумно красивыми губами. Мы переплелись в страстных объятиях на мягких шкурах, стоя на коленях и сминая друг друга нетерпеливыми руками. Аш лихорадочно гладил мою спину, волосы, заставляя прогибаться навстречу его губам, подставлять шею для поцелуев, больше похожих на укусы, оставляющих следы на моей нежной коже, которая воспламенялась от прикосновений. Когда его рот сомкнулся на моем соске я тихо застонала, не веря, что издала это жалобный звук, похожий на тихую мольбу не прекращать ласку. Почувствовала удары его языка по самому кончику и всхлипнула еще раз, изгибаясь назад и цепляясь за его мощные плечи. Казалось он угадывал каждое мое желание, ломая смущение и страх под натиском наглых прикосновений. Я интуитивно понимала, что сейчас мне достается от этого воина, вечного безжалостного солдата смерти, что-то особенное, то чего я не должна была получить и возможно уже не получу. Нечто мимолетное и способное прерваться в любую секунду,

скоротечное наслаждение. Для МЕНЯ. Потому что Я попросила.

Я знала, что он возьмет меня здесь и сейчас и уже не думала о страхе я все больше хотела, чтобы это произошло. Быстрее. Мое тело содрогалось от нетерпения. Аш опрокинул меня на пол, осторожно укладывая голой спиной на жесткие шкуры. Все еще одурманенная переменами, жаркими поцелуями и умелыми ласками, я смотрела на него из-под стыдливо опущенных ресниц. Уже не как на Хозяина, а как на мужчину, которого хотела и в тоже время страшилась.

Сейчас Аш казался мне не просто красивым, а ослепительным, слегка бледным от желания, с заостренными чертами лица, на котором темнели шрамы и татуировка. Глаза демона обжигали огнем, но то был другой огонь. Не злости и ярости. Он смотрел на меня с нескрываемым голодом, и от этого взгляда внутри все сжималось, а сердце колотилось, как бешеное с безрассудным женским ликованием. Его верхняя губа хищно подрагивала, а ноздри трепетали. Сильная, мощная грудь вздымалась и опадала, мне невыносимо хотелось к нему прикасаться, гладить, сминать отчаянно и неистово, чувствовать его всей кожей.

От его могучей красоты, величия и великолепия обнаженного бронзового тела, захватывало дух. Я летела в пропасть на бешеной скорости и мне уже не было страшно, я хотела упасть и не сомневалась, что его сильные руки подхватят и не дадут разбиться.

Аш медлил, а я снова нервничала, но то был иной страх, самый примитивный ужас девственницы перед первым вторжением.

— Страшно, — спросил он и прищурился, — боишься монстра?

— Нет, — сказала я, приподнялась и потянула его за пояс к себе, — ты не монстр…и…я хочу, чтобы ты прикасался ко мне.

— Уверенна, что хочешь? — черные радужки, полностью закрыли белки и я слегка вздрогнула, заглушая отголоски страха и все мысли о том, кому сейчас собираюсь отдать свою девственность и какие от этого могут быть последствия.

— Да, — прошептала ему в губы.

— Неужели?

В эту секунду цвет его кожи изменился и на руках стремительно удлинялись когти, острые как бритвы, способные разрезать на мелкие кусочки. Я судорожно глотнула воздух.

— Не боишься смерти?

Прорычал он и вдруг резко опрокинул на пол и рывком раздвинул мне ноги. Я снова теряла его…на какие-то мгновения

проскользнул человеческий облик, но его тут же сменил оскал и жуткие нечеловеческие глаза. Я не разжала объятий.

Упрямая и безрассудная.

— Я не боюсь тебя…

— Напрасно, — рычание скорее утробное, нетерпеливое и острые клыки у моего горла оцарапали кожу, а когти оставили кровавые бороздки на бедрах.

— Возможно, — я обхватила его шею руками и зажмурилась, притягивая монстра к себе, цепляясь дрожащими пальцами за его волосы. Приготовилась к самому страшному, внутренне содрогаясь от ужаса и в то же время принятия неизбежного, но вместо боли почувствовала прикосновения его губ к своей груди, утонченную ласку языка на сосках. Я снова дернулась в его руках, меня пронзило словно током, грудь налилась и мучительно ныло в паху, меня скручивало от потребности познать его силу и власть над моим телом. Никогда не испытывала ничего подобного. Страх придавал остроты ощущениям, ожидание боли и насилия смешались с ожиданием новых прикосновений. Дикий контраст, тело опалило жгучей расплавленной магмой неуправляемого возбуждения. Низ живота полыхал, а между ног все пульсировало и трепетало. Я застонала от неожиданности, когда его язык заскользил по моему телу вниз, оставляя влажную дорожку на коже, инстинктивно сжала колени, но он не торопился раздвинуть их, снова возвращаясь к груди, обхватывая мои соски пальцами, обжигая их поцелуями и ласками. Я задыхалась, цепляясь за его плечи, извиваясь в сильных руках. Мне казалось я в объятиях зверя и человека одновременно, балансирую на осколках битого стекла с риском порезаться насмерть и истечь кровью, каждое прикосновение может стать смертельным.

Аш склонился ко мне и его волосы щекотали мое разгоряченное тело, а губы коснулись мочки уха:

— Я могу быть разным, Шели… могу дарить боль или наслаждение. Я управляю тобой…твое тело принадлежит мне. Как музыкальный инструмент. Я решаю извлечь из него музыку или порвать все струны.

Рука снова скользнула по моему животу, и я разочарованно вздохнула, слегка прогибаясь в его руках, невольно подставляя грудь ласке, но пальцы демона уже скользили вниз, к моим судорожно сведенным вместе ногам. Я инстинктивно сжалась сильнее. Он снова вернулся к груди, теперь лаская более настойчиво, то потирая соски кончиками пальцев, то грубо сжимая, заставляя меня взвиться от возбуждения и паники. Каждая клеточка моего тела стала неимоверно чувствительной.

Когти исчезли, но если он захочет меня убить они ему не

понадобятся.

Меня пугала моя реакция, непредсказуемая, заставляющая то нервно подрагивать и тихо молиться, то закусывать губу от наслаждения. Когда я вся обмякла в его руках, чувствуя, как задыхаюсь, как пульсирует внутри меня жадное желание позволить намного больше, он вдруг скользнул горячими пальцами между моих ног, и я вскрикнула, но демон накрыл мой рот губами выпивая прерывистое дыхание и мою волю. Лишая сил сопротивляться. Я все же пыталась сбросить его руку, царапала ее ногтями, тщетно стараясь освободится от наглого прикосновения, но его неистовые поцелуи пробуждали во мне дикие желания, стирали все границы и подавляли смущение. Я одновременно невыносимо жаждала облегчения от нарастающего, как цунами, возбуждения и в тот же момент панику от осознания что все слишком реально и неизбежно. Но это был он и я хотела, чтобы это был он, а не кто-то другой. Почему? У меня пока нет ответа, но влечение к демону, безумное и опасное уже застилало разум, лишало воли. Я желала его. Вот такого дикого, страшного, жестокого. Жаждала до ломоты во всем теле и с каждым прикосновением мне хотелось кричать и стонать от удовольствия, показать ему насколько мне хорошо с ним, вопреки всему.

— Расслабься, — шепнул мне на ухо.

После этих слов я превратилась в комок нервов.

Но его прикосновения были осторожными, Аш словно изучал мою плоть, пробовал на отзывчивость, и я тихо стонала ему в губы, забывая о страхе, доверяясь рукам, которые могли причинить самую страшную муку и в то же время непереносимое наслаждение. Я словно обезумела и потеряла стыд, отвечая на поцелуи так же неистово, сплетая язык с его языком и извиваясь под его умелыми пальцами, нежно ласкающими мое лоно, приближая меня к падению в пропасть, за ту грань, когда я потеряю саму себя и стану принадлежать ему в самом примитивном смысле этого слова. Я осмелела и хаотично гладила его по груди, замирая от невероятного удовольствия касаться его кожи и слышать в ответ прерывистое дыхание демона. Реакция на мои ласки? Невероятное чувство собственной власти над мужчиной и его надо мной.

Вдруг все закончилось. Аш резко привстал, опираясь на руки, потом вдруг молниеносно схватил свой плащ и бросил мне.

— Прикройся. У нас гости.

Я разочарованно вздохнула, испытывая невероятное желание протянуть к нему руки, привлечь обратно, к себе, но все же натянула плащ на плечи.

— Прикройся, я сказал и не высовывайся, пока не разрешу.

Он указал на своеобразное ложе из шкур. Я юркнула на подушки и вдруг услышала топот копыт за шатром, голоса воинов, рычание Норда и еще нескольких церберов, охраняющих вход в тоннель. Аш быстро застегнул штаны, и я зарделась, заметив явную выпуклость у него в паху. Все еще невероятно возбужденная, смотрела на его великолепное тело, на то, как упруго перекатываются мышцы под гладкой кожей, как явно проступают вены на руках, как беспорядочно рассыпаны его длинные волосы по спине, растрепанные моим руками в пароксизме страсти, такие жесткие скрученные местами в тугие жгуты*1. Мне хотелось их распустить и сплести со своими. Демон бросил на меня свирепый взгляд.

— Забудь. Считай, что ничего не было. Не думай об этом сейчас.

Я даже не кивнула в ответ. Аш опять изменился. Он снова был жутким чудовищем, которое терзало несчастного раба. Ничего общего с тем страстным мужчиной, который ласкал меня до изнеможения, заставляя забыть обо всем, даже об этом проклятом Мендемае и моей жалкой участи рабыни, которую можно убить, подарить, покалечить.

Полог шатра распахнулся и вовнутрь зашел высокий мужчина со светлыми волосами, в таком же плаще, как у Аша, и перевязью с пиктограммами.

— Идиотская затея сделать привал у Черной дороги, — усмехнулся он.

— У меня были потери после схватки с эльфами, Асмодей. Чем обязан?

Между мужчинами ощущалось напряжение. Оба не были рады друг друга видеть, но видимо, того белокурого что-то вынудило нанести визит Ашу.

— Уже нельзя навестить брата без причины? — блондин усмехнулся, но от него веяло холодом, ледяной бездной, как от того зла, которое я почувствовала возле полумертвого раба.

— Ты никогда не приходишь без причины. Ты должен нести дозор в другой стороне Мендемая.

Асмодей вдруг посмотрел прямо на меня, в глаза и я поежилась от страха. Его взгляд сковывал по рукам и ногам.

— Значит это не просто слухи — ты завел себе маленькую светловолосую игрушку. Как не похоже на тебя, грозный и ужасный, Аш. Обычно твои девки плохо заканчивали, не прожив и сутки после того как попадали в лапы дикого Абигора о котором ходят легенды и все шлюхи в округе молятся чтобы он не выбрал их для ночных утех. Но они не знают каким любовником может быть наш демон-герой. В Огнемае много бессмертных жаждут

оказаться в постели с тобой. Тогда почему рабыня?

Мой Хозяин сделал шаг в сторону и оказался между нами.

— Какое это имеет отношение к твоему визиту? Я же не интересуюсь скольких рабынь имеешь ты, Асмодей? Или тебя уже окончательно привлекают синие губы и холодные прелести мертвых наложниц? Ты ведь теперь не берешь живых женщин, царство вечного сна отдает тебе на временное пользование молчаливых невест самого Ангела смерти. Слухи, мой дорогой брат, бегут впереди тебя.

Тот, кого называли Асмодеем вдруг побледнел, мгновенно изменяя облик, Аш все еще походил на человека, но я видела, как сжались его кулаки.

— Я не пришел обмениваться любезностями, Абигор. Твоя игрушка не должна здесь быть по закону наших миров. Отец…

— Женился на падшей, — оборвал его Аш, — взял Ангела и известным нам с тобой способом превратил ее в существо, зависящее от него во всем…в племенную кобылку венценосной семейки.

— Ты…ублюдок рабыни, Абигор. Тебе никогда не достигнуть того положения при отце, которое занимаем мы — настоящие наследники. А ты как был мальчиком на побегушках с сомнительным происхождением, так и останешься. Когда мы займем место отца, ты будешь продолжать служить и нам, твой статус байстрюка не изменится, как и твоя грязная кровь.

Я чувствовала, как раскаляется воздух вокруг, как вибрирует и дрожит аура обоих братьев. Гнев Аша я впитывала всей кожей, также, как и ненависть Асмодея. Я с трудом разбирала и понимала, о чем они говорят, но ничем хорошим этот разговор не закончится. Они братья и враги. Непримиримые. Их вражда далеко за пределами моего понимания.

— Говори зачем пришел, Асмодей, и вали с моей территории.

— Эльфы взяли онтамагол, с его помощью они укрывают рудники и именно по этой причине мы не можем отстоять Тартос. Сейчас они захватили окрестные земли Огнемая и несколько вишт, пробираются к границе.

— Откуда такая информация? Мои земли надежно охраняемы.

Аш по-прежнему закрывал меня собой, и я лишь слышала голос второго демона, но не видела его.

— Ангел…не падший, а чистый, может привести нас к камню и вывести войско в тыл Балместа.

Я затаила дыхание.

— Она не имеет никакого отношения к этой войне. Я везу ее в Огнемай, а потом решу, как поступить.

— Да что ты? Мне так и передать отцу? Что ты отказался взять Балместа единственным доступным нам способом, потому что воспылал страстью к рабыне? Ее жизнь стоит для тебя дороже чем наши земли? Земли Мендемая, политые кровью наших воинов и предков. Твои владения, которые отец отдал тебе, невзирая на то, что байстрюку не положено наследство?

— Заткнись, Асмодей, я могу затолкать твои слова обратно в вонючую глотку. Заставить тебя поперхнуться ими, как собственной кровью. Я сам позабочусь о своих территориях.

— Начнем междоусобицу, брат? — голос Асмодея прозвучал вкрадчиво и тихо, — Я с удовольствием нарушу запрет Руаха и пойду на тебя войной. Огнемай должен был быть моим. Только не сейчас, когда эти твари устраивают набеги на наши земли, а ты трусливо прячешь новую рабыню, которая значит для нас гораздо больше, чем ты думаешь.

— Это может быть очередной сплетней выгодной Балместу. Добыть онтамагол не так-то просто. Для этого нужно пересечь границу с Леаминией и войти в руины Онтамаголии.

— Эльфы не темная раса у них могут быть союзники. Ты должен снять лагерь и вести войско к Тартосу. Она приведет тебя, почувствует камень. Чем ближе вы будете подходить, тем сильнее засияют ее волосы. Эти камни принадлежат им — Проводникам.

— Я еду в Огнемай. Мы отвезем раненых, сменим рабов и тогда отправимся в путь. Я найду этот камень и без чье-либо помощи, а уж тем более без нее.

На несколько секунд воцарилась тишина, а я слышала биение своего сердца и судорожно сжимала полы плаща. Внезапно Асмодей оказался возле меня незаметно для моих глаз, минул Аша. Демон склонился ко мне, и я помертвела от ужаса, глядя в его страшные глаза, белёсые и бесцветные, как у слепого. Под белой пленкой колыхались оранжевые языки пламени, тусклые и блеклые.

— Есть от чего потерять голову…сын смертной вполне может быть падок на низменные чувства, свойственные грязным расам.

Демон сдернул с моего плеча плащ и остановил взгляд на моем клейме.

— Даже так…принадлежность Хозяину, все гораздо серьезней, чем я предполагал.

Он вдруг тронул цветок пальцем, и я вздрогнула как от укуса ядовитой змеи.

В ту же секунду Асмодей отлетел в сторону и захохотал, молниеносно поднимаясь с пола.

— Я всего лишь посмотрел ради чего ты готов рискнуть расположением отца.

— Убирайся…это моя территория. Со своей рабыней я разберусь без тебя.

— Это твое оружие против Балместа. Лишишь ее девственности и не видать нам Онтамагола. Я и так думал, что уже не успел и ты отметился на невинном нежном тельце своего ангелочка, я даже опасался, что от нее остались кусочки гнилого мяса, брошенные на дорогу по пути в твои владения. Но она все еще чиста, а значит можно использовать то, что само пришло к тебе в руки.

Аш смотрел на Асмодея исподлобья. Его кулаки то сжимались, то разжимались. Лицо приобрело уже знакомый мне пепельный оттенок.

— Пошел вон. Не то я сам вышвырну тебя.

Асмодей усмехнулся тонкими губами и поправил светлую прядь волос, выбившуюся из хвоста на затылке. Он был худощавее Аша и чуть ниже ростом, но его движения молниеносны и смертоносны, как у гадюки. Я несколько не сомневалась, что, как противник, он опасен для Аша.

— Я должен вернуть ответ отцу. Думаешь, это то, что он захочет услышать?

— Я думаю тебе пора забыть дорогу к Огнемаю, — прорычал Аш, — давно пора. Или я заставлю.

Я понимала, что ссора происходит из-за меня.

— В Тартосе не место для рабынь женщин.

— Она исключение, а если сдохнет велика ли потеря — возьмешь себе новую. Или утешишься в объятиях Миены. Разве не ждет она тебя в Огнемае уже несколько лет преданно и терпеливо, как и подобает женщине ее положения?

Асмодей ядовито улыбнулся, а я напряглась. Миена…. Сердце неприятно кольнуло, но меня сейчас заботила их ссора, которая в любой момент могла выйти из-под контроля.

— Я готова найти то, что он говорит, — тихо сказала и мужчины резко повернулись ко мне. Аш смотрел с яростью, а Асмодей все так же улыбался.

— Удивительная преданность Хозяину. Чем ты заслужил подобное доверие? Или есть что-то чего я не понимаю…как чистокровный демон королевской касты?

Аш зарычал, и земля задрожала под нами. Я чувствовала, что еще пару секунд и мне их не остановить. Какие потери грозят мне? Я уже и так лишилась всего, что дорого человеку и прежде всего свободы.

— Я найду этот камень. Я согласна помочь.

Хотела приподняться, но Аш ТАК посмотрел и меня передернуло от ужаса, казалось, если бы взглядом можно было

убить — он бы это сделал.

— Я приму решение после прибытия в Огнемай, а теперь можешь убираться, Асмодей. Ответ я дам только через несколько дней.

— У нас нет столько времени. Ты должен решить сейчас и под покровом ночи вести отряд в Тартос.

— У меня много раненых.

— Это не имеет значение все они готовы умереть за Мендемай, они давали клятву вступая в войско смертников…, впрочем, как и ты — присягу на верность Руаху Эшу, нашему отцу. Я возвращаюсь в дозор, а ты, если не выйдешь до рассвета, потеряешь расположение отца или он лично заставит тебя изменить решение как нашкодившего сопляка. Это будет унизительно не так ли, байстрюк?

— Унизительно будет, когда я оторву тебе голову голыми руками, — тихо сказал Аш, — а потом объединю наше войско и наши земли.

— Думаешь тебе это сойдет с рук или считаешь, что я настолько глуп чтобы прийти к тебе в логово без мер предосторожности? — так же тихо ответил Асмодей, — Я — младший сын Повелителя, последний кого родила любимая жена Элианель прежде чем умереть.

— Сын…убивший свою мать еще будучи в утробе, — уколол в ответ Аш, — настолько любимую, что ее отлучили от дома и заперли в башне на Тартосе еще задолго до родов, а наш отец завел себе любовницу-рабыню.

— Которая сдохла и похоронена в безымянной могиле после того, как кто-то вонзил ей нож в сердце, несмотря на то что она принадлежала Повелителю.

Я судорожно глотнула воздух, сжимая пальцы до боли. Мне открывались тайны, я слышала то, чего не должна была слышать. Впитывала информацию и в то же время боялась лишней осведомленности. Но даже под страхом смерти я бы не отказалась узнать хоть немного об Аше. То, чего никто не знает, личное, спрятанное глубоко внутри и нет доступа никому, как в дремучий таежный лес, куда не ступала нога человека.

Асмодей исчез так же внезапно, как и появился, я слышала удаляющийся топот копыт.

Аш медленно повернулся ко мне:

— Я не приказал тебе помалкивать?

Я тяжело вздохнула, но ничего не ответила. Приказал, но разве можно было промолчать?

— Никто не спрашивал твоего мнения. Ты ничего не решаешь.

Демон опустился на пол и вытянул длинные ноги, облокотился на стену. Он сейчас забыл о моем присутствии и о чем-то лихорадочно думал, а я чувствовала, как внутри меня снова происходят странные перемены. Я впитываю боль. Теперь уже не физическую…я чувствую совсем иную. чью? Неужели демона? Моего Хозяина…Разве он способен на это? Я смотрела на Аша. Асмодей задел его…сказал что-то. Или я снова придумываю.

Я подошла к Хозяину, но он даже не посмотрел на меня, присела на корточки, все еще кутаясь в его плащ. По лицу Аша пробегали тонкие змейки вен, он словно боролся с самим собой, не давая эмоциям прорваться наружу, но я чувствовала его напряжение и невольно коснулась его плеча. Тут же горячие пальцы сомкнулись на моем горле. Горящие глаза испепеляли меня, прожигая насквозь, но я больше не боялась. Накрыла его запястье, и он ослабил хватку. Я провела ладонью по его щеке и в горящих зрачках отразилось недоумение. Я забирала боль…она наполняла меня, просачивалась вовнутрь, проникала тонкой паутиной в сознание, невидимыми нитями соединяя и переплетая наши эмоции, окрашивая их в общий цвет. Боль, разделенная на двоих, терзает в два раза меньше. Языки пламени в глазах Аша померкли, радужка стала снова светло зеленой, и я обхватила его лицо ладонями, полностью раскрываясь и поглощая то, что демон скрывал даже от самого себя — тоску и вечное одиночество. Асмодей ранил его словами…чем-то недоступным ни для кого, кроме их обоих. Пальцы на моем горле разжались и Аш привлек меня к себе. Этот жест заставил затрепетать больше чем самые откровенные ласки. Я податливо прижалась к его груди. Замирая от неожиданности и от щемящей нежности к тому, кого еще несколько часов назад ненавидела и боялась до смерти. Я вдруг поняла, то, во что могла поверить лишь слабоумная вроде меня — демон неравнодушен ко мне. По телу пробежали мурашки, а сердце забилось в два раза быстрее, особенно когда его пальцы гладили мои волосы, перебирая и погружаясь в них.

— Это слишком опасно, — вдруг сказал он, словно разговаривая сам с собой.

— Ты будешь рядом, а пока ты рядом, и я принадлежу тебе Ангел смерти не заберет меня.

Аш отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Повтори.

— Я не умру пока ты не позволишь, — я хотела улыбнуться, но он был слишком серьезен, слегка прищурился, словно изучая мое лицо.

— Нет…то, что ты сказала до этого.

— Я принадлежу тебе…

В глазах демона мелькнула непонятная мне искра, но не погасла, она заставила их гореть иначе чем всегда.

— Верно, Шели. Ты принадлежишь мне.

— Значит мне ничего не грозит, — упрямо заявила я, удивляясь собственной наглости, — я готова помочь, только не знаю, как.

— Почему?

Он обхватил мой подбородок не давая отвернуться или отвести взгляд.

— Потому что это важно для тебя.

— Для меня, но не для тебя. Здесь все спасают свою шкуру. Вот и ты спасай.

— Это не моя забота, — нагло ответила я и провела большим пальцем по его губам, взгляд демона снова вспыхнул, — а твоя.

Он вдруг рассмеялся, а я не понимала, что именно его так развеселило. Аш снова привлек меня к себе.

— Верно. Это моя забота. Поспи, мы трогаемся через час. В Огнемай.

Я приподнялась и посмотрела на демона, тот слегка прикрыл глаза.

— Нет…ты должен отвезти меня в Тартос.

На секунду я сжалась, понимая, что перегнула палку, пытаясь диктовать ему или что-то решать.

Кто-то откинул полог шатра, и я скорее почувствовала, чем увидела, как напрягся Аш, но руки сжимающей мои плечи не разжал. Я хотела отпрянуть, и демон властно удержал меня подле себя. Показался Фиен, он скользнул по мне взглядом, потом посмотрел на руку Аша, обвивающую мои плечи, на мое разорванное платье и снова на Аша. Лишь на секунду удивленно приподнял бровь, а потом тихо сказал.

— Эльфы прислали мертвого гонца, к луке седла привязаны головы троих военачальников, охраняющих границы с твоими землями. Это ответ на разгром засады в тоннеле. Они добрались до территории Огнемая.

Аш выпустил меня из объятий, сразу стало холодно, пусто, как будто его руки создали своеобразный кокон тепла и надежности, а теперь я потеряна и одинока.

Демон, не оборачиваясь, вышел вместе с Фиеном наружу. Все еще пораженная внезапной ласке и странным порывам моего Хозяина, который вдруг совершенно изменился, я все же подняла свое платье и с сожалением вздохнула, когда поняла, что оно безнадежно испорчено.

Аш вернулся через несколько минут, я посмотрела на него и тихо попросила:

— Можно иголку и нитку?

— Мы едем в Тартос, — сказал он, — тебе не нужна иголка и нитка. В виште на рынке я купил для тебя много одежды. Сейчас рабы принесут, я уже отдал приказ.

Словно в ответ на его слова несколько мужчин занесли небольшой сундук и поставили посреди шатра. Я перевела взгляд на Аша. Он усмехнулся.

— Переодевайся, — он снова стал непроницаемым, чужим и холодным. Аш вышел из шатра, оставляя меня наедине с самой собой. Хотя, вряд ли он понимал, что сейчас…впервые за все время пребывания в этом мире, я больше не дрожала от страха за свою судьбу. Совершенно напрасно с глупой наивностью, свойственной только мне. Зверушку приласкали, и она начала есть с руки, которая может в любой момент перебить жалкой животине хребет. Самое мерзкое, что я это понимала. Хозяйские ласки так же скоротечны, как и его милость.

*1 — У Аша не «дреды», «расты» и тому подобная гадость. Его волосы заплетены, как в косички, то есть закручены из двух прядей и стянуты вверху и на концах кольцами. Не по всей голове, а местами. Поэтому их можно растрепать, расплести, разлохматить и так далее. Думаю, что с волосами мы разобрались. К слову — я ненавижу «дреды» и «расты».

Глава 10

Не зная этого мира, я не могла по достоинству оценить то богатство, которое свалилось на меня столь неожиданно, но интуиция подсказывала, что все эти платья, рубахи, пояса, корсеты, шнурки и бусы далеко не дешевое удовольствие. Я плохо разбиралась в подлинности металлов, но не сомневалась все что похоже на золото и серебро таковым и является, украшая пуговицы, гребни, застежки на нарядах и узор на поясах. Но больше всего поражало не это, а то что Аш подумал обо мне еще там, на рынке в виште. Впрочем, я не тешила себя иллюзиями он явно дал понять, что так же заботится о своих вещах и животных.

Я переоделась довольно быстро, мне не свойственно долго размышлять над нарядами, никогда не слыла кокеткой. Стоило конечно, но характер не тот, да и красавицей я никогда не была. Мужчины не смотрели мне в след и не назначали свиданий. Я выбрала то платье, что потеплее из мягкой голубой шерсти. Зашнуровала на груди серебристые тесемки, завязала широкий пояс. Нижнее белье, колготки и прочая похожая прелесть цивилизации здесь явно не предусматривались. Я с ужасом подумала о неумолимо приближающихся критических днях и что я тогда буду делать? Впрочем, одна безумно дерзкая и вздорная литературная красавица, так любимая мною, сказала: «я подумаю об этом завтра», довольно умная мысль если учесть, что для меня «завтра», возможно, не наступит. Под ворохом одежды, в сундуке, я нашла пару сапог из мягкой выдубленной кожи и натянула на босу ногу. Размер, конечно, не мой, чуть великоваты, но лучше, чем мои туфли-лодочки от которых остались одни воспоминания. Конечно, я разотру себе пальцы и пятки, но это лучше, чем стоптанные туфли, в которых ноги превращались в застывшие ледышки. Не хочу простудиться и помереть по дороге.

У меня не было зеркала чтобы оценить свою внешность, но гребень весьма порадовал, и я принялась расчесывать спутанные пряди волос, удивляясь их блеску и сиянию. Никогда не привыкну к этому безумному и противоестественному цвету. В природе такого не существует. Да и блондинкой быть не мечтала, наоборот усиленно перекрашивалась во все цвета радуги, дабы не блистать светлыми прядями. Нет, сейчас я не стану об этом думать. Я вообще не знаю, когда начну мыслить трезво и оценивать ситуация. Эх, не аналитик я. Если не вникать, то и опасений окончательно свихнуться становится меньше.

Я все еще жива. Более жива, чем в моем мире и это главное. Каждая минута может стать последней, и я помнила об этом,

здесь чья-то жизнь обесценивалась настолько, что, пожалуй, мой новый пояс, прошитый серебряными нитями, стоил намного дороже, чем я сама.

Снаружи раздавались голоса, стоны раненых, ржание лошадей потрескивание костра. Сворачивали лагерь, кажется я начинаю привыкать к этой суете и даже отличать рычание Норда от других церберов. Человек — это существо, способное к быстрой адаптации.

Аш вернулся, и я напряглась, как всегда, когда ощущала его присутствие, но не обернулась, заплетая волосы в косу.

Демон остановился сзади, и я почувствовала, как он склонился ко мне.

— Если погасить все огни в Мендемае, блеск твоих волос рассеет адский мрак.

Я медленно повернулась к нему, не понимая, что это значит. Вряд ли он способен на изысканные комплименты.

— Ты будешь светится за версту, как комета. Тебя даже слепой заметит. Надень капюшон, не то наш поход закончится очень быстро. Лазутчики Балместа засекут нас за сотни миль, едва настанет ночь.

Значит все же не комплимент. Проклятые уродливые патлы, ненавижу их.

— Неправда, они красивые, — демон тронул локон на моем виске, — мне они нравятся.

Зеленые глаза потемнели на два тона, а потом вспыхнули мягкими искрами, когда Аш осмотрел меня с ног до головы. Я закрепила волосы заколкой, свернув в тугой узел на затылке. Единственная вещь, которая напоминала мне о прошлом. Маленькая невидимка, украшенная потертым плоским цветком, слегка поржавевшая от влаги, после снегопада. Это мамина заколка, я схватила ее с тумбочки у двери, когда последний раз уходила из дома. Сердце болезненно сжалось и на глаза навернулись слезы.

— Дорога будет длинной, — Аш набросил мне на голову капюшон, — снежная буря может в любой момент разыграться с новой силой. Идем.

Снаружи полыхал огромный костер, горящие ветки образовывали три треугольника, соединенные между собой. Воины обступили костер и смотрели на полыхающее пламя. Рабы суетились у повозок, складывая свернутые шатры, шкуры, перетягивая ящики с провизией. На меня не обращали внимание. Когда один из рабов проскользнул мимо, как тень, я окликнула его, а потом догнала.

— Эй ты…что происходит?

Мужчина поднял голову и посмотрел на меня с какой-то дикой обреченностью, так что внутри стало пусто и тоскливо.

— Сжигают тела тех, кто не пережил удары хрустальных клинков эльфов.

Я посмотрела на пламя. Что ж, вполне в стиле этого жуткого места не хоронить, а сжигать останки. Значит бессмертие демонов условно и относительно для этого мира.

Вскоре воины разошлись, седлая коней, выкрикивая приказы рабам, натягивая цепи и привязывая адских псов к луке седла.

Невелика честь погибшим в бою, подумалось мне. Хотя, чего я ожидала? Что они будут плакать и давать прощальные залпы в воздух?

Я стояла в стороне, кутаясь в теплую накидку и ежась от холода. Всеобщая суета меня явно не касалась.

— У подарка появился подарок.

Вздрогнула от неожиданности и обернулась — Фиен стоял позади меня, придерживая под уздцы мощного черного жеребца.

— Аш распорядился, — сказал Инкуб и усмехнулся, — привилегия для рабыни. Ни один низший не имеет права оседлать жеребца, предназначенного для королевского войска. Для тебя сделано исключение. Это чистокровный дьявольский скакун, кровный брат коня Повелителя. Рожден от пегаса и черной кобылы из конюшен самого Руаха. Породистый зверь, гордый и преданный.

Я с опаской посмотрела на крепкого вороного коня, никогда не ездила верхом самостоятельно. Пони и ослики в зоопарке не в счет. Тем более последний раз это было чертовую тучу лет назад.

— Возьми поводья. Он признает в тебе хозяйку, если ты не будешь его бояться.

Я судорожно глотнула воздух. Легко сказать, когда на меня смотрят красные фосфорящиеся глазищи и из широких ноздрей скакуна валит темный пар, а под лоснящейся шестью проскальзывают огненные змеящиеся вены.

— Как его зовут? — тихо спросила я.

— Никак. Его хозяин умер несколько часов назад, теперь у него нет имени пока не появится новый. Таков обычай, он касается рабов и животных в нашем мире.

Я вздохнула, в душе поднялась легкая и необъяснимая грусть. Мы безымянные и не стоит тешить себя жалкими надеждами, даже мое новое имя может изменится если… Сердце пропустило удар…если…Аша не станет. Я с опаской коснулась лоснящейся шеи коня.

— Я назову тебя Люцифер, — шепнула и погладила гриву, на удивление мягкую и шелковистую. Конь слегка вздрогнул, а я

испуганно отняла руку, но в этот момент жеребец потянулся ко мне. Я отпрянула, а потом замерла, когда он ткнулся мордой мне в лицо, словно обнюхивая.

— Похоже ласка укрощает самых свирепых зверей даже в нашем мире, — сказал Фиен и снова усмехнулся, слегка прищурившись и пристально меня разглядывая, — кто бы мог подумать? Ты удивляешь меня снова и снова, Серебрянка.

Я не обращала внимание на слова Инкуба, а гладила морду коня, увлеченная его реакцией.

— Вчера он затоптал на смерть смертного раба, — добавил Фиен, — когда тот попытался накормить его мясом, а потом откусил ему голову.

Я резко отняла руку. Инкуб расхохотался:

— Он не тронет тебя. Посмотри в его глаза — они уже не фосфорятся. Значит он доверяет.

Я обернулась к демону.

— Куда мы едем?

— В Тартос. Видишь вдалеке вершину скалы за алыми облаками? Мы достигнем ее подножия через несколько часов. Там начинается граница с территориями Балместа.

— Кто такой Балмест? — я слышала это имя во второй раз. Впервые его назвал Аш когда чуть не убил меня.

— Наш враг. Балмест — темный лорд Эльфов. Уже более ста лет идет кровопролитная война с расой остроухих тварей. Раньше Тартос принадлежал нам.

Фиен разговорился, не знаю почему. Но мне на руку, я могла наконец-то хоть у кого-то спросить и немного узнать о том мире, где сейчас нахожусь. Информация самое ценное, что может быть в моем нынешнем положении.

Послышался голос Аша и я резко обернулась, чувствуя, как Люцифер тычет шершавыми губами мне в щеку, требуя продолжения ласки. Мой Хозяин гордо возвышался на огромном вороном жеребце, осматривая войско, и я снова невольно залюбовалась им. Грозный, дикий и прекрасный. Первобытная мужская сила, естественная и жестокая красота дьявола или полубога. Не верилось, что эти мощные руки, обмотанные на ладонях черными кожаными лентами, как перчатками, прикасались ко мне, лаская. Казалось они способны наносить только увечья, причинять боль и рвать на куски. Волосы Аша, собранные на затылке в хвост, поблескивали, вплетенными в них, мелкими кольцами. Впервые видела его таким… открытым, крупную шею, резко очерченные широкие скулы и мочки ушей с многочисленными тонкими серьгами. Меня завораживала каждая деталь, она дополняла его образ, заставляя мое сердце биться

намного быстрее.

— Женщины всегда на него так смотрят: с поклонением и немым восхищением, истекая влагой желания. Повелитель самый красивый демон во всем Мендемае так же, как и самый жестокий. Не тешь себя иллюзиями, Серебрянка — сегодня приласкал, а завтра спустит три шкуры, а мясо отдаст Норду на съедение. Поверь, уж я-то точно знаю.

Я словно очнулась от чар и повернулась к Фиену. Его улыбка мне не понравилась. Он смотрел на меня с унизительной жалостью. Захотелось плюнуть ему в глаза.

— Почему ты разговариваешь со мной? С рабыней? — съязвила я, — за что такая милость?

— Потому что все изменилось, — ответил он и вскочил в седло, — ты уже не просто рабыня и все об этом знают. Всё, пора. Отряд тронулся в путь. Помочь не могу — мне нельзя тебя трогать.

Я беспомощно посмотрела на Люцифера. Значит мне залазить на него придется самой. Словно в ответ на мои мысли Аш направился ко мне и уже привычным движением, подхватив за талию, усадил на Люцифера.

— Фиен, присмотри за ней. Я выезжаю вперед, навстречу Сеасмилу.

* * *

Аш смотрел как быстро сворачивают лагерь рабы и воины, привычное для них занятие в считанные секунды все будет упаковано в узлы и тюки, погружено в повозки, и они пойдут на Тартос, минуя Огнемай. Впервые спустя двадцать лет. Пятая попытка взять неприступную скалу, отбить у врага. Ашу не верилось, что все так просто, что Шели и есть ключ к победе. Онтамагол удивительный камень, но вряд ли он доступен эльфам, также, как и демонам. Осколки этого камня не видели уже более пяти веков. Балмест не мог достать его, а если смог, то грош цена разведке Руаха Эша.

Асмодей, хитрая тварь, все же пронюхал о рабыне.

Только Сеасмил мог увидеть ее сущность, но наставник презирает Асмодея, значит в отряде есть предатель, но кто? Аш пристально осмотрел каждого из воинов. Он знал их веками, они прошли вместе самые беспощадные войны в Мендемае, подавили не одно восстание. Аш мог положиться на каждого из них в бою. Все доказали преданность и готовность умереть за своего Повелителя. Каждый мог перерезать себе глотку голубым мечом

из эльфийского хрусталя, ради Аша.

Особенно Фиен, старый друг. Пожалуй, единственный из всего войска кого Повелитель мог назвать именно этим словом, не ведомым в их мире, где дружбу заменяет фанатичная животная преданность, страх и поклонение. Фиену позволено больше чем остальным, он всегда близко, в любую секунду готовый подставить плечо или отдать жизнь, не только из-за приказа или присяги. Аш ему доверял, как самому себе.

Сеасмил появился в сопровождении рабов и двух воинов, которых постоянно держал при себе. Белые одеяния мага развевались на ветру сливаясь с седыми волосами и такой же длинной бородой. Облик старика не сочетался с неестественно молодыми глаза, зорким взглядом царапающим и обволакивающим, проникающим далеко за пределы телесной оболочки.

— Мой названый сын, я торопился, увидев тебя в моих снах о будущем.

Аш поморщился, его неимоверно раздражал пафос. Никогда не признавал подхалимажа, такого популярного в свите отца и среди его приближенных.

— Сеасмил, тебя оповестили о том, что мы меняем направление и идем на Тартос. Давай обойдемся без драматических речей, на которые так падок мой отец и «любимые» братья.

Аш поравнялся с магом и тот преданно поцеловал руку демона.

— Верно, ты как всегда не нуждаешься в способностях провидца.

Аш усмехнулся.

— Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что ты обзавелся парой осведомителей в моем отряде.

Сеасмил усмехнулся, глаза блеснули сухим блеском, а затем посмотрел вперед, словно отыскивая кого-то в толпе воинов.

Маг внезапно замер, заметив беловолосую рабыню верхом на черном жеребце. Капюшон спал с ее головы и ветер трепал сияющую косу. Девушка со страдальческим видом пыталась ухватится за поводья не голыми руками, а подолом платья, слегка пошатывалась в седле и казалось она вот-вот рухнет на землю.

— Давно она с тобой? — спросил Чанкр

— По нашим меркам неделю, для их мира — больше полугода, — ответил Аш и проследил за взглядом Сеасмила.

— Она приведет тебя к онтамаголу.

— Знаю, Асмодей уже просветил, — ответил Аш, не спуская взгляда с Шели.

Четов Фиен оставил ее, и девушка плелась в хвосте отряда. Эта дорога измотает девчонку еще до того, как они достигнут Тартоса.

— После этого ты убьешь ее и похоронишь в песках Тартоса. Пусть считают, что это сделали эльфы.

Аш резко повернулся к Сеасмилу.

— Зачем?

— Как зачем? Все подозрения падут на Балместа — это его земли. Нам только на руку раздор Эльфов с Ангелами, заодно избавишься от нее.

— С каких пор ты решаешь за меня как мне поступить с моими рабынями, Чанкр?

Сеасмил медленно перевел взгляд на Аша, глаза старика на мгновение подернулись белесой пленкой и вновь прояснились.

— Я просто даю тебе совет, мой мальчик. Умный совет. Ангелу нечего делать в землях Мендемая.

Аш почувствовал, как внутри поднимается волна протеста и дикое желание схватить Чанкра за бороду и хорошенько тряхнуть. Уважение к наставнику не позволяло это сделать и Аш сжал поводья с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Тебя это не касается, Сеасмил. Много ли советов ты давал по этому поводу моему отцу и стал бы он тебя слушать?

— Меня касается твое будущее, я забочусь о тебе. Твой отец не был связан узами…

— Не нужно обо мне заботиться, — оборвал Аш, не давая магу закончить, — я сам в состоянии решить, как поступить с моей вещью. Разговор окончен. Если решу ее убить, я это сделаю и мне не нужны твои советы, наставник.

— Я лишь сказал свое мнение, — зрачки мага сузились и взгляд стал непроницаемым, Аш привык к этим переменам — Чанкра задел грубый тон.

— Она знает, что ей предстоит найти в пещерах Тартоса? Знает, что в сумеречный лес ей придется идти одной?

— Нет, — демон перевел взгляд на рабыню, которая с трудом держалась в седле.

— Тогда приведи ее ко мне — я расскажу. Без меня ей не найти онтамагол.

Внезапно Аш пришпорил коня, оставив Сеасмила без ответа. Он не видел, как сверкнули в полумраке глаза старика и губы сжались в тонкую линию. Чанкр нервно теребил в пальцах тонкую нить с прозрачными камнями, не на секунду, не упуская из вида хрупкую девушку и огромного воина-демона, который заслонил ее собой от пронзительного взгляда Сеасмила.

***.

Мне казалось я падаю, ноги сводило судорогой, спина словно разламывалась на части. Я стерла ладони до волдырей и уже не могла держать поводья в руках. От слабости пересохло во рту. Когда я в очередной раз уронила поводья и пошатнулась в седле, кто-то схватил Люцифера под уздцы, и конь остановился как вкопанный.

Аш склонился ко мне и сердце снова забилось быстрее. Уже привычная реакция на его близость, но это не страх.

— Привыкай к седлу. У нас кочевой образ жизни и большую часть времени я провожу в дороге. Тебе придется учиться выдерживать мой ритм или упасть под ноги коня и тебя затопчут. Третьего не дано, Шели.

Оранжевые зрачки ровно полыхали пламенем, не обжигая и не пронзая насквозь, скорее ожидая реакцию. Я выпрямилась, стараясь держаться изо всех сил. Под копыта Люцифера совсем не хотелось, я видела, как его золотые подковы высекают огненные искры.

— Возьми поводья и следуй за мной с тобой хотят поговорить.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы не застонать, когда кожаные ремни вновь коснулись израненных ладоней. Аш вдруг схватил меня за руку и разжал мои судорожно стиснутые пальцы. Несколько секунд смотрел на волдыри, потом накрыл мою ладонь своей, соприкасаясь, кожа к коже. Я вздохнула с облегчением, чувствуя, как боль отступает. Демон провел по моему запястью большим пальцем. Неожиданная и удивительная ласка. Я несмело посмотрела ему в глаза.

— Никогда не был лекарем, — сказал совершенно серьезно и обмотал мои ладони в несколько слоев такими же кожанами лентами, как и его собственные, завязал своеобразные бинты на запястьях.

— Так лучше.

Я последовала за ним, а точнее Люцифер покорно пошел следом, когда Аш дернул его за узду и издал странный звук, на который конь отреагировал как на манок.

Только сейчас я заметила старика в белых одеждах, он сливался с туманом, постепенно окутывающим нас, как полупрозрачной стеной, словно сотканный из той же субстанции. Как призрак. Когда он посмотрел на меня, внутри что-то щелкнуло, а по телу прошла волна электрического тока, который пронизал меня с ног до головы.

— Как ты назвал свою рабыню, Абигор? — старик сверлил меня взглядом, не отпуская не на секунду.

— Шели, — Аш повернулся к наставнику, — объясни ей как

найти камень, а мы пока исследуем местность впереди и двинемся дальше.

Я не хотела оставаться наедине с этим стариком. Он пугал меня, потому что пытался проникнуть мне в мозги, втиснуться в сознание. Его взгляд, как стальной клинок, впивался в кожу и колол ее, отыскивая слабое место. Но внутри образовывалась странная стена защиты и сопротивлялась этому вторжению, ограждая от проникновения. Я еще не в полной мере осознала, что это и не могла этим управлять, потому что моментами старику все же удавалось сковать мою голову железным обручем и лишить воли.

— Юный новорожденный Ангел. Глупый и слабый. Кому ты противишься? — скрипучим голосом спросил маг и усмехнулся, — Для твоего же блага лучше впустить меня.

— Я не понимаю, о чем вы, — ответила и слегка поморщилась от неприятного покалывания в висках.

— Понимаешь. Ты чувствуешь. Не можешь не чувствовать.

Я промолчала, но взгляд не отвела.

— Хочешь жить, Шели? Я вижу…очень хочешь. Доверься мне, и ты выживешь слово Сеасмила.

Глаза старика стали светло голубыми, нежными и прозрачными.

— Я твой друг, Шели. Единственный, кто похож на тебя в этом мире темных созданий, прислуживающих мраку. Чанкры нейтральны. Ты можешь мне доверять, девочка с белыми волосами, я выведу тебя на тропу света и жизни.

Постепенно моя защита рушилась, в ней появлялись прорехи, она опадала как рваный занавес к ногам комедиантов. Вкрадчивый голос мага проникал в эти дыры и заполнял меня изнутри липкой патокой.

— Вот так…я покажу тебе и научу. Ты сделаешь все в точности как я говорю, и твои собратья заберут тебя…да…впусти. Раскройся. Ты приведешь нас к онтамаголу, следуя за сиянием своих волос, ты найдешь камень в недрах пещер Тартоса и вынешь его, как сердце из груди дракона. Как только твои руки коснутся хрусталя войско Аша войдет в сумеречный лес.

Я словно таяла от звука этого голоса, подчиняясь гипнозу.

А потом вдруг увидела, как ко мне тянутся руки старика, почувствовала, как они обхватывают мое горло и забирают у меня возможность дышать, и это уже не его пальцы, а прозрачные тонкие нити они душат, режут мою плоть как стальная проволока, а потом железо медленно превращается в извивающееся, скользкое тело змеи.

— Этот талисман убережет тебя от тьмы, — Я коснулась шеи

и распахнула глаза. Сеасмил по-прежнему смотрел на меня, словно изучая. Он не приблизился ко мне даже на миллиметр. Похоже, у меня галлюцинации.

— Молодец, Шели, ты выполнишь свою миссию, я в этом уверен. Ты запомнила картинку, она отпечаталась в твоей памяти и когда потребуется ты будешь видеть ее снова и снова.

Он улыбнулся, и я с облегчением вздохнула. Мне показалось. Усталость сыграла со мной злую шутку. Старик не может причинить мне вред, ведь я принадлежу Ашу, а значит неприкосновенна для него. Потрогала шею, кожа слегка побаливала. Нереальное кажется реальным. В этом мире и не такое возможно.

Мы снова двинулись в путь. Я все так же плелась сзади в сопровождении Фиена и старалась удержаться в седле. Мне казалось мы скачем целую вечность. Снежная пустыня не кончалась, а густой туман скрывал дорогу, и мы словно топтались на одном месте. От усталости я засыпала на ходу.

— Держи поводья, — напоминал Фиен, — я упущу тебя из виду, и ты рухнешь под копыта. Не спи.

У меня не осталось никаких физических сил, я была выжата, как лимон. Даже не знаю каким чудом я еще реагировала на слова Инкуба.

— Поговори со мной, Серебрянка. Давай, расскажи мне что-нибудь. Я не хочу нести ответственность если ты свалишься на землю и тебя растопчут.

— Кто такой Сеасмил? — спросила я, стараясь смотреть вперед и не думать о дикой боли в спине и ногах, в онемевших, с непривычки, мышцах.

Фиен ехал рядом то и дело осаждая коня чтобы поравняться со мной.

— Могущественный маг, наставник Аша. Он ему как отец, даже ближе. Чанкры, как серые кардиналы при короле и их ничтожно мало, в свое время их отправили в ваш мир, а здесь остались единицы. Сеасмил самый сильный из всех. Аш прислушивается к его мнению. Маг много сделал для Огнемая. Он управляет городом и рабами, пока Аш на войне, и заботится о его жене.

Я сильнее вцепилась в поводья в глазах моментально потемнело, а сердце на секунду перестало биться.

— Жене?

Я проснулась, а точнее меня словно ударили под дых, в солнечное сплетение. Фиен ухмыльнулся, довольный произведенным впечатлением и моей реакцией.

— А ты не знала? Аш женат, его обручили с Миеной еще в

детстве, когда Руаха Эш заключил договор с восточным независимым королевством Антор, принадлежащим сводному брату Руаха. Все верховные имеют жен. Все пять братьев. Таков закон Мендемая — жениться на своих. Но они не касаются демонов других каст, — добавил Фиен и пришпорил своего коня. Мне показалось что я лечу в пропасть, я даже не заметила, как медленно соскальзываю вниз на мерзлую землю под пылающие копыта Люцифера.

Внезапно кто-то схватил меня за шиворот:

— Дальше поедешь со мной, а то мы за месяц к Тартосу не доедем.

Голос Аша донёсся, как сквозь вату и демон, без церемоний, пересадил меня к себе в седло, но я словно окаменела. В ушах все еще звучали слова Фиена

«А ты не знала? Аш женат…».

Можно подумать меня это должно расстроить? С чего бы это? Я всего лишь игрушка и ненавижу своего Хозяина. Только на душе стало холодно, а в сердце вонзились маленькие острые осколки первого разочарования. Это могло вызвать приступ дикого веселья у кого угодно, разве для меня может иметь значение женат ли мой Повелитель? Если помимо жены существуют тысячи рабынь, женщин как бессмертных, так и смертных. Я мимолетна так же, как снежинки, тающие на моих ресницах.

— Шели, — Аш тряхнул меня за плечо, — ты о чем-то думаешь?

Я открыла глаза.

— Да, человек не может ни о чем не думать.

— Тогда сделай это еще раз, — приказал он и сжал мое плечо сильнее.

Что сделать? Подумать о том, что никогда и ничего не буду значить для тебя? Или подумать о том, почему для меня это вдруг стало иметь значение? Или о том, что ты уже об этом знаешь и наверняка в душе насмехаешься над жалкой зверушкой. Если у тебя вообще есть душа.

— Ты думаешь?

— Да! Я думаю! — ответила раздраженно, теряя страх, осмелившись нагрубить Хозяину.

— Я не слышу тебя, — Аш осадил коня и в его голосе послышались недоумение и ярость.

В этот момент с нами поравнялся Сеасмил, он погладил седую бороду сморщенными тонкими пальцами, на указательном блеснул перстень с бордовым камнем.

— Ее сущность крепнет. Ты больше не сможешь читать ее

мысли, Аш. Она не доступна для тебя, как все существа высшей расы, хоть и рабыня, но это не меняет положения вещей в нашем мире.

Старик улыбался и от его улыбки по моему телу пробежал холодок, снова засаднила кожа на шее, я невольно тронула ее пальцами.

— Возможно, изредка, ты все еще будешь ее слышать, но не долго.

Глава 11

Кромка сумеречного леса виднелась из рваных клочков тумана и черные макушки голых деревьев раскачивались на ветру. Странно, но я совсем не задумывалась о том, что меня ждет там, в этом чужом и диком месте, куда я пойду совсем одна и буду искать «то, не знаю, что». Я все еще слышала голос Фиена и его смех.

«А ты не знала? Он женат…»

Почувствовала, как Аш прижал меня сильнее и невольно воспротивилась, напряглась как струна, окаменела.

Реакция демона была мгновенной придавил так, что больше не могла вздохнуть, заболели ребра и на глаза навернулись слезы. Сломал сопротивление моментально.

— Кажется, мы это уже проходили, — прорычал над моим ухом.

Я вцепилась в его руку, пытаясь освободится, совершенно напрасно, конечно.

— Мне больно, — вздохнула, а выдохнуть не смогла. Потому что горячие губы демона коснулись моей шеи сбоку, чуть ниже мочки уха. Опалили кожу, обожгли. Я дернула головой отстраняясь, и он обхватил мое лицо пятерней, заставляя повернуться к нему, я закрыла глаза.

— Посмотри на меня, — в голосе властные нотки и раздражение.

В знак протеста зажмурилась еще сильнее.

— Я сказал — посмотри!

Сжал мои щеки, и я распахнула глаза. Во мне клокотала обида, на которую я просто не имела права и не буду иметь никогда.

— Зачем? Потому что больше не можешь влезть ко мне в голову?

Зрачки демона сузились, превратились в тонкие полоски.

— Мне не нужно тебя слышать, чтобы понять, что ты чувствуешь, — сказал очень тихо, вкрадчиво. Такой тон пугал меня гораздо больше чем его рычание и яростный взгляд, — за твою дерзость, ты будешь смотреть на меня до тех пор, пока я не решу иначе.

Я хотела в знак протеста отвернуться и не смогла, невероятная сила удерживала меня и не давала отвести взгляд и даже моргнуть. Я смотрела в ярко оранжевые радужки и видела, как плескается огненная магма, плавится жидкое золото, кипит и бурлит, увлекая меня в водоворот, лишая силы воли, а точнее

сжигая ее в пепел.

Жестокая рука Аша, которая лишала возможности даже вздохнуть теперь властно накрыла мою грудь. Я шумно выдохнула, но так и не могла оторвать от него взгляд. Глаза демона вспыхнули еще ярче, пальцы нашли мгновенно затвердевший сосок и требовательно сжали. Я вздрогнула ощущая, как предательски реагирует мое тело становится покорным и податливым, а внизу живота закручивается в узел уже знакомое ощущение предвкушения. Демон слегка прищурился, изучая реакцию, зажимая сосок то сильнее, то очень нежно потирая, едва касаясь, сквозь материю отчего чувствительность увеличилась в десятки раз. Перед глазами поплыл туман желания, особенно когда увидела, как темнеет оранжевое пламя, как расширяются зрачки Аша, порабощая и затягивая все глубже в черный водоворот страсти, о которой я до сих пор даже не подозревала.

Аш потянул вверх подол моего платья, а я не могла сопротивляться, демон сковал мою волю, лишил любой возможности пошевелиться. Я начала задыхаться, когда горячие пальцы скользнули по голому бедру, широко разведенных ног. Я сжала круп коня коленями, но даже при огромном желании не смогла бы спрятаться и укрыться от наглых пальцев. Моя поза лишала такой возможности. Внутри клокотал стон удовольствия и изнеможения. Глаза Аша потемнели и теперь походили на черную бездну, блестящую безумием. Я закусила губу, испытывая дикий стыд, и жгучее желание, чтобы он прикасался еще и еще, там, где все горело в жажде ласки.

— Такая влажная…зачем мне читать твои мысли, если твое тело гораздо красноречивей реагирует на прикосновения? Пожалуй, эту ложь я прощу тебе…Шели, но только эту, — как сильно изменился его голос, стал низким, дразнящим и сулящим пытку наслаждением. Искушающим и обволакивающим. Я даже не знала, что он способен так соблазнять. Наверное, я многого не знаю о нем и не узнаю никогда. Аш то сковывал меня ледяным презрением, то обжигал пламенем жадного голода, то больно разрывал все мои иллюзии в клочья. Боже и это только начало… выдержу ли я?

Я чувствовала, как легко дерзкие пальцы скользят по складкам плоти. С губ сорвался стон, когда Аш коснулся особо чувствительного места, которое яростно пульсировало под его натиском, требуя большего, пробуждая во мне голод и сумасшествие. Поднимая меня на вершины острого и запретного удовольствия, где больше нет границ и стыда.

— Нет, — всхлипнула, понимая, что не могу ничего с собой

поделать, ощущая, как кровь прилила к щекам, перехватило дыхание. Прикосновения стали более дерзкими, умелыми и я невольно терлась о его руку, выгибаясь назад, в самом примитивном инстинкте получить разрядку, освобождение от пытки и в то же время страшась последствий. Меня разрывало от потребности закричать, но я словно онемела, кусая губы, вздрагивая и задыхаясь. Все под его взглядом…унизительно и в то же время настолько возбуждающе, что мне казалось я раскалываюсь на мелкие осколки от нетерпения и желания все прекратить немедленно.

— Нет? — голос тихий, хриплый, самоуверенный.

— Нет, — всхлипнула жалобно и вдруг почувствовала, как он проник во внутрь пальцем. Дернулась от неожиданного дикомфорта и на глаза навернулись слезы.

— Тихо…я просто ласкаю. Смотри на меня.

И снова наслаждение, граничащие с сумасшествием. От нарастающего взрыва, все мышцы свело судорогой, от неизбежного приближения чего-то мощного и неконтролируемого с горла вырвался стон, и Аш тут же прикрыл мне рот ладонью.

— Зачем же так громко, Шели?

Его пальцы творили со мной немыслимое: то сжимали, то нежно гладили, пульсирующий комочек плоти между ног, то с легкостью проскальзывали во внутрь, туда где еще никто и никогда меня касался, растягивая причиняя легкую боль, давая лишь слабое представление о настоящем вторжении. Когда он возьмет мою девственность…о боже, сейчас, я хотела этого так яростно, что от собственных грешных мыслей кружилась голова и снова вспышка — нет, я должна сопротивляться, не позволить. Я…боже, пусть не останавливается.

— Ты моя, Шели…запомни это…ты — шелИ…пока я этого хочу. А теперь скажи мне еще раз «нет». Еще никогда меня так не заводила чья-то противоречивая непокорность.

Я дрожала, покрываясь бусинками пота, слезы наслаждения и страха текли по щекам. Я плавилась, растворяясь в его глазах. Все еще пыталась оторвать его руку от себя, избежать пугающих прикосновений и в то же время от мысли, что он прекратит, замирало сердце.

— Нет, — почти прорыдала, почувствовав, как он «отпустил» мой взгляд, как вспыхнули черные зрачки мучителя триумфом, зная то, чего я еще не знала, мои глаза непроизвольно закрылись, тело выгнуло дугой, и я бы закричала, но жесткие губы демона поглотили мой крик. Меня накрыло волной, разрушительным ураганом, ядерным взрывом, перевернувшим мою вселенную и расколовшим ее на мелкие кусочки дикого удовольствия о

котором я даже не догадывалась. Я чувствовала, как его губы терзают мои, как язык повторяет движения пальца внутри моего тела, как крепко он прижимает меня к себе, пока я содрогаюсь в конвульсиях самого первого в жизни оргазма от мужской ласки. Здесь. В самом неподходящем месте, в самое неподходящее время и с самым опасным мужчиной. По щекам покатились слезы облегчения. Он прав, я принадлежу ему, наверное, я поняла это еще там в диком лесу у костра Ленца, когда добровольно вышла навстречу своей судьбе. Ни с кем другим не было бы так как с ним.

Аш целовал мои губы до тех пор, пока я не перестала вздрагивать и не обмякла в его руках. Потом прошептал мне в волосы:

— Ты МОЯ. Теперь ты понимаешь насколько ты моя?

Я с трудом разлепила тяжелые веки, черный взгляд все еще испепелял меня, горел диким голодом. Его грудь бурно вздымалась, а дыхание стало прерывистым. Демон достал флягу из мешка, висящего сбоку от седла и жадно осушил. Запахло спиртным. Аш вытер рот тыльной стороной ладони и шумно выдохнул.

Смуглое лицо побледнело, черты заострились. Казалось, он в ярости, словно им завладело неконтролируемое безумие, по щекам скользили вены, вспыхивая бордовым пламенем, губы подрагивали, а ноздри хищно трепетали. Можно подумать он хочет разорвать меня на части.

— Ужасно хочу…но не в том смысле, как ты думаешь. Почему именно сейчас я тебя снова слышу? Проклятье! Не смотри на меня и постарайся не ерзать, не то я за себя не отвечаю, — прошипел с такой злостью, и я отвернулась, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Я разозлила его. Чем? А черт его знает проклятого демона. Аш больше не прижимал меня к себе, он отстранился насколько это возможно, и я подрагивала от холода, стыда и едва сдерживаемых рыданий. Наверное, я вела себя дерзко, непозволительно для рабыни. Возможно, я не должна была так реагировать и…вести себя с таким бесстыдством…

Внезапно он сжал мои плечи.

— Ты слабоумная или притворяешься? — оскорбительные слова были сказаны с раздражением или насмешкой, и я внутренне сжалась.

Я совершенно ничего не понимала. Да, слабоумная. Меня никто и никогда не ласкал вот так и не доводил до оргазма. Я вообще никогда не кончала, разве что была близка к этому когда сама себя трогала в душе и изучала свое тело. Я не занималась любовью, и он первый, кого я так безумно хотела, теряя стыд и

вопреки всему. Почему я должна себя чувствовать виноватой если он так действует на меня? Или желать Хозяина это настолько оскорбительно? Я должна его только бояться? Это именно то, чего он хочет? Поэтому бесится?

Аш схватил меня за волосы и дернул к себе, заставляя запрокинуть голову.

— Дьявол…твои мысли взрывают мне мозг. Перестань.

Не могу…Почему он в такой ярости? Разве Сеасмил не сказал, что скоро это закончится, и он не сможет меня слышать?

— Потому что я хочу тебя, и если ты не прекратишь думать обо мне, я пошлю все к дьяволу, разорву на кусочки твои тряпки и возьму тебя прямо здесь и сейчас, — прорычал мне в затылок опять прижал к себе. Я почувствовала, как лечу в пропасть, а потом возношусь к небесам. Тихо Шели…спокойно…падать будет очень больно.

Но ничего не могла с собой поделать. Наверное, каждая женщина испытала бы тоже самое. Пусть Аш не шепчет мне слова любви, вряд ли от него их когда-нибудь услышу, но его голодное рычание красноречивей нежных признаний, на которые демон не способен. Я накрыла руки Аша своими и откинула голову назад, на могучую грудь, слыша бешеное биение его сердца, чувствуя, как появляются и прячутся когти. Мой Зверь, неистовый, дикий, безумно опасный и такой искушающий. Гремучая смесь соблазна, первобытного страха и яростного желания покорится ему, сводила меня с ума. Кажется, я влюбилась…по-идиотски, наивно, неуместно. Надеюсь сейчас он не слышит мои мысли. Пусть это останется при мне, иначе я потеряю себя окончательно. Только поздно уже бороться с собой, напоминать себе, что я просто рабыня, увлечение, мимолетная прихоть или игрушка, которую непременно сломают, потому что когда я надоем ему, мой конец будет закономерным и вполне предсказуемым. Меня не ждет радужное будущее, великая любовь и свадьба с кольцами. Меня вообще ничего не ждет, и я могу жить только минутой и благодарить Бога, что у меня эта минута была.

Я нежилась в объятиях демона, сжимая его руку и парила где-то далеко за пределами восприятия окружающего мира. Мне было хорошо. Впервые за все время пребывания в проклятом Мендемае. Как же я ненавидела это место и в тот же момент презирала себя за то, что начинаю привыкать и даже адаптироваться здесь. Благодаря Ашу и моим противоестественным чувствам к нему.

— Дальше начинаются болота, — крикнул кто-то и я вздрогнула, — мы не найдем дорогу. Под коркой льда — огненная порода, тот, кто провалится, сгорит моментально.

Отряд остановился. Я выпрямилась в седле все еще чувствуя

руку Аша у себя на талии.

— Куда дальше? — Фиен, поравнялся с нами, — Сумрачный туман сгущается. Это северная часть Тартоса с непроходимыми огненными топями.

— Едем вперед. Не впервой, — ответил Аш и пришпорил коня.

Отряд двинулся за нами. Мы шли очень медленно, жеребец, словно боялся ступать дальше, он то и дело останавливался, а демон вонзал ему шпоры в бока.

Моя коса давно растрепалась и пряди волос постоянно лезли мне в лицо, пока я вдруг не замерла пораженная. Мои волосы — они меняли цвет, то светились в темноте, как сотни светлячков, то снова темнели. В зависимости от того куда направлялся конь Аша. Я сильнее сжала руку демона, заставляя обратить на меня внимание.

— Мои волосы, — прошептала я, — они меняются.

Аш склонился ко мне.

— И что? Здесь очень многое меняется со скоростью звука, — насмешливо прошептал он и его губы пощекотали мочку моего уха, согревая горячим дыханием. По телу прошла приятная дрожь, но я все же тихо возразила:

— Нет…они изменяются в зависимости от направления.

— Бред, — Аш снова пришпорил коня.

— Мне кажется они указывают нам путь, — ошеломленно прошептала я и повернулась к демону. Он озадаченно смотрел на мои волосы, накрутил прядь на палец и сияние осветило смуглую руку.

— Не думаю, что это как-то связанно, — прозвучало неуверенно. Аш сомневался, впервые в его голосе не было этих жестких и властных ноток.

— Мне кажется — я смогу нас вывести, — не знаю откуда такая уверенность, но я не сомневалась ни на секунду.

Резкий порыв ветра сорвал капюшон с моей головы, и кто-то крикнул:

— Ее волосы! Они меняют цвет!

Один из воинов указывал на меня пальцем. Я вдруг поняла, что на меня все смотрят, захотелось провалиться сквозь землю. Опять эти треклятые патлы, ну за что мне это наказание?

— Поведешь отряд, Шели, — решительно сказал Аш, — Фиен, она поедет сама, впереди всех, а мы за ней. Где ее жеребец?

Инкуб привел под уздцы Люцифера и Аш пересадил меня в ледяное седло. После его горячих объятий меня морозило и холод пронизывал до костей.

— Еще чего! — раздался чей-то голос, — Я не пойду за

рабыней, вы совсем рехнулись? Да кто она такая? Шлюха Аша? И что? Сколько их было и сколько будет? Подумаешь патлы сверкают, у моей последней девки возгоралась кожа и что? Пару раз отодрал, и она сдохла. Я не поеду за этой… на верную смерть.

Аш напрягся, я почувствовала эту волну бешеной ярости, увидела, как демон схватился за рукоятку меча, но Фиен молча положил руку командиру на плечо и крепко сжал.

Мятежный воин, посмевший перечить Повелителю, пришпорил коня и помчался на юг. Все смотрели ему вслед, пока вдруг не раздался оглушительный треск и из-под снега не вырвались языки пламени и огненные брызги. Беглец воспламенился, он стремительно сгорал заживо, и я слышала дикие крики и ржание его несчастного коня, видела, как огонь пожирает их плоть и словно обхватывает щупальцами, затягивая добычу под лед. Противоестественное явление, ужасающее и жестокое. Когда обугленные тела, коня и его мятежного хозяина, исчезли в недрах бездны, лед снова сошелся, поглощая пламя. Черный туман заскользил по поверхности болота, словно, заметая следы.

— Все едут за ней! — крикнул Аш, ошеломленным и бледным воинам, — Это наш шанс. Кто против — может последовать за Леоном.

Я судорожно глотнула морозный воздух и сжала поводья. Значит во мне, правда, что-то есть? Крылья и вся та боль, которую я впитываю и пропускаю через себя это не просто так. Я стиснула коленями круп Люцифера и тот покорно пошел вперед.

Теперь я смотрела на свою косу постоянно, она то вспыхивала, то меркла, и я старалась направлять коня так, чтобы волосы светились не прекращая. Люцифер чувствовал меня и подчинялся каждому движению, покорно следуя направлению. Конечно, из меня паршивый наездник и все еще ныло тело и болели все мышцы, но я понимала, что сейчас слишком многое зависит от простой рабыни, и я веду за собой целый отряд демонов, которые мне доверились, а точнее — мне доверился Аш. Разве может быть что-то важнее и невероятнее этого?

Мы шли зигзагами, петляли, но больше никто не изъявил желания покинуть отряд. Мне было страшно и в то же время я чувствовала, что именно сейчас я больше не бесполезная слабая вещь, а имею значение. Аш видит и знает об этом. Возможно, его мнение обо мне изменится, я поднимусь на ступень выше чем те, кто были до меня…и он поймет, что я больше чем просто рабыня.

— Мы приехали, Шели. Дальше нам всем дороги нет.

Демон спешился и снял меня с коня, на секунду прижав к себе очень крепко. Захватило дух, нашла его взгляд, обожглась,

как всегда, и стыдливо опустила ресницы, вспоминая как он заставил меня стонать от наслаждения. Воины выстроились в шеренгу, а впереди всех Фиен и Сеасмил. Они смотрели на меня, а я на Аша, потому что коготки страха уже впивались в мое сердце. Я не понимала почему они не могут идти дальше вместе со мной? Что может сдерживать такой сильный отряд самых свирепых демонов-воинов?

Ветер кружил по земле маленькие смерчи снежинок, завывал в стволах голых деревьев, сумрак и дымка черного тумана окутывали подножия елей и ползли по снегу, словно прозрачные щупальца чудовищного осьминога. Аш прошел вперед и протянул руку, касаясь чего-то невидимого, его ладонь легла на незримую поверхность и от пальцев разошлись сиреневые волны.

— Подножие Тартоса охраняет онтамагол, мы не можем продвинуться ни на шаг, пока камень не будет найден и сдвинут с места.

Голос Чанкра подхватило эхо и повторило немыслимое количество раз. Внезапно Аш резко повернулся в сторону отряда и прищурился.

— Дьявол меня раздери…, - прошептал едва слышно и молниеносно выхватил из ножен меч. Сталь отразила искрящийся снег.

Я не сразу поняла откуда доносится этот странный звук, похожий на крик чудовищной птицы, или горн. Он пронзал сознание, оглушал и сковывал тело ужасом. Послышался звон стали — то воины обнажили мечи.

— Эльфы! Мы в засаде! — крикнул Аш, — Всем в круг!

В этот момент что-то просвистело над моей головой и лес озарился сотнями маленьких огней, я приоткрыла рот в удивлении, но кто-то сбил меня с ног, и я покатилась по снегу в кусты. Приподняла голову и закричала, но мой крик потонул во всеобщем хаосе. Несколько воинов-демонов обливаясь черной кровью упали в снег с торчащими из груди горящими стрелами. Их плащи заполыхали в темноте, освещая все вокруг. Мне казалось я погружаюсь в безумие. Я видела, как из сумрака выскакивают всадники, размахивая сверкающими мечами, как врезаются друг в друга демоны и иные существа со светящейся голубоватой кожей и прозрачными крыльями, как по снегу катятся головы, руки, расчлененные тела. Я онемела, меня парализовало, сковало от страха, к горлу подступила тошнота. В воздухе витала смерть…я чувствовала ее всем существом. Черное, первобытное зло, голодное и жадное.

Вдруг кто-то схватил меня за волосы и вздернул вверх. Я увидела жуткое лицо демона, того самого, что насиловал

несчастного раба.

— Эта она завела нас в засаду! Это она! Эльфийская сука, подстилка Балместа! Она притащила нас сюда, а теперь трусливо прячется в кустах!

Я прочла в его жутких глазах приговор, но мне повезло, на Тиберия набросились три фигуры в синих одеяниях и повалили на землю, я упала вместе с ними и ловко откатилась в сторону, прикрывая голову руками, когда сразу несколько стрел вспороли воздух рядом со мной и вонзились в снег, упруго покачиваясь и полыхая огнем. Засверкали клинки, послышался рев рассвирепевших противников и свистящий звон стали, разрезающей ледяной воздух, кромсающий плоть. Я отползла к деревьям, пытаясь спрятаться в сумраке, за голыми ветками колючих кустарников. Перепуганная насмерть, смотрела на бойню, отыскивая в месиве тел и мечущихся в панике, поднимающихся на дыбы коней, Аша. Увидела. Он отбивался сразу от пятерых тварей, они атаковали его со всех сторон. Меч демона отрезал головы, вспарывал животы. Аш рычал, и скалился, ничего в его облике не осталось от человеческого. Меня парализовало от благоговейного ужаса он был великолепен и страшен, а его мощь стала для меня настолько очевидной, что я показалась сама себе песчинкой. На секунду жуткие оранжевые глаза отыскали меня, вспыхнули то ли радостью, то ли удивлением и в этот момент он оторвал противнику голову.

Я вскрикнула, прижала руку к рту, пытаясь побороть приступ тошноты и вдруг мои виски пронзила адская боль, потемнело в глазах.

«Он погибнет, если ты не пойдешь вперед. Иди и достань камень…Ты найдешь его в недрах пещер Тартоса и вынешь, как сердце из груди дракона. Как только твои руки коснутся хрусталя — войско Аша пройдет сквозь стену, прорывая осаду»

Меня потянуло в сторону леса, как магнитом, какая-то сила, манила и звала в глубь чащобы. Я чувствовала потребности идти, не думая ни, о чем. Как в трансе или под гипнозом. Я не знала куда иду и зачем, только слышала голос Чанкра и видела перед глазами сиреневое сияние, оно завлекало, звало, тянулось ко мне, и я шла. Услышала вдалеке голос Аша, точнее рык похожий на раскат грома, от которого затряслись деревья и с веток посыпались комья снега:

— Шели!

Но мое тело мне не подчинялось…я прошла сквозь невидимую преграду, чувствуя легкое покалывание, совсем не больно, как прикосновение к пуху или вате. До меня доносились крики, стоны, свист стрел и лязг клинков, но это осталось позади.

Я должна идти вперед, если найду камень — Аш останется жив. Так вторил голос Сеасмила внутри меня, а шею сдавливал невидимый обруч.

Ветер уже давно сорвал с меня накидку и снег обжигал, жалил и колол как иголками, но я не чувствовала холода. Я шла вперед на сиреневые лучи, они мелькали за деревьями, переливались и светились так же, как и мои волосы, излучая ультрафиолет.

Внезапно я споткнулась обо что-то твердое и посмотрела под ноги — похоже на ступени, или бордюры, припорошенные снегом, они вели вглубь леса. Там, за могучими корнями деревьев, извивающимися по белоснежному ковру, как черные гадюки, виднелась каменная глыба. Из-под нее исходило это странное сиреневое свечение. Как только я приблизилась, глыба с треском отодвинулся, посыпалась мелкая щебенка и открылся вход, но не в пещеру, как говорил Сеасмил.

Скорее это строение, напоминающее развалины древнего Храма. На стенах висели зажжённые факелы, они освещали странные иероглифы и пиктограммы, выдавленные на серых камнях, очень похожие на те, что украшали перевязь Аша.

При мысли о демоне плечо обожгло легкой болью, я посмотрела на клеймо, стянув материю вниз. Под кожей пробегали огненные лучи, переплетаясь создавая цветок, который напоминал мне о том, что далеко не уйду, а если Аш решит меня здесь бросить — клеймо сожжет меня живьем. Я сделала шаг вперед и посмотрела на цветок — он не менялся, только становился то ярче, то бледнее.

Своды храма, разрушенные временем или войнами, открывали черное небо без единой звезды, снежинки кружились в воздухе и залетали сквозь дыры и прорехи, кружась оседали на пол.

Я осмотрелась по сторонам в поисках лучей света. Теперь они мелькали в стене, освещая грани камней изнутри. Я медленно подошла, протянула несмело руку, коснулась ледяной поверхности кончиками пальцев и камни рухнули вниз к моим ногам. Я невольно вскрикнула — внутри открывшейся лунки сиял маленький осколок, похожий на кристалл. Как зачарованная я осторожно тронула прозрачное стекло. Сияние разгорелось ярче, сливаясь с блеском моих волос, я взяла кристалл, сжала в ладони и воцарился мрак, только факелы бросали блики на покрытые изморозью стены. Подтаявший лед стекал прозрачными слезами на мраморный пол, покрытый глубокими трещинами.

В этот момент я начала задыхаться, словно мне на шею набросили удавку, я судорожно хваталась руками за горло,

пытаясь вздохнуть и не могла, все крепче сжимая пальцами кристалл я ловила губами воздух, упала на колени.

— Отдай мне камень и останешься жива.

Голос доносился сверху, я с трудом подняла голову, чувствуя, как от нехватки кислорода немеют ноги и руки. Передо мной стояло существо, такое же как те, что напали на отряд демонов. Голубоватые крылья трепетали за спиной эльфа, и он возвышался надо мной, как скала. Протянул руку в синей бархатной перчатке, развернув ладонью вверх.

— Кристалл в обмен на жизнь, рабыня. Ничтожная цена, поверь. Отдай добровольно и я избавлю тебя от заклятия голубой змеи.

Я протянула дрожащую руку, и эльф выдрал из моих пальцев камень. Я с мольбой посмотрела на него, в глазах темнело, а невидимая удавка сжималась все сильнее. Наивная, он даже не думал мне помогать. Я умру у его ног, корчась на полу, под равнодушным взглядом еще одного монстра, которыми кишит этот проклятый мир.

Я с ненавистью посмотрела на лжеца и вздрогнула от неожиданности — в грудь эльфа вонзился меч и отшвырнув в его сторону, пригвоздил к стене. Фиолетовые глаза существа распахнулись в недоумении, он непроизвольно схватился за рукоять, торчащую из груди, рот эльфа приоткрылся в немом крике, и черная кровь хлынула ему на грудь.

— Вот она! Тварь! Отдала камень Валеасту, преданному псу Балместа! — голос Сеасмила донесся как сквозь вату.

Я с трудом повернулась, все еще задыхаясь и увидев Аша радостно вскрикнула. Он жив. Он нашел меня. Пришел за мной. От дикой радости даже боль в горле перестала иметь значение или она отступила, и я наконец-то смогла вздохнуть. Протянула к нему руки, к израненному, покрытому копотью и кровью в разодранном плаще, но вдруг услышала голос Тиберия, дребезжащий от ненависти и ярости:

— Она шпионила для эльфов, это она заманила нас в ловушку.

Я попыталась приподняться, но один из демонов пнул меня в живот носком сапога, и я упала, свернувшись от боли пополам.

— Аш, — хотела закричать в отчаянии, но не смогла, голос сорвался и получился лишь слабый хрип, Хозяин смотрел на меня как на мерзкое насекомое, тварь, достойную немедленной смерти. Его брови сошлись на переносице, а глаза подернулись непроницаемой черной пеленой ярости. От этого взгляда по коже пошли мурашки, меня бросило в холод, а сердце стало биться медленней, готовое остановиться от разочарования.

Ко мне склонился Сеасмил и приподнял с пола за волосы:

— Как я и говорил, Повелитель, на ней знак Балместа, голубая хрустальная змея, она проникает под кожу и оберегает ее носителя. Эта дрянь служит эльфам, и она заманила нас в засаду, а потом отдала кристалл Валеасту.

Я схватила мага за руку.

— Ложь! Это ты мне ее дал! Ты надел ее мне на шею! — мой голос звучал глухо и каждое слово давалось с трудом. Меня сотрясало от презрения к предателю. Чанкр вскрикнул, его плоть зашипела под моими пальцами, и он выпустил мои волосы, корчась от боли. Я сорвала с шеи тонкую извивающуюся змею, швырнула тварь в снег, и она на глазах превратилась в голубое стекло.

Сеасмил застонал, его кожа дымилась, а глаза полыхали белым заревом ненависти.

— Дрянь! Сейчас ты сдохнешь! — Он поднял вторую руку сжимая скрюченные пальцы, между которыми пробегали неоновые разряды.

— Сеасмил, не сметь!

Голос Аша оглушил меня на секунду, и я окончательно пришла в себя. Расширенными от ужаса глазами смотрела на опаленную плоть Чанкра. Это конец. Я поранила наставника демона, меня за это казнят.

— Аш, — всхлипнула и осеклась, увидев на лице Повелителя ледяную маску безразличия. Полного равнодушия ко мне и моей дальнейшей судьбе. Некого просить и не о чем умолять, все вернулось на круги своя и я опять никто. Черные глаза Зверя смотрели сквозь меня. Он уже вынес приговор, я в этом не сомневалась.

Маг триумфально улыбался, и я вдруг поняла, что оказалась пешкой в какой-то странной игре…и никто мне не поверит. Ни один из них, а тем более Аш.

— Пусть эта шлюха Балместа отдаст тебе кристалл, — сказал Сеасмил, — добровольно.

— Подними! — Аш пнул меня ногой в плечо и указал на кристалл, — Ну! Я жду! Подними!

Я подняла кристалл из снега и протянула Хозяину руки дрожали и ледяной камень выскальзывал из онемевших пальцев. Демон забрал его и спрятал в карман.

— Аш, — прошептала так тихо, что услышать могли только я и он, но Зверь равнодушно повернулся ко мне спиной. Все, меня больше нет. Сердце судорожно сжалось, покрываясь инеем, замерзая, как и мои пустые надежды. Лучше бы проклятая удавка Сеасмила придушила меня насмерть.

— Мы возвращаемся в Огнемай вместе с кристаллом, на Тартос нападем, когда соберем новое войско. Потери слишком велики мы похоронили больше половины храбрых и самых отважных воинов Мендемая, но мы победили. Балмест тоже не скоро придет в себя после такого поражения. Рабов, взятых в плен, сковать цепями и тащить до самого города. Эту вместе с ними. На привязи, как собак, кто сдохнет в дороге — отдать церберам. Остальных казним в Огнемае. Труп Велеаста привязать к его коню, а голову сжечь. Балместа ждет триумфальное возвращение отряда — обезглавленный командир и гора трупов.

Он больше на меня не смотрел, я превратилась в пыль, в грязь и пепел под ногами демона.

Глава 12

Я не чувствовала ног, от усталости ломило кости, от холода тело сводило судорогой. Проклятый дикий холод, он прокалывал тело шипами, вонзался, вгрызался в плоть, заставляя желать только одного — уснуть и не проснуться. Нас тащили на цепях, как животных, позади повозки с рабами. Кандалы впивались в щиколотки и запястья, натирая кожу до ран. «Скованные одной цепью„…вспомнились слова известной песни, но смеяться не хотелось. Все внутренности скрутил в узел, от голода и усталости. Положение пленников еще унизительней, чем положение невольников. Мы смертники. С нами обращаются хуже, чем с бродячими собаками. Пленные женщины, человеческие женщины хрупкие, ломающиеся как фарфор, обессиленные, окровавленные, в разорванных одеждах, скованные по рукам и ногам в уродливых ошейниках, с обреченными и загнанными взглядами покорно шли позади обоза. Только сейчас я начала понимать насколько сильнее их, я еще держусь, я могу идти. Потому что не человек, моей энергии хватало на двадцать таких, как они, но и я сломаюсь рано или поздно…скорее рано. За несколько часов изнуряющего пути нас стало в два раза меньше. Из пятнадцати пленных осталось всего восемь, включая меня. Остальные погибли. Они падали замертво от усталости. Рабы освобождали мертвецов от оков и бросали прямо на дороге. Их тела остались под жестоким небом Мендемая, превращаясь в тлен, никому не нужный и забытый даже самим дьяволом. Двоих отдали церберам, и псы разодрали несчастных, сожрали живьем у нас на глазах, растаскивая куски в разные стороны, рыча и отнимая друг у друга добычу. Я отстранилась от всего этого ужаса, стараясь не думать ни о чем, не слышать, не впитывать боль. Наверное, я все же ослабла, мой организм тратил все запасы энергии на то чтобы выдержать и идти дальше. Меня сковали одной цепью, протянутой через кольца в ошейниках, с пленной девушкой. Она еле передвигала босые израненные ноги, несколько раз падала, увлекая меня за собой, и я помогала ей подняться, с дрожью замечая, как бросает на нас кровожадные и похотливые взгляды Тиберий. Он сопровождал пленных и отдавал приказы избавляться от слабых. Когда девушка упала еще раз, я увидела, как демон натянул поводья разворачивая коня. Я попыталась поднять несчастную снова, но она не могла стоять, у нее подгибались колени. Цепь натянулась и ее протащило по снегу вместе со мной.

Свист хлыста разрезал воздух, я инстинктивно наклонилась

вперед, прикрывая обессиленную пленницу собой. Инстинктивный порыв дикий и странный. Боль обожгла мне спину, но я выдержала удар, а для нее он стал бы смертельным. Я не выдержу еще одной смерти, еще больше этой боли, она хуже моей собственной, разрывает мозги и бьет на мелкие осколки мой разум.

— Поднимайтесь, куски мяса! Пошли! Вставайте!

Я попыталась подняться на ноги, но девушка тянула меня вниз, она смотрела мне в глаза и шептала потрескавшимися губами:

— Брось меня…брось. Не могу больше, они все равно нас убьют. Пусть сейчас.

— Эй, — я встряхнула ее за плечи, — вставай. Давай же. Вставай.

— Не могу…

Он смирилась, а я нет. Я все еще хотела жить, у меня оставалась надежда на лучшее. Наивная, жалкая надежда на то что Аш узнает правду и все изменится. Я только начинала свои персональные круги Ада. Это был даже не первый, а так прелюдия, но кто знал об этом тогда?

— Тиберий отдаст тебя псам на съеденье, живьем. Вставай, обопрись на меня! Все будет хорошо, мы дойдем.

Мне удалось ее поднять, скрипя зубами, чувствуя, как прогибаюсь под ее тяжестью, она выше и крупнее, теперь я тащила девушку на себе, бросила взгляд на Тиберия, но тот уже подгонял других пленных, взмахивая хлыстом и опуская его на плечи несчастных. Только не смотреть, не брать их эмоции иначе меня это сломает, а я и так вся в трещинах, как пересохшая вазочка из папье-маше.

— Как тебя зовут? — спросила я, стараясь не поворачивать голову — ошейник растер кожу на шее, волдыри лопались и каждое прикосновение заставляло меня тихо постанывать. Пусть поговорит со мной, отвлечётся немного.

— Мелисса, — едва слышно ответила она.

— Как ты попала сюда?

— Меня похитили, прямо у дома…мой малыш он остался там совсем один в коляске, на улице. Мой маленький.

— Давай, Мелисса, помоги мне. Мы дойдем вместе, обещаю, только немножко помоги. Ради твоего сына, борись, черт возьми, я сама не дотащу.

Она старалась изо всех сил, а я чувствовала, что уже шатаюсь от усталости. Еще немного, и я не смогу ее тащить, а может и сама упаду. Мы шли уже несколько часов, без перерыва и я не знала сколько еще впереди этой бесконечной дороги изнуряющей

и сводящей с ума своей монотонностью, все снова подернулось непроглядной дымкой. Близится ночь, туман — предвестник темноты в этом проклятом мире.

— Разбиваем лагерь, не успели к перепутью, портал сдвинулся!

Я вздрогнула от звука этого голоса, оглушительного как раскаты грома. Аш мчался вдоль отряда, пришпоривая коня.

— Делаем последний привал до рассвета, — услышала я и рухнула на колени вместе с Мелиссой. Господь услышал мои молитвы. Аш остановился неподалеку от нас, но он не смотрел на меня, а я пожирала его взглядом, мысленно умоляя, чтобы обернулся. Один взгляд, один маленький шанс. Посмотри, что ты делаешь со мной? Хотя кого я умоляю? Саму смерть? Палача? Он пришпорил коня и поскакал в начало обоза. Я тяжело вздохнула, до меня все еще доносился его голос.

— Выставить охрану, разогреть ужин.

Мы расположились на мерзлых камнях позади повозки с рабами. Нас осталось всего шестеро. Загнанные, грязные, окровавленные и полумертвые от усталости. Мы смотрели, как рабы разводят костры, распаковывают тюки, тащат ящики с провизией. Пленных эта суета не касалась. Наверняка, придется заночевать прямо здесь, на ледяных глыбах. К утру нас станет еще меньше, я в этом не сомневалась. Самые слабые замерзнут насмерть. Как же быстро все меняется в жизни. Еще вчера, отдыхая на шкурах шатра, в тепле, в чистой одежде я считала, что моя жизнь полное дерьмо. Все познается в сравнении. Совсем недавно я была женщиной самого Аша, пусть и рабыней, но меня никто не смел тронуть, а сегодня я вообще никто и звать меня никак. Сколько времени пройдет прежде чем кто-то из демонов решит со мной развлечься или скормить меня псам?

У костров жарили мясо, я слышала смех воинов, голос Аша, чувствовала манящий запах еды. От голода начало подташнивать и саднить в горле, Мелисса, облокотилась на меня и закрыла глаза. Я обняла ее за плечи. Так теплее. Как быстро сближает людей общее горе и лишения. Она цеплялась за меня, как за спасение, а я за нее, наверное, потому что долго была лишена нормального общения, поддержки.

— Я умираю от голода, — простонала Мелисса и прижалась ко мне сильнее, — у меня замерзли ноги, и я не чувствую пальцы.

— Не думай о еде, — шепнула я, стараясь дышать ртом, чтобы запах жареного мяса не сводил с ума бунтующий желудок.

Но как же трудно игнорировать чужое пиршество, когда от голода, сводит скулы и выделяется слюна. Я закрыла глаза, засыпая от усталости. Чувствуя, как холод проникает под кожу,

убаюкивает, начинает согревать… и в этот момент Мелисса закричала. Я вздрогнула и тут же проснулась

Перед нами стоял Норд, сжимая в массивных пастях куски мяса. Я смотрела на пса, не чувствуя страха, смотрела прямо в глаза, пока он вдруг не положил мне на колени остатки еды с барского стола.

Мелисса вжалась спиной в камни, глядя на чудовище расширенными от ужаса глазами. Норд подтолкнул мясо носом к моим рукам и уткнулся мордами мне в колени. Огромный хвост с шипами, виляя, поднимал вихри подтаявших снежинок. Я улыбнулась…с ума сойти. Эта жуткая псина принесла мне поесть, значит и в этом мире есть такое понятие, как благодарность, ласково потрепала Норда за ушами.

— Спасибо, мой хороший.

Цербер убежал обратно к кострам, а я разделила скудную пищу между пленницами. Все жадно набросились на еду, раздирая мясо негнущимися, замерзшими пальцами, закрывая в блаженстве глаза.

Норд вернулся спустя пару минут с флягой в зубах, бросил к моим ногам и улегся рядом, положив морды на лапы, он не торопился обратно, а мне рядом с ним было спокойней.

Фляга с водой опустела в считанные минуты. Разомлевшие от неожиданного пиршества пленницы сбились в кучу, согревая друг друга. Я снова обняла Мелиссу, а она меня. После ужина дико хотелось спать.

— Ты не была с нами раньше…я не видела тебя. Ты такая молоденькая, такая юная. Сволочи не погнушались выкрасть ребенка.

Я положила голову ей на плечо.

— Нам нужно набраться сил, утром снова в путь. Поспи немного.

— Этот жуткий пес…почему он принес тебе поесть?

— Он вернул долг.

Мелисса замолчала, и я тоже закрыла глаза, погружаясь в дремоту, усталость лишала сил думать о том, что завтра нас казнят, а может я уже смирилась и хотела этого. Не знаю, мною овладело странное оцепенение, мне стало все равно.

Меня разбудили дикие крики и возня. Рабы хватали пленных женщин и тащили к костру. Воины улюлюкали и свистели. Я прижала к себе Мелиссу. Она вся дрожала, цепляясь за меня руками, погружаясь в панический ужас, который сковал нас обеих. Слишком много женщин появилось в отряде, бесправных и слабых, а пьяные демоны, насытившись, желали иных развлечений.

Я с ужасом смотрела как раздирают одежду на пленницах, как дико они кричат в попытках освободиться, как падают в снег, закрываясь руками от безжалостных когтей обезумевших от похоти чудовищ. Чужая боль и страдания снова наполняли меня мучительной энергией, которая заставляла вибрировать каждую клеточку моего тела. Застывшим взглядом я смотрела как мужчины зверски насилуют женщин, изменяя облик, раздирая нежную кожу, рыча от удовольствия как хищники, которые дорвались до желанной добычи.

— Тиберий, давай, пока она еще живая, засади ей, я подержу для тебя.

Ненавистный демон отбросил пустую флягу и поискал меня взглядом.

— А где белобрысая сука?

Я стиснула пальцы с такой силой, что побелели костяшки, когда его взгляд испепелил меня дикой похотью и жаждой крови. Аш больше не заступится. Дважды надеяться на такое чудо не стоит.

— Приведите ее, — Тиберий ткнул в мою сторону пальцем, — хочу оттрахать маленькую ведьму.

Рабы бросились ко мне и тут случилось невероятное Норд зарычал, его шерсть встала дыбом, он закрыл нас с Мелиссой от двух рабов-вампиров. Девушка закричала, спрятав лицо у меня на груди, а я сжала ее сильнее, слыша, как бешено бьется мое собственное сердце, как страх раздирает все оболочки, лишая остальных эмоций. Рабы отступили, а Норд снова улегся возле нас. Неужели охраняет?

— Вы конченые твари! Трусливые шавки!

Тиберий лютовал, отхлестав рабов плетью, швырнул ее в снег, он смотрел прямо на меня страшными сверкающими глазами. В них я прочла приговор. Если доберется до меня — не пощадит.

— Я сам ее притащу!

Демон двинулся ко мне, ухмыляясь и скалясь.

— Ну что, Ангелочек, ты готова к любовным утехам? Аш все еще не испробовал твои сладкие дырочки? Я отымею тебя в каждую из них, особенно в твой маленький невинный ротик.

Норд встал на четыре лапы, он утробно рычал и клацал клыками. Тиберий криво усмехнулся, но все же остановился.

— Ты что псина? Сдохнуть захотел, пошел прочь!

Но Норд не сдвинулся с места, он присел, готовясь к прыжку. Демон достал меч из ножен, но в этот момент Фиен вывернул его руку назад. Инкуб появился из ниоткуда, словно из-под земли.

— Совсем обезумел? Не трогай Норда — это цербер Аша.

— Можно подумать я не знаю? — огрызнулся Тиберий, — Он не дает мне взять эту сучку, а я хочу ее трахнуть. Давно хочу. Теперь, когда Повелителю на нее наплевать я могу засадить ей прямо сейчас и клянусь дьяволом — я это сделаю.

— Остынь. Пусть Аш даст добро. Не тронь. Мой тебе совет. Помнишь Ситха? Для него это плохо кончилось. Готов рискнуть жизнью?

Тиберий обернулся к Фиену, а я судорожно сглотнула. В горле стоял ком.

— Она больше не рабыня Повелителя. Зачем мне его разрешение?

— Ты уверен? Он не взял ни одну из пленниц и на этой рабыне все еще его клеймо.

— Плевать. Он при всех сказал, что ее казнят. Так почему она не может сдохнуть подо мной? Какая разница, когда?

Тиберий повел плечом сбросив руку Фиена, но тот резко развернул демона к себе.

— Не трогай!

Глаза Инкуба засверкали в темноте.

— Почему? Ты сам на нее глаз положил? А, Фиен? Тебе обломилось тогда, так решил приласкать опальную рабыню? После меня. В очередь, Фиен. Если тебе потом хоть что-то достанется.

Тиберий расхохотался, а Фиен вытащил меч из ножен.

— Тронешь — снесу башку.

— С удовольствием выпущу тебе кишки, — оскалился Тиберий и лизнул лезвие меча раздвоенным языком, — мой меч войдет в твою плоть, как член в лоно шлюхи.

— Шлюха та сука, что родила тебя, мужеложец!

— Будем драться из-за девки? Кто первый пустит кровь тот и трахнет, а может вместе, а Фиен?

— Я после тебя брезгую твой член где только не побывал.

— Ублюдок, я вспорю тебе брюхо.

Они скрестили мечи и огненные искры посыпались в разные стороны. Завязалась драка.

— Какого дьявола здесь происходит?

Аш одним ударом выбил у обоих мечи и клинки, сверкнув в воздухе вонзились в мерзлую землю, упруго раскачиваясь из стороны в сторону.

— Кто победит — тот будет трахать белобрысую, — ухмыльнулся Тиберий.

Аш схватил его пятерней за лицо и сжал так, что я услышала хруст костей:

— Повтори!

Тиберий побледнел.

— Ты сказал…

— Повтори! Кого ты собрался трахать?

— Похоже драка отменяется, — мрачно сказал Фиен и выдернув меч из земли, сунул его обратно в ножны, — бывших рабынь не бывает.

— Бывшими становятся только мертвые, — прорычал Аш прожигая взглядом Тиберия, который против Повелителя казался намного ниже ростом, — давай найди себе другое развлечение, или мальчиков по душе не оказалось среди пленных?

Аш повернулся ко мне, и я сжалась в комок под его страшным взглядом, сулящим мне все муки Ада. В нем было все от дикой похоти, до обещания мучительной смерти и у меня внутри все скрутилось в узел, засаднило в горле. Перед глазами промелькнули образы, когда его руки жадно ласкали мое тело…

. Норд прижал уши и поджав хвост тихо заскулил, когда демон наклонился и схватив меня за волосы потащил по снегу в сторону шатра. Мелисса всхлипнула, отшатнулась в сторону, заползая за повозку. Она ничем не могла помочь, мне уже никто не поможет, разве что чудо, но в проклятом Мендемае чудес не бывает, скорее кошмары наяву. Демон перекинул меня через плечо, не обращая внимание на сопротивление, он нес меня в шатер. Почему-то показалось, что живой я отуда уже не выйду.

— Аш, пожалуйста, — я колотила его по спине, пытаясь вырваться, но он как всегда швырнул меня на пол, покрытый белоснежными шкурами. Оранжевые глаза демона горели адским пламенем, под кожей змеились багровые вены, облик зверя прорывался наружу, стирая все человеческое, но он все равно обжигал, скользил по моему телу, проникал под одежду касался воспаленной кожи.

Я инстинктивно попятилась в сторону, но Аш придавил меня ногой, как насекомое, сбросил перевязь и кольчугу.

— Аш, не надо, — жалко прошептала я, чувствуя, как пересохло в горле от страха и все мышцы свело судорогой, он пнул меня носком сапога, опрокидывая на спину. Оцепенев я смотрела, как демон расстегнул ремень и стащил кожаные штаны. Я невольно опустила взгляд к его паху, с ужасом понимая каким образом демон мог разорвать любую женщину на части, вспоминая все шуточки его воинов и грязные намеки, тела несчастных вампирш в лесу, дикие крики пленниц у костра, вопли несчастного раба у столба. Я задохнулась от панического страха, невольно попятился назад, но он схватил меня за щиколотку и дернул к себе.

— Нет…нет! — закричала я видя, как он медленно и

неумолимо склоняется ко мне, как сверкают его глаза, и он распаляется от моего сопротивления в жажде поиграть с добычей, — пожалуйста…не надо. Не так!

— А как?

Аш сгреб меня за шиворот и поднял с пола, наши взгляды встретились, огненная магма, испепеляла проникая в сознание, лишая силы воли, ломая меня изнутри, впиваясь в мой разум. Я хотела закричать и не смогла. От осознания его мощи и дьявольской силы у меня перехватило дыхание. Я былинка. Кто я, чтобы противится неизбежному?

— Ни слова больше! — спокойно сказал он, — Ты даже не сможешь закричать, пока я не позволю. Если захочу — ты умрешь очень тихо, а внутри тебя будет раздирать от безумного крика. Даже твои голосовые связки порвутся, а ты не издашь ни звука.

Я замотала головой, чувствуя, как по щекам катятся слезы — демон лишил меня голоса.

„Аш, прошу тебя…пожалуйста“, — я мысленно взывала к нему, надеясь, что он меня слышит… „Пожалуйста…я буду покорной, я все тебе позволю добровольно только не так… пожалуйста…“.

— Заткнись! Поздно о чем-то просить или мне парализовать тебя? Влезть в твою голову и лишить возможности двигаться? Чего ты хочешь? Выбирай!

От одной мысли, что он снова будет ломать мое сознание, у меня все тело покрылось мурашками, от дикого ужаса завибрировал каждый волосок. Пальцы демона впились в мой ошейник, и он дернул меня на себя, метал скользнул по разодранной коже, и я вздрогнула от боли. Зрачки Аша сузились, превратились в тонкие полоски, ноздри трепетали, взгляд скользнул в моей груди, и я невольно прикрылась руками. Он отодрал мои руки и больно сжал сосок между пальцами, прорычал, глядя мне в глаза:

— Хочу взять тебя перед тем, как ты умрешь от руки Палача Мендемая. Игры окончены, а точнее теперь мы играем по моим правилам. Каждый на своем месте. Ты — моя вещь, а я твой хозяин и я хочу тебя. Сейчас. Драть мою вещь…мою шлюху, которая принадлежит мне по праву. Или отдать тебя Тиберию, а может Фиену. За кого из них ты переживала больше?

Ни за кого, пусть бы поубивали друг друга.

— В этом мы сейчас разберёмся, прежде чем прикажу содрать с тебя шкуру живьем на глазах у толпы, я хочу понять, что в тебе такого отчего у каждого кто на тебя смотрит, член стоит колом? Отчего сносит мозги у моих лучших воинов, и они забывают о смерти, посягнув на чужое в жажде раздвинуть твои ноги и

вонзится в белое тело. Что есть в тебе такого, чего нет у других шлюх? Чем ты привлекаешь меня…почему я хотел тебя до одури и не брал?

„Зачем разбираться? Посмотри мне в глаза, просто в глаза, неужели ты не видишь, как я отношусь к тебе? Как жажду твоей ласки, Аш? Я не одна из твоих шлюх…я другая…ты для меня другой“

Демон вдруг схватил меня за волосы и тряхнул с такой силой, что из моих глаз посыпались искры:

— Не нужно морочить мне голову! Проклятье! Ангелы не теряют свои крылья если трахаются с эльфами, не так ли? Балмест тебя имел? Он был твоим первым любовником?… Отвечай!

Я отрицательно качнула головой, но оранжевые зрачки горели адским пламенем, обжигая меня презрением и жаждой обладания. Неумолимой и неотвратимой алчной жаждой смять, владеть, раздирать. По моему телу прошла судорога панического ужаса. Он испепелит меня…растопчет, сожжет.

„Я ни с кем… я еще ни с кем, Аш…мне страшно…“

На секунду его кожа сменила оттенок на золотистый, а взгляд перестал колоть как острие кинжала, безжалостным желанием разорвать, но лишь на мгновение, зверь оскалился и сильнее стиснул мои волосы.

— Ложь! Каждое твое слово, каждая мысль — это ядовитая ложь. Ты как хрустальная змея эльфов такая же красивая и такая же опасная.

Господи, зачем мне лгать? Ведь это так легко проверить. Какая из меня змея, скорее маленькая гусеница жалкая и ничтожная, сломанная и раздавленная из которой никогда не появится бабочка.

— Верно! Очень легко! Также, как и сломать тебя, и я буду ломать…сейчас! Я хочу твоей боли, хочу твою агонию ужаса и возьму ее, если взамен тебе больше нечего мне дать.

Аш толкнул меня вниз, развернул спиной к себе, задирая платье на талию. Я зажмурилась, закусив губу, почувствовала, как горячие пальцы грубо раздвинули складки моего лона, проникая во внутрь, дернулась в его руках, но демон сжал мое горло, обездвиживая, лишая возможности вздохнуть. Сейчас его пальцы приносили страдания, они таранили плоть, не лаская, а унижая вторжением. Я вся дрожала от напряжения, покрываясь каплями холодного пота, содрогаясь от ужаса и бессилия, а потом задохнулась от резкой боли, когда пальцы сменил его член, растягивая меня изнутри. Я приоткрыла рот в немом крике, чувствуя, как он продирается сквозь сопротивление моей плоти,

впилась в шкуры ногтями, прокусывая губу до крови.

„Пусть это быстрее закончится…пожалуйста, Господи, пусть убьет меня прямо сейчас…“

Я почувствовала, как Аш рывком проник еще глубже, обхватив мои бедра безжалостными пальцами, раздирая кожу звериными когтями. Мне казалось, что от боли я схожу с ума. Пытка стала невыносимой, едва начавшись, я смотрела остекленевшим взглядом в никуда, выдирая клочья меха из ковра, ломая ногти, слезы градом лились по щекам, мне просто хотелось умереть, сейчас в эту минуту. У меня не осталось сил, а он вдруг замер, хватка на бедрах ослабла. Но я этого не заметила, потому что внутри меня разрывало на части, я не могла пошевелиться опасаясь, что будет еще больнее, если такое вообще возможно.

Внезапно моей спины коснулись его губы, поцелуями вдоль позвоночника, поднимаясь к затылку, слегка прикусывая кожу, руки властно сжали меня за талию, поднялись к грудям, обхватывая их ладонями.

— Шели, — голос слегка хриплый, глухой, я закрыла глаза, чувствуя, как он целует мой затылок. Жадно, исступленно, опаляя горячим дыханием. Неожиданная ласка, дикая среди хаоса жестокости, которую он обрушил на меня.

— Зачем…ты…влезла мне в мозги? — зарычал мне на ухо и снова сдавил одной рукой за горло, прижимая спиной к своей горячей груди, лишая возможности пошевелиться, порабощая, подчиняя, — почему мне мало твоей боли? Всегда хватало сполна, а сейчас, с тобой ничтожно мало! Я хочу больше, чем просто боль…почему я хочу больше, Шели? Что ты сделала со мной?

Зато меня боль затопила сполна. Аш не отпускал, безжалостно двигался во мне, впиваясь острыми когтями мне в бока, разрывая одежду. Я уже не сопротивлялась, понимала, что он не сможет остановиться, его сущность взяла над ним верх, обессилев я обмякла в его руках, вздрагивая и всхлипывая, пока не почувствовала, как демон сжал меня сильнее, пронзая еще глубже, издал звериный рык, содрогаясь всем телом, внутри, где все горело и пекло, как в адском огне, разлилось его семя.

— Шели, — прохрипел он, уткнувшись лицом мне в затылок, но я словно окаменела. У меня не осталось слез, он отнял у меня даже голос, отнял все что мог. Забрал меня саму.

Когда Аш наконец-то оставил мое истерзанное тело, мне казалось, что его член все еще внутри, разрывает меня на части. Я не могла пошевелиться, меня била крупная дрожь, как в лихорадке. Услышала, как он поднялся, прошел по шатру, зашуршала одежда, звякнула кольчуга. Снаружи доносились

дикие крики и хохот мужчин. Я как в жутком трансе поднялась с пола, машинально одернув окровавленный подол платья, чувствуя головокружение и слабость во всем теле, ноги подкашивались, шатаясь вышла из шатра. Мне хотелось спрятаться, укрыться и меня никто не остановил. А ведь я все еще жива. Почему? Сейчас я об этом сожалела. Лучше бы убил.

Снаружи царил ад, вакханалия смерти и разврата. Меня снова затошнило, и чужая боль стала сильнее моей собственной, спину полоснуло словно лезвием бритвы, я обвела взглядом тела растерзанных женщин, ухмыляющихся и стонущих от похоти мужчин, которые все еще насиловали оставшихся в живых. Крылья порвали плоть, но не подняли меня вверх, а распростерлись в разные стороны, не давая упасть. Перед глазами все расплывалось, я поднесла руку ко рту не в силах закричать. Мир вращался вокруг меня на бешеной скорости, со всех сторон ко мне тянулись черные щупальца, как паутина, они обматывали меня с головы до ног. Боль стала невыносимой, по спине стекало что-то липкое и горячее, меня тошнило. Как в замедленной киносъемке я увидела, как мои крылья упали в снег окрашивая его в алый цвет. Щупальца обвили меня всю и потянули за собой, пока я вдруг не услышала голос Аша:

— Нет! Прочь! Она МОЯ!

Я почувствовала, как лечу в пропасть, и кто-то подхватил меня, не дав упасть, но мне уже было все равно. Я теряла способность воспринимать происходящее.

— Ты должен позволить им взять ее, Аш! Аонес решит кому она достанется.

Голос Сеасмила доносился издалека, как сквозь вату.

— Она была девственницей…она, мать твою, была девственницей. Ты ошибся Сеасмил так что поди прочь, я позову тебя если ты мне понадобишься. Фиен, найди Веду. Из-под земли достань старую ведьму!

— Девственность еще не гарантия непорочности, Аш! Она послана Балместом и должна умереть. Странно, что девка все еще жива после того, как ты…

— Я не спрашивал твоего мнения, Сеасмил.

— Ты сказал, что казнишь ее в Огнемае! Ты должен был растерзать ее сейчас, как и всех шлюх, которые попадали в твою постель! Она не благородных кровей ее участь сдохнуть под Хозяином.

— Ты не приблизишься к ней. Таков мой приказ.

Голос Аша врывался сквозь мрак и боль, а я уже не знала, что чувствую…, наверное, я его ненавижу. Очень хочу ненавидеть после того что он со мной сделал. Хочу. и не могу.

Глава 13

Ему хотелось выть, как зверю, как адскому церберу от тоски, эмоции раздирали изнутри, он не привык к ним, болело в груди и казалось воздух Мендемая испепеляет легкие. Это была боль. Он не знал ее ранее, даже не подозревал, что она существует и боль ли это?

Хотелось одновременно крушить все вокруг, рычать и орать, так, чтобы по скалам Тартоса пошли трещины. Держал ее на руках, и она казалась такой легкой, невесомой, хрустальной. Не думал об этом когда брал, когда врезался в ее тело и содрогался от наслаждения, когда внутри рычал ураган "Наконец-то…", а зверь получил долгожданную добычу.

Как тихо бьется ее сердце. Его собственное билось в хаотичном ритме, то замирая, то пускаясь вскачь, ничего подобного с ним никогда раньше не происходило. А если покалечил? Если склеить обратно нельзя? Если сломал окончательно? Смотрел на ее бледное, до синевы, лицо, видел на нем отпечатки своих пальцев, царапины от когтей и внутри начинало саднить, словно выпил горящей серы.

"Моя"…пульсировало внутри, обжигало, раздирало на части. "Моя. Не отдам. Никто не коснется. Моя"

Аш никогда не знал сомнений, его решения импульсивные, продиктованные опытом, интуицией всегда были верными и неизменными. Он не ошибался и не признавал своих ошибок. Но Шели…Шели переворачивала его мир с ног на голову. С ней он сомневался постоянно, и это причиняло дискомфорт, перерастая в одержимость понять, проникнуть под хрупкую оболочку тронуть то, что там внутри и в тот же момент не сломать, не нарушить, чтобы ощущать еще и еще, до бесконечности. Что-то особенное в ней, отличающее от других. Нет, не сущность, не крылья, в Мендемае хватает самых разных тварей от светлых до темных.

Его просто дико влекло, непреодолимо, пробуждая внутри то зверя, то…человека…Проклятье, вот это и вызывало приступы дикой ярости. Аш хотел эту хрупкую, невесомую, непонятную для него рабыню. Нет, не только в примитивном желании обладать женским телом, а обладать именно ею. Полностью. Безоговорочно. Абсолютно. Он любил страх в глазах женщин, но она смотрела иначе и ему это нравилось, любил и жадно выпивал чужую боль и отчаянье, а с ней хотел упиваться совсем иными эмоциями. Его любовницы не трепетали в руках демона, они алчно брали и отдавали взамен животной потребности в совокуплении, изощренные ласки, они могли принять его в свое

лоно в любом обличии, да и ему было наплевать могут или нет, он брал…иногда калечил, иногда они истекали кровью и умирали, но его самого это не волновало. Он слыл искусным любовником и в тоже время смертоносным. Мог подарить дикое удовольствие, невыносимое, заставить сам разум корчится в экстазе, а мог разодрать все к чему прикасался иногда, совмещая и то, и другое. Агонию и оргазм. Боль и наслаждение. Не привык сдерживаться, давал волю зверю, выпускал его наружу, позволяя упиваться пиршеством страсти и брать все что может дать женское тело, включая душу, сознание, разум и даже жизнь. Отнимал все что хотел и чего требовал зверь. Выдерживали единицы, но и они сходили с ума или превращались в жалкое подобие…оболочку, иногда зависимую от него, иногда просто безумную, а иногда сходящую с ума от страха перед ним. Всех остальных уже давно укрыла красная земля Мендемая или слизал огонь погребальных костров.

С Шели зверь сидел на привязи, в стальных оковах, с намордником на оскаленной пасти. Когда впервые касался ее и видел, как закрываются голубые глаза, каким прерывистым становится дыхание, как изменяется запах желанного тела на аромат возбуждения, а не страха. Ему понравился этот запах, он стал для Аша как наркотик, словно красная пыль. Один раз попробовал и зависимость уже никогда не исчезнет. Вот почему зверь был загнан в угол, скован цепями и рычал от голода и похоти, но Аш скармливал ему иные удовольствия: незнакомые, утонченные, едкие и острые, но желание рвать вожделенную плоть периодически сводило с ума, застилало пеленой глаза, но он сдерживался. Впервые. Ради кого-то. Точнее из эгоистичного желания не убить то самое, ценное, необъяснимое, заставляющее кровь кипеть в жилах, а сознание корчиться в сладких и непонятных муках.

Впервые сдержался, когда Шели коснулась его лица нежной ладонью, приложила когтистую лапу зверя к своей груди и в ее глазах не было страха, она хотела его. Аша. Не властного и могущественного демона, способного дать покровительство и оставить в живых, а его самого. Мужчину. Он читал это в ее взгляде, чувствовал по биению маленького человеческого сердца, по прерывистому дыханию. Именно ее страх он возненавидел. Хотел тех, других, обжигающих эмоций еще и еще, жадно до дрожи, до саднящей боли в груди, хотел вот этот взгляд, или стон или прикосновение губ к его губам, хотел пульсацию ее сердца под его ладонью. Не замирающего от ужаса, а хаотично трепещущего от его прикосновений к ее телу полному секретов и тайн, которые хотелось открывать снова и снова. Изучать и

ласкать, гладить, сжимать, проникать наглыми пальцами, касаться губами и языком, лизать и выпивать влагу с ее кожи, а в ответ — крик и приоткрытый, задыхающийся рот, подернутый дымкой взгляд, содрогающееся в экстазе наслаждения хрупкое тело. Ласкать до изнеможения. Вот что давала ему Шели, и это острее чем боль к которой он привык, как к повседневной пище или чентьему. Шели опьяняла намного сильнее.

Когда терял ее из вида внутри становилось пусто, огонь начинал тлеть и превращаться в угли. Он, не знающий страха, вдруг понял, что и для него существует это дикое недостойное чувство. Страх, что она исчезнет.

Когда-то Сеасмил учил Аша не бояться, он говорил, что если впустить эту тварь (страх) в сердце, то она сожрет тебя самого, воплощая все чего ты боишься в реальность, раз за разом.

Аш почувствовал это на своей шкуре, когда Шели пропала. Он не отпускал ее взглядом даже в момент смертельной опасности, следил, чувствовал малейшее движение, биение сердца, а она просто ушла, просочилась сквозь проклятую стену. Собственный рык заглушил звон стали и крики агонии, словно ему отсекли кусок плоти.

Шели не могла быть предательницей или шлюхой Бапместа. Когда Сеасмил говорил это, Ашу хотелось вырезать старику язык, выколоть глаза и бросить труп мага разлагаться на снегу, пусть его сожрут черви или дикие звери, исклюют адские вороны. Но он слушал…привык за долгие столетия, впитывал, и слова как яд просачивались под кожу. В сердце, в мозги.

"Брось ее здесь, она предала, поворачивай отряд в Огнемай, у нас потери. Пусть остается в этом лесу" …

Представил себе хрупкую фигурку в голубом платье, босую с развевающимися белыми волосами среди заснеженных мертвых деревьев и повел отряд вглубь леса. Искать. Она его. Не оставит, заберет с собой. В груди дыра, когда нет этого существа рядом, пепел внутри.

Аш шел по следу безошибочно, он чувствовал ее, слышал пока следы не оборвались. Сеасмил снова вторил, что нужно вернуться, их слишком мало и если нападут еще раз, отряд не выстоит и падет, а Ашу было плевать он смотрел не моргая на блестящую маленькую штуковину, сверкающую в снегу. Воткнул меч в землю и поднял заколку, покрутил в пальцах. Она здесь, очень близко. Найдут и тронутся в путь.

Норд взял след и вывел их к Храму хрустальных рун.

Вот тогда Аш впервые почувствовал эту испепеляющую ярость и жажду крови. Мысли Сеасмила впивались Ашу в мозги: "Она шлюха Балместа. Шлюха. Я говорил тебе. Она завела нас сюда.

Она нашла кристалл для него, а не для тебя. Она повела твой отряд на верную гибель, а ты как мальчишка доверился девке. Выпусти зверя. Убей ее. Казни. Она достойна смерти. Ангелы не теряют крылья отдаваясь эльфам…не теряют, Аш. Она въелась тебе в мозги. Змея…Шлюха…Змея…"

Эльф умер мгновенно. вждбди

А потом ее тихий, едва слышный голос взорвал ему мозг: "Аш" и в нем столько…столько всего неизведанного, дикого, непонятного и…сладостного. Словно она рада ему. Рада своему палачу, который желает ей боли и смерти. Только она произносит его имя …по-особенному, так, что черствое сердце демона начинает пульсировать и внутри распускается огненный цветок… Змея? Лгунья? Лживая шлюха? Его Шели? Или Балместа? Нашла слабое место у демона… Черта с два. Он ее раздавит, затопчет, порвет на куски своими же руками и на глазах у всех. У Аша нет слабостей. Рабыня умрет…

Умрет?…

" Затем, что когда он умрет его не будет. Он…он исчезнет. Смерть — это навсегда. Это страшно. Ты не будешь по нему скучать?"

Аш не убил и Сеасмилу не позволил.

Ошибка за ошибкой…и все внутри наизнанку. Привал сделал, когда могли еще успеть к порталу, время тянул. Еще немного. Успеет убить. Потом. Не сейчас.

Не думал, что кто-то посмеет тронуть, но ведь сам отрекся, вышвырнул. Тиберий имел право делать все что захочет. Нет, не имел. Никто не имеет. Волос тронуть на ней. Посмотреть. Слово сказать. НЕ ИМЕЕТ НИКТО, КРОМЕ НЕГО. Чужая похоть разбудила в нем зверя, бешеное желание заклеймить, обладать, пронзать и сминать, раздирать и врываться в нее, дать волю желанию, которое снедало долгие дни, а особенно ночи, когда она спала рядом, свернувшись как зверек, и он взял. Обуреваемый ревностью, яростью, желанием стереть все другие прикосновения, содрать вместе с кожей чужие ласки. Ее страх только злил еще больше, ее голос сводил с ума, раздражал, снова заставлял сомневаться, и Аш отнял способность говорить, он мог отнять почти все, но хотел того, что она могла дать только добровольно. Хотел то, чего никто и никогда не давал, то что ему самому было до сих пор не нужно, то чего не знал и во что никогда не верил. Он хотел ее сердце. Нет не сжимать его в когтях, поглощая крики агонии, а чтобы там, внутри, горел такой же огненный цветок, как и у него. В ее сердце его имя. Но ведь так не бывает. Аш вырос с этими знаниями, он знал, что на пепле не распускаются цветы. В Мендемае нет запаха свежести, только запах смерти и горы пепла.

Значит — разорвать, подчинить, взять страх и боль. Много боли. Вторгся в нежную узкую плоть и мозг взорвался на миллиарды осколков хрусталя. Он первый. Никакого Балместа и других любовников. Он первый! Когти исчезли, а огненный цветок запылал еще ярче, обжигая страстью, диким желанием, болезненным удовольствием. Только остановится уже не смог, зверь наслаждался, получал свою порцию удовольсвия, а Ашу было мало. Уже не хотел страданий, хотел иного, хотел снова услышать ее стоны, свое имя, срывающееся с алых от поцелуев губ, а не искусанных в кровь от боли…Но голод и желание оказались сильнее, потерял контроль. Излился в ее истерзанное тело так, как никогда и ни с кем другим, рассыпался в прах. Наслаждение граничило с агонией и понимал, что она может дать больше. Это не все…это лишь жалкие крошки…Если бы в этот момент Шели кричала не от боли, а от наслаждения, если бы не плакала и не всхлипывала, а шептала его имя и закатывала глаза в экстазе, он бы растворился вместе с ней.

Тоска нахлынула сразу, когда увидел остекленевший взгляд, окровавленное платье и эту надломленность…пропал огонь, искорка света. Бледная до синевы, похожая на призрак, растерзанная им же и сломанная, как хрупкий цветок.

Когда белые крылья упали на снег, окрашивая его в алый цвет ее боли, Ашу казалось, что он задыхается, серная кислота разъедает легкие, сердце, внутренности, сжигает его изнутри.

Он не отдал ее Аонесу и не отдаст. Сеасмил…к дьяволу Сеасмила. Сошлет к такой-то матери, разорвет собственными руками грудную клетку и достанет черное сердце. Шели принадлежит Ашу. Она его. Убьет каждого, кто тронет. Пусть Веда вернет ей огонь. Пусть скажет, как Аш может оставить ее себе. Ведь Руаха оставил когда-то падшую, значит есть тайна, ритуал. Надо будет — Аш отгрызет Аонесу башку.

А насчет кристалла сам разберется. Со временем. Позже. Сейчас это не имело значение. Он хотел, чтобы Шели открыла глаза. Хотел даже больше, чем вернуться домой.

Где Фиен? Проклятый Инкуб уже несколько часов его носит по Мендемаю.

Полог шатра распахнулся и Веда посмотрела на Аша темно-синими глазами молодыми и одновременно древними. Заглянула прямо в душу потрогала ее невидимыми нитями, "коснулась цветка" и нити сгорели.

Он так и стоял с Шели на руках, посреди шатра.

Ведьма подошла к демону и тихо спросила:

— Зверь покорен? Боишься своих чувств, Повелитель?

— Я не знаю, что такое страх, — Аш посмотрел Веде в глаза.

— Знаешь. Теперь знаешь. Не лги сам себе…ты чувствуешь, как оно трепещет и сжимается?

— Что я чувствую, Веда?

— Твое сердце. Оно бьется иначе.

— Бред, — проворчал демон и отвел взгляд.

— Не бред, а правда. Кто еще скажет правду, Аш? Кто не боится настолько чтобы осмелиться перечить? Только старая Веда, которая качала тебя на руках пока Сеасмил не отдал маленького мальчика Лютеру и не сделал из него жуткого зверя, чудовищного монстра.

Аш почувствовал, как внутри закипает кровь. Дерзкая ведьма, отчаянная. За это он не казнил ее — за смелость и правду. Аш презирал лжецов, трусливых псов, которые окружали его всю жизнь.

— Демон и есть зверь и монстр.

Произнес с гордостью, а Веда усмехнулась и отрицательно качнула головой. Седая коса упала ей на плечо, а в ушах зазвенели многочисленные серьги.

— У Демона есть сердце, душа. Она, — ведьма кивнула на Шели и вновь посмотрела на демона, — там поселилась, Аш, и ничего ты с этим не сделаешь. Прими ее. Как дар или проклятие, потому что она уже там. Вырвать можно только с сердцем.

— Я убью ее рано или поздно, как и всех остальных, — Аш смотрел ведьме в глаза, но та не отвела взгляд.

— Тебе больно. Твое черное сердце сжимается и стонет.

— Это боль? — Демон стиснул челюсти, чувствуя, как снова сопротивляется, как рычит внутри него цунами протеста. Отрицание и неприятие.

— Верно, Аш. Это боль. Привыкай к ней, она теперь с тобой навсегда. Твоя личная, персональная, поверь, ты полюбишь и ее, срастёшься в единое целое.

Демон скривился:

— Любовь придумали люди…ее не существует. Что есть любовь, Веда?

— Та тоска что ты чувствуешь внутри, пустота, ликование, желание и страсть, огонь ярость и ненависть. Разве ты знал их раньше?

— Ты несешь полную ерунду, ведьма. Я мог бы вырвать тебе язык, или спустить шкуру живьем за эти слова. Ты забыла, что я не человек!

Веда засмеялась, в уголках ее глаз появились сеточки морщинок, радужки заискрились весельем.

— Мог бы, но не станешь.

Их взгляды скрестились, по щеке Аша проползли змеи вен,

заполыхали пламенем глаза. В этот момент Шели тихо застонала и взгляд демона потух:

— Я не отдам ее Аонесу.

— Тогда просто дай ей своей крови. Закончи распределение сам.

— Отдать свою кровь рабыне? Ты в своем уме, старая?

Ведьма пожала плечами.

— Другого способа нет, они вернутся за ней и заберут. Аонес закончит распределение сам. Скорей всего отдаст Бериту, а может оставит себе или продаст в Арказаре низшим расам. Это уже его решение.

"МОЯ. Не отдам" перед глазами появилась красная пелена.

— Когда-то твой отец пришел ко мне с тем же вопросом и перестань держать ее на руках, никуда она не денется. От потери крыльев еще никто не умирал.

Ведьма снова усмехнулась, не обращая внимание на яростный взгляд Повелителя, который осторожно положил девушку на своеобразное ложе из мягких шкур и подушек.

— Дай руку.

Аш протянул крупную ладонь и в тонких сморщенных пальцах ведьмы появился острый хрустальный кинжал, она вспорола вену и поднесла руку демона к губам Шели.

— Надави…

Черная кровь закапала на бледные губы. Ведьма тем временем осмотрела девушку, взгляд задержался на разорванном подоле платья, на царапинах и синяках, на окровавленных бедрах.

— Ей нужен лекарь и кто-то с кем она сможет об этом поговорить.

— О чем?

Демон резко вскинул голову и посмотрел на ведьму.

— О насилии. Женщины болезненно переносят такую травму, если остаются в живых.

Оранжевые радужки в мгновенье стали черными.

— Ты останешься здесь пока ей это будет нужно, Веда. В моем шатре. Если потребуется поедешь в Огнемай.

Шели закашлялась, выгибаясь на ложе.

— С нее хватит, — Веда вытерла губы девушки платком, — дальше я сама. Ступай.

Аш приподнял полог, как вдруг услышал надтреснутый голос ведьмы:

— Кристалы нельзя отнять, их можно отдать добровольно…а можно заставить отдать. Например, с помощью удавки в виде змеи.

Демон вышел из шатра и холодный воздух ворвался в легкие. Воины спали прямо у костра, рабы оттаскивали трупы пленниц в марево тумана. Шели могла оказаться среди них…в груди что-то дрогнуло и снова засаднило. Не могла. Он бы не позволил.

Фиен вихрем пронесся мимо на гнедом скакуне, на ходу сшибая сухие ветки единственного дерева, под которым разбили лагерь. Аш прищурился, наблюдая за Инкубом, если бы не знал его почти тысячу лет мог бы подумать, что тот осатанел от ярости, оскалившись, остервенело сносил ветви мечом, разрубал их в воздухе.

Метнул взгляд на Аша и осадил коня.

— Из пленных только две остались в живых, не считая твоей рабыни, если она все еще жива.

Аш посмотрел на Фиена.

— Жива.

— Надолго? — Инкуб усмехнулся, но в глазах по-прежнему плескалась ярость.

— Пока я не решу иначе.

— Что скажешь воинам?

— Ничего.

— Они понесли потери, ты обещал им крови и смерти.

— Они получили их сполна.

— Значит казнь отменяется?

— Казним двоих и достаточно.

Аш достал из-за пояса флягу и отпил чентьема. Фиен бросил взгляд на тонкий порез на запястье, но ничего не спросил срубил еще несколько веток и сунул меч в ножны.

— Не просто рабыня, верно?

— Верно. Не просто. Вернемся в Огнемай станет моей наложницей.

— Даже так? А как же кристалл?

— Кристаллы нельзя отнять, их можно отдать добровольно… а можно заставить отдать. Например, с помощью удавки в виде змеи.

Фиен спешился и протянул руку за флягой, Аш сделал еще глоток и бросил флягу Инкубу.

— Сеасмил знает о твоем решении?

— Сеасмил ошибся и его мнение меня больше не интересует.

— Ошибся?

Аш посмотрел на светлеющее небо, туман рассеивался.

— Шели не шлюха Балместа… я был первым, — а потом резко повернулся к Фиену, — и последним, потому что больше никто не притронется к ней под страхом смерти.

Глава 14

Внутри меня образовалась зияющая пустота. Нет, не боль и не страдание, а именно пустота. Выжженная равнина. Ни одной эмоции, кроме ощущения дикой бездны и собственного убожества. Я все еще жива… все еще в проклятом мире и для меня ничего не закончилось, только сейчас мне все равно где я. Я открыла глаза и тут же закрыла, увидев над собой потолок из выдубленной кожи.

— Нигде не болит?

Знакомый женский голос, я его узнала, но глаза не открыла, словно именно это отделяло меня от кошмара наяву. Отрицательно качнула головой, а в горле засаднило. Конечно… меня уже залатали, починили, как испорченную, поломанную вещь. Привели в чувство. Ведь чтобы снова иметь возможность ломать игрушка должна быть целой и блестеть. Нет, у меня ничего не болело, только внутри, там, где сердце, ныло. Я устала, безумно устала бороться со стенами, скалами, стихией, с Ашем.

— Не бойся, мы здесь одни.

Боюсь ли я? Не знаю. Это чувство стало настолько привычным, что я уже не могла с уверенностью понять, когда меня охватывает паника, а когда я настороженно жду чего-то страшного…и это постоянно. Каждую секунду. Я больше не боюсь смерти, я боюсь жизни. Да и жизнь ли это? Будучи живой попасть в Ад. В таком случае я вряд ли что-то потеряю или найду, если умру.

Ведьма подошла ко мне, и я зажмурилась.

— Ты должна смириться с тем, что случилось и жить дальше. Используй эту ситуацию, используй себе на благо.

Мне не хотелось с ней говорить, я отвернулась и натянула одеяло до ушей. Пусть уйдет, я не хочу, чтобы теперь "чинили" мою душу. В психиатре я не нуждаюсь. Потому что от души остались лишь лохмотья.

— Я приготовила тебе поесть. Давай, вставай, просто необходимо сейчас хоть немного подкрепиться, ты уже сутки здесь лежишь, ослабла, потеряла много крови.

Она коснулась моего плеча, и я инстинктивно забилась в угол, прикрываясь одеялом. Мне не хотелось прикосновений. Не сегодня, не сейчас. Никогда. Я завидовала тем, кто замерз в дороге. Они не познали всего того ужаса, что познала я и еще познаю. Меня еще ждет казнь, экзекуция, да что угодно. В этом мире, наверное, могут и на кол посадить, а ожидание смерти хуже самой смерти.

Веда поставила передо мной миску, помешала ее содержимое ложкой.

— Это вкусная каша, варила специально для тебя, ничем не отличается от вашей человеческой пищи. Аш хочет продолжить путь. Из-за тебя они не могут двинуться с места.

Я обхватила плечи руками, меня колотило как в ознобе, паника нарастала где-то в глубине. Я начинала задыхаться.

— Глупая…посмотри на меня, он не сделал с тобой даже десятой доли того, что мог сделать.

— Лучше бы сделал. Меня все равно казнят. Я не буду есть твою стряпню.

Прошептала я и закрыла глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы. Услышала, как Веда тихо вышла и с облегчением вздохнула. Посмотрела на миску с кашей, ломоть хлеба и нож. Несколько секунд я лихорадочно думала, а потом отодвинула от себя еду и снова легла на шкуры, подтянула колени к груди. Я замерзла. Мне было так холодно, словно изнутри покрываюсь инеем. Я даже не знаю, что именно тогда чувствовала. Мною овладело отчаяние, дикое одиночество, презрение к себе за то, что тешилась иллюзиями.

Полог с треском распахнулся, и я инстинктивно схватив нож с подноса, в диком ужасе забилась в угол. Аш загородил собой узкую полоску света. Он остановился и посмотрел на меня, потом на нож в моих дрожащих пальцах. Значит, казнь все же состоится намного раньше…Я обуза и от меня избавятся уже прямо сейчас. Но взгляд демона был непроницаем, зеленые радужки слегка потемнели, но в них не блестел пожар ненависти и презрения. Он сделал шаг ко мне, и я вскочила с ложа, обхватив себя руками, чувствуя, как от страха подгибаются колени.

— Почему не ешь?

— Не голодная, — ответила тихо, стараясь не дрожать.

— Я хочу, чтобы через несколько минут эта тарелка была пустая.

Взял миску в здоровенную ручищу и подал мне. Наверное, в тот момент я достигла точки терпения и здравомыслия. Я уже не контролировала свои эмоции, они рвались наружу, первыми были ярость и ненависть к нему. Я выбила из его рук миску и ее содержимое рассыпалось по белоснежным шкурам, заляпало его кожаные сапоги.

— Чего еще ты хочешь? — зашипела я, — Мне стать на колени? Повернуться к тебе спиной? Прогнуться? Как еще ты меня унизишь? Я больше не позволю себя насиловать, я…

Аш стиснул челюсти и смотрел на меня исподлобья, особенно на нож в моей руке.

— И что ты сделаешь? — насмешливо спросил он, — Зарежешь меня этой игрушкой? Я бессмертен, если ты забыла.

Он шагнул ко мне, и я приставила лезвие к своей груди.

— Ну почему же тебя? Себя, например.

Радужки его глаз тут же заполыхали, сжигая меня на расстоянии, брови сошлись на переносице. Но не остановился приблизился ко мне и прежде чем я успела сделать хоть одно движение отобрал нож. Долго смотрел мне в глаза, а я заплакала от бессилия и осознания своей ничтожной слабости. Аш провел по моей щеке пальцами, вытирая слезы, и я дернулась от его прикосновения, но он сжал мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

— Ты умрешь, когда я тебе позволю. Запомни это. И если я захочу ты да, станешь на колени, прогнешься и сделаешь все что я тебе прикажу. Не сделаешь — я заставлю. А теперь Веда принесет тебе еще еды и если она скажет, что ты не ела — я засуну все содержимое тарелки тебе в рот и заставлю проглотить до последней крошки.

— Зачем? Ты все равно приказал меня казнить в своем Огнемае! Ты получил от меня все что хотел!

Зашла Веда с новой тарелкой, бросила взгляд на пол, потом на Аша, который все еще сжимал мой подбородок.

— Дай сюда! — рыкнул демон и ведьма подала ему тарелку. Он зачерпнул кашу с мясом, ложкой и поднес к моим губам.

— Ешь!

Я снова выбила у него тарелку и теперь с вызовом смотрела ему в глаза.

— Нет!

— Нет?

Зрачки сузились и превратились в маленькие черные полоски.

— Нет! — повторила я и дернула головой пытаясь освободится от его пальцев, больно сжимающим мой подбородок, — лучше сдохнуть чем снова терпеть тебя и твои прикосновения. И мне все равно как я сдохну: от голода, твоей плети, когтей. Мне все равно, и ты больше меня не заставишь. Я не боюсь смерти.

Веда громко выдохнула, а демон сильнее сжал мои щеки.

— Не боишься смерти значит?

— Нет, не боюсь!

Он вдруг сунул мне в руки нож.

— Тогда вперед. Давай. Я хочу на это посмотреть. Развлеки меня, удиви. Покажи, как сильно ты меня ненавидишь, зверушка.

Он громко захохотал, а я, с ненавистью глядя в эти звериные

глаза, яростно полоснула ножом по своему запястью, и кровь брызнула демону на грудь и на руку. В это момент он прижал меня к себе, хватая за волосы.

— Идиотка! — прошипел мне в лицо, поднес запястье ко рту и раздвоенный змеиный язык скользнул по ране. Я яростно сопротивлялась, брыкалась и орала как ненормальная, пытаясь освободится, но он крепко держал, ожидая пока пройдет приступ истерики, а потом отшвырнул от себя, как котенка.

— Успокой ее и пусть поест. Мне плевать как ты засунешь в нее свою стряпню. Не съест спрошу с тебя. Мы выезжаем. У вас есть десять минут.

Он ушел, а я тряслась от рыданий свернувшись на полу, обхватив себя руками. Умереть достойно я тоже не смогу. Пока он не решит иначе.

Веда стала на колени возле меня и привлекла к себе, я слабо сопротивлялась, но ее руки были теплыми, ласковыми, она гладила меня по голове.

— Поплачь…станет легче. Он не позволит тебе умереть, глупая. Не позволит никому причинить тебе вред и в Огнемае никакой казни не будет. Казнят только пленных. Тебя не тронут. Аш так решил, и никто не посмеет ему перечить. Ты даже не представляешь, насколько все изменилось для тебя.

В тот момент до меня еще не доходил весь смысл этих слов. Я была слишком надломлена, испуганна, несчастна.

— Шели, ты женщина…красивая женщина, необыкновенная для нашего мира. Твоя сила в твоей слабости. Аш привык к сильным противникам он их не щадит, а ты хрупкая, нежная и ты значишь для него гораздо больше, чем думаешь. Научись управлять его гневом, научись превращать его в покорного тебе мужчину, а не в Зверя, коим он является.

— Я рабыня, — всхлипнула, сжимая Веду сильнее, чувствуя как вместе со слезами приходит недолгое облегчение, — я бессловесная грязь. Никто. Я не могу так больше…я не могу находится здесь. Я хочу домой. Я так хочу домой. Пусть он меня отпустит…или убьет.

Веда тяжело вздохнула:

— Ну почему ты направляешь свою энергию в неправильное русло. Ты хочешь невозможного. Невыполнимого. Аш не отпустит тебя. Смирись и начинай думать, как ты сама можешь изменить свою жизнь. Для начала поешь…

В этот момент с улицы донесся дикий крик, плач. Я встрепенулась, зажала уши руками. Я больше не могла слышать крики боли. Я устала, меня это сводило с ума. Оттолкнув Веду я бросилась наружу.

Воины схватили Мелиссу и тащили девушку за волосы. Несчастная кричала, сопротивлялась. Аш возвышался на своем жеребце и равнодушно смотрел как его солдаты раздирают на ней одежду.

— Нет! — Закричала я, — Нет! Хватит! Хватит!

Я хотела бросится к ним, но демон преградил мне дорогу.

— Вернись в шатер, — прорычал он и щелкнул плетью.

— Пусть ее отпустят! Пожалуйста! — взмолилась я, понимая, что все совершенно напрасно. Ему наплевать на мои мольбы, он наслаждается агонией Мелиссы, похотью своих солдат, безграничной властью, а также возможностью унижать меня снова и снова.

Аш посмотрел на меня, а потом вдруг громко крикнул:

— Тиберий! Прекратите! Отпустите смертную!

Один из демонов отшвырнул Мелиссу в сторону, и та покатилась по обледенелой земле. Я бросилась к ней, и девушка вцепилась в меня дрожащими руками, содрогаясь от рыданий. Раздался топот копыт, и я медленно подняла голову, все еще сжимая Мелиссу, словно ограждая от своего Хозяина и его, ошалелых, кровожадных солдат. Аш возвышался надо мной, как скала. Гигантская, темная и страшная. Я судорожно сглотнула, когда демон выпрямился в седле, испепеляя меня взглядом почерневших глаз.

— Она останется жива если ты поешь, — сказал он, слегка прищурившись, — или они будут трахать ее при тебе. Все. Пока она не сдохнет у тебя на глазах. Что скажешь?

Я сильнее прижала к себе Мелиссу и кивнула. Он кивнул в ответ, а потом сказал то, отчего у меня в полном смысле этого слова, отвисла челюсть:

— Забирай ее себе. Пусть прислуживает и не путается под ногами. Дарю.

Он развернул коня и поскакал в конец лагеря, а я так и осталась сидеть на ледяной земле, сжимая Мелиссу и поглаживая ее по волосам.

— Все будет хорошо…, - тихо шептала я, — все будет хорошо.

До меня еще не дошло, что сейчас Аш впервые проявил великодушие…если это слово можно применить к демону. Я попросила, и он выполнил мою просьбу. В своей манере, конечно, но все же…Меня это шокировало гораздо больше чем его жестокость. Жуткий комок противоречий. Это страшно, потому что никогда не знаешь, чего можно ожидать.

Мы снова в пути. Как же стремительно меняется мой статус, сейчас я снова в седле Люцифера, рядом с Ашем, который даже не смотрит в мою сторону. Так даже лучше, пусть не смотрит, я

предпочту его равнодушие гневу или вниманию. Если бы он совсем забыл про меня — я была бы счастлива, потому что кроме презрения и ненависти за то, что он со мной сделал, больше к нему ничего не испытывала. Где-то в глубине души еще жили воспоминания о его ласках, а поцелуях, о тех чувствах, что пробуждались во мне и манили к нему, но вся та дикая жестокость, которую он обрушил на меня стирали все хорошее. Сейчас, когда я смотрела на Аша, то ничего, кроме первобытного страха не испытывала. Сегодня я в милости, а уже через секунду он сдерет с меня шкуру живьем. Чтобы там не говорила старая ведьма я ей не верила. Она не испытала то, что испытала я, когда этот Зверь драл меня на части, разрывал мою плоть, выворачивал мое сознание и превращал в жалкое ничтожество, которое можно топтать.

Откуда мне было знать, что теперь я в ином статусе. За то время пока я была без сознания многое изменилось. Я еще не понимала, что именно, только теперь на меня никто не смотрел, даже Фиен держался на расстоянии. Чуть позже, я узнаю, что статус рабыни меняется, когда у нее появляются слуги. Это означает, что теперь она не просто невольница, а наложница Хозяина с особыми привилегиями.

Несмотря на то, что я все еще сжималась от страха за свою судьбу, мне стало намного лучше. После трапезы я перестала трястись от слабости и головокружения. Веда напоила меня отваром из трав, помогла переодеться.

Я сидела верхом на Люцифере в чистом наряде, закутанная в теплую накидку, сытая и аккуратно причесанная Мелиссой, которая с раболепным поклонением пыталась угодить мне во всем и каждую секунду целовала мои руки, потому что осталась в живых, потому что ее пощадили, тогда как другие пленные либо были жестоко растерзаны демонами еще в ту ночь, либо умирали сейчас от голода, холода и усталости, прикованные железными цепями к повозке с рабами.

Вдалеке показались башни и шпили Огнемая. Они мрачно темнели, вырисовываясь в рассеивающемся тумане.

Глава 15

Высоченные сверкающие ворота распахнулись. Тысячи полуобнаженных рабов натягивали массивные цепи, спускаю через ров, дышащий бурлящей лавой, массивный подвесной мост. Я вцепилась сильнее в поводья. Там, за железными стенами меня ждала неизвестность, еще более страшная чем в пути. Это как шагнуть в собственную тюрьму, понимая, что как только закроются ворота я уже никогда не вырвусь на свободу. Свобода… каким не понятным словом она звучала для меня раньше, эфемерным…скорее понятием из кинофильмов или книг. Сейчас я осознавала всю мощь этого слова — СВОБОДА, потому что лишилась ее.

Тысячи людей (людей ли?) преклонили колени и опустили головы приветствуя своего Повелителя. Они скандировали: "Аш….Аш…Аш…". Я бросила взгляд на демона, тот самодовольно осматривал свой народ, оранжевые зрачки поблескивали триумфом и гордостью. Вынул меч из ножен, поднял в воздух, сталь сверкнула оранжевым сполохом, и толпа заревела.

— Мы вернулись с очередной победой! Шакалы Балместа понесли серьезные потери и отброшены далеко за пределы Огнемая. Сегодня вечером на площади сожгут пленных рабов, а очень скоро он сам будет корчиться, насаженный на кол, посреди нашего города.

Я вздрогнула, когда несчастных пленников вытолкали вперед и в них полетели камни и комья грязи. Так называемый народ готов был разорвать несчастных смертных в угоду их Повелителю. Аш притащил им пушечное мясо, чтобы они могли выместить на нем свою ярость, сожрать живьем. Варварские законы, а точнее — полное беззаконие.

В который раз мне казалось, что я сплю и вижу просто невероятно долгий, затяжной кошмар. Крики толпы и вопли несчастных смешались с грохотом непонятной мне музыки… оглушающей барабанной дроби.

Отряд прошел вперед к высоким колонам, поддерживающим свод самого дворца. Несмотря на панический страх, я все же озиралась по сторонам, рассматривая город. Он отличался от вишт в которые мы заезжали по пути. Город скорее напоминал средневековье — шпили башен, массивные камни под ногами, которыми была вымощена площадь, только камень черный, блестящий и словно гладко отполирован, как и сам дворец. Аш спешился, бросил поводья рабам, кивнул одному из них на меня и скрылся за массивными широкими парадными дверьми,

охранники дружно склонили головы, когда он прошел мимо них сбрасывая на ходу плащ и кольчугу.

Люцефера взяли под уздцы и мне помогли спешится. Внутри нарастала паника. Я не представляла, что меня здесь ждет. Какие правила и законы в ЕГО доме? Кто я? На каких правах здесь…?

Рабы молча повели меня по тонким красным коврам в сторону длинного коридора, освещенного тысячами свечей. Я испуганно оглянулась назад и с облегчением выдохнула, когда поняла, что Мелисса идет следом за мной. Коридор казался бесконечным, он извивался змеей, словно лабиринт, внутри каменных стен с горящими факелами и железными щитами с символикой все того же огненного цветка. Ни одного окна или дверей. Рабы, упорно молчали, а мы шли следом, пока наконец-то не попали в подобие лоджии, похожей на сад. В отличии от пустынных земель всего Мендемая, здесь росли диковинные цветы, очень похожие на розы, и бил струями в разные стороны огромный разноцветный фонтан. Поразительная красота и величие, никогда в жизни не видела ничего подобного, дворец, несмотря на то, что полностью был построен из черного камня, сверкал как снаружи, так и изнутри.

— Новая наложница Аша.

От неожиданности я вздрогнула и резко обернулась — передо мной стоял мужчина, неопределенного возраста с совершенно лысой головой в длинных просторных одеяниях. Он кивнул рабам на Мелиссу и девушку увели. Я судорожно сглотнула, стиснула пальцами края накидки. Несмотря на то что во дворце было невероятно тепло, словно царило лето в отличии от всего Мендемая, меня морозило. Зуб на зуб не попадал.

— Рабыня, не наложница, — поправила я и отпрянула, когда странный мужчина шагнул ко мне.

— Наложница…поверь, я знаю, что говорю.

Он исчез и вдруг появился с другой стороны, я снова отшатнулась, в страхе готовая ко всему.

— Кто вы?

— Ибрагим…верный и преданный слуга Великого Аша. Я присматриваю за этой частью дворца, за наложницами господина. Насчет тебя, красавица, мне дали особые распоряжения.

Только этого мне не хватало, напоминает гарем со всеми вытекающими, а этот лысый, наверное, евнух.

Ибрагим расхохотался, а мне стало невыносимо жутко от этого смеха, даже мурашки пошли по коже.

— Нет, не евнух…совсем не евнух. Обольститель, проникающий в души и отбирающий их во сне. Фиен — мой младший брат, ты с ним знакома. Моя семья веками служит

королевской династии.

И этот читает мои мысли. Интересно здесь хоть от кого-то можно скрыться, хотя бы иметь право думать?

— Очень скоро я перестану тебя слышать, маленькая строптивая Серебрянка. Твоя сущность проявится, и ты станешь недоступна для всех, кроме старой Веды. Идем, я покажу тебе твои покои. Хозяин позаботился, чтобы ты разместилась в самых лучших апартаментах, примыкающих к его спальне.

Он сделал жест рукой, приглашая следовать за собой. Мне не оставалось ничего как покориться.

— Этот мир не такой как ваш, в отличии от других демонов, Аш не проникает в вашу реальность. Здесь все настоящее, тогда как дворцы Берита, Аонеса и Лючиана имеют порталы в мир смертных, Аш выстроил замок из обсидиановых пород, а не эонитиса — камня лжи, который принимает облик того, что хочет видеть на него смотрящий. Наслаждайся этой красотой — дворец Аша один из самых великолепных в Мендемае.

Можно подумать мне это интересно. Плевать какой у него дворец если для меня — очередная тюрьма. Ибрагим, шурша шелковыми одеяниями, скользил по сверкающим плитам вперед, а я следовала за ним. Мы зашли в другое помещение, здесь царила прохлада, тихо играла музыка, а стены были украшены странной росписью. Инкуб распахнул передо мной резную дверь и пропустил вперед. От удивления, у меня, в полном смысле слова, отвисла челюсть. Я никогда не видела подобной роскоши, скорее экзотически-диковинной, непонятной для меня и от того не менее великолепной.

— В отличии от рабынь — наложницы пользуются привилегиями. Они свободно передвигаются по дворцу, общаются между собой, развлекаются и смиренно ждут, когда Хозяин призовет их в свои покои. Жизнь без забот. Раз в неделю в город приезжает ярмарка, воины Аша устраивают состязания с воинами других правящих демонов. Здесь не скучают. Тебе понравится.

Мне бы понравилось если бы меня отпустили домой, мне бы понравилось если бы, крепко зажмурив глаза, я бы наконец-то открыв их, увидела себя в своей спальне, в своем родном городе.

— Но наложницы не свободны, — продолжал инкуб, пронизывая меня взглядом белесых глаз, как лазерными лучами, сканируя мою реакцию, — каждая из них носит под кожей тонкую пластину, если удалится за пределы Огнемая — умрет мучительной смертью. Кожа слезет с нее струпьями, она возгорится и истлеет до костей, превратится в пепел, но долго и мучительно. Если ослушается и нарушит закон, предаст — инквизитор Аша умеет виртуозно вытягивать нервные окончания

из-под кожи, рвать на живую зубы, отрывать ногти….

Ибрагим посмотрел прямо мне в глаза, и я снова содрогнулась. Как сладко звучал его голос, словно говорил не о страшных пытках, а о чем-то неестественно прекрасном, но я чувствовала, что он рассказывает мне лишь о верхушке айсберга и это не запугивание, он говорит правду, для того чтобы я знала, и чтобы эта правда отпечаталась в моем сознании картинками, которые я явно видела перед глазами.

— Верно…есть и другая сторона медали. Катакомбы, где низшая каста рабов вкалывает на благо Повелителя. Псарни, где церберов кормят мясом провинившихся, пыточные камеры, площадь позора, где казнят врагов, приговоренных к смерти предателей и преступников.

Черные зрачки Ибрагима расширились и полностью скрыли белесую радужку.

— Я думаю ты никогда не узнаешь и не захочешь узнать о нижнем этаже Дворца и его катакомбах верно, Серебрянка?

Я смотрела на инкуба и старалась ни о чем не думать, просто отключить мозги, отстранится.

— Не старайся…это не так делается. Хочешь скрыть свои мысли? Ставь блоки. Представь себе, что твой разум огражден от меня …бетонными стенами, вакуумом, да чем угодно.

Он усмехнулся и вдруг совершенно изменился, стал намного привлекательней, его глаза сверкали весельем. Значит я наложница и судя по всему не единственная.

— Сколько здесь таких как я?

— Сотни, — не задумываясь ответил он, — но ты особенная.

Я поморщилась, неплохой ход, опутать меня сладкими речами, в отличии от грубого и прямолинейного Аша, Ибрагим походил на хитрую, ядовитую гадюку.

— Особенная? С чего бы это? — я уже прекрасно узнала цену своей "особенности", когда его Хозяин драл с меня кожу когтями.

Внезапно инкуб оказался очень близко и ткнул пальцем в мое плечо:

— Они не могут удалиться из дворца, но он может их покинуть и бросает как ненужные вещи, после кратковременного использования, а тебя…тебя ОН привязал к себе. Ты не можешь удалиться от него. Вот почему ты особенная. Этот цветок связывает тебя с ним, а не с этим местом. Поэтому ты пойдешь за Ашем, пока он этого хочет…

А когда перестанет хотеть? Я просто сгорю заживо, если надоем Хозяину.

* * *

Ибрагим исчез, словно растворился в воздухе, и когда за ним плавно закрылась резная дверь я осмотрелась по сторонам. Моя спальня оказалась огромной, скорее похожей на залу. Вся мебель из черного дерева с серебряным теснением. Я прошлась по гладкому зеркальному полу и остановилась напротив постели. После долгого похода и сна на твердой земле, мне невыносимо захотелось упасть ничком на кровать и заснуть. Я легла на мягкие, гладкие покрывала, склонила голову на подушки и закрыла глаза. Все еще жива. В голове странно пульсировали слова Инкуба: "ты особенная". Я ему не верила, никому в этом мире не верила, кроме себя и Мелиссы, за которой уже скучала. Она была единственным другом, единственным, кто в равном положении со мной и пришел из моего мира. Усталость, нервное напряжение сморили меня, и я уснула.

Мне снился дом. Впервые с тех пор как я оказалась здесь я видела лицо мамы и брата. Во сне я была все той же беззаботной девчонкой.

Меня разбудил громкий стук, он раздавался настолько отчетливо, что я подскочила на постели и бросилась к окну. Рабы забивали в землю столбы, на узком кругу под моими окнами, кто-то тащил дрова, собирался народ. Толпа, скандирующая: "смерть собакам и шлюхе Балместа". По телу прошла волна дрожи, неужели их действительно казнят, горстку несчастных, оставшихся в живых? Словно в ответ на мой немой вопрос, несколько воинов приволокли троих пленных, закованных в цепи, ободранных, еле передвигающих ногами, изможденных и полумертвых. Их швырнули на землю и рабы Аша оцепили пленных плотным кольцом. В сторону несчастных снова посыпался гад камней и грязи.

Дверь моей спальни тихо распахнулась, безмолвные служанки в одинаковых белых одеяниях, больше похожих на просторные туники, подпоясанные золотистыми шнурками, внесли на вытянутых руках одежду, несколько шкатулок. Они остановились у двери и следом за ними показался Ибрагим.

— Хозяин невероятно щедр и внимателен к тебе. Этот наряд сшили на заказ за те несколько часов, что ты спала. Над ним трудились десятки портних одновременно. Переоденься тебя сопроводят на площадь, Аш приказал всем наложницам присутствовать при казни.

Великая честь, смотреть как невинных людей будут убивать на глазах у озверевшей толпы плебеев, которые фанатично преданы своему деспоту Хозяину и шайке психопатов демонов, которые ставят себя выше всех.

— Идем со мной, посмотри все уже давно собрались, ждут

только Аша и Миену, они появятся в ближайшие несколько минут, — Ибрагим отодвинул тяжелую занавеску и указал пальцем на два трона посреди площади, — видишь женщин? Это наложницы Повелителя, они стоят по левую и правую руку от него самого и его супруги, ты будешь стоять среди них. После казни будет празднество до рассвета, посмотришь, как развлекаются правящие демоны. Народ Огнемая ждал такого увеселения долгие месяцы пока Аш находился в военном походе.

— Вы называете праздником казнь невинных людей, которые не причастны к преступлениям ваших врагов и просто были взяты в плен?

Ибрагим пристально на меня посмотрел:

— Что ты знаешь об этом мире, девочка? Рабы Балместа идут к нему добровольно, он обучает их убивать, и они пополняют ряды его примитивной армии. Пушечное мясо, которое добровольно идет на смерть, за деньги. Каждый из них получил золото за свою шкуру.

— Женщины? Они не могли пойти к нему по своей воле.

— Среди пленных всего лишь одна женщина и двое мужчин. Она шлюха эльфов и недостойна ходить по земле Мендемая, а они предатели и продажные ублюдки. Сегодня они сдохнут, чем порадуют толпу, страждущую зрелищ. Хоть какая-то польза от них.

— Но это абсурд казнить несчастных, они и так потеряли свободу, влачили жалкое существование — казните солдат! — вскрикнула я.

— Солдат? Аш не привел ни одного пленного воина Балместа, а должен был. Поэтому он казнит горстку этих плебеев, в угоду толпе, он великий политик и он дает своему народу то, чего они жаждут — крови врагов.

— Он тешит свое самолюбие и жестокость. Вот зачем он это делает, — упрямо сказала я и снова посмотрела вниз, на пленных. Несчастные распластались на мостовой, закрывая головы и лица от летящих в них камней, полумертвые и окровавленные они, наверняка, мечтали о смерти, — он просто убийца ваш Повелитель. Монстр и чудовище, как и все вы здесь.

— Чудовище? О да, он Зверь. Ты права. Только этот Зверь совершил сегодня невероятное и об этом знают единицы — пощадил тебя и отдал тебе в услужение одну из них.

Я повернулась и удивленно посмотрела на инкуба.

— Да, я знаю, многое знаю, Серебрянка. Моя обязанность впитывать и добывать информацию. Так вот — я не помню, чтобы за последние несколько сотен лет здесь кого-то щадили. Тем более Аш. Одевайся. Я подожду тебя снаружи. Обычно я сам

присутствую при переодевании наложниц и выбираю для них наряды, учу их выглядеть для НЕГО самыми неповторимыми и сексуальными, но мне запрещено смотреть на тебя, Серебрянка и это более чем удивительно.

Он снова вышел из моей спальни настолько стремительно, что я почувствовала лишь колебание воздуха, а уже через мгновение Инкуб исчез

.

Служанки раздели меня, обмыли в чане с горячей водой, натерли тело пахучими маслами, втирая в кожу крема, благовония и прочую неизвестную мне дрянь. Мои волосы расчесали несколько раз и заплели сзади в тонкие косы, которые уложили на затылке в замысловатую прическу. Затем на меня надели платье удивительного жемчужного цвета, с вкраплениями серебра и украшенного мелкими камнями очень похожими на алмазы. Тонкая материя приятно касалась тела и ласкала кожу прохладой. Мою талию затянули тонким поясом и несколько раз обмотали под грудью. Затем навешали мне на шею ожерелье, на руки тонкие браслеты. Я чувствовала себя куклой или манекеном, который вертели в разные стороны, мазали, красили, умащивали, расчесывали. Все служанки молчали словно немые, а я не хотела с ними разговаривать, для меня пока все оставались врагами, даже они. Мне казалось, что меня окружают змеи, желающие незамедлительно ужалить ядом. Я хотела, чтобы мне вернули Мелиссу, но она так и не появилась, мною овладевало отчаяние, оно просачивалось через каждую пору и замораживало меня дикой тоской. Девушки закончили мой туалет и подвели меня к зеркалу, я посмотрела на свое отражение и на секунду закрыла глаза, а потом снова распахнула. Я никогда не привыкну к своему отражению. К этим белым волосам, странному лицу, слишком идеальному чтобы принадлежать мне. Я изменилась до неузнаваемости даже с того последнего момента, когда видела свое отражение в зеркале в шатре Аша. На меня смотрела слишком привлекательная женщина и она не могла быть мною. У меня никогда не было такой прозрачной кожи, таких выразительных светлых глаз и таких соблазнительных форм, едва прикрытых тонким шелком. Я менялась…непостижимым образом исчезали изъяны и оставались лишь достоинства. Словно блеклый портрет прорисовали яркими красками, вскрыли лаком и поставили в шикарную рамку. Конечно, я не привыкла к такой одежде, но что-то подсказывало мне, что даже для такого варварского места, как этот проклятый Мендемай, оно великолепно.

Глава 16

Ибрагим сопроводил меня на площадь лично, нас несли в закрытых со всех сторон носилках. Толпа скандировала имя своего Повелителя, грохот барабанов и горнов заглушал голоса. Носилки бережно поставили на мостовую и Инкуб помог мне выбраться наружу. Я, как под гипнозом, шла за ним следом, чувствуя на себе любопытные взгляды и стараясь не на кого не смотреть. Ибрагим подвел меня к высокому парапету с возвышающимися на нем, двумя тронами, увитыми диковинными растениями с ярко оранжевыми цветами. По обе стороны парапета стояли воины Аша и женщины в великолепных одеяниях ничем не хуже, чем мое собственное. На меня смотрели с раздражающим любопытством. Я знала почему — мои волосы завораживали, они привлекали внимание неестественной белизной. В такой момент ужасно хотелось накинуть капюшон на голову и спрятаться. Я не любила пристального внимания, хотелось слиться с толпой и не вызывать ни чей интерес, потеряться. Ибрагим растворился в толпе, и я осталась одна, кожей чувствуя напряжение и враждебные взгляды. Гордо выпрямила спину, стараясь не на кого не смотреть, а тем более на жуткие столбы с железными крюками. Горны на секунды смолкли, а потом раздался очередной рев толпы и барабанная дробь. Я повернула голову и застыла — по расстеленному огненно-красному ковру шел Аш и рядом с ним женщина. Сейчас он не был похож на того Аша, которого я привыкла видеть — его наряд был иным, волосы больше не напоминали скрученные косички, они свободно вились по его мощным плечам, обнаженная грудь, в распахнутом вороте шелковой черной рубашки, отливала бронзой, на шее красовались толстые цепи, а кожаные штаны плотно облепили мускулистые ноги в тяжелых высоких сапогах, начищенных до зеркального блеска. Он побрился и теперь казался моложе, но меня все равно бросило в дрожь, когда демон вдруг посмотрел мне в глаза, точно зная где я стою. На секунду его взгляд вспыхнул и тут же погас. Теперь Аш смотрел вперед, поверх голов своего народа, сжимая ладонью тонкую руку жены, которая триумфально улыбалась. На несколько секунд, я выпала из реальности и смотрела на ту, о ком не раз уже была наслышана, но никогда не могла и предположить насколько ослепительно красивой может оказаться законная супруга моего Хозяина. У нее была яркая азиатская внешность, матовая кожа, прямые черные волосы до колен, украшенные мелкими золотыми колечками, очень красивое лицо с широкими скулами и

огромными, миндалевидными темными глазами, соблазнительное тело пантеры, походка истинной королевы, а ее наряд…все сверкало лазурью, аквамариновый цвет бил по глазам, переливаясь блестками и золотыми вкраплениями.

Они прошли мимо меня, и я судорожно сглотнула…внутри появилось странное саднящее чувство, будто сердце сжималось и ныло от странной тоски. Незнакомой мне никогда раньше.

— Миена дождалась своего часа…черная сука теперь не выпустит его из своей постели несколько суток, ненасытная тварь…можно не ждать, что Ибрагим призовет кого-то из нас.

Я слышала голоса за спиной и дыхание перехватило от осознания, что эти женщины говорят об Аше и его жене. Неужели они соперничают между собой? Их он не рвет на части, как драл меня?

— Завтра она будет выставлять свои царапины и синяки на показ, в знак того что ее хорошо оттрахали ночью…сука… ненавижу. Чем эта тварь лучше нас?

— Угомонись Шайла, она — демон, а ты оборотень. Она высшая каста.

— Пусть сдохнет. Из-за нее в прошлый раз Аш так и не взял меня к себе. Провел с ней три ночи и уехал.

— Он был ранен, не думаю, что даже она побывала в то время в его постели.

— Даже раненный Аш способен на многое…уж я-то знаю.

— Шайла, Аш не брал тебя уже полгода. Не ищи тому виноватых. Скорей всего ему привели рабынь, которых он сожрал на ужин, чтобы набраться сил.

— Заткнись…тебя он не берет уже несколько лет.

— Целее буду, последний раз меня собирали после него по кусочкам.

— Аш великолепный любовник, да грубый и порывистый, но его ласки, его сильные жестокие руки, пальцы на моем теле, сводят меня с ума. Когда я смотрю на него я умираю…или заново возрождаюсь. Он прекрасен, как сам дьявол и когда его член разрывает меня изнутри, я ору от наслаждения до хрипоты.

Я закрыла глаза и мне захотелось зажать уши руками. Слишком бесстыдно и откровенно. Я не хочу знать, что он делает со своими наложницами и со свой женой.

— Посмотри на эту…новая игрушка. Притащил сам, не куплена в Арказаре. Где он ее взял?

— Говорят ему ее подарили…она — Падшая.

— Можно подумать мало сотни наложниц, взял еще одну. Ничего я надеюсь она сдохнет, как и те две последние, которых он разодрал несколько лет назад.

Я с трудом держала себя в руках в мне клокотал страх, паника, злость и отчаяние. Повсюду ненависть. Ею дышал каждый из здесь присутствующих, и я чувствовала эту волну презрения. Словно попала в колодец, кишащий змеями, они обвивали меня повсюду и шипели…сколько времени пройдет прежде чем они начнут жалить?

— Посмотри, как он на нее смотрит, Шайла. Уже несколько минут…а дурочка даже не видит.

— Почему она не среди тех, низших, которые еще не признаны Ашем? Пусть стоит с ними слева. У нее нет права находится среди нас — тех, кто уже стали официальными наложницами Повелителя.

— Ты не можешь этого знать. Он вполне мог брать ее покуда они были в пути.

— На ней нет ни одного синяка. Она сверкает, как снег на вершинах Тартоса. Он не брал ее. Такая неженка, с этой омерзительной пергаментной кожей, покрылась бы кровоподтеками на месяцы.

— Если только ее не лечили и не ухаживали за ней.

— Аш никогда не пытался отправить к нам лекарей мы или выживали, или умирали. Поэтому мы здесь, справа от него. Избранные.

Я тяжело дышала, не понимая почему слышу их так явно, если между нами такое расстояние, несколько метров, и говорили они шепотом, а все слышала так, словно они шептали мне в ухо.

— Глаз с нее не сводит…Никогда не видела, чтоб он на кого-то так смотрел.

— Заткнись…она надоест ему или сдохнет после первой ночи.

— Это единственное на что ты теперь надеешься, Шайла?

— Заткнись. Можно подумать ты не надеешься.

Я медленно повернула голову в сторону трона и вздрогнула — Аш смотрел на меня, его глаза потемнели, оранжевые языки пламени вспыхивали и гасли. Я помнила этот взгляд…тогда, когда он увидел меня полуголой в своем шатре…смотрел точно так же. Проклятое платье, в котором я выгляжу скорее раздетой, чем одетой. Взгляд демона стал невыносимо тяжелым, его ноздри трепетали, а на скулах играли желваки.

В этот момент рабы вытащили пленных и подвесили на столбы, попутно разжигая костры. Я чувствовала, как на меня накатывает волна за волной чужая боль, она росла издалека, наполняя и пульсируя от кончиков волос, до кончиков ногтей. Крики несчастных заглушал вой толпы и все та же монотонная музыка с барабанной дробью. Я видела лица, искаженные мукой,

открытые перекошенные рты, гримасы ужаса. Животная боль, неконтролируемая агония безобразной жестокости она передавалась мне, пульсировала в затылке. Они не должны так страдать…никто из них не виноват. Я виновата. Из-за меня их отдали на расправу. Это я повела отряд туда…Как же прекратить эту боль? Как им помочь? Я смотрела на несчастных пленников, горящих живьем и чувствовала, как постепенно схожу с ума, потому что вся эта немыслимая мука перекинулась на меня… я смогла вытянуть черноту к себе, как магнитом. Несмотря на то, что я лишилась крыльев, моя странная, жуткая способность притягивать чужие страдания осталась.

Это мое тело теперь лизали языки пламени, это я корчилась и тщетно пыталась вырваться, мечтала умереть. Музыка смолкла, не раздавалось не звука, кроме потрескивания костров. Вокруг столбов летали черные тени и мне было жутко…они могли посмотреть на меня, как тогда…я уже знала, что это вестники смерти. Они пришли за душами.

Я упала на колени, мои внутренности горели, выворачивались, горло пекло и саднило, а из глаз текли слезы от разъедающего их дыма. Это было противоестественно…я находилась по другую сторону площади и не могла чувствовать всего этого…

Внезапно кто-то подхватил меня под руки и потащил в сторону.

— Прекрати! Слышишь? Прекрати немедленно. Посмотри на меня. Посмотри на меня, Серебрянка.

Я обернулась и сквозь слезы увидела лицо Ибрагима. В тот же момент, теперь вдалеке, снова раздались дикие крики несчастных пленных, завывание ветра, до меня снова доносился запах гари и паленого человеческого мяса. Меня затошнило.

— Смотри на меня — больше никогда не смей этого делать. Не в этом месте и не в этом мире — где боль спутник всех и каждого, особенно тех, кто должен испить ее до дна. Ищи в боли наслаждение, девочка иначе ты погибнешь. Возьмешь на себя слишком много и умрешь сама.

Я отрицательно качнула головой:

— Не могу на это смотреть…вы звери, — едва шевеля губами прошептала я.

— Мы — демоны и мы в Аду. Или ты ожидала увидеть здесь священника и анестезию перед казнью?

Жестко ответил Инкуб и сжал мои плечи длинными, холенными пальцами, унизанными перстнями.

— Возьми себя в руки, ты не можешь прилюдно позорить Повелителя и его выбор.

Слезы все еще текли по щекам, меня колотило, как в лихорадке.

— Плевать, я не стану на это смотреть…я не…могу…уведи меня…уведи это невыносимо, — умоляла тихо, едва шевеля губами. Внутри все еще пекло как будто мои внутренности прижгли раскаленным железом.

— Они уже мертвы…все кончено, — отчеканил инкуб, — смотри мне в глаза. Все кончено. Это было быстро. Поверь он мог приказать освежевать их и отдать церберам по кусочку, живьем.

Инкуб выпустил мои плечи и теперь меня пошатывало, перед глазами все расплывалось. Снова крики толпы, новый мотив варварской музыки. Мое сердце колотилось так быстро, что его удары заглушали все остальные звуки. Я смотрела на улыбающиеся лица, на кровожадные удовлетворенные глаза, тех, кто снова скандировал, словно под гипнозом: "Аш…Аш…Аш…"

— Сейчас расчистят площадь и начнутся празднества. Забудь…просто забудь и привыкай. Это не самое страшное зрелище из тех, что ты могла увидеть. Пошли, пока никто не заметил твое отсутствие.

Конечно не самое страшное, ведь все только начиналось. Впереди ночь вакханалии в этом проклятом городе. Я скорей всего увижу и не такое. На меня накатила слабость, даже колени дрожали после чудовищного напряжения.

— Дьявол, Серебрянка…доигралась в гуманность. Он идет к нам.

Аш, с тяжелой поступью шел в нашу сторону, и все смотрели на него, затаив дыхание, только я задыхалась от душивших меня рыданий. Демон пренебрежительно кивнул Ибрагиму и тот, отвесив поклон, испарился. Проклятый инкуб меня бросил, как только почувствовал опасность. Трусливый пес, как и все, кто окружает этого монстра в человеческом обличии.

Я все еще тряслась от слабости, но в глаза своему мучителю все же посмотрела. Преодолела унизительный страх.

— Почему?

Спросил глухо, а густые черные брови демона сошлись на переносице.

— Ибрагим обидел?

Аш вдруг протянул руку и вытер слезу с моей щеки большим пальцем. У меня отчаянно заколотилось сердце. Он даже не понимает, что творит. Здесь в порядке вещей поджарить невинных, а потом устроить по этому поводу пир.

— Они просто смертные, которых ты казнил просто так. В угоду толпе, — тихо сказала я и когда он хотел вытереть слезу на другой щеке, отшатнулась. Его забота неуместная и такая

странная…с чего бы это.

Несколько секунд демон не моргая смотрел мне в глаза.

— На их месте могла быть ты, — голос металлический, с оттенком ярости, — меня раздражают слезы. Прекрати.

— С удовольствием заняла бы их место! — нагло ответила и добавила, — Но ты не предоставил мне такого выбора.

Ошалев от собственной дерзости, я в ужасе ждала, что может за этим последовать.

— У тебя нет выбора, зверушка. Ты принадлежишь мне. Выбираю я, а ты подчиняешься и сейчас я хочу, чтобы ты вернулась обратно. Давай, пошла.

Зрачки демона сузилась, а радужки глаз заполыхали пламенем.

— Не то что? Бросишь меня в огонь? Сдерешь кожу живьем? Отдашь на потеху своим воинам? Что еще ты можешь сделать со мной? Я не больше не боюсь смерти. Я ее жажду! Ты — Зверь, а я не такая…мне больно…больно.

Я намеренно его злила, намеренно выводила из себя. Одновременно тряслась от страха и ненависти. Пусть убьет прямо сейчас и все будет кончено.

— Тебя никто не тронул. Тебе не может быть больно. Если кто-то осмелится — сдохнет как паршивая собака.

Прозвучало очень странно, я от удивления перестала дышать. Взгляд демона горел все так же, он продолжал смотреть мне в глаза.

— Я чувствую чужую боль…их боль…и мне хочется умереть.

Еще несколько секунд мучительного молчания.

— Вернись обратно. Я хочу, чтобы ты была там и разделила нашу радость от победы над Балместом.

— Ваша радость, не моя радость.

Он вдруг схватил меня за руку чуть выше локтя и сильно тряхнул.

— Ты…сейчас пойдешь со мной…добровольно. Иначе я выверну тебе мозги наизнанку, превращу тебя в зомби и послушную куклу, выпотрошу твое сознание. Я хочу, — прорычал мне в лицо так яростно, что я невольно зажмурилась, — я хочу, чтобы ты была там рядом со мной. А теперь пошла. Давай. Дважды повторять не стану.

Он потащил меня под руку обратно на площадь. Я не сопротивлялась. Бесполезно. Да и зачем? Все равно заставит. Ему доставляет радость каждый раз терзать меня и с треском разламывать мое достоинство и гордость.

Когда Аш притащил меня обратно и толкнул к остальным женщинам, они расступились, и я упала, не удержавшись на

ногах, встала с горячих камней мостовой и вдруг поняла, что все эти женщины смотрели на меня с ненавистью. Я не понимала почему, ведь со мной обращались гораздо хуже, чем с ними. Разве они не должны радоваться моим унижениям? Или я снова ничего не понимаю?

Стемнело внезапно, как и всегда в этом мире, сумерки сменила непроглядная тьма, небо без звезд, потянутое маревом черного густого тумана, он, как облака, низко плыл над головой, окутывая пронизывающим холодом. А внизу пылали костры, тысячи костров, вокруг них извивались полуобнаженные тела в диких непристойных танцах, рабы разносили спиртное и подносы с фруктами…ну так мне казалось потому что на вид это напоминало виноград и яблоки. Я съела несколько ягод и прислонившись к колонне наблюдала за беснующимся народом. За полуголыми женщинами, извивающимися у костров. Их полные груди подскакивали в ритм танца, волосы хлестали по намасленным блестящим телам. Все они кружили у трона Аша, виляя упругими ягодицами, протягивая к нему руки. Он смотрел на них и усмехался, когда кто-то падал перед ним на колени и целовал его руки. Протягивал им кубок и лил чентьем в жадно приоткрытые рты, а потом пил сам. Другие мужчины растаскивали танцовщиц в разные стороны, кто-то бесстыдно совокуплялся в полумраке неподалеку, и я слышала рычание и похотливые стоны, завывания.

— Как тебе в Огнемае, Серебрянка?

Я вздрогнула и резко обернулась, увидела Фиена, он улыбался и его светлые глаза блестели в полумраке, отражая языки пламени.

— С тюрьмы на колесах, в тюрьму каменную. Не чувствую разницы.

Он усмехнулся.

— Упрямая. Не сдаешься. Смотрю на тебя и думаю…что ж мне никто такого подарка не сделал?

— Я не вещь. Я живая. И мне без разницы чьим быть подарком.

Фиен внезапно замолчал, склонил голову вбок, пристально меня рассматривая, а потом усмехнулся уголком рта.

— Ложь. Ты сделала свой выбор, а могла…могла сейчас быть со мной совсем в другом месте.

— Все той же наложницей. В чем смысл?

Он пожал плечами, зеленые глаза влажно поблескивали и мне стало не по себе. Похоже инкуб немного пьян. Видимо эта дрянь, которой они дружно накачиваются уже с полудня плавит демонические мозги, как водка простым смертным.

— Посмотри туда, — он кивнул в сторону, и я повернула голову.

Кровь прилила к моим щекам, когда я увидела, как одна из наложниц упала на колени перед Ашем и протянула к нему руки, словно в мольбе, он захохотал и я услышала его гортанный голос:

— Хочешь трахаться…Шайла?

— Хочу мой господин…хочу до безумия, — простонала девушка и я узнала ее голос.

Фиен склонился к моему уху:

— У меня нет наложниц…ты была бы единственной. Вот в чем разница, Серебрянка, но ты сделала свой выбор

В этот момент Аш посмотрел на нас и усмехнулся.

— Эй, Фиен, Шайла хочет трахаться. Засади как ей…как ты умеешь. Давай, развлеки нас. Только не покалечь.

Все расхохотались, а та, которую назвали Шайлой, отпрянула в сторону:

— Нет, Аш…я тебя хочу…тебя.

— У Фиена член не мягче моего, разве что чуток поменьше, — подшутил демон, чем вызвал смех у своих собратьев. Они столпились у костра, похотливо поглядывая на наложницу.

— Давай, Фиен, я сегодня щедрый. Когда еще ты сможешь поиметь мою вещь с моего разрешения? — с этими словами демон пристально посмотрел на меня и прищурился.

Я, тяжело дыша, смотрела как инкуб, схватил девушку за талию, та сопротивлялась, но демон склонился к ее уху и что-то тихо прошептал. Он говорил и говорил, пока ее глаза не закрылись в изнеможении, и она не пошатнулась.

— Фиен…твою мать…ну вот как ты можешь трахать им мозги, не притронувшись…виртуоз.

Проворчал кто-то, когда девушка добровольна стала на четвереньки и призывно прогнулась. Инкуб пристроился сзади и намотав ее длинные волосы на руку сделал выпад бедрами вперед. Девушка сладострастно застонала, под аплодисменты улюлюкающей толпы. В тот же момент, Аша обвили другие наложницы, они вылизывали его шею, терлись об него обнаженными телами, целовали щеки, посасывали пальцы рук, извиваясь у его ног. Мне хотелось бежать отсюда со всех ног, сбивая ступни в кровь, мчаться подальше от этого вертепа похоти и разврата, но я не могла сдвинуться с места, потому что демон удерживал мой взгляд насильно. Потом вдруг стряхнул с себя наложниц и резко встал. Я судорожно сглотнула, когда он сделал шаг в мою сторону.

— Аш, иди ко мне…я долго ждала твоего возвращения.

Пошли прочь, шлюхи!

Все обернулись, и я посмотрела на ту, кто так властно позвала Повелителя. Миена — его жена. В других одеяниях, полупрозрачных воздушных кружевах, обвивающих великолепное тело, как вторая кожа. Она смотрела на Аша и ветер трепал ее длинные черные волосы. Он сделал шаг ей навстречу, и я вздрогнула, когда внутри опять что-то засаднило.

— Я проведу тебя в твои покои.

Ибрагим снова появился из неоткуда, и я с облегчением вздохнула, когда оказалась в своей спальне и закрыла за собой дверь. Внутри клокотал огонь. Меня раздирали странные противоречивые чувства. Я бросилась на постель и спрятав лицо в подушках, громко всхлипнула. Напряжение спало, а внутри осталась горечь…привкус яда. Словно кто-то медленно сжимал мое сердце клещами.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и я вскочила с постели. Аш загородил собой дверной проем. Он несколько секунд смотрел на меня, а потом захлопнул дверь ногой, на ходу расстегивая широкий ремень. Я судорожно сглотнула и отпрянула к стене. Его глаза горели, испепеляли меня. Несколько шагов, и он уже рядом. Огромный, полуголый, прожигает голодным взглядом. Едва лишь подумала о том, что сейчас он опять будет драть меня на куски стало страшно, все тело сковало ужасом и льдом. Аш схватил меня за волосы и дернул к себе уже привычным жестом, обездвиживая, лишая возможности сопротивляться.

— Я голоден, — прорычал очень тихо, глядя мне в глаза, сильно сжимая мои волосы в кулак на затылке. Он тяжело дышал, его ноздри трепетали, а челюсти сжались до хруста. Казалось он с трудом сдерживает себя.

— Лучше было сгореть на площади, — тихо сказала я, — так же больно, но не так унизительно.

Вот теперь мне точно несдобровать, глаза демона почернели, а пальцы с такой силой тянули мою косу, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы ослабить хватку.

— Ублажать Хозяина это не унижение, — прошипел мне в лицо и, приподняв за талию, швырнул на постель, — это честь.

Аш скинул рубашку и навис надо мной, сковывая своей мощью и неотвратимостью. Жестокость и сила, сочеталась с дикой красотой и первобытным огнем, способным испепелить все живое.

— Мою честь ты уже отнял, мою свободу забрал, мое тело ломал. Осталась моя гордость и мое сердце — их тебе никогда не получить.

Я смотрела на него тяжело дыша, чувствуя, как дрожат колени, как внутри все сжалось в комок от ожидания неминуемой адской боли вторжения. Я помнила, как в прошлый раз он вонзался в меня, разрывая внутренности. Демон навалился сверху, раздвигая мне ноги коленом и раздирая на мне платье.

Я зажмурилась, стараясь сдержать вопли ужаса, протеста, не распалять зверя агонией моего страха.

— Смотри на меня, Шели.

Жестокие пальцы сжали мой подбородок, и я открыла глаза вкладывая в свой взгляд все мое презрение и ненависть к нему.

Он смотрел мне в глаза несколько секунд, а потом вдруг встал с меня, застегнул штаны и ушел. Я громко выдохнула и разрыдалась от облегчения, свернувшись калачиком на постели. Неужели мне повезло? Так все быстро и просто. Я не знала, что именно спасло меня в этот раз, но временная отсрочка обрадовала и в то же время окутала пустотой неотвратимо приближающейся неизбежности. Он придет снова. Я знала об этом.

Спустя несколько минут кто-то тихо подошел к моей постели, и чья-то нежная рука коснулась моего плеча. Я дернулась, как от удара током и резко повернулась, а потом с воплем обняла Мелиссу и зарыдала у нее на груди. Она прижимала меня к себе и гладила по волосам.

— Мне страшно…я боюсь его…мне так страшно, Мелисса. Я хочу домой.

Глава 17

Ибрагим смотрел как рабы вынесли прикрытые шелковыми простынями, окровавленные тела женщин, и прищурился, прокручивая массивный перстень на пальце. Давно Хозяин так не зверствовал. Последний раз такое кровавое пиршество Аш устроил много лет назад, когда проиграл сражение с Балместом и Руаха Эш, отправил против проклятого эльфа войско Асмодея, которые тоже понесли поражение. Сейчас Хозяин превзошел сам себя — разодрал дюжину за считанные часы. Приказывал приводить еще и еще, а через несколько минут рабы выносили окровавленные останки несчастных. Ибрагим смотрел на испорченный товар, который стоил тысячи дуций, был отобран самым тщательным образом и так нелепо испорчен. Из-за девчонки, Падшей молоденькой дурочки, которая появилась невесть откуда, всего лишь несколько часов назад и уже начался хаос. Что б ее. Каждая наложница была куплена и привезена специально для Аша из разных уголков мира смертных. Все они из высшей расы вампиров и ликанов. Возвращаясь с долгих походов Господин всегда брал новенькую после обязательной ночи с законной женой. Чертов демон мог трахаться сутками напролет. Иногда они умирали, но чаще, выживали. Ибрагим не выбирал слабых и готовил их к совокуплению с жестоким демоном психологически. Впрочем, все они падали перед Ашем ниц едва завидев этого самца. Черт их разберет этих баб, им нравилась его грубая сила, жестокость и красота. Те, кто выжили переходили в правое крыло второго этажа. Они были особенными, выносливыми сексуальными самками, жаждущими ласки Хозяина, дрались за него, плели интриги и козни, а он, Ибрагим, соблюдал видимый порядок в этом осином гнезде. Впрочем, управляющий прекрасно знал — они все хотели власти. Законы Медемая позволяли наложнице возвыситься даже до трона, стать спутницей правящего демона, особенно если родит ему наследников, это автоматически делало наложницу неприкосновенной. Но Аш не выделял ни одну из них, были те, кого брал чаще, а кого реже, а иногда и нескольких одновременно, а бывало ему хватало и Миены, которая стойко выносила его жестокие ласки и не собиралась уступать трон ни одной из "шлюх Аша", как она их называла за глаза, а поделать ничего не могла. Каждый демон из правящей династии обязан был иметь не менее ста наложниц, таковы внегласные законы Мендемая. Женщины — дорогая валюта. Ими могли расплачиваться за долги, покупать за живой товар драгоценности,

дарить. Чем больше красивых и дорогих наложниц — тем "круче" их хозяин в глазах знати.

Миена должна была смирится с положением вещей, но она все еще надеялась зачать, хотя на протяжении нескольких столетий так и не смогла подарить Ашу ни одного наследника. Поговаривали, что она "пустышка", потому что на ее роду проклятие Ангелов за то, что отец Миены уничтожил Онтамаголию. Но это были лишь слухи, не подтвержденные фактами. Хотя сама Миена, одержимая желанием выносить и родить, чтобы укрепить свое положение при Аше, постоянно пыталась снять заклятие с помощью Чанкров, Черных магов и ритуалов. Сеасмил активно помогал ей избавится от "недуга" и пополнял свои карманы золотишком из казны Аша. Миену выдали замуж за байстрюка в возрасте шестнадцати лет, Аш тогда сам был несовершеннолетним демоном. Руаха Эш стремился сплотить семью и укрепить положение незаконнорождённого сына, женив его на чистокровной демонице. Изначально фиктивный брак, который мог принести лишь взаимовыгоду, и устраивал обе стороны, омрачало лишь страстное желание Миены безраздельно заполучить своего жестокого супруга и быть не просто ширмой для политической игры их отцов, а настоящей спутницей жизни. Она дико любила мужа, насколько вообще такое корыстное и подлое существо умело кого-то любить. Только Аш ненавидел любое давление, он просто соблюдал законы Медемая — покрывать свою самку в назначенное время, чтобы зачать наследника. Женщина хоть и пользовалась властью и всеми почестями королевы Огнемая, все равно оставалась просто девкой, притом не годной к оплодотворению. Рано или поздно ее правлению мог прийти конец, и она этого боялась. Сам Руаха Эш тому пример — заточил собственную жену на вершине Тартоса ради смертной любовницы, несмотря на то, что супруга родила ему четверых сыновей. В таком случае участь Миены могла быть еще более жалкой. Только демоница слишком хитра и умна, она ревностно оберегала свой брак, контролировала всех наложниц Аша. Ни одна не появилась без ее ведома и личной унизительной проверки. Ибрагиму за это платили и платили довольно неплохо. Впрочем, его это не волновало. От перемены мест слагаемых, сумма не менялась. После осмотра королевой наложницы все равно попадали в постель Аша. Выживали, умирали, истекали кровью или превращались в покорных, страждущих ласки, одержимых похотью шлюх — всех ждала одна и та же участь. Саму Миену они интересовали до тех пор, пока она не понимала, что для Аша они значат ровно столько, сколько и испитая кружка чентьема — утолил жажду и забыл. Изредка наложницы не

проходили ее проверки и тогда их отправляли в катакомбы, там они дохли как мухи. Никто об этом не знал, кроме Ибрагима. Миена уничтожала только тех, кто мог понести и представлял для нее опасность. До вчерашнего дня это положение вещей устраивало всех, особенно Ибрагима, который сидел одной задницей на двух стульях и получал вознаграждение как от Аша, так и от его супруги. Только сейчас все могло изменится, с появлением этой девушки с лунными волосами из-за которой уже начался хаос. Эту рабыню привез сам Аш и как только Ибрагим ее увидел, то его интуиция тут же послала яркие импульсы мозгу — она не просто наложница. Инкуб внимательно наблюдал за новенькой, из окна одной смотровой башни, когда отряд въехал в город. Сверкающие волосы пленницы тут же привлекали внимание всех, кто смотрел на триумфально въезжающий отряд воинов. Впервые Повелитель вернулся с женщиной после длительного похода. Наложница ехала верхом рядом с самим Ашем, а не тряслась с рабами в зарешёченной телеге.

Ибрагим тут же послал немой вопрос Фиену и получил немедленный ответ, который поразил управляющего больше, чем если бы брат сообщил ему о полном поражении на поле боя — наложница носит клеймо байстрюк на своём плече. Впервые за все время правления Аша. Впрочем, это можно было списать на то, что в военном походе никто не мог вживить магнитную пластину ей под кожу, но…надежды инкуба таяли по мере того как девчонка приближалась все ближе. Аш, всегда равнодушный и безразличный ко всему происходящему, особенно к женщинам, которых воспринимал лишь как способ удовлетворить естественные потребности, не сводил голодного взгляда с этой пигалицы. Словно она притягивала его взгляд, как магнитом или заклинанием. Ибрагим достаточно повидал на своем веку, чтобы безошибочно поставить "диагноз", Аш увлечен новой игрушкой, которую приволок невесть откуда и таскал за собой несколько недель по Мендемаю. Игрушка до сих пор цела и невредима, а значит представляет ценность для своего Хозяина, намного большую, чем все те, другие кто побывал в смертельных объятиях демона до нее.

Самое первое распоряжение, отданное Ашем, когда тот въехал в город, касалось девчонки, и Ибрагим поторопился предупредить любое желание Господина. Тут же обустроил апартаменты рядом со спальней Хозяина, одобрительный взгляд огненных глаз не заставил себя долго ждать. Озадачивала лишь будущая реакция Миены на происходящее. Эту наложницу демоница не сможет контролировать и хуже всего — девчонка Падшая. Наложница, которая по всем законам их мира способна

зачать от демона.

Аш назвал ее ШелИ…что ж, пожалуй, это имя красноречивее любых слов. Хозяин всегда сам придумывал им имена, а точнее клички, но ни одно из них не было столь интимным, словно клеймо, изначально поставленная печать принадлежности и неприкосновенности. А дальше еще хуже — приказ не трогать и не проводить личные осмотры под страхом неминуемой смерти.

Сама девчонка смотрела на Хозяина не скрывая ненависти, презрения и дикого ужаса, похоже ей уже не раз от него досталось, впрочем, ее явно выходили. Веда, старая ведьма, приехала с ними в Огнемай. Не иначе как она поколдовала. С ней тоже будут проблемы, старуха питает странную привязанность к байстрюку. Неподкупная, а от того и особо опасная для врагов Аша, но не для Ибрагима, который уважал Веду и знал около тысячи лет. Только у Веды свои понятия о справедливости, ведьма так и не сжилась с этим миром и страстно желала вернуться к смертным. Видимо, она считала, что Аш поможет ей в этом посодействовать.

Ибрагим вышел навстречу к новой наложнице, сгорая от любопытства и в тот же момент испытывая едкое разочарование — свалилась проблема на его голову. Возможно сейчас он окажется между двух огней — с одной стороны Миена, а с другой Аш.

Красивая…породистая, необычная для их дикого мира. Опытный взгляд управляющего рассмотрел все: и нежную кожу, и полную грудь, изгиб талии и бедер. Идеальна, хоть и мала ростом, хрупкая на вид. Не выдержит такого как Аш горячего, бешенного, порывистого. К ней нужно прикасаться как к горному хрусталю, а Господин не умеет нежничать. Значит не долго Серебрянка пробудет в дворце, до первого приступа похоти или ярости. Серебрянка — Фиен, поэт хренов, вечно придумывает бабам имена одно другого краше. Поганец, с его сладкими речами давно мог обзавестись семьей и не таскаться за Ашем как преданный пес. Брат слишком мечтал о почестях, вознестись от простого инкуба к династии полководцев, получить первые ордена и вырвать для расы новый статус.

Похоже и сам Фиен попал под чары этой светловолосой. Странно, во дворце имелись наложницы красивее этой Серебрянки, но в ней…есть нечто, заставляющее смотреть снова и снова и это не сверкающие волосы, не хрупкое нежное тело, а скорее ее взгляд, выражение лица, взмах ресниц и поворот головы. В ней нет присущего всем женщинам Мендемая порока и разврата, которым их учили с детства. Впрочем, ее сущность тому виной. Сам Ибрагим почувствовал напряжение в паху, когда

девчонка посмотрела на него светло голубыми глазами и слегка склонила голову в бок. Тут же возникло непреодолимое желание опрокинуть ее навзничь и смотреть в это лицо, безжалостно тараня упругое тело, чтобы эти глаза распахнулись, а потом закатились от наслаждения. Жаль…такой товар да в лапы самому кровожадному демону, который в силу своего положения ласкать толком не станет, оттрахает и вышвырнет помирать, не положено демонам ласкать и лизать тела своих наложниц…а вот они, каста инкубов, виртуозы орального секса. Язык…он покруче члена, особенно если им выписывать круги внутри раскаленного женского лона или дразнить набухший клитор, нет ничего вкуснее этого…ну разве что их кровь в момент оргазма, и их крики агонии от наслаждения. Смерть во время экстаза намного приятнее, чем от диких криков боли и ужаса. Каждому свое. Верховная каста питается болью и страхом, это их личная пища, которой кормится внутренний зверь. Своего хищника Ибрагим кормит иными лакомствами его жертвы отдают душу добровольно. Что-то не в ту степь его потянуло…проклятая девчонка вызвала ненужные ассоциации. Но если она надоест Ашу, Ибрагим с удовольствием утешит беленькую овечку. Ничего в ней особенного, а черную кровь будоражит похлеще чентьема.

Красота растяжимое понятие, особенно в Мендемае — мире самых красивых женщин любой расы, а девчонка притягательна и ее сексуальность именно в этом невинном взгляде, мягком голосе, плавных движениях. Аш смотрит на нее и глаза Хозяина сверкают голодом, а зверь клокочет внутри. Особенно когда заметил ее в новых одеяниях, там внизу, на площади.

Миена тоже заметила, чтоб ее, сучка ненасытная. Да и Аш сам выставил напоказ особое отношение, когда кинулся вслед за наложницей, а должен был наказать за своеволие, за то, что смела перечить…только Ибрагим видел, как демон…вытирал слезы Падшей, к которой прикасаться нужно лишь для совокупления. Проклятье, если это не привиделось самому инкубу. Но он Ибрагим с приоткрытым, от удивления, ртом следил за когтистым пальцем Хозяина осторожно касающимся бледной щеки. Все заметил, ничего не утаилось и то как Серебрянка отшатнулась и как вспыхнули глаза Аша. Ненормальная. Другая бы уже была отдана на съедение церберам за своеволие. Дура девка. Рано или поздно Аш ее покалечит.

Ибрагим тенью ходил за мраморными колоннами, наблюдая и собирая информацию, выискивая подтверждение невероятным предположениям.

К ночи он уже не сомневался, грядут большие перемены — Аш не просто увлечен девчонкой, он одержим ею и этого слепой

не заметит. Приревновал к Фиену, с которым делил всех своих женщин, а то и трахал одновременно,

отверг Миену и пошел за наложницей…которая…о, дьявол… посмела его отвергнуть и не была за это разорвана в клочья. Вместо нее пострадали несчастные наложницы, а Аш продолжал зверствовать, круша и ломая все вокруг.

Миена попыталась совладать с гневом разбушевавшегося супруга и если раньше ей это удавалось, то сегодня, Хозяин бесцеремонно вышвырнул ее как тряпичную куклу, разодрав ей лицо. Слуги тут же унесли королеву подальше от озверевшего Повелителя, позвали лекарей, а рабы привели новых женщин, пытаясь заглушить гнев монстра, а теперь трупы одних из лучших наложниц складывали на мраморном полу, у ног Ибрагима, который мысленно подсчитывал убытки. Затем, тяжело вздохнув, инкуб поднялся по крутой лестнице на крышу смотровой башни. Повелитель часто проводил здесь время в одиночестве. Управляющий не ошибся — Аш сидел на парапете плоской крыши и смотрел на догорающие внизу костры. В своем истинном обличии, окровавленный, взъерошенный.

— Десять тысяч дуций убытков, — констатировал инкуб.

— Плевать. Хоть сотни, — послышался грубый ответ.

— Я мог привести рабынь, если бы знал, что ты жаждешь крови, мой господин.

— Почему ты решил, что знаешь, чего я жажду, инкуб?

— Не все желаемое можно получить испытанными методами, господин, — Ибрагим стал позади Хозяина и скрестил руки на груди.

Аш повернулся и смерил инкуба сверкающим взглядом, по пепельному лицу демона извивались оранжевые вены, словно трещины, разъедающие поверхность скалы, перед взрывами лавы из жерла вулкана. Все еще в ярости, но то последние вспышки… скоро наступит успокоение, насыщение кровью и смертью.

— Какими такими?

— Зверствуя и уничтожая все вокруг.

— Не понимаю, о чем ты, — демон отвернулся, его длинные волосы змеились по спине, как живые, струясь между обсидиановыми крыльями.

— Я знаю тебя сотни лет, Аш. Они мертвы, а наложница жива и не тронута. Ты убил, но не ее, а из-за нее. Почему?

— Слишком много вопросов для презренного управляющего, который возомнил себя невесть кем. Давай, займись делом, инкуб — трахни кого-то и успокойся. Не будь моим психологом, он мне нахрен не нужен. Хочешь покопаться в чьих то мозгах — вали в мир смертных и устройся в психлечебницу доктором.

— Не рычи. Да, плевать на убытки, мне не нравится твое состояние. Ты не в себе. Победитель должен праздновать, а не сидеть в одиночестве на смотровой башне. Хоть бы руки вымыл, наследил по всему дворцу, тебя по запаху крови можно вычислить.

Аш посмотрел на окровавленные ладони.

— Ты моя мамочка? Нос не высморкать?

— Можешь послать меня к черту.

— Могу переломать твои кости и выдрать сердце, — прорычал демон, но не обернулся.

— Кто будет смотреть за твоими самками?

— Продам нахрен.

— Должен иметь не менее ста.

— Куплю новых.

— Но хочешь одну…

Демон резко обернулся.

— Много себе позволяешь.

— А она не хочет…

— Не проблема — могу заставить, — рыкнул и снова отвернулся.

— Проблема, потому что не можешь. Тебе это больше не приносит удовольствия.

Через секунду инкуб дергал ногами над разверзшейся под ним бездной, а Хозяин, удерживал управляющего за горло.

— Еще одно слова и полетишь вниз. Не сдохнешь, но кости переломаешь.

— Просто делай то, что хочешь делать, Аш.

Демон несколько секунд смотрел страшными, горящими глазами на инкуба, а потом тихо прошипел:

— Я всегда делаю, то что хочу, Ибрагим. Сейчас я ужасно хочу разжать пальцы.

— Ложь. Просто я злю тебя тем, что говорю правду, не страшась твоего гнева.

Аш отшвырнул управляющего в сторону и тот прочесав спиной по гладкому полу, тут же встал на ноги.

— Не зли меня, инкуб. Не играй со мной в словесные шахматы.

— Ты — демон, в твоей власти не только взять силой в твоей власти заставить захотеть. Покажи ей чего ты желаешь на самом деле, а не то, что видят от тебя другие или должны видеть потому что так полагается. Она жила в мире людей. Там мужчины ведут себя иначе.

— Я НЕ ЧЕЛОВЕК! — прорычал так громко, что у инкуба зазвенело в ушах.

— Правильно — ты не человек, ты можешь гораздо больше, чем обычный мужчина. Намного больше. Можешь и умеешь. Твои возможности безграничны.

— Например задарить ее подарками, цветами? — демон презрительно фыркнул, — Я уже дарил подарки. Более ценные, чем золото и цветы, она не оценила. Я не стану выставлять себя идиотом. Твою мать…я вообще не верю, что говорю это.

— Просто пусть она начнет улыбаться…тебе. Для тебя. И все изменится. Того, кому искренне улыбаются, не могут ненавидеть.

— Я не клоун.

— Смеяться над кем-то и искренне улыбаться две большие разницы. Заставь ее забыть, что ты демон, соблазняй, совращай, удовлетворяй ее желания. Ты знаешь, чего она хочет?

— Мне это было не нужно.

— Напрасно. Узнай и дай ей именно это.

— Она жаждет свободы, — глухо сказал Аш, — и никогда не получит.

— Женщины много чего хотят. У нее есть и другие желания.

Аш обернулся к инкубу и взгляд огненных глаз затуманился:

— Я боюсь ее сломать, Ибрагим…дотронуться, а она рассыплется в пепел от моих лап, а иначе я не умею.

Ибрагим старался не показать насколько удивлен…Аш чего-то боится? Само слово "боязнь" не сочеталось с этим огромным, сокрушительным зверем, прущим на врагов, как ожившая скала, раздирающим наложниц и рабынь в мгновение ока за малейшую провинность. Все гораздо хуже, чем предполагал инкуб.

Теперь у Ибрагима новая и довольно паршивая забота — оберегать Падшую, а это не так уж просто, учитывая, что скоро все узнают об особом отношении демона к новой наложнице. Нужно усиливать охрану девчонки и следить за каждым ее шагом. Кроме того, еще и припугнуть строптивую, чем ближе она будет к Ашу, тем безопаснее для нее, не хотелось бы чтобы демон спустил с Ибрагима шкуру если с Серебрянкой что-то случится, а он спустит, инкуб это видел в страшных оранжевых зрачках Господина.

* * *

Я проснулась в мягкой постели, под теплым пуховым одеялом и впервые у меня не болели кости после твердой земли и неудобного сна. Я выспалась в тепле и тишине. Вдалеке доносились непривычные звуки: топот копыт, гомон улицы, стук колес о каменную мостовую. Встав с постели, прошлась по

комнате и с восторгом обнаружила просторную, великолепную ванную с горячей водой в кране, мягкие полотенца, кусок мыла, оно пахло странным цветочным ароматом. Все блага цивилизации, а я даже не верила, ведь весь этот мир напоминал мне доисторические времена — я ошиблась и это чудо. Значит нужду справлять в горшок или ведро не придется.

С наслаждением я умылась, вытерла лицо, расчесала непослушные волосы, которые отрастали со скоростью звука. Еще несколько дней назад доставали мне до пояса, а теперь свисали ниже бедер. Через несколько минут появились служанки, одни из них молча застелили мою постель, другие тут же принялись меня переодевать в новое платье ярко-голубого цвета и заплетать мои волосы, умело орудуя расческой. Чуть позже два полуобнаженных раба с ошейниками на массивных шеях вкатили стол с завтраком, и у меня громко заурчало в животе. Завтрак своим обилием напоминал обед и ужин вместе взятые. Это было вкусно, словно повар прекрасно знал мои предпочтения и вкусы, столик ломился от лакомств.

Служанки распахнули все шторы на окнах и тусклый свет залил комнату. Снизу доносился странный шум, гвалт, крики. Я подошла к окну и несмело глянула вниз — похоже на ярмарку. Туда-сюда бегают торговцы с тюками и повозками, кто-то громко выкрикивает цены, по площади снует охрана с копьями, и самый разношерстный народ.

— Ты не в тюрьме и так же можешь спуститься вниз и посмотреть, что там происходит. Тебе разрешено гулять по городу, с охраной, разумеется. Здесь, на территории Огнемая, пока Аш рядом твоё клеймо не станет тебя беспокоить. Впрочем, если удалишься слишком далеко — ты почувствуешь.

Проклятый инкуб. Вечно подкрадывается настолько тихо, что я всякий раз подпрыгиваю на месте.

— Доброе утро, — тихо сказала я и поправила подол платья, который облепил ноги. У Инкуба довольно бесстыжий взгляд, словно он видит мое тело под одеждой так же бесцеремонно, как и проникает в мои мысли.

— Как говорят у вас…утро добрым не бывает, верно?

Он усмехнулся своей шутке, а я снова посмотрела в окно.

— Там, внизу — это люди?

— Не только. Скоро ты начнешь их различать. Как отличаешь по одежде рабов. Здесь своя иерархия. Торговцы одеты иначе, чем жители Огнемая и они не люди. Смертных не много, они живут за озером, в поселениях и работают на каменоломнях. Идем, я покажу тебе дворец. Конечно, по началу ты ничего не запомнишь…

Я резко задернула штору.

— Если не хочешь, то ты не обязана.

Не хочу? Еще как хочу. Каждый день в этом мире был похож на другой. Как под копирку. Снова и снова: туман, пески, снег, завывание ветра.

— Хочу…покажи мне дворец.

* * *

Инкуб вывел меня с другой стороны, не по темному длинному коридору, а мы спустились вниз по крутой лестнице и управляющий распахнул дверь, ведущую во внутренний двор. Я осмотрелась по сторонам, вдыхая воздух полной грудью: похоже на черный двор, повсюду ящики, тюки. Лошади переминаются с ноги на ногу, рабы таскают сундуки. Я с интересом рассматривала все что меня окружало, словно экспонаты диковинного музея, потому что никогда не видела и не увижу ничего подобного.

В этот момент мимо нас проехала телега, накрытая брезентом. Ее толкали несколько рабов в черных одеяниях и таки же темных фартуках и толстых перчатках. Инкуб приказал им остановится.

Я вздрогнула, когда из-под плотной, натянутой материи вдруг показалась чья-то рука, скрюченные окровавленные пальцы с синими ногтями. По моему телу прошла дрожь, и я с ужасом рассмотрела под брезентом очертания тел…мертвых тел, а также длинные пряди волос, свисающие с другой стороны телеги. К горлу тут же подкатил комок.

— Когда Повелитель в ярости, — вкрадчиво прошептал Инкуб, — таких повозок может быть с десяток.

Я, тяжело дыша, повернулась к Ибрагиму.

— Это…он их?

— Да, — равнодушно ответил управляющий и пнул телегу ногой, из-под брезента показалась другая рука, — разодрал, как тряпичных кукол, потому что кто-то очень сильно его разозлил. Он выпустил им кишки, оторвал головы, выдрал их сердца.

Меня затошнило и свернуло пополам, я схватилась за желудок, чувствуя, что весь завтрак готов вырваться наружу…

— Выпей — станет легче. Не думал, что ты такая чувствительная.

Ибрагим ткнул мне в руки флягу, но я не смогла ее удержать дрожащими пальцами и тогда он поднес ее к моему рту, заставляя сделать глоток. Я поперхнулась, но все же смогла

проглотить, чувствуя, как по спине ручьями стекает холодный пот.

— Это чудовищная жестокость…дикость…почему? За что?

— Ничего особенного для нашего мира. Аш выместил злость на этих несчастных, а ведь на их месте могла оказаться ты.

— Зачем? — задыхаясь спросила я, — Зачем ты мне это показываешь?

Инкуб вдруг схватил меня за плечи и сильно тряхнул:

— А затем, чтобы ты знала, кто виновен в их смерти. Каждый раз, когда будешь ему отказывать они будут умирать, маленькая Серебрянка. Дохнуть как мухи, и только потому что ты строишь из себя недотрогу. Ясно? Вот зачем. Привыкай к этому миру — здесь ничего не происходит просто так: или ты, или тебя. Третьего не дано.

Я повела плечами сбрасывая холодные руки управляющего со своих плеч. Так вот зачем он вывел меня во двор и пел сладкие речи о моей мнимой свободе, он хотел мне показать трупы наложниц, показать, что это я виновата в их смерти.

— Он убивает из-за тебя. Это не впервые верно? Ситха тоже лишили головы…Запомни, каждый раз, когда ты разозлишь Хозяина кто-то умрет. Если тебе плевать на себя, то подумай о других. Они были молоды и красивы.

Ибрагим одернул брезентовый полог телеги, и я закричала от ужаса невольно спрятав лицо на груди у инкуба, но он схватил меня за затылок и толкнул вперед. Я упала на колени и с диким воплем шарахнулась назад застыла, увидев остекленевшие глаза мертвой девушки, ее изуродованное лицо…повсюду следы от когтей зверя, а тело…оно превратилось в кровавые лохмотья. Инкуб толкнул меня обратно.

— Когда ОН придет к тебе снова, вспомни эти лица…эти мертвые лица, Серебрянка.

Он поднял меня с земли за шиворот, и я обмякла, зарыдала, почувствовала, как Ибрагим прижал меня к себе.

— Тсссс…все хорошо. Больше никто не пострадает, верно? Посмотри на меня…Ты будешь послушной, покорной девочкой и никто не умрет. Да? Да, Серебрянка?

Я кивнула и зажмурилась. Боже, если бы вчера я позволила Ашу, покорилась…то все эти женщины, они бы не погибли. Монстр…он разодрал их, как скот на бойне, безжалостно и равнодушно. Неужели я могла считать, что это чудовище способно на чувства?

— Да, — едва слышно прошептала я, все еще содрогаясь от рыданий. Инкуб задернул полог и махнул рукой рабам:

— Увозите, сожгите за каменоломнями.

Ибрагим взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Теперь ты всегда будешь говорить "да", маленькая серебряная птичка. Только "да", и никто не пострадает. Возвращайся к себе, Повелитель очень скоро захочет тебя видеть и не смей реветь…улыбайся ему. Он не выносит женские слезы. Ненавидит их еще с детства. Не зли его, хорошо?

Он ненавидит слезы, а я ненавидела его с каждой секундой все больше. Жестокость только ради жестокости. Я могла понять зверства на войне, но эти убийства…меня тошнило о того что всего лишь несколько дней назад эти когтистые руки ласкали меня, а я наслаждалась…, впрочем, мне он уже показал свое истинное обличие, да и не скрывал его никогда. Я просто наивная идиотка. Теперь я совершенно четко осознавала где я. Это настоящий Ад, где чья-то жизнь стоит так же мало, как и крошка хлеба в моем мире. Пожалуй, я и есть та самая крошка, которую все еще не сожрали, но сожрут обязательно.

Глава 18

Земли Огнемая простирались далеко на юг к самой скале Тартос. Каменная стена, отделяла территорию города от Пустынных земель. С высоких башен несли дозор воины Сумрака. Личная охрана Аша. В темноте были видны лишь их силуэты, замершие как изваяния по периметру стены. Крупные хлопья снега кружили в воздухе и таяли от прикосновения к горячим плитам, источая испарение. Весь Огнемай окружен облаком густой дымки тумана. Это стратегический шаг, под фундаментом стены текла раскаленная магма и нагревала мраморные плиты круглосуточно, вызывая тот самый туман, в глубине которого прятались шпили дворца и оставался в безопасности сам Дозор.

Аш отошел от окна и посмотрел на Фиена, который склонил голову в почтении, протянув демону свиток с докладом.

— Их видели у Мертвого Озера, так же несколько засветились у самых границ с Тартосом. Это лазутчики. Следопыты.

Аш взял свиток и швырнул на стол.

— И…где?

Фиен в недоумении посмотрел на Повелителя.

— Я спрашиваю — где головы лазутчиков, Фиен?

— Обнаружены только следы. Отряд разделился и шерстил по периметру. У нас мало защищённая стена с Севера и ближе к Тартосу. Скорей всего прощупывают слабые места, но ударить не смогут.

Аш снова подошел к окну и распахнул его настежь, вихрь ледяного воздуха ворвался в комнату и хлопья снега упали на мраморный пол, отражаясь и сверкая в бликах свечей.

— Я прикажу усилить Дозор именно в тех местах где замечены следопыты. Бросим туда основную силу.

— Нет.

Аш повернулся к Инкубу:

— Это то, чего они хотят. Наши слабые места далеко не подножие Тартоса которое окружают топи и не граница с Мертвым Озером. Наше слабое место — это центральная часть, где мы не защищены, а открыты как на ладони. Не менять дислокацию Дозора. Все оставить как есть. Более того — укрепить центр. Завтра, Фиен, я хочу, чтобы хоть один из следопытов был здесь, в подвалах инквизиторов. Мне плевать как вы это сделаете, но срок у вас до завтра. Иначе я прикажу пытать каждого. В день по одному, пока никого не останется. Я лично сдеру с них кожу живьем.

Глаза демона сверкнули жгучим оранжевым пламенем. Он

был зол, в нем клокотала ярость, она управляла им вот уже несколько часов и Аш не мог совладать с нею. Ярость на Падшую и на Ибрагима. Проклятый инкуб. Возомнил себя сводней, возомнил, что имеет право воздействовать на наложниц Аша. Впрочем, одна часть подсознания все же испытывала чувство триумфа — пусть зверушка знает, что значит непокорность и что может быть с ней самой, если она ослушается, а с другой он клокотал от гнева, потому что не хотел видеть страх в ее глазах, потому что знал, какие они, когда в них нет ужаса, они теплые, как горячие кристаллы, они будоражат кровь похлеще чентьема. Страх — это привычная эмоция, которую демон пожирал уже веками, чувства Падшей — изысканный десерт и ему хотелось впитать их снова.

— Да, но в связи с этим Сеасмил, велел напомнить, что Руаха Эш назначает совет через несколько дней. Асмодей теперь настаивает на проведении Совета в другом месте, а не в Огнемае.

Аш криво усмехнулся:

— Где же, например? В пещерах Нижемая с крысами-мутантами и орками? В мире смертных, куда он зачастил последнее время?

Фиен отрицательно качнул головой.

— Нет. Он предлагает собраться в крепости к северу от Тартоса, в старой башне, а также устроить бои в честь Короля. Бои без правил. В крепости есть арена, где раньше тренировал воинов сам Руаха Эш. Там безопасней. Асмодей намекнул, что Огнемай не самое спокойное место в Мендемае.

Аш сжал руку в кулак. Сукин сын, всегда намекает, что байстрюк не способен быть на равных с ними, а Огемай не место для семейного Совета. Тварь.

— Совет пройдет здесь, безопасность Короля гарантирована, так и передай Сеасмилу. Мой дом спокойней, чем ложе старой шлюхи в самой заброшенной виште Мендемая. Ни один эльфийский ублюдок еще не ступил на территорию моего города. Я лично гарантирую безопасность отца. Объявляй о боях в честь Руаха Эша. Победа будет подарена Королю Мендемая.

Все. Свободен.

— Руаха Эш принял другое решение — Совет пройдет в Северной крепости, мой Господин.

Аш резко обернулся и зарычал.

— Если за эту неделю вы не выследите и не отловите следопытов, я разжалую тебя и сошлю на рудники. Мне плевать как вы это сделаете, я хочу привезти в Северную крепость головы лазутчиков и швырнуть их в рожу Асмодея. Ты меня понял, Фиен?

— Понял. Завтра вы получите их головы.

Аш протянул ладонь и на нее приземлились несколько снежинок, он сжал пальцы в кулак и почувствовал, как они мгновенно растаяли. Сейчас гнев перерастал в бешенство. Мысленно позвал Ибрагима и тот появился спустя несколько секунд, покорно склонив голову. Дверь за ним с грохотом захлопнулась и щелкнул замок.

Инкуб не шелохнулся, но слегка побледнел.

— Скажи мне, Ибрагим, сколько веков ты служишь мне?

Аш не смотрел на управляющего, он по-прежнему наблюдал как хлопья снега ровным белым покрывалом застилают подоконник, наслаиваясь в искристое покрывало. Его голос звучал тихо и вкрадчиво. Собеседнику это не сулило ничего хорошего.

— Не счесть, мой Господин.

— Я всегда был доволен тобой, Ибрагим?

— Да, мой Господин.

— Ты выполнял все мои указания?

— Верно, мой Господин.

— Что я делаю с теми, кто нарушает мои указания или занимается самодеятельностью?

Инкуб молчал, и демон резко повернулся к нему, глаза Аша стали черными как ониксы, в них отражались языки пламени от множества свечей. По лицу стекал растаявший снег.

— Верно, Ибрагим. Их сажают на кол. Засовывают в их любопытный, зазнавшийся зад раскаленное копье и жгут им внутренности долго и мучительно. Я что-то не замечал в тебе склонности к содомии, Ибрагим. Или я чего-то о тебе не знаю?

Ибрагим стиснул челюсти, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Если я разочаровал тебя, мой Господин, я готов понести любое наказание.

Проклятый сладкоречивый ублюдок всегда знал, как правильно ответить. Аш усмехнулся.

— Значит тебя не пугает кол, в твоей упругой заднице, может тогда отдать тебя инквизиции, пусть кастрируют и скормят твой член церберам?

— Я готов к любой казни, Аш, если не угодил тебе.

Аш в одно мгновение вдавил инкуба в стену рука демона вонзилась с той стороны, где едва слышно стучало сердце Ибрагима и когти зверя, обхватили, медленно бьющийся в такт застывающей крови в венах, орган.

Ибрагим побледнел, в его белесых глазах читался искренний ужас, но в тот же момент и смирение.

— Ты сделал то, о чем я тебя не просил. Никогда не

принимай решений за меня, инкуб, никогда не лезь в то, что не касается тебя самого.

Аш обхватил сердце и слегка сжал, изо рта Ибрагима скатилась струйка черной крови.

— Я …лишь…хотел…доставить тебе удовольствие…мой Господин…

— Мое удовольствие, Ибрагим, в том, чтобы она оставалась такой какая есть, а не покорной на все готовой сучкой, которая раздвигает ноги от страха или желания вознестись к престолу и занять место Миены. Я. ХОЧУ. ЕЕ. ТАКОЙ. С этой секунды ты лично охраняешь Падшую. Ты и никто другой. Хоть волосок, хоть одно лишнее телодвижение, и я сожру твое сердце на ужин. Я доходчиво говорю?

Пальцы сжались сильнее, и инкуб закашлялся, захлебываясь кровью.

— Не слышу ответ?

Инкуб кивнул.

— Не слышу!

— Да…мой…Повелитель.

Через секунду Ибрагим лежал у ног Аша, а демон склонился и вытер руку о балахон управляющего.

— Теперь приведи ее ко мне.

Инкуб не ушел, и демон медленно повернулся к управляющему, глаза сверкнули огненными сполохами.

— Что еще?

— Если вы хотите, чтобы она смотрела на вас, иначе перестаньте пугать ее. Падшая привыкла к другому миру, для нее нахождение здесь само по себе стресс.

— Я не нуждаюсь в твоих советах.

— Вы нуждаетесь в ее присутствии и в эмоциях, которые она вам дает.

— Пошел вон!

— Дайте ей ласку, мой Господин. Женщин из мира смертных не берут силой. Представьте, что она хрупкий хрусталь и разобьется под вашими пальцами, прикасайтесь к ней как к кристаллам эльфов, которые рассыпаются в прах от давления. У смертных это называется нежность. Я могу рассказать…

— ВОН Я СКАЗАЛ!

* * *

Я боялась вечеров и ночей, когда немые служанки мыли мое тело, втирали в него разные настои и благовония, расчесывали

мои волосы и заплетали их в замысловатые прически, закалывая золотыми шпильками. Надевали на меня безумно красивые и странные одеяния, скорее подчеркивающие наготу, чем скрывающие то, что под ними. Я не любила эти церемонии приготовления ко сну, потому что каждый раз в ужасе смотрела на дверь почти до рассвета, прислушиваясь к каждому шороху, к движению воздуха, опасаясь уснуть и не заметить, как он придет ко мне. Но демон не появлялся уже несколько ночей, а я носа не показывала за апартаменты, отведенные мне рядом с его спальней.

Я надеялась, что и эту ночь я проведу хоть и в ужасе, но в полном одиночестве. Пока не появился инкуб, он лишь глянул на рабынь и те смиренно, унизительно раскланиваясь удалились, я судорожно сглотнула и попятилась подальше от него. Теперь я боялась и его тоже.

Ибрагим прикрыл за собой дверь, но с места не сдвинулся.

— Он хочет видеть тебя сегодня ночью.

Мое сердце ухнуло и замерло, все тело содрогнулось от ужаса.

Инкуб болезненно поморщился, видя мое выражение лица.

— Идем. Мне велено отвести тебя к нему.

Направился к двери, и я последовала за ним, сжимая руки в кулаки и пытаясь унять дрожь во всем теле.

— Прекрати трястись, — прошептал мне на ухо, — прекрати и помни что я тебе показал.

Он распахнул передо мной дверь, и я впервые вошла в спальню Повелителя. Если бы я так не боялась, возможно могла бы осмотреться по сторонам, но меня скручивало от дикого желания убежать. Аш стоял у окна, спиной ко мне. Он даже не обернулся, когда я вошла. Ледяной ветер кружил по полу вихри мелких снежинок, трепал его длинные черные волосы. Со спины он казался огромным как скала. Каменная глыба, огромная и мощная. Внутри которой плескается огненная магма.

— Подойди, — приказ, но голос на тон ниже обычного. Я вся внутренне подобралась и почувствовала, как каждый мой шаг, отдается в сердце болезненными уколами паники. Я подошла и остановилась позади него.

— Очень редко в Мендемае видно звезды. Раз в несколько сотен лет.

Я нахмурилась, судорожно стиснув пальцы. Даже звук его голоса внушал первобытный страх. Непредсказуемость пугает намного больше ожидаемой расправы. Меня пугало и то, и другое.

— В нашем мире звезды видно каждую ночь.

Он вдруг резко обернулся, сгреб меня в охапку и поставил на подоконник. От головокружительной высоты к горлу подступила тошнота.

— Смотри наверх, — невольно подняла голову и замерла. Это не были обычные звезды, точнее в том понимании в котором я привыкла. Небо все в рваных тяжелых облаках тумана, через которые просвечивались яркие круглые светящиеся сферы, казалось можно протянуть руку и дотронуться до них.

— Это не звезды, — зачарованно прошептала я.

— Не в твоем понимании. Это параллельные реальности, Шели. В Аду нет неба и звезд. Ты видишь другие миры.

Я смотрела наверх и чувствовала, как от восхищения дух захватывает. Сферы на глазах растворялись в темно сером мареве и появлялись в другом месте, они переливались и искрились, словно изнутри в каждом из них находился фосфор.

Я невольно посмотрела вниз и пошатнулась, в тот же момент сильные руки сжали мои бедра.

— Боишься высоты, Шели? Больше чем меня?

Сердце забилось быстрее, но я затаила дыхание, продолжая смотреть вверх, на калейдоскоп сверкающих миров, как он сказал.

— Нет…тебя больше, — честно сказала я и почувствовала, как он ослабил хватку. Дыхание стало ровнее, но сердце все равно билось очень сильно. Аш вдруг взял меня за талию и развернув к себе посадил на подоконник.

— Почему боишься? Я не трогаю тебя. Пока.

Вот именно "ПОКА" не трогает. Осмелилась посмотреть ему в лицо и …уже в который раз удивилась собственным эмоциям, когда вижу его глаза такими человеческими. Невероятно светлый цвет, насыщенный, особенно в сочетании с темной кожей и черными волосами. Он вдруг взял меня за подбородок, а я вздрогнула, и он убрал руку. Несколько секунд смотрел мне в глаза и светлые радужки медленно темнели.

— Если бы я хотел причинить тебе боль, Шели, я бы это сделал уже давно. Такую боль, о существовании которой ты даже не подозреваешь. Притом не прикасаясь к тебе даже пальцем.

Я в этом нисколько не сомневалась, только от этого легче не становилось. Сейчас не хочет, а потом может захотеть. Его брови сошлись на переносице, и он снова коснулся моего лица, скорее обхватывая пальцами, чем лаская. Я вся внутренне напряглась, увидела, как его взгляд спустился по моей шее к груди и глаза стали почти черными. Мое дыхание слегка участилось, а жесткие пальцы исследовали мою скулу, прошлись по губам, слегка оттягивая нижнюю вниз.

— Мне не нравится на тебя смотреть, — сказал он вдруг, и я

закусила губу, — не нравится, потому что мне мало просто смотреть, Шели.

— Тогда не смотри, — сорвалось невольно и я пожалела, что не прикусила язык, потому что его пальцы вдруг сильно сжали мое горло.

— Не могу, — звучит равнодушно, но тем не менее хватка ослабла и теперь он скорее просто слегка держал меня за шею. Ладонь скользнула мне на затылок, и он резко приблизил меня к себе. Секунда очарования снова перелилась во всплеск паники.

— Ты странно действуешь на меня, Шели. Я еще не понял, что это значит. Только я не хочу делать тебе больно. Не вынуждай меня, договорились? Не вынуждай и я тебя не трону. А теперь иди к себе, — и вдруг рявкнул мне в лицо, — к себе, я сказал!

Я соскользнула с подоконника и стремглав бросилась в свою комнату, заперла дверь и забилась в угол кровати. Сердце билось в груди и мне было трудно дышать…только не от страха. Когда он касался меня…там внутри снова зарождалось незваное тепло. Оно не поддавалось контролю. Я тронула щеку и нахмурилась. Сегодня он был совершенно иным. Не похожим на себя. Почему? Я не знала ответ на этот вопрос. Уснуть как всегда не удавалось, и я так и сидела на постели обхватив колени руками.

Утром меня разбудили голоса слуг и Ибрагима. Он вошел ко мне через несколько минут в сопровождении рабов, прогибающихся под сундуками, которые поставили возле стены в ряд и удалились. Ибрагим сел на один из них и посмотрел на меня.

— Не знаю, что ты делаешь с ним и каким образом тебе удается то, что никогда в жизни не удавалось никому до тебя — но ты на верном пути, Серебрянка. Потому что ты первая наложница, которая поедет сопровождать Господина на Совет и присутствовать при боях воинов-демонов. Наложница, а не жена.

Глава 19

Аш обернулся к толпе, которая провожала его улюлюканьем и громкими криками, и поднял вверх массивный меч, на вытянутой руке вздулись вены и бугрились мышцы. Сталь полыхнула огненными бликами, отражаясь в его зрачках. Как всегда, все громко скандировали его имя. Они ждали победы и не сомневались, что Аш ее добудет для них. Все понимали, что значит присоединенные к Огнемаю северные земли.

Подобные бои проводились довольно редко, последний из них состоялся около пяти ста лет назад при смене власти. Много воинов полегло тогда, но умереть на арене не менее достойно чем в бою, защищая честь своего Повелителя или добывая ценный приз за победу. Бои воинов редкое зрелище по сравнению с боями рабов. Асмодей хитер, как лиса, он знал, чем умаслить отца. Бои в его честь, притом не на территории Огнемая. Бои, где победа принесет победителю присоединение северных земель. Именно Старую Северную Крепость и окрестности. Стратегически интересная территория если заняться ее застройкой, то дорога в каждый их городов будет пролегать через Крепость. Это выгодно как с военной точки зрения, так и с торговой. При междоусобной войне, если такая когда-либо разразится, Северная Крепость будет служить границей между всеми государствами так как находится на высоте, она может отрезать любое из них от внешнего мира.

Кроме того, если верить Сеасмилу, то именно за Северной крепостью глубоко в недрах земли есть еще один рудник голубого хрусталя. Состязания будут не на жизнь, а на смерть.

Аш пропустил последние бои, тогда еще был жив Лютер и они несли дозор у границы с Тартосом. В тех состязаниях Асмодей заграбастал шахты на юге Огнемая.

То были времена, когда Эльфы только захватили скалы и близлежащие земли. Ашу удалось отбить все территории, кроме самой скалы, они оттеснили Эльфов в пещеры и леса, вынудили прятаться и дохнуть с голода, но не победили, в тех боях погиб Лютер и отец провозгласил Аша полководцем.

Подвесной мост с грохотом опустился над рвом с огненной лавой и клубы серы ударили смрадом в ноздри. Аш придержал коня и оглянулся назад, сдвинув брови, поискал в толпе Шели. Увидел. Усмехнулся и пришпорил коня. Да, она поедет с ним и плевать на удивленное лицо Ибрагима, на острый взгляд Фиена и истерику Миены. Болезненно поморщился при мысли о жене. Последнее время она действовала ему на нервы, все больше и

больше. С какой-то навязчивой неприязнью, его раздражал даже ее запах. Слишком много взяла на себя и при этом не выполнила своего предназначения. На кой дьявол ему жена, которая не понесла за столетия? Раньше он не задумывался об этом. Ему не нужны были наследники. Зачем? Можно править и самому, умирать никто не собирался, но терпеть выходки этой склочной суки он больше не намерен, как и трахать ее. Или она смирится или ее ждет участь жены Руаха Эша.

* * *

До северной Крепости сутки в пути, если погода снова не испортится. Пока что не появились предвестники бури или ливня, но в Мендемае все менялось со скоростью света. Фиен поравнялся с Ашем и протянул ему флягу с Чентьемом, но демон отмахнулся и сильнее пришпорил коня.

— Асмодей сделает все, чтобы мы проиграли эти бои, Фиен сунул флягу за пояс и нагнал Повелителя. Аш смотрел вдаль, слега прищурившись.

— И не только он. Каждый из моих любимых братцев сделает все возможное для победы, — демон усмехнулся, — распушить хвост перед отцом и вывалять другого в грязи. Этого никто не упустит. Наша иерархия шаткая. Тебе ли не знать. Плевать кто старше и кто младше. Главное, кто сильнее. Северная Крепость должна стать нашей, особенно учитывая лазутчиков, — резко повернулся к Фиену, — чьи головы я до сих пор не получил.

Инкуб невольно выпрямился в седле, улавливая нотки гнева и чувствуя, как вдоль позвоночника ползут мурашки. Этот страх оставался всегда за столько лет никуда не делся.

— Вы получите их, Повелитель, когда мы вернёмся с победой.

— Очень на это надеюсь, Фиен. Отряд оставил Огнемай.

— Дозор справится в любой ситуации, мой Господин. Это лучшие демоны-воины, как и в нашем отряде.

Местность быстро сменяла ландшафт, мерзлая земля Огнемая перешла в зыбучие пески, копыта лошадей вязли в них и отряд замедлил ход. Дымка утреннего тумана клубилась по крупинкам красного песка и ветер закручивал пыль в маленькие смерчи.

— Все ваши воины отличаются тем, что готовы сдохнуть за вас и не раз доказывали это в бою. Одной жажды власти ничтожно мало. Никто из демонов не может похвастать фанатичной преданностью своих солдат.

— Наш мир держится именно на власти, Фиен. Кто сильнее,

тот и диктует правила, держит за яйца всех остальных и преданы тому, кто спустит шкуру и не пожалеет, преданы тому, кого смертельно боятся.

Фиен не стал спорить, но он прекрасно знал, что все воины Аша готовы за него умереть и не только из-за страха или собственной выгоды. В Аша верят, они идут за ним потому что чувствуют в нем этот дух предводителя, сильного хищника, вожака. Верят в него. Есть еще что-то из-за чего все слепо преданны байстрюку. Аш никогда не бросит, он дорожит каждым из них.

— Почему старая ведьма поехала с нами? — сменил тему и бросил взгляд на колдунью, которая, укрывшись серым плащом ехала рядом с Шели.

— Она быстро поставит на ноги моих раненых воинов, — ответил Аш, всматриваясь вдаль.

— Сеасмил непременно будет там и может сделать то же самое.

Быстрый взгляд на инкуба и снова вдаль, только пальцы в кожаных ремнях сильнее сжали поводья. Фиен смотрел на Повелителя — лицо Аша оставалось бесстрастным, но инкуб слишком хорошо его знал, чтобы не видеть признаки гнева и беспокойства. Впервые за тысячи лет Аш не остановил Мага, когда тот разъяренный покинул его на пол дороги в Огнемай. Из-за девчонки. Чанкр посмел угрожать жизни Шели и лишился расположения демона. Это шокировало, но Фиен привык называть вещи своими именами. Сеасмил больше не внушает доверия и Аш подстраховался, взяв с собой старую ведьму.

— Скоро столбы пыли достигнут высоты нескольких метров. Отряд слишком растянулся, мой Господин. Гуляющие смерчи могут обрушится неожиданно, лучше держаться рядом.

Аш невольно обернулся назад, снова выискивая ее взглядом. Это происходило помимо его воли. Нужно видеть. Необходимо. Хотя и прекрасно чувствовал ее присутствие. Уже лучше держится в седле, прямая спина, пряди серебристых волос выбились из-под капюшона. Гордо вздёрнутый острый подбородок. Непокорная, строптивая. Захотелось чтоб она ехала рядом. Бок о бок. Чтоб чувствовать еще ближе, вдыхать запах и слышать, как бьется ее сердце. Повернулся к Фиену.

— Не поднимутся, ветер слишком слаб. Что с дорогой? Пусть несколько воинов поедут вперед проверить путь через валуны, там могут скрываться Эльфийские ловушки.

— Я сам проверю.

— Нет. Пусть Теберий возьмет с собой двоих рабов и исследует местность.

Аш натянул поводья и развернул коня.

— Стоять всем на месте. Дальше только после разведки.

Я сжимала пальцами поводья и смотрела вдаль. Не знала радоваться мне или быть в отчаянии из-за того, что Аш взял с собой, но в любом случае в Огнемае я оставаться не хотела. Меня пугали обычаи Дворца, я там чувствовала себя чужой.

И как сказала мне Веда лучше находится рядом с ним, чем быть вдалеке. Впрочем, я и не могу быть далеко от него, моя метка не позволит. Думал ли он именно об этом, когда приказал мне собираться или просто хотел, чтобы я была рядом, но сути это не меняло.

Во Дворце меня ненавидели, я чувствовала это кожей, каждый их взгляд, каждое слово мне в спину. Ибрагим не оставлял меня без охраны не на минуту и думал я не пойму этого, а я все понимала — в змеином логове меня не приняли и никогда не примут.

Мягкие перчатки из теплой шерсти грели мне пальцы и поводья не натирали кожу. В новой одежде я больше не мерзла. Сейчас я оглядывалась по сторонам, чувствуя, как от созерцаний ландшафтов Мендемая по телу проходит дрожь ужаса. Никогда не думала чсто природа может настолько пугать и давить на психику. Мендемай угнетал, он словно пожирал любую радость, поглощал все положительные эмоции. Ни луча света, вечные сумерки, страшные ураганы. Невыносимые условия для жизни. Теперь я понимала почему люди так быстро здесь вымирают, да и не только люди. В этом месте хозяйничает ее Величество Смерть. Это ее владения и все пропахлось смрадом падали, мрака и вечного ужаса. Если тебя не добьют адские твари, то свое дело сделает сама природа.

Под ногами Люцифера клубился песок, сворачивался в смерчи и разбивался о мощные копыта, которые вязли в красном месиве. Я удерживала поводья и смотрела вперед, иногда ловила себя на том, что невольно любуюсь тем, кто возглавляет отряд. Длинные волосы демона бьют по крупу коня, черный плащ развевается на ветру, а сбоку у луки седла поблёскивает смертоносный меч.

На него можно смотреть часами, как на произведение дьявольского искусства. Смесь ослепительной мрачной красоты, мощной силы и смертоносного темперамента. Его стихия — это седло и война. Вечная дорога. Во дворце он выглядел иначе. Мне даже показалось, что на него давят стены Огнемая, как и на меня.

Всплеск восхищения и дикого ужаса, который он внушает одним взглядом и ли движением головы сводили меня с ума. Я не понимала, что со мной происходит. Калейдоскоп с безумно

вращающимися осколками эмоций от ненависти, до страсти, ужаса, паники и снова восхищения. Отряд остановился, а я продолжала смотреть, как завороженная. Сейчас я видела его профиль очень четкий на фоне светло-серого неба. Идеальный. Широкие скулы, ровный нос, чувственные губы и развевающиеся черные волосы на ветру с поблескивающими в них кольцами.

— Самые жуткие хищники завораживают намного сильнее ослепительно красивых, но безобидных, нас притягивает опасность и адреналин, гипнотизирует, а когда этот хищник, красив мы можем сойти с ума от желания приблизиться хоть на шаг.

Я повернулась к Веде и вздохнула, не отрицая и не соглашаясь с ней.

— Хищник вечен, а я пылинка…он взмахнет рукой и сметет меня, даже не заметив. Что толку смотреть на красоту, которая убивает?

Веда протянула руку и коснулась моих волос, поправляя их под капюшон.

— Твоя красота ломает даже хищника, девочка, ставит его на колени. Почувствуй власть. Ни один дикий зверь не устоит перед лаской.

— Зверь раздирает на части то, что ему так нравится. Его желание означает боль и смерть.

— Если добыча боится — да. Не будь добычей.

— А кем мне быть? — тихо спросила я

— Люби зверя, он почувствует это.

Послышался голос Тиберия, и я отвернулась от колдуньи, чувствуя, как от ее светлых глаз по телу пошли мурашки:

— Все чисто. Двигаемся дальше!

Аш бросил на меня взгляд и пришпорил коня, отряд последовал за ним, я так ничего и не ответила Веде, но ее слова пульсировали в висках — "люби зверя, он почувствует это".

Стало труднее дышать, а сердце забилось чуть быстрее. Возможно, я задавала себе этот вопрос тысячи раз, что я чувствую к своему мучителю, хозяину, палачу, жестокому любовнику? Я гнала этот ответ прочь после того, что он сделал со мной. Но ведь это ничего не меняло, себе я могу не лгать. Я люблю это чудовище.

Глава 20

Мы снова двинулись в путь, между огромными насыпями из песка, словно между рефленными красными стенами. Внезапно заржал чей-то конь и завалился на бок, подминая под собой всадника. Люцифер встал на дыбы и прежде чем я успела что-то понять в воздухе засвистели стрелы, они вонзались в песок вибрируя и заставляя коня подо мной метаться из стороны в сторону.

— Засада! Укрыться за валунами!

Голос Аша взорвал тишину, начался хаос. Ржание лошадей, топот и крики. Я растерялась, Люцифер не давал мне спешиться, он метался из стороны в сторону, пока стрелы свистели над моими ушами и вонзались у его копыт. Внезапно кто-то выдернул меня из седла и повалил на песок, придавливая всем весом, лишая возможности вздохнуть.

— Не шевелись, Серебрянка, не шевелись.

Голос Фиена с трудом различался во всеобщем хаосе криков и ржания лошадей, отборной ругани и свиста стрел. Я чувствовала, как он вздрагивает и впитывала его боль, каждая судорога — это стрела, впивающаяся в его плоть.

— Аш! — вместо крика вышел жалкий хрип, — пусти, Фиен. Пусти!

— Отобьет нападение и вернется… — голос инкуба казался очень глухим и я дрожа всем телом закрыла глаза, — тихо, не дергайся, тихо!

— Где она?!

Голос прогремел, как раскаты грома и тяжесть тела, вдавившая меня в песок исчезла, я приподняла голову, всхлипывая от ужаса и чувствуя, как по моему лицу течет что-то липкое, тронула и одернула пальцы, увидела черную кровь. Фиен лежал на боку, очень бледный, стиснув челюсти. Из его плеча торчало не менее четырех стрел. Одну из них он выдернул и грязно выругался.

Аш дернул меня к себе за руку, поднимая с песка, сжал лицо пятерней всматриваясь мне в глаза его собственные горели адским пламенем.

— Цела?

Я кивнула, стуча зубами от ужаса. Он еще несколько секунд смотрел на меня, зарылся пальцами мне в волосы и резко прижал к себе, я уткнулась лицом в мощную грудь и всхлипнула, почувствовав его запах, биение сердца, невольно вцепилась в его плащь дрожащими пальцами и тихо спросила:

— А ты?

Подняла голову и посмотрела ему в глаза, оранжевая радужка медленно сменилась светло-зеленой и ровные брови сошлись на переносице, словно его озадачил мой вопрос.

— Цел, — усмехнулся уголком рта и снова прижал к себе за голову, — что там, Тиберий?

— Стрелы отравлены парализующим ядом.

— Погибшие?

— Только раненые, четверо.

— Чертовые твари, откуда стреляли? Нашли следы?

— Ни единого!

— Твою мать!

— Это лазутчики. Не больше трех, они подготовились и ждали.

— Делаем привал. Разбивайте шатры, тронемся в путь ночью.

* * *

Веда осматривала раны Фиена, извлекая стрелы, а я подавала ей склянки с разными снадобьями, закатив рукава, смачивала бинты в растворе. Инкуб тихо рычал, когда ведьма выдирала наконечники из его плоти и заливала шипящей жидкостью.

— Терпи, инкуб. Это противоядие. Не то сляжешь на долго.

— Что думаешь, Веда?

Голос Аша заставил меня резко обернуться к пологу шатра, а потом снова смочить бинт и подать ведьме.

— Думаю, что стрелы не Эльфийские, Аш, хоть и сделаны из сосны Тартоса.

— Почему так решила?

Аш пересек шатер и сел на шкуры, вытянув ноги к огню.

— Веда, твою мать, ты решила повыдирать из меня мясо? Ты ж вроде травоядная.

— В тебе, инкуб, пять стрел и каждая смазана какой-то дрянью, еще пока не известной мне, но ты выбыл из строя и скажи спасибо, что не сдох. А за травоядную я вгоню тебе лезвие по самую кость.

Я забрала у ведьмы грязный бинт и выстирала в тазу с чистой водой, поправила волосы за ухо, выкручивая марлю и снова смачивая в растворе подала Веде.

— Четверо твоих Аш не встанут еще с неделю. Их нужно перевезти в ближайшую вишту, отпаивать противоядием. Фиен тоже плох, слишком слаб даже чтобы сесть в седло.

— Твою ж мать!

Аш стиснул кулаки и пнул ногой угли в костре.

— Нас будет меньше по численности, и мы проиграем эти бои. Мои лучшие воины слегли.

— На то и был расчет, — тихо сказала Веда.

— Думаешь нас специально заманили в ловушку?

— Уверенна в этом.

— Тиберий лично все проверил.

— Он мог и не заметить. Пыль стоит столбом, все следы замело песком, если они ждали нас в укрытии их бы не унюхали даже твои церберы, Аш. Ветер дует в сторону Северной Крепости, а не Огнемая. Ты можешь отказаться от состязаний.

Я быстро посмотрела на Аша, а тот метнул яростный взгляд на Веду.

— Отказаться? Признать поражение еще до боя? Ты считаешь, что я откажусь?

Веда усмехнулась.

— Просто предложила, здравым умом ты не отличаешься, Аш. Скорей всего станешь сам бок о бок на арене, чем сдашься.

Аш встал с ковра.

— Ты говори да не заговаривайся, ведьма. Через три часа в дорогу. Я оставлю тебе рабов, перевозите ранненых в вишту к северу. Справлюсь там без тебя, старая.

— Я с тобой, — подал голос Фиен.

— Ты сначала встать попробуй, инкуб, а потом рвись в бой. Герой хренов. Веда, подними на ноги этого засранца.

Аш вышел из шатра, а я посмотрела на Веду, та как раз смазала последнюю рану на плече инкуба и наложила повязку. Я подошла к нему и выдохнув тихо сказала:

— Спасибо.

Инкуб приподнял голову снова обессиленно уронил ее на руки и закрыл глаза.

Веда, подошла к Фиену и скептически поджала губы:

— Уснул. Вот и хорошо. Меньше болтать будет. Мне еще троих штопать.

— Я помогу.

Веда посмотрела на меня долгим взглядом свето-голубых глаз.

— Он хочет чтобы ты была сейчас рядом.

Я отвела взгляд и откатила рукава платья кровь прилила к щекам.

— Иди к нему. Мне рабы помогут.

Я вышла из шатра, песок вихрями носился под ногами, но воздух стал чище. На меня не обращали внимание, воины сидели у костра. Все притихли, видимо были подавлены нападением,

которое никто не ожидал. Я пока еще не разбиралась, что именно происходит, но поняла, что их стало меньше, а значит шансы победить в том состязании о котором говорил Аш тоже понизились. Мне это о многом не говорило, но вызывало легкое чувство беспокойства.

Демон стоял на самом высоком валуне, спиной к костру, который освещал его длинные волосы и отсвечивал на рукоятке меча и шпорах. Я сделала несколько шагов к нему и остановилась в нерешительности, он словно, меня не слышал и это придавало смелости я сделала еще несколько шагов и поравнялась с ним. Аш повернул ко мне голову и слегка прищурившись посморел на меня.

— Испугалась?

Я кивнула, а он усмехнулся и снова посмотрел вдаль. Я подошла ближе, заметив на его щеке царапину, протянула руку и коснулась ее кончиками пальцев. Он вздрогнул, но руку мою, как обычно, не перехватил. Я провела пальцами по скуле и подушечки запекло.

— За тебя, — не сразу поняла, что сказала это вслух. Теперь он резко повернулся ко мне и дернул за руку к себе. Сердце забилось намного быстрее, и я сглотнула.

— Повтори!

Стало нечем дышать и в горле пересохло. Я посмотрела ему в глаза и увидела как темнеют светло-зеленые радужки.

— Испугалась за тебя, — повторила очень тихо и накрыла его руку, которой он сдавливал мое запятье.

— Почему?

Его вопросы ставили в тупик, слишком прямые, выбивающие почву из-под ног.

— Не знаю, — солгала я и его радужки потемнели окончательно.

— Иди в шатер, Шели.

Отвернулся и, вздохнув, снова уставился в серую линию горизонта. А я не уходила, оставалась рядом и смотрела вместе с ним на горизонт. Увидела, как он сильно сжал челюсти и пальцы легли на рукоятку меча я протянула руку и накрыла его пальцы своими. Прикоснулась и сердце пропустило несколько ударов.

— Иди в шатер, я сказал, — голос прозвучал гдухо.

— Нет!

Молниеносным движением прижал к себе так сильно, что мне показалось сейчас хрустнут кости. Лицо демоно стало пепельно-серым, а глаза снова заполыхали огнем.

— Смеешь перечить? — прорычал мне в лицо, но я не вздрогнула и не отпрянула.

Снова сглотнула и смело посмотрела в страшные глаза:

— Смею.

Глаза заполыхали еще ярче, а зрачки превратились в узкие полоски. Я положила руки ему на грудь и вдруг почувствовала, как под пальцами сильно бьется его сердце, намного быстрее, чем мое собственное. Он нахмурился, а радужки постепенно сменили цвет на зеленый.

— Иди! — перевел взгляд на мои губы и снова посмотрел в глаза, разжал руки и мне стало легче дышать.

Глава 21

Северная крепость напоминала цитадель с массивными стенами из серого камня, многочисленными глазницами черных окон и огромным подвесным мостом, над рвом с кипящей магмой, окружавшим ее со всех сторон, так же, как и Огнемай. Мы въехали во внутрь как раз, когда стихла пыльная буря и песок наконец-то осел вниз вместе с пылью, оставляя неприятный хруст на зубах. Когда воины спешились, я обратила внимание, что здесь много других демонов с перевязями других цветов. Видимо это воины других Темных принцев. У Аша есть несколько братьев, я слышала о них, а одного видела лично. Того самого, который нагло вошел в наш шатери столь же бесцеремонно меня рассматривал.

Проследила взглядом за самим Ашем, а он спешился и ловко взбежал по каменной лестнице вверх, распахнув широкие железные двери, скрылся за ними. Я спешилась, не зная куда идти. Коня тут же увели, а я куталась в покрытый толстым слоем пыли плащ, рядом со мной переминалась с ноги на ногу Мелисса. Мы лихорадочно оглядывались по сторонам, пока к нам вдруг не подошел мужчина с обнажённым мощным торсом, лысой головой. Он походил на надсмотрщика и в руках сжимал длинную плеть.

— Рабынь в левое крыло, — зычно крикнул он и окинул нас цепким взглядом, словно оценивая, что мы из себя представляем. К нам тут же подскочили двое мужчин и начали пинками толкать в противоположную сторону от лестницы по которой поднялся Аш. Я беспомощно осмотрелась по сторонам, в этот момент меня сапогом пнули в спину, и я чуть не упала.

— Иди. Чего рот раззявила. Не пялится. У вас здесь свое место, специально для таких тварей, нечего под ногами у господ путаться, глаза всем мозолить. Пошла!

Я вцепилась в руку Мелиссы, пока нас гнали вперед за решетчатое ограждение к баракам. Стражи щелкали плетьми и несколько раз кнуты обожгли наши ноги. Я видела еще нескольких женщин, которых подгоняли таким же образом и не могла понять почему после такого отношения к наложницам во дворце Аша здесь с нами обходятся, как с животными. Аш не мог не знать об этом и оставил меня одну. Внутри неприятно заныло и первые коготки страха сжали сердце.

— Давай, пошла, шлюха. Нечего оглядываться. Насмотришься еще, когда завтра будешь развлекать господ после турнира.

Нас втолкнули в помещения похожие на хлев и заперли снаружи. Я смотрелась и увидела еще десяток женщин, которые

жались к стенам. Их одежда отличалась от моей или одежды той же Мелиссы. Просто плащи и наши, и других женщин были покрыты толстым слоем пыли. Но если под ним, моя одежда была из тонкой шерсти с серебристыми нитями, так же, как и сапоги с дорогими пряжками, то их вещи ободранные, залатанные и скорее походили на тряпки рабынь, чем наложниц. Мы с Мелиссой переглянулись и сели в углу на солому. Ветер забивался в щели на стенах и песок на полу и соломинки.

Все молчали и мне казалось, что женщины смертельно напуганы, я чувствовала их страх кожей, постепенно он передавался и мне. Чем дольше я находилась в этом хлеву, тем страшнее мне становилось, особенно когда издалека доносился звук горна, музыки, хохот. Там снаружи явно шло приготовление к турниру.

— Готовятся к мясорубке, — тихо прошептала женщина слева от меня, и я повернулась к ней.

— Ты уже знаешь, что здесь будет?

Она засмеялась, как безумная и мне стало не по себе.

— Конечно, ведь я единственная кто выжил после прошлого турнира, хотя лучше бы я сдохла.

Она снова истерически захохотала, а я вздрогнула и сильнее сжала руку Мелиссы.

— Здесь будет много смерти и крови. Они сначала поубивают друг друга, покалечат эльфийскими мечами, а потом в честь победы пустят по кругу рабынь и затрахают их до смерти, и та, которая выживет, будет мечтать о смерти. Мы — мясо, дырки, которые привезли чтобы пустить в расход после того как демоны утолят свою жажду крови, они будут утолять жажду секса. Прилюдно драть нас всех на части под смех господ и самого Руаха Эша. Будь он трижды проклят.

Один раз я уже видела нечто подобное, мне хватило. К горлу подступила тошнота и я до хруста сжала пальцы Мелиссы.

— Я не рабыня, — тихо прошептала и судорожно сглотнула.

— А кто ты? Будь кем-то другим тебя бы здесь не было. Твой господин видимо решил, что ты ему надоела и привёз сюда, чтобы поделиться с другими демонами. Все мы мясо…все.

В этот момент дверь в хлев распахнулась и на пороге показался тот самый лысый надсмотрщик, который приказал отвести нас сюда. Он обвел нас взглядом, несколько раз задержав его на мне, а потом гаркнул:

— Пятерых я заберу сейчас. Воины хотят развлечься. Ты!

Указал на одну из девушек, и она расплакалась от ужаса, когда ее поволокли к выходу из хлева.

Каждый раз, когда он тыкал в них пальцем, его стражи

хватали женщин и выталкивали наружу или тащили сопротивляющихся по песку за волосы, швыряли на землю, как мешки и пинали сапогами.

— И ты! — надсмотрщик указал на ту самую женщину, которая рассказывала нам зачем мы здесь. Она покорно сделала шаг вперед, а потом с истерическим воплем бросилась на него, тот сбил ее с ног и схватив за шиворот поднял вверх на вытянутой руке. Женщина плюнула ему в лицо, и он…о Боже, он оторвал ей голову, на песок полилась черная кровь. "Вампир или ликан" подумалось мне и от тошноты все внутренности скрутило в узел. Но мне почему-то не было ее жаль, казалось, что она пошла на эту смерть добровольно. Теперь я уже не сомневалась, что женщина сказала правду. Нас всех ждет жуткая участь если она предпочла умереть. Внутри меня все заледенело.

— Ты. Вместо нее, — толстый палец уперся мне с грудь, — давай. Пошла!

В этот момент я услышала голос Мелиссы:

— Она не рабыня — это наложница Аша. Вы не…

Мужчина ударил Мелиссу наотмашь по лицу, и та упала в песок, я бросилась к ней, желая помочь подняться, но меня схватили за волосы и подняли вверх.

"Аш. Где ты. Аш!" — я позвала его про себя. Невольно. Словно пытаясь понять неужели, он действительно именно для этого привез меня сюда — отдать на потеху до или после турнира.

— Наложница, говоришь? — надсмотрщик захохотал мне в лицо, обдавая неприятным запахом изо рта.

— В это место не берут наложниц, только жен или рабынь. Зачем ему наложницы если тут есть кого трахать?

— На ней клеймо Аша, огненный цветок! — вскрикнула Мелисса, вытирая кровь тыльной стороной ладони.

— С каких пор демон клеймит своих шлюх?

Но в черных глазах промелькнула искра сомнения. Он резко рванул ткань на моем плече, и я тут же прикрыла голую грудь руками. В этот момент услышала оглушительное утробное рычание и физически ощутила, как застыла кровь в жилах надсмотрщика. Его рука разжалась, и я упала на колени. Внутри поднялась дикая волна триумфа — он нашел меня. Пришел за мной лично!

— Как ты смел тронуть мое?

Надсмотрщик судорожно сглотнул и от него завоняло диким ужасом, я даже видела, как на его лице заблестели капельки пота. Аш возвышался над ним как скала, как гигантское изваяние со сверкающими глазами и растрёпанными длинными волосами.

— Она была среди рабов, — заикаясь прохрипел

надсмотрщик, когда когтистая лапа Аша сжала его горло и лицо жертвы мгновенно посерело от ужаса и боли, хрустнули шейные позвонки.

— Ты слепой? Ты не видел ее одежду? Не видел, что она приехала верхом, а не в повозке для рабов?

Несколько секунд Аш смотрел на надсмотрщика.

— Я хочу, чтобы ты и правда ослеп за то, что смотрел на нее! За то, что смел тронуть то, что принадлежит МНЕ!

Тот задрожал, упал на колени.

— Умоляю! Не надо! Не надо, я не знал!

Он кинулся целовать сапоги Аша, сотрясаясь от рыданий, от мелкой дрожи первобытного ужаса, но демон отшвырнул его на несколько метров ударом носка сапога.

— Выбирай: слепота или смерть. Ты хочешь жить? Я прикажу снять с тебя кожу и повесить на арене. Ты провисишь там несколько суток пока вороны не склюют твое мясо и не выжрут гнилое сердце. Мы уедем отсюда, а ты все еще будешь висеть. Сдохнешь не скоро и в страшных мучениях. А так всего лишь вырвешь себе глаза. Выбирай!

Я с ужасом смотрела то на Аша, то на надсмотрщика. Вдруг Аш сгреб меня в охапку и накрыл своим плащом, прижал одной рукой к себе, и я перестала дрожать, чувствуя его сильное горячее тело. Страх исчез рядом с тем, кто должен был его порождать.

— Давай! — зарычал надсмотрщику и тот с диким криком выцарапал себе глаза, протянул окровавленные ладони с ошметками глазных яблок к Ашу.

Некоторые из рабынь согнулись пополам, их рвало от увиденного, а я лишь смотрела как орет и корчится на полу надсмотрщик. Его боль меня не тронула. Совершенно.

Аш одной рукой поднял меня за талию и вынес из хлева, я уткнулась лицом ему в плечо и обхватила сильную шею руками. Он пришел за мной. Пришел! Я позвала, и он пришел. Это была дикая эйфория, от которой меня бросало то в жар то в холод.

Аш отнес меня в просторные покои в правой части цитадели, поставил посередине комнаты. Несколько минут осматривал меня, потом сдернул с моих плеч свой плащ и тот упал на пол. Я увидела, как вспыхнул его взгляд опускаясь от моего лица к ладоням, прикрывающим грудь. Жадный, алчный взгляд от которого все тело пронизало током. Обжигающей волной от затылка, до кончиков пальцев на ногах.

— Опусти руки.

Я судорожно сглотнула, но подчинилась, медленно опустила руки. Моя грудь бешено вздымалась, а внутри поднималась волна жара. Аш обошел вокруг меня и остановился сзади, убрал мои

волосы на плечо, наклонился ниже и обжег дыханием затылок. Я зажмурилась, а потом почувствовала, как голой спины касаются кончики его пальцев. Горячие, очень горячие, они плавят кожу, заставляют начать задыхаться.

— Моя, — тихо шепчет он, — моя. Никто и никому. Моя.

От его хриплого голоса по телу пошли мурашки и соски напряглись до боли, до унизительного желания чтобы он коснулся их так же нежно, как и спины. Оказывается, ласкать можно даже голосом, когда он такой низкий и хриплый, когда от его порочной вибрации дрожит все тело. Его ладони накрыли мою грудь и сильно сжали. Аш прижал меня спиной к себе и ослабил хватку. Потер соски раскрытыми ладонями и мне захотелось жалобно застонать, я запрокинула голову невольно ему на плечо, закрывая глаза в изнеможении, пораженная этой внезапной лаской. Пытка продолжалась несколько секунд, а потом он резко развернул меня к себе лицом. Долго смотрел мне в глаза, и я растворилась в жидкой магме его зрачков, поплыла, теряя себя, впитывая свое отражение и жадный лихорадочный блеск дикой страсти:

— Ты могла меня позвать раньше, — едва слышно сказал он, сжав мое лицо пятерней и лаская нижнюю губу большим пальцем.

Моя голая грудь касалась материи на его перевязи, и я вздрагивала от сочетания ледяных прикосновений металла пластин и горячих пальцев к моему лицу и губам. От этого контраста хотелось громко застонать.

— Ты больше меня не слышишь, — прошептала в ответ и в этот момент его ладонь скользнула по скуле к затылку и сильно сжала мои волосы.

— Услышу, если ты этого захочешь. Позови сейчас.

Я смотрела ему в глаза и мое тело и разум отказывались мне подчиняться, со мной происходило нечто невообразимое. Меня лихорадило от его близости, низ живота начало непривычно тянуть и между ног стало влажно. Я начала задыхаться, не понимая, что со мной происходит, но волны желания накатывали одна за одной, накрывая с головой, пробуждая неконтролируемую жажду. Нечто первобытное, необъяснимое и такое порочное, что мне захотелось бежать без оглядки. От него, от себя. Предательски задрожали колени и в горле пересохло. Я облизала губы кончиком языка и увидела, как он проследил за ним. Сейчас его взгляд вспарывал все мои решения, всю мою ненависть и страх, обнажал то, что давно пряталось под всем этим. Унизительное желание его прикосновений. Не важно каких, пусть жестоких. Как можно хотеть того, кто чуть не убил тебя насилием?

— Позови, — прорычал мне в губы и сильно прижал к себе. Так что я почувствовала бедром его эрекцию, и вся кровь бросилась мне в лицо, между ног началась неумолимая пульсация, мне казалось я сейчас разорвусь на мелкие кусочки, если он меня коснется еще раз.

"Аш" — невольно прокричала внутри и желтые глаза удовлетворенно вспыхнули и погасли.

"Я испугался за тебя…не мог найти"

От этих слов мне показалось, что мое тело стало невесомым, я обмякла в его руках, а он внезапно выпустил и я пошатнулась, схватилась за перевязь, чтобы не упасть. Снова прижал к себе одной рукой, властно, по-хозяйски и в то же время с какой-то дикой жадностью.

— Ты будешь драться? — спросила очень тихо, стараясь сдержать дрожь в голосе.

Он кивнул медленно, осматривая мое тело и снова возвращаясь к лицу, его тонкие ноздри раздувались и дыхание участилось. А у меня дух захватило от этой порочной красоты. Дикой, необузданной, страшной красоты. Когда женщина безошибочно чувствует желание мужчины, когда оно отражается в каждом его жесте и взгляде, отдается ответной дрожью во всем теле, заставляя каждый нерв вибрировать от напряжения.

— Тебя не убьют? — спросила так же тихо. В этот момент пальцы снова сжали волосы на моем затылке:

— Если и так, тебе то что? Боишься за свою шкурку, рабыня?

Момент очарования исчез, и я дернулась в его руках чтобы освободиться, но он не выпускал. Сжимал настолько сильно, что у меня на глазах выступили слезы.

— Отвечай! Испугалась за свою жизнь?

— За твою, — выпалила я, мне казалось он снимет мне скальп, — за твою!

— Правильно! — рявкнул он и содрогнулись стены, — Пока цела моя шкура и твоя будет целой. Умная девочка, поняла правила игры, да? Так вот запомни — даже если я сдохну с тобой ничего не случится, ты получишь свободу. Я уже распорядился об этом. Все бумаги в Огнемае. А теперь молись своим человеческим Богам, чтобы меня сегодня зарубили, Шели. Сможешь вернуться домой!

Его глаза снова стали страшными, а по щекам расползлись сетки багровых вен. Не осталось лихорадочного блеска желания. Непроницаемый ледяной холод в диких глазах. Как жидкий азот, который замораживает обжигая. Аш разжал железную хватку от которой ломило все кости, и пошел к двери. Я все еще не поняла значения сказанных мне слов.

Набрав в легкие побольше воздуха, крикнула ему вслед и голос сорвался:

— Мелисса осталась там.

Дверь с грохотом захлопнулась, он даже не обратил внимание на мои слова.

Но через несколько минут я уже сжимала свою подругу в объятиях.

Глава 22

Наконец-то после долгого пути они достигли границы Северной крепости, величественной и непобедимой. Когда-нибудь она будет принадлежать ему. Он так решил. Возможно, даже после сегодняшних состязаний. Хотя произошедшее в дороге сильно уменьшило шансы на победу. Самые лучшие воины отряда Аша оказались неспособны продолжить дальнейший путь. А, учитывая то, что неизвестно, какой ядовитой дрянью были смазаны стрелы, он вполне мог лишиться их навсегда.

Паршивое настроение. Впрочем, как и обычно, когда ему предстояла встреча с отпрысками отца. Высокомерные холёные твари, умело плетущие свои грязные интриги против любого, кто на их взгляд мог пошатнуть власть каждого из них. Интриги прежде всего против него. Хотя, рождённые от одной женщины, тем не менее, они ненавидели друг друга почти так же сильно, как и презренного байстрюка от смертной рабыни.

Времени переодеваться и привести себя в порядок после пути не осталось. Он должен был появиться лично перед Руаха Эшем до начала зрелища. Они итак опоздали.

Аш зашёл в огромный зал, наполненный демонами первого ранга. На возвышении находился трон и на нем восседал отец в окружении своих высокородных сыновей, о чём-то негромко споривших, а также Сеасмила, молчаливо поглаживающего бороду.

В зале мгновенно смолкли все разговоры, воцарилось едкое напряжение при его появлении. Ни слова, ни лишнего вздоха. Только многозначительные переглядывания. Аш прошёл сразу к трону и, припав на одно колено, опустив голову, приветствовал отца.

— Моё почтение, Повелитель!

— Абигор! — Тихий голос Руаха Эша шелестом разошёлся по помещению, отталкиваясь от серых стен. — Встань. Ты задержался.

Аш выпрямился перед Повелителем, не обращая внимания ни на ухмылку Лучиана, ни на сузившиеся глаза Асмодея.

— Недалеко от столь безопасной, — он выразительно посмотрел на Асмодея, — Северной крепости, Повелитель, на мой отряд напали эльфы. Пришлось сделать вынужденный привал.

Руаха Эш молча кивнул и встал со своего места.

— Совет назначен на завтра. — Сообщил он перед тем, как спуститься по ступеням вниз и пройти к выходу из зала в сопровождении Чанкра, намеренно не одарившего байстрюка

даже взглядом. Аш мысленно усмехнулся строптивости старика, всем своим видом демонстрировавшего насколько его задел их последний спор.

— Вы только посмотрите, не испугался наш байстрюк. Всё-таки явился. — Берит с ехидной улыбкой подошёл Ашу. — Лучиан, как видишь, я был прав. Так что, братец, буду ждать трёх твоих лучших наложниц по возвращении домой.

Аш скрестил руки на груди, не желая сейчас показывать всё раздражение, которое вызывали в нем братья. Слишком много чести. С них хватит и того что он стит здесь в пыльном плаще, а очень скоро будет драться вместе с демонами низшего ранга за право получить Крепость.

— Да уж…,- Лучиан обошёл вокруг Аша, демонстративно рассматривая с ног до головы его одежду, ещё покрытую толстым слоем грязи и песка, — из-за этого убожества я лишусь самых дорогих своих наложниц.

Аш презрительно фыркнул, возвращая ему уничтожающий взгляд:

— А зачем тебе они, Лучиан? Или твои мальчики перестали удовлетворять тебя? Да, ты, наверное, и не вспомнишь сейчас для чего нужны женщинам дырки между ног? — Лучиан остановился, прищурившись и сжав руки в кулаки. — И если ты считаешь, что у них там болтаются яйца, то ты сильно удивишься.

Асмодей втиснулся между ними:

— Я думаю, что вы можете поделиться своими предпочтениями в другое время. Совсем скоро начнутся сражения. И тебе, — он повернулся к Ашу, — если я не ошибаюсь, придётся в них поучаствовать. Так ведь?

Сучий потрох! Всегда отличался от остальных своих братьев умением мастерски унизить, одним словом вывести из себя, поставив на место любого. Он был намного хитрее Берита, извращённее Лучиана и кровожаднее Аонэса. Как собрание самых худших пороков тех троих, так высоко ценившееся на землях Мендемая.

* * *

Аш вышел на арену только с одним желанием: убивать. Он как и всегда жаждал смерти. Неважно чьей, но чем больше, тем лучше. Демон бы с радостью умылся кровью всех этих тварей, с жадностью наблюдавших сейчас за его боем. Многим из них не нужны были ни Северные земли, ни зрелищные сражения. Они пришли сюда выслужиться перед Руаха Эшем. Привычное

хладнокровие испарялось так быстро, что Ашу казалось он взорвется от ярости. Потеря контроля. Лишний фактор, который может помешать победе.

Жалкие прихвостни его братцев, неистово жаждущие увидеть его поражение. Они не отводили взгляда с места ристалища, подавшись вперёд и алчно следя за ходом боя. Так же, как и Асмодей, сидевший рядом с отцом и нашёптывающий что-то Повелителю. Он бросил на Аша насмешливый взгляд, и тот отсалютовал ему мечом, в последний момент успев уклониться от удара одного из воинов Берита.

Аш не мог сосредоточиться на бое, он думал о том, что произошло несколько часов назад И, как всегда в последнее время, внутри клокотала ярость при мыслях о ней…ШелИ… Ярость, отнимающая способность мыслить хладнокровно и здраво, не позволяющая продумывать шаги наперёд, как он привык. Такую ненужную в другое время, сейчас Аш приветствовал её с охотой и готовностью. Потому что хотел выплеснуть всю злость, накатившую за день, на демона, вытанцовывавшего перед ним свой последний танец. Он еще не знает, что через секунду Аш будет держать его отрубленную башку за волосы, а потом швырнет ее в разгоряченную боем толпу.

Перед глазами неожиданно возник образ ШелИ в изодранном платье, дрожащей, прикрывающей хрупкими руками обнажённую грудь. И грязной твари, удерживавшей ЕГО собственность в своих вонючих лапах. В тот момент желание накинуться на него и мучительно долго раздирать кожу на сотни тысяч мелких ошмётков едва не сбило с ног. Наблюдать, как он корчится под когтями Аша в жуткой агонии боли и страха, унизительно умоляя о пощаде. Но времени не было совсем, и потому надсмотрщик остался только без глаз за то, что посмел увидеть вещь, принадлежащую только Ашу. Почему-то мысль, что кто-то другой может просто увидеть её обнажённой больно обжигала изнутри, ещё больше воспламеняя его ярость и вынуждая желать мучительной агонии ублюдка. Но в Мендемае лишиться зрения равносильно смертному приговору с небольшой отсрочкой приведения его в исполнения. Аш бы не удивился, если окажется, что уже к этой минуте надсмотрщик лишился своей гнилой души и валяется в какой-нибудь выгребной яме.

Когда Аш услышал её зов, полный паники, то остановился, как вкопанный посреди двора. Она никогда раньше его не звала. Голову будто сжали металлическими тисками, когда её дикий ужас коснулся его сознания. Бросился к правому крылу крепости, но не нашёл там даже её запаха. Он побежал в сторону загона для

рабынь, уже понимая, что могло произойти. Сердца как будто осторожно коснулись колючие ядовитые щупальца. С каждым днём они становятся всё более цепкими, вгрызаются намного глубже, причиняя демону непривычный дискомфорт. Это непонятное раньше чувство вины…Нужно было приказать поселить её в женской половине крепости, а не оставлять возле конюшни. Мысленно встряхнул себя, какого дьявола он должен заботиться о ней? Она всего лишь вещь. Да, необычная для здешних мест, довольно экзотическая и манящая, но вещь. Не более того.

Пусть даже она и вызывает непонятные эмоции, которые будоражат сознание, заставляя совершать неуместные, лишние поступки. Она то притягивает к себе призывным блеском синих глаз, то с отвращением отталкивает, стоит лишь прикоснуться к ней. То буквально тает, выгибаясь навстречу его рукам, то дрожит от неуправляемого ужаса, когда ему уже хочется куда большего. И это злило больше всего. Иногда казалось, что тихие стоны и неуверенные ласки — всего лишь игра, призванная задобрить зверя, не разъярить его. Видимо, до сих пор сказывается тот разговор с Ибрагимом. Но только до тех пор, пока Аш не решит предъявить на неё свои права. Потому что тогда она оказывается бессильной перед собственным страхом, распахивая глаза, наполненные ожиданием боли, когда он уже подыхает от бешеной потребности ворваться в её тело и исторгать из неё стоны.

Как, например, сегодня, когда Шели с затаённой надеждой спросила, возможно ли, что его могут убить на состязаниях. Спросила в тот момент, когда член уже стоял колом, требуя немедленной разрядки. Испугалась за свою жалкую никчёмную жизнь. Трусливая дрянь. Такая же, как и все остальные наложницы. Только играет по другим, пока по непонятным для него правилам. Аш оставил её одну в покоях и вышел прочь, приказав попутно, чтобы к ней доставили её рабыню. Ещё одна уступка в угоду той, кто не заслуживал вообще ничего кроме удовлетворения его потребностей…которые она и не думала удовлетворять. И за это Аш ненавидел её ещё больше. За то, что уступал. За то, что настолько осатанел от мысли, что она низменно мечтает его смерти, что не взял её там же, в наказание. За то, что, вышел от неё и безжалостно имел до смерти других рабынь, наслаждаясь смешавшимися потоками их слёз и крови, раздирая в клочья их мясо, а не её! Упиваясь не её, а их истошными воплями и мольбами о смерти.

Аш сделал резкий выпад вперёд, соперник не ожидал подобного, упал на одно колено, но всё же успел в последний момент подставить свой меч под удар меча байстрюка. Лязгнула

сталь, и Аш отпрыгнул в сторону, когда противник попытался достать его ногой. Быстрый взгляд на трибуны, и снова негодование на самого себя. Почему он намеренно ищет её в толпе зрителей? Это просто свет проклятых волос притягивает к себе даже против воли. Такие яркие, серебристые, как нечто греховно-запретное в Менемае. Свет в Аду. Извращенная насмешка над кровавой грязью и пороком этого места. То, чего здесь никогда не должно было появиться.

Зрители оглушительно взревели, и Аш молниеносно развернулся к противнику, отражая атаку. Он процедил сквозь зубы, с ненавистью разглядывая лицо Аша:

— Ты, жалкий ублюдок смертной шлюхи. Я снесу тебе голову!

Оттолкнул со всей силы и ринулся в нападение, уже не думая о том, что эти слова- всего лишь попытка разозлить и заставить лишиться контроля. В любом случае, он добился желаемого. Аш яростно наносил одну атаку мечом за другой, противник был очень силён, но левой рукой работал не так хорошо, как правой. Совсем чуть-чуть, но Ашу этого хватило, чтобы ранить его.

Засмеялся, глядя в удивлённые глаза воина Берита, и сам пропустил меткий выпад. Грудь обожгло адской болью, будто разорвавшей её изнутри на сотни частей, и единственное, что Аш успел — это из последних размахнуться и снести тому голову. Из его шеи фонтаном хлынула чёрная кровь, заливая арену, а голова, отделённая от тела, откатилась на несколько метров.

Силы покинули тело резко, глаза выцепили испуганный взгляд ШелИ, в отчаянии закрывшей рукой рот, будто в попытке сдержать крик, и он упал на горячий песок, почти такой же обжигающий, как и боль внутри, разливавшаяся по венам, словно яд.

Я смотрела как Аш падает на залитый черной кровью песок, и мне казалось это происходит очень медленно. Настолько медленно, что я успела заметить, как он посмотрел на меня, как сначала его волосы коснулись песка и лишь потом удар щекой и огненные глаза закрылись. Я видела, как разлетаются в разные стороны брызги его крови от мощного удара противника мечом в грудь. В эту секунду мне показалось, что яркая сталь полоснула меня саму и я прижала руку к своей груди в том же месте. Все ахнули и повскакивали с мест, я вцепилась в перила, несколько секунд смотрела на него, а потом бросилась вниз, сломя голову, спотыкаясь о чьи-то ноги.

Когда я выскочила к арене, Аша уже уносили на носилках и мне не дали к нему приблизиться, стражи оттеснили всех назад. Я видела, как свисает с носилок его рука и по пальцам стекает

кровь, капая на землю. Я выбежала с другой стороны арены, отыскивая взглядом рабов с носилками. Нашла, приподнимая длинную юбку взбежала по ступеням.

Аша занесли в спальню и там уже столпился народ. Я увидела старика с длинной белой бородой. Сеасмила. Того самого, который так яростно желал моей смерти, он меня даже не заметил. Все были заняты раненым демоном. Я затаилась у двери, прижав руки к груди, чувствуя, как внутри поднимается волна отчаяния, как становится трудно дышать от дикого ужаса. Но ведь демоны так просто не умирают. Они бессмертны. Или я чего-то не знаю? Я вообще ничего не знаю об этом проклятом мире, об этом мужчине…даже о себе. О своей роли в его жизни тоже не знаю.

Я слышала голоса, но за широкими спинами стражей ничего не видела. Мне до боли хотелось растолкать их всех, чтобы самой убедиться, что он в порядке, но сейчас это было невозможно. Я только услышала, как тот самый маг тихо говорит на языке Мендемая:

— Рана смертельна. Видимо лезвие было пропитано ядом. Не знаю какого происхождения. Пока буду искать ответы, он уже умрет. Мне очень жаль, Повелитель, твой сын мужественно сражался и погиб в бою, как великий воин.

— Как великий воин? — голос кого-то невидимого оказался очень мощным, настолько оглушительным, что задрожали каменные стены.

— Моего сына отравили и как только я найду кто это сделал его будет ждать страшная смерть.

— Аш отрубил голову своему противнику прежде, чем яд поразил его органы. Свидетель мертв, мой Повелитель.

— Ты точно ничего не можешь сделать, Сеасмил? Я дам все что тебе нужно. Любые зелья, любые условия. Поставь его на ноги.

— Он умрет через сутки. Не будь его организм таким сильным, то умер бы через пару часов. Не зная природу яда, я не могу дать противоядие. Пока буду изучать потеряю время. Но я конечно же приложу максимум усилий. Просто хочу, чтоб вы не надеялись. Скорей всего это конец и можно объявить траур по всему Мендемаю.

Мне показалось, что внутри меня все остывает. Такой вселенский холод от кончиков пальцев, до кончиков волос охватил все мое тело. Мне казалось, что я задыхаюсь, мне смертельно холодно от одной мысли, что демон может умереть. Сейчас. Сегодня. Это было не просто отчаяние, меня накрыло паническим ужасом. Тем самым сумасшедшим страхом потерять, от которого земля уходит из-под ног.

Раздался громкий стон, и я сама тихо застонала, кусая губы.

— Мой сын будет страдать от мучительной боли, умирать у меня на глазах, и ты ничего не сделаешь? Облегчи его страдания, Сеасмил! Сделай хоть это!

— Ты знаешь, что я не умею забирать боль. Я могу лечить, а страдания — это часть жизни. Пока ему больно — он жив.

Аш снова застонал, и я не знаю откуда у меня взялись силы растолкать стражей, Меня пытались сдержать, схватив за волосы, за шкирку, не впуская в покои.

— Я могу забрать боль!

Закричала так громко, что фигура в длинном черном плаще незамедлительно повернулась ко мне. Я судорожно сглотнула, когда зоркие огненные глаза впились в меня пронзительным, уничтожающим взглядом. Уже поздно было отворачиваться я смотрела прямо в бездну. В пепелище Ада. От ужаса сковало все тело. Как под гипнозом.

— Кто такая?

Он молниеносно оказался возле меня, замершей в руках стражников. Тронул мой подбородок и мне показалось, что от дикого ужаса я не могу произнести ни слова.

— Падшая, — тихо сказал Руах Эш, — та самая, которую сын притащил с последнего похода против Эльфов. Отпустите ее.

Руки стражей разжались, и я рухнула на пол к ногам Повелителя всего Мендемая. К ногам отца Аша.

— Встань!

С трудом поднялась с пола, Руах посторонился, и я увидела Аша на постели, накрытого черной простыней. По его телу пробегали судороги, а лицо исказила гримаса боли. Он ловил пересохшими губами воздух и по его коже пробегали огненные нитки вен. Аш дрожал, по бледному лицу струился холодный пот, который дымился, испаряясь от горящей жаром лихорадки, кожи. В эту секунду я забыла обо всем, бросилась к постели и склонилась над ним, сжала невольно его руку. Так сильно сжала, что у меня самой заболели пальцы.

"Аш…ты слышишь меня? Чувствуешь меня?"

Отчаяние захлестывало с такой силой, что мне хотелось орать, но я не могла издать ни звука. А потом меня окатило волной, изматывающей дикой волной его боли. Она впиталась в каждую пору на теле, через кожу, потела по моим венам, заставляя задыхаться от приступа ослепляющей агонии. Я впилась в руку Аша и, кожа под пальцами задымилась, а я не выпускала, держала сильнее. Я видела, как Аш перестает дрожать, как затихает, как разглаживается его лицо.

"Да…отдай ее мне. Отдай всю. Не сопротивляйся"

— Шели, — едва слышно, но я услышала.

— Что он говорит? — голос Повелителя отозвался эхом под сводами комнаты.

— Не знаю. "Моя"…бредит наверное, — фыркнул Сеасмил, а я склонилась к Ашу.

"Я здесь…никуда не уйду. Ты меня чувствуешь. Я знаю"

— Шелли…, - снова тихий шепот, как шелест.

Я обессиленно сползла на пол у кровати, чувствуя, как сама покрываюсь каплями пота. Как дрожат мои руки.

— Уберите эту девку. Она здесь ни к чему. Где это видано, чтоб наложницы сидели у ложа умирающего воина-демона! — голос Сеасмила эхом отозвался в голове…но у меня не было сил даже посмотреть на него, я лишь перевела взгляд на Руаха.

"Позвольте остаться…"

Как сквозь туман заметила, что стражи двинулись ко мне, но властный голос Повелителя остановил их.

— Как тебя зовут, Падшая?

— Шели, — едва слышно ответила я и взгляд Руаха Эша вспыхнул, он прищурился, несколько секунд вглядываясь в мое лицо, а потом громко сказал:

— Не трогать. Пусть остается. Всем выйти вон. Сеасмил займись поисками противоядия.

Через какое-то время в комнате никого кроме меня и Мелиссы не осталось. Время шло, а я так и сидела у его постели, настороженно всматриваясь в бледное лицо. От бессилия хотелось заламывать руки, метаться по комнате, но я все же заставляла себя успокоится чтобы не пропустить тот момент, когда его черты снова исказит гримаса боли…ведь я смогу забрать ее. Приподняла край простыни и мучительно застонала, увидев страшную, гниющую рану.

"Яд неизвестного происхождения"

"В тебе, инкуб, пять стрел и каждая смазана какой-то дрянью, еще пока не известной мне, но ты выбыл из строя и скажи спасибо, что не сдох"

Я приподняла голову и задохнулась от пронизавшей меня мысли. Яд. Это может быть тот же самый. Как на стрелах. И если это так, то Веда уже нашла противоядие. Веда! Да!

Я выбежала из покоев, озираясь по сторонам и в отчаянии понимая, что мне даже не с кем поговорить, а время идет. Отсчитывает свой неумолимый бег. Отнимает у него каждую секунду жизни.

Я бросилась вниз, помчалась к конюшням, не чувствуя, как снег бьет меня по щекам, как пронизывает холодный ветер. Стражи преградили дорогу, скрестив копья и я в отчаянии

попятилась назад. Господи! Меня даже не выпустят за ворота. Кто я? Никто. Жалкая рабыня, наложница.

Несколько секунд смотрела на стражей, а потом услышала ржание Люцифера. Он почувствовал меня. Не прошло и нескольких минут, как двери в конюшню разлетелись в щепки, и Люцифер сбил стражей с ног, высекая искры из-под копыт, склоняясь передо мной. Я вскочила верхом и натянула поводья, пришпорила коня и тот помчался галопом к ограде. Я зажмурилась и вцепилась в жесткую гриву, когда конь взял это невероятное препятствие, пролетая над рвом с кипящей магмой. Люцифер мягко приземлился по другую сторону, из-под копыт взметнулся столп огненных искр. Я оглянулась назад и снова пришпорила коня. Дороги не видно совершенно. Поднялся снежный ураган, застилая весь обзор. Проклятая природа, проклятого места. Всё "против" и ничего "за". Одно за другим. Одна полоса чернее другой. Один круг Ада сложнее предыдущего и так до бесконечности. Конь мчался так быстро, что у меня свистело в ушах и дух захватывало. Казалось он сам знает дорогу.

Как же я заблуждалась, считая адом то, что уже успела пережить. Ад только начинался. Мой личный персональный квест из дикой физической боли, которую нужно вытерпеть или сдаться. Мое плечо. Оно начало возгораться, как только я отъехала на приличное расстояние от цитадели. И с каждым шагом Люцифера плоть воспламенялась сильнее, загорелся рукав платья, кожа вздувалась пузырями. Я кусала губы до крови, рыдала и стонала, но не разворачивала Люцифера обратно. Несколько раз он замедлял ход, но я пришпоривала его снова. Чувствуя, как плоть лопается, и кожа слазит с руки, я хрипела от адской боли, но остановиться не могла. Тот, кого я оставила там, в проклятой цитадели, умрет, если я не вытерплю. Если не доеду. Его просто не будет. А буду ли я без него? Что останется от меня? Он говорил, что я получу свободу. А нужна ли она мне? Теперь?

Люцифер ворвался в виштy и я повисла на его крупе, когда заметила, что Веда и Фиен бегут мне навстречу. Ведьма бросила взгляд на пылающую плоть, на мое бледное лицо.

— Яд…, - прошептала я, потрескавшимися губами, — Аш… умирает. Нужно …противоядие. Немедленно.

Веда подошла ко мне и положила руки мне на голову.

— Впусти милая. Впусти, — прошептала она. Не было времени рассказывать, а от боли я уже теряла сознание. Почувствовала, как паутина обволакивает изнутри, как становится горячо и словно что-то вторгается в мои мысли. Очень мощное, но не злое. Я закрыла глаза, прислонившись щекой к гриве Люцифера. Вскинула голову, когда услышала голос Веды:

— Фиен. Давай. В Северную крепость. Сейчас.

Почувствовала, как кто-то еще вскочил на Люцифера и обхватил меня стальными руками, укутывая в свой плащ, согревая, пришпорил коня.

* * *

В покои Аша Фиен внес меня на руках, осторожно положил в кресло. Цветок перестал сжигать мою плоть, но рука и так обгорела до мяса. Я сквозь туман смотрела как Веда крутится вокруг Аша, как смазывает его раны, что-то шепчет и водит руками над его головой, а потом вливает ему в рот темную жидкость из склянки. Силы покидали меня, глаза закрывались, но я не могла себе позволить заснуть или потерять сознание. Фиен чуть приподнял меня за плечи и посмотрел мне в лицо:

— Ты спасла ему жизнь, Серебрянка. Ты это знаешь?

У меня перехватило дыхание, и я впилась пальцами в руки Фиена, вскочила с кресла, и встретилась взглядом с Ведой. Она улыбалась, а потом тихо сказала:

— Вовремя, девочка. Как же вовремя. Он будет жить. Живучий твой демон, ох какой живучий. Борется с ядом, как и со своими врагами. Аш никогда не проигрывает в бою. И этот он тоже выиграл.

От облегчения по моим щекам покатилась слезы, я прижала руки к лицу. В этот момент мне казалось, что все силы иссякли, словно их хватило ровно до того момента, как Веда сказала, что он будет жить.

— Зачем нам свобода, когда без того кто ее отнял мы пленники собственной агонии? Потом будешь на него смотреть, сколько твоей душе угодно. Дай я займусь твоей рукой.

Веда осторожно подтолкнула меня к креслу и когда она тронула воспаленную кожу, пытаясь отодрать куски ткани, я скривилась от боли, но не издала ни звука.

— Очень сильный ожог. Далеко ушла. Будет заживать долго. Такова роль клейма Хозяина. Причинить максимум страданий беглому рабу. Чтобы запомнил и никогда не сбегал.

Я закрыла глаза, позволяя прохладным пальцам Веды наносить мазь мне на горячую плоть. Постепенно становилось легче, невыносимое жжение утихало.

— Со временем забудется, может останутся шрамы от ожогов. Если раба продают по этим шрамам видно насколько он строптив.

Как только она закончила перевязывать я, едва ступая на негнущихся ногах, подошла к постели Аша, села на краешек и

склонилась, всматриваясь в его лицо, покрытое капельками пота. Смахнула их с его лба тыльной стороной ладони, не удержалась и провела пальцами по скуле, волосам. Сейчас я могла смотреть на него часами, не боясь, что он откроет глаза и испепелит меня презрением. Позволяя своим собственным эмоциям рваться наружу, осознавая насколько сильно я боялась, что он уйдет от меня туда, откуда не возвращаются. Ещё несколько недель назад я даже не предполагала, что мысль об этом может повергнуть меня в дикую панику, истерику, в шоковое состояние. Я вообще не осознавала, что чувствую к нему. Даже сейчас, глядя на него я не понимала, что меня влечет к моему же палачу с такой силой, что я не могу сопротивляться. Влечет к его смертоносным рукам, влечет в его жестокие объятия, вызывая жажду хоть мимолетного прикосновения, которое может принести боль. Это ненормально. Я сумасшедшая. Но разве можно сопротивляться? Ведь он совершенен. Даже такой истерзанный болью, бледный, с темными кругами под глазами и осунувшимся лицом, измучанный и такой…настоящий. Сейчас. В момент, когда слабый и беззащитный.

"Зачем мне свобода, если я хочу быть рядом с тобой? Зачем она мне, если я хочу чтобы ты жил и дышал….Мне не нужна эта свобода, Аш…мне нужен ты. Немного твоей нежности, ничтожно мало. Крупицу нежности, если бы ты смог, и совсем немного любви…если бы ты умел любить, так, как я тебя люблю"

Я положила голову на его подушку и закрыла глаза, накрыв руку демона своей. Сама не заметила, как провалилась в сон или беспамятство. Когда открыла глаза в комнате уже никого не было. Даже Веды. Сейчас я понимала, что не помню, как мы вернулись обратно. Не помню, что говорила и делала ведьма, не помню совсем ничего, только боль: как физическую, так и моральную, а еще дикий страх, что мы не успеем. Я приподнялась и посмотрела на Аша. Казалось он спит. Кожа приобрела обычный золотистый оттенок, который так поражал меня еще с первого взгляда на этого дьявола. Другие демоны белокожие, прозрачные, а он как огонь. Мощный, живой. Жидкая ртуть, под лоснящейся кожей, бугрящейся мышцами. Его дыхание выровнялось. Я не удержалась и коснулась губами скулы — горячая кожа, но не пылающая, как несколько часов назад. Вдохнула его запах и в наслаждении закрыла глаза, потерлась щекой о его щеку, снова коснулась губами. Очень осторожно, стараясь не разбудить. Это так запретно касаться его …так как хочется мне, не боясь быть отвергнутой, не боясь, что оттолкнет. Скользить кончиками пальцев по ключицам, по его плечу и бицепсам, чувствуя, как под моими пальцами рельефно выделяются мышцы. Наслаждаться

каждым прикосновением, трогать старые шрамы, татуировки. С диким восторгом впитывать запах его кожи, запутываться пальцами в длинных волосах, убирая их с его лица и груди. Те самые прикосновения, которые отличают его от меня. Человеческая ласка…то что может дать безумно влюбленная смертная женщина и никогда не даст равнодушный, жестокий демон. То, что я могу дать ему и он никогда не даст мне — любовь. Даже больше, ему не нужна и моя.

Приподняла голову и замерла — ярко зеленые глаза смотрели прямо на меня, не моргая. Я хотела отпрянуть, но рука демона легла мне на спину и удержала.

— Что такое нежность?

Совершенно серьезно спросил он и мое сердце забилось в десять раз сильнее от звука его голоса.

— Что такое любовь?

И я перестала дышать, понимая, что демон слышал все мои мысли.

Глава 23

Аш сел на постели. Он даже не поморщился, когда на повязках выступили пятна крови, но перехватил мой взгляд, когда я взглянула на бинты и судорожно выдохнула, вспоминая жуткую раскрытую до мяса рану с черными краями. Демон просто смотрел на меня, чуть прищурившись, опираясь на край кровати. Казалось, что рана его совершенно не волнует и он не чувствует боли, но выступившая кровь говорила об обратном…о том, что возможно разошлись нитки, которыми его зашивала Веда. Он ждал ответа, а я не знала, что сказать. В моем мире это само собой разумеющиеся истины, их не нужно кому-то объяснять, они заложены в подкорке мозга лаской и любовью матери. Я смотрела в зеленые глаза демона и мне казалось, что время совершенно остановилось. Это тот самый момент, когда вокруг возникает вакуум, он окружает тебя саму со всех сторон и ты видишь и слышишь только что-то одно. То самое, которое важнее всего в эту секунду, минуту, час. Для меня был важен он. Его голос, его взгляд и то что остался жив. Эйфория. Именно это я чувствовала. Дикое наслаждение понимать, что я смогла выдернуть его из лап смерти. Я стояла совсем рядом. Неожиданно Аш привлек меня к себе, схватив за руку чуть повыше локтя.

Смотрю на него сверху вниз и все равно кажусь себе маленькой, растерянной и совершенно беспомощной. Как и всегда рядом с ним. Без пути к отступлению.

— Так, что такое нежность, Шели? Расскажи мне.

Он требовал от меня ответы на те вопросы, которые мне никто и никогда не задавал. Я протянула руку и коснулась его щеки, тут же одернула пальцы, но Аш все так же, не моргая, смотрел мне в глаза, и я тронула снова. Едва касаясь провела от по щеке, подбородку, разворачивая ладонь тыльной стороной, обвела контур его губ, коснулась плеча и тихо прошептала:

— Это нежность.

Никакой реакции не последовало, но едва я убрала руку, он перехватил ее и вернул к себе на щеку, я судорожно сглотнула и провела по скуле большим пальцем, наслаждаясь гладкостью его кожи. Тронула его волосы, перебирая их, не разрывая зрительного контакта. Меня затягивало в зеленый омут с такой силой, что мне казалось я загипнотизирована этим взглядом. Мне не верилось, что я это делаю, то, что было совершенно невозможным всего лишь минуту назад, вдруг превратилось в реальность. Самые простые прикосновения стали мистикой, волшебством, чем-то особенным и воплотившимся, как несбыточная надежда.

Аш резко приподнял меня за талию и усадил к себе на колени. Я смотрела в его глаза, потом перевела взгляд на ровный нос, на губы, которые сейчас так близко. У него идеальные губы. Они кажутся мягкими, очень сочными, капризными. И я помню их вкус. Красота, которая убивает, раздирает на части если сделать хоть одно неверное движение.

Мне казалось, что я не могу дышать, слишком близко к нему, слишком опасно, учитывая скорость смены его настроения. Я не знала, чего Аш хочет, о чем думает. Не вызовет ли в нем ярость, то что я сказала и то что я сделаю?

— Ты ранен, — прошептала, не сводя взгляда с его губ.

— Это мешает тебе показать, что такое нежность?

Рука на моей спине прожигала кожу сквозь платье, вызывая лихорадку, как от холода, только наоборот. Я наклонилась еще ниже и коснулась губами его губ. Он подался вперед, и я отпрянула. Аш откинулся назад, продолжая одной рукой удерживать меня за поясницу, а другой опираясь на постель, и я поцеловала его снова, скользя губами по горячим губам демона. Почувствовала, как по его телу прошла дрожь, но он не шевелился. Замерла и услышала властное:

— Еще.

С недоверием посмотрела в потемневшие глаза и снова поцеловала, осмелела, обхватила губами его нижнюю губу, провела по ней языком, наслаждаясь гладкой мягкостью и сочностью. Он вздрогнул, а я отпрянула, чувствуя, как сердце бьется прямо в горле, как слабость, страх, удовольствие охватили всю меня, и я задыхаюсь от избытка эмоций. Его рука с моей спины переместилась на затылок, и он привлек меня к себе, жадно набросился на мой рот, сжимая шею стальными пальцами, кусая, сминая, подавляя и отнимая весь контроль. Я замерла, и он замер, ослабил хватку на моем затылке. Губы в дюйме от моих губ. Коснулась снова и он ответил, повторяя мой поцелуй, проникая языком мне в рот, очень медленно, скорее вторя моим действиям. Вся моя кожа покрылась мурашками, мне казалось, что меня разрывает на кусочки от диких непонятных, но очень ярких эмоций. Я осмелела еще больше и зарылась пальцами в его жесткие волосы, сжимая, перебирая, притягивая его к себе. Лаская мощную шею, плечи. Мне кажется или он дрожит? Провела ладонью по сильной спине и почувствовала влагу. Невольно коснулась ладонью его лба, и он удивленно посмотрел на меня.

— Жар прошел, Веда сказала…

— Еще

По телу прошла волна тока от этой просьбы, которая

походила на приказ, но все же это просьба, потому что его глаза по-прежнему ярко зеленые, как цвет мокрой листвы. Я снова погрузила пальцы в его волосы, чувствуя, как он сжимает мою талию обеими руками, привлекает ближе к себе. Жадно провела ладонями по его плечам, груди, избегая касаться повязок. Познание тела в прикосновениях. Я впервые касалась его именно так. Наклонилась и прижалась губами к его шее, вдыхая запах, скользя поцелуями по бархатной коже, снова вверх к подбородку, к его губам. Все смелее и смелее, целуя его глаза, обхватывая лицо ладонями, подалась вперед и услышала тихий, хриплый стон. Остановилась, чувствуя под собой, каменную твердость его плоти. Аш вдруг перехватил мои руки и опустил их. Несколько секунд продолжал смотреть мне в глаза, а потом сам коснулся моего лица кончиками пальцев, обвел скулу, скользя по шее, ключицам спускаясь к груди. Я начала задыхаться, совершенно неожиданные от него ласки, от которых у меня закружилась голова и пересохло в горле. Он обхватил мою грудь ладонями, лаская соски большими пальцами через материю платья, удерживая мой взгляд и я погружалась в огненную магму, сгорая заживо медленно и мучительно.

Аш потянул за тесемки на корсаже, и я судорожно сглотнула, когда ткань сползла с плеч, цепляясь за туго сжатые от возбуждения кончики груди. Я попыталась натянуть платье обратно, но он сильно сжал мое плечо, а потом сдернул повязку. Аш смотрел на ожоги от цветка. Долго смотрел, внимательно, словно изучал, а потом снова мне в глаза, слегка прищурился и спросил:

— Зачем?

— Смерть — это навсегда. Это страшно.

— Тебе было страшно?

— Потерять. Потому что я хочу видеть, слышать и чувствовать, что ты жив. Всегда.

— Свобода? — вздернул вопросительно бровь.

— Я не хочу свободу.

Когда его пальцы снова коснулись уже обнаженной кожи, я закрыла в изнеможении глаза.

— Смотри на меня, Шели.

Посмотрела и вздрогнула, когда увидела, как темнеет его взгляд, превращаясь из плавленого золота в горячие раскаленные, оранжевые угли. Ладони демона заскользили по моим ногам, задирая подол платья, поднимаясь к бедрам, лаская властно, уверенно, вызывая утонченную дрожь во всем теле. Я нервно подалась назад, но он удержал за поясницу и склонился к моей груди, обхватывая сосок губами, обвел его языком и слегка

прикусил. Я жалобно застонала и почувствовала, как дернулась подо мной его плоть в ответ на стон. Другая рука демона медленно скользила по моему животу, ниже, к широко разведенным ногам и когда пальцы коснулись моего лона сердце забилось с такой силой, что стало больно в груди. Аш потянул меня за волосы, заставляя прогнуться и запрокинуть голову назад, его губы и язык обжигали мою кожу, поднимаясь вверх, к ключицам, шее, подбородку, захватывая и покусывая, оставляя влажные следы, пока не набросился на мой рот, проникая в него языком, быстро, голодно, яростно и одновременно касаясь кончиками пальцев влажной плоти внизу. Всхлипнула ему в губы и услышала тихое рычание. Я готова была разорваться на части от сумасшедших ощущений и нахлынувшего первобытного желания получить больше. Неконтролируемая страсть, на уровне инстинктов, на уровне самой дикой потребности тела. Ответила на поцелуй, впиваясь в его волосы, подалась вперед бедрами к его пальцам. Аш вдруг оторвался от моих губ и серьезно прошептал:

— Нежность…, - провел языком по моим дрожащим губам, — ты ее хотела.

Его пальцы творили со мной немыслимое это была мучительная пытка, от которой я сошла с ума. Они доводили до самой грани безумия и не давали ничего кроме мучительного и болезненного желания взять хоть что-то ещё, немножко, чтобы утолить жжение во всем теле, дикую пульсацию плоти. Я начала задыхаться, извиваясь в его руках, цепляясь за сильные плечи и видя горящий насмешкой и в тот же момент, обжигающий жаром, взгляд. Хотела жадно наброситься на его влажные губы снова, но он удержал, сжимая мои волосы на затылке, не разрывая зрительный контакт.

— Чего ты хочешь, Шели. Сейчас? Чего ты хочешь?

— Не знаю, — жалобно всхлипнула и снова подалась вперед к ласкающим пальцам, скользящим у самого входа в лоно, цепляющим узелок плоти, который пульсировал с такой силой, что мне казалось я зарыдаю если он не прикоснется ко мне там сильнее.

— Знаешь, — губы в миллиметре от моего рта, — хочешь, чтобы я прекратил или хочешь еще?

— Ещё, — простонала и в тот же момент он проник в меня пальцем, очень глубоко, резко, и снова замер, а я обезумела, со стоном впилась в его губы, обхватывая шею руками, выдыхая, отдавая жалобные стоны.

— Вот так? — Оторвался от моих губ. Глаза в глаза и мне уже не страшно видеть, как плавится в этом взгляде дьявольский огонь. Моя личная бездна порока в которую я готова броситься,

сломя голову и гореть там вечно в адских муках.

Его голос обжигал меня, бил током по оголенным от возбуждения нервам, заставлял вздрагивать от неконтролируемого бешеного желания взрыва.

— Да! — почти зарыдала.

— Или вот так? — пальцы выскользнули из меня и умело нашли затвердевший клитор, слегка сжали и я закричала, изогнулась в его руках, закатывая глаза от наслаждения, чувствуя его губы на своей груди, лёгкие укусы на напряженных до боли, умоляющих о ласке, сосках. Теперь Аш не останавливался, то проникая внутрь разгоряченного лона, то выскальзывая наружу чтобы жадно ласкать, исторгая из меня гортанные стоны, и я не понимала, что со мной происходит. Тело билось, как в агонии, пока я не ослепла от яркой вспышки самого дикого удовольствия в моей жизни. Почувствовала, как быстро и сильно сокращаются мои мышцы вокруг его пальцев, которые проникли в меня снова, и сейчас двигались во мне все быстрее и быстрее.

Властно привлек к себе и завладел моими губами, безжалостно терзая с утробным рычанием, как голодное животное. Услышала лязг ремня и напряглась, но Аш не давал расслабиться не на секунду. Меня все еще била мелкая дрожь, когда я почувствовала, как легко он приподнял меня за талию и в тот же момент я вскрикнула, ощущая резкое проникновение его члена. Замерла и он не шевелился, только прожигал меня диким взглядом, по его лицу поползла сетка огненных вен, глаза вспыхнули фосфором, и я судорожно сглотнула. Его плоть разрывала меня изнутри, заставляя дрожать от страха и паники. Но Аш не шевелился, только смотрел на меня, тяжело дыша, рвано, со свистом, сквозь стиснутые зубы, Я видела как раздуваются его ноздри, как играют желваки на скулах и покрылась испариной от невероятного напряжения широкая грудь. Аш сжал меня за талию и чуть приподняв насадил на себя снова.

— Сама, — хрипло прорычал он, прожигая насквозь тяжелым и затуманенным взглядом. Я не шевелилась, тяжело дыша, чувствуя, как внутри снова зарождается уже знакомая волна безумия, подалась вперед бедрами, цепляясь за его плечи, потянулась к его губам, и он жадно нашел мои, прижимая меня к себе, снова приподнял и насадил на свою плоть, теперь уже его пальцы зарылись в мои волосы, не давая пошевелиться, терзая, прокусывая тонкую нежную кожу. Чем быстрее он двигался во мне, одновременно приподнимая, сминая мою талию, ягодицы, тем больше мне казалось, что я сама превращаюсь в животное, в дикое, необузданное, чувствуя, как меня пронизывает током от

каждого толчка огромной каменной, которая пульсирует плоти внутри меня. Так безжалостно и болезненно, но это сводило с ума, я всхлипывала, стонала, билась в его руках, царапая сильные плечи, скользя грудью по его взмокшей от пота груди. Аш двигается в диком хаотичном ритме, удерживая меня за волосы, заставляя прогибаться назад, приподнимая и опуская на себя так быстро, что мне начало казаться, что я сейчас сойду с ума и задохнусь, охрипну, умру под натиском его плоти. Я чувствовала, как мою кожу вспарывают его клыки. Видела, сквозь туман, пьяная от страсти, как моментами, теряя контроль, Аш впивается в края постели и запрокидывает голову назад, скалясь в болезненной агонии наслаждения, продолжая двигать бедрами в сумасшедшем темпе, и я смотрю на его лицо, искажённое страстью, в страшные глаза и вдруг понимаю, что он сдерживается. Да. Он сдерживает чудовище, чтобы не разодрать меня, как в прошлый раз…а со мной творится что-то немыслимое, все мое тело натянуто, словно тетива, я чувствую приближение уже знакомого яркого взрыва. Дикой волны удовольствия накатывают, захлестывают, ослепляют, меня пугает и одновременно заводит сама мысль о том, что я вся в его власти. Аш сильно сжал мою талию и обхватил губами истерзанный сосок, я почувствовала, как замерло на секунду мое тело, чтобы забиться в его руках. Слышу собственный крик, ловлю губами воздух и его ответный рык. Раздирающая боль на спине от его когтей, в тот самый момент, когда ослеплённая кричу от наслаждения и понимаю, что больше его не боюсь, чувствую, как внутри меня разливается что-то горячее, как он дрожит вместе со мной, кусает мои губы до крови.

* * *

Он смотрел как она спит и не мог понять, что чувствует в эту секунду. С ним что-то происходило. Необратимые изменения внутри. В тот самый момент, когда понял на что эта девчонка пошла ради него. В их мире не принято чем-то жертвовать. Тот, кто должен умереть, умирает. Его никто не жалеет, никто не оплакивает. В его честь дают залп, приносят жертву и сжигая тело, предают забвению. Клеймо сожгло ее плоть до мяса, но она все равно шла. В мире раболепного преклонения, полного равнодушия к смерти и жизни, в мире где нет места жалости и слабости, это было чем-то противоестественным. Ашу казалось он видит, как Шели скачет на Люцифере, припадая к шее коня и ее белые волосы развеваются на ветру.

Из тумана дикой боли его вырывал только ее голос. Он проникал в сознание, держал его на поверхности и заставлял бороться с теми, кто пришел за ним, чтобы забрать в вечность без плоти. А он не хотел уходить пока слышал и чувствовал Шели рядом. Она держала его. Крепко. Невидимыми железными тросами.

Она говорила о нежности, когда прикасалась к нему. Никто и никогда не трогал его вот так, чтоб он взмок от напряжения. Борьба с диким чудовищем, которое рвалось драть ее плоть, грызть сочное тело, вспарывать на части, отнимала все силы, а наслаждения от прикосновений сводило с ума. Он привык что его собственное удовольствие почти не имеет никакого отношения к удовольствию женщины, которую он брал. До той самой секунды, пока голубые глаза не закатились от наслаждения, от его прикосновений, пока реакция женского тела не снесла ему все планки, не заставила желать стонов еще и еще. Криков, хриплого дыхания, слез, ароматной влаги лона, дрожи и ответного дикого безумия. Податливая, настоящая. Он больше не видел ужаса в ее глазах, они потемнели от страсти, как и порозовела прозрачная кожа, когда она билась в экстазе в его руках. Никогда еще женское наслаждение не давало ему настолько много. Это удесятеряло его собственный экстаз. В когтистых лапах чудовища, оставляющих полосы на ее плоти Шели продолжала кричать от оргазма, лаская его, целуя окровавленными губами. Он сдерживался как мог, пока наслаждение не стало невыносимым настолько, что потерял контроль. А потом забрал ее боль, всю без остатка, зализывая каждую рану на теле, сатанея от вкуса алой крови и одновременного желания стереть с памяти Шели воспоминания о том, как он превращается в зверя. Потому что с этого момента ему самому больше никогда не забыть каким может быть ее лицо и взгляд, когда Шели его не боится, а дико и неистово отдает ему себя. И Аш уже не готов согласиться на меньшее, только больше. Забрать, впитать, жадно и алчно все что она может ему дать. От взмаха ресниц, до каждого крика, от прикосновения, до впивающихся в его кожу ногтей. Разодрать каждого кто не так посмотрел, не то сказал о ней. Она ЕГО. Принадлежит вся. Целиком. Его красный порошок, особенный кайф, ничто и никто никогда не значило в его жизни столько, сколько начала значить эта хрупкая девчонка. Шели даже не понимает, что это не она его раба, а он принадлежит ей. Аш понял это в ту секунду, когда увидел шрамы от ожогов на нежной коже. В ту же самую секунду он впервые начал чувствовать свое сердце. Оно забилось иначе и уже никогда не будет биться по-прежнему.

Она уснула на нем, утомленная, взмокшая. Слышал тихий ритм ее сердцебиения, дыхания и вдруг поймал себя на мысли, что этот звук дороже любой музыки, свиста меча и звона дуций. В дверь постучали.

— Руаха Эш зовет вас к себе, Господин.

Этого следовало ожидать. Осторожно переложил Шели на подушки и накрыл обнаженное тело покрывалом. резко встал с постели. В Мендемае уже раннее утро, днем провозгласят победителя турнира и это будет он — Аш. Потому что тот ублюдок, который ранил демона был последним, оставшимся в живых, воином Берита. Остальные сошли с дистанции в предыдущих боях на арене. Иначе и быть не могло. Да! Суки! Байстрюк привезет победу в Огнемай так же как и Северная башня теперь в его владении.

Аш натянул через голову рубашку, слегка поморщился от боли. Проклятая сталь эльфов распорола его до ребер. Веда отменно залатала тело, но кровоточить будет еще долго.

Прикрыл за собой дверь, успев бросить взгляд на серебристые волосы, рассыпанные по подушке, на припухшие алые губы и подрагивающие ресницы. Усмехнулся уголком рта, и переместился в покои отца, находящиеся отдельно от других. Взбежал по лестнице, отмечая царящую здесь гробовую тишину. Руах не переносил громких звуков, голосов, музыки. Он любил полный покой. Аш прошел по узким коридорам, освещенным факелами и толкнул дверь комнаты отца.

Настораживало отсутствие слуг. Или Руах был в паршивом настроении, и все затаились в ожидании взрыва. Покои отца, разбиты на несколько секторов. У него свой штат обслуги.

Запах крови Аш почувствовал внезапно, когда распахнул последнюю дверь, ведущую в спальню.

На секунду Ашу показалось, что у него отнялись ноги и занемело все тело. Руах Эш лежал на полу в луже крови с вывороченной грудной клеткой. Аш бросился к телу, упал на колени. Сейчас он четко видел, что голова отца отделена от тела. На шее тонкая полоска и из нее тонкой струйкой сочится кровь. Но это уже сделали после его смерти, которая наступила всего пару минут назад. Рядом, валялся короткий меч…его меч. Аша. Ледяной пот покатился по спине, а в горле застрял рык…только демону казалось, что он онемел. Еще не пришло осознание. Только ступор. Онемение всех конечностей.

Аш протянул руку и взялся за рукоятку меча. Двери с грохотом распахнулись и стражи Руаха Эша замерли на пороге. Один из них, едва шевеля губами, пробормотал:

— Байстрюк убил Повелителя…

Глава 24

Отряд ехал верхом по узкой тропинке, вьющейся между скалами, прямо над обрывом и серая дымка тумана ползла ниже уровня глаз, то открывая, то скрывая красную, потрескавшуюся землю Мендемая. Аш посмотрел вперед. Там вдалеке виднелись шпили Огнемая, который теперь принадлежал Бериту. Сожжённого дотла родного города Аша, где войско братьев не оставило камня на камне. Уцелел только дворец. Черный мрамор не горит, он сам излучает огонь.

Полтора года назад был убит Руаха Эш, полтора года назад Аша провозгласили отцеубийцей и объявили на него охоту. Самую настоящую травлю. Его лишили всего: наследства, титула, земель, рабов, наложниц. Жизнь байстрюка стоила десять миллионов золотых дуций, в такую сумму оценили его голову родные братья. Твари, которые сговорились против него еще до этого проклятого турнира и одна из этих тварей убила отца. Все было продумано еще до того, как Аш согласился на турнир, до того, как выехал из Огнемая. И напали на них в дороге не Эльфы Балместа. Веда была права. В то роковое утро решения принимались молниеносно. Аш не думал правильные они или нет. Его когда-то учили не думать, а действовать. В бою только так, иначе останешься без головы или с развороченной грудной клеткой. А это несомненно война. Ее начало. Тогда это было начало, а сейчас кровопролитная бойня, которую байстрюк объявил своим родственникам, длиной в полтора года.

Аш вырезал сердца охранников с такой скоростью, что те даже не успели удивиться или испугаться. В башне еще не сработала система тревоги, когда раздавался гул нескольких горнов одновременно в одной тональности и блокировались все входы и выходы, усиливалась охрана и даже верховные демоны лишались иммунитета. У него не было времени горевать, если вообще он умел это делать, скорбеть, анализировать. Он понимал одно — его подставили. Кто и как? В тот момент не имело значения. В их мире это мог быть кто угодно. А в его семье — так тем более. Это скопище ядовитых змей всегда норовило покусать друг друга до смерти. Но в тот момент они крепко сдружились против него. Аш казался им опасным, лишним. Костью поперек горла. Они его ненавидели, впрочем, и Аш любил их так же сильно. Криво усмехнулся. Отец слишком много власти дал незаконнорождённому и поплатился за это.

У Аша оставались считанные минуты убираться из цитадели и уводить с собой тех, кто хотел и мог уйти вместе с убийцей

Короля Демонов. Тех, кто ему верил.

Спустя час небольшой отряд во весь опор скакал к Мертвому озеру, чтобы укрыться в гуще Проклятого леса, который простирался к скалам до самого Асфентуса, через границу Менемая с миром смертных. Тогда их было всего десять, из них трое — женщины. Только шесть воинов в то утро ушли за байстрюком. Остальные либо были убиты на турнире, либо остались в Огнемае. Тогда еще целом, но уже осажденном Беритом с его армией, в день смерти отца.

Горстка демонов-беглецов разбили лагерь прямо в лесу. Временное пристанище. В тот момент все еще верили, что это ненадолго, что ситуация разрешится, что найдутся свидетели. Эта надежда растаяла очень быстро. Никаких свидетелей, если они и были, то им закрыли рты навечно. И все тайны гниют вместе с телами, выброшенные или закопанные в землях вокруг Цитаели.

Более того, Сеасмил сказал, что "видел" в своих видениях, как Аш отрезает голову отцу и выковыривает сердце из его груди. Проклятый вонючий пес. Ублюдок и лизоблюд. Он не простил обиду, затаил ее и вонзил нож в спину своего воспитанника, которого сам же и вырастил диким зверенышем, голодным и жадным до крови монстром, который не знал ничего кроме войны. Она ему заменяла и мать, и отца. По сути рабом. На вечной службе у высокородной семейки с неистребимым чувством собственной второсортности. Огнемай продержался около месяца в осаде. Дозор дворца не сдавался до последнего, а потом бастионы рухнули под натиском подоспевшей армии Асмодея. Почти все воины и их семьи бежали через подземные ходы дворца, город сдали братьям. Ашу доложили об осаде Фиен и Тиберий. Они нашли лазейку в город и именно тогда, стиснув челюсти Аш отдал приказ сжечь Огнемай. Не отдавать город врагу. Остались только плиты и стены. Дворец испепелили изнутри. Миена исчезла, и никто не знал куда она подевалась. Аш надеялся, что его, далеко не глупая, жена бежала к своему отцу. Байстрюк предупредил своих, как только удалось покинуть пределы цитадели.

Беглые демоны вскоре присоединились к отряду Аша. Фиен и Тиберий отыскивали воинов и приводили во временный лагерь. Их жизнь стала сплошной дорогой. Скачкой по скалистым дорогам, в дебрях леса. Они путали следы. Скрывались, прятались, голодали. Скалы Аргона встретили их ледяным холодом, отсутствием воды, еды. А по их следу беспрерывно шли солдаты нового правительства Мендемая. На трон взошел Берит. Он мечтал загнать мятежников в угол и истребить всех до одного, но он недооценил способность Аша вести партизанскую войну и

путать следы, заманивать преследователей, чтоб потом резать и кромсать на части, оставляя за собой гору трупов.

А в скалах прятались отряды Эльфов-лазутчиков, они добывали хрусталь. Смертоносное стекло из которых изготавливали орудия, способные уничтожить любое существо высшей расы. Отряд вскоре отбил несколько рудников и через несколько дней они уже изготавливали мечи для себя. Пленных эльфов казнили тут же и отрезанные эльфийские уши, привязали к лукам седел и отправили к Балместу. Если только изнуренные животные донесли посылки до дресата.

Ашу потребовалось чуть больше двух месяцев чтобы принять решение. Те самые два месяца, когда он все еще не хотел думать, что это конец, что он изгнанник из собственной семьи и дороги назад не будет. Решение было принято, когда Асмодей и Берит обезглавили всех оставшихся в живых жителей Огнемая. Всех до единого и дворец занял сам Берит.

После этой ночи и началась война, та война, которую видимо, братья не ожидали от ублюдка, родившегося от смертной. Они считали, что ему не хватит яиц пойти против них. Превышающих многочисленность воинов Аша в несколько десятков раз.

Но Аш собрал огромную армию в течении полугода, захватывая вишту за виштой. Нападая на обозы с рабами и пленными, опустошая Арказар смертоносными набегами на торговцев. Он пополнял свои ряды. С этого момента Аш не был больше верховным демоном, он стал предводителем мятежников. Отряд рос с каждым днем, точнее с каждой ночью. Они выходили в поход, брали очередную вишту, каменоломню, рудник, вытаскивали смертников из-под мечей палача и возвращались в скалы Аргона. Теперь их боялись. Мяежники всегда появлялись из ниоткуда. Отряд смерти во главе самим Дьяволом, который одним взмахом меча рубил сразу десятки голов.

Братья выставляли патрули на дорогах, целые отряды охраняли вишты и торговые точки, стратегически важные объекты, но разве кто-то может сдержать тех, кто осатанел от рабства и мечтал изменить жизнь в Мендемае? Тех, кто вдруг почувствовали воздух полной грудью и скинули ярмо невольников? Озверевших от запаха крови, побед и беспредела, восставших мятежников, особенно если ими руководил тот, кто знал все слабые и сильные места армии Братьев, так как сам обучал ее воинов и часто вел в бой?

Аш хотел устроить переворот, он шел именно к этой цели. Уверенно, медленно, методично. Как только отряд достигнет тех размеров, которые смогут противостоять одному из городов —

Аш начнет брать не только вишты. Он пойдет на Юг, к Огнемаю, сжигая все на своем пути. А сейчас у него была своя стратегия и имя ей хаос. Никакой системы. Никакой логики в нападениях. Всегда в разных местах, в разное время суток. Это снижало возможность устроить мятежникам засаду к нулю.

Отряд укрывался в пещерах, которые приспособили для жизни, а через какое-то время превратили в не менее шикарные хоромы, чем во дворце. Грабежи торговых обозов, набеги на владения знатных семей пополняли казну мятежников и улучшали условия жизни. Мечи из хрусталя выковывали ежедневно и выдавали воинам, которых обучали мастерству ведения боя сам Аш и Фиен с Тиберием. Они почти не несли потерь. Любое из нападений было продумано до малейших деталей заранее. Аш берег каждого из своих. Ведь в отряде были не только демоны, а вампиры и ликаны, они слабее, но их обучали особой технике, как убить сильного противника всего лишь одним ударом, потому что на второй шансов не будет.

Вот так переворачиваются все жизненные ценности. Аш вырос в одном мире, а теперь создавал свой собственный свободный мир. Они шли за ним. Все те, кто раньше боялись и ненавидели, все те, кто падали на колени от звука его голоса или имени сейчас готовы были сдохнуть за него, потому что он подарил им свободу. Вот она самая ценная валюта, намного сильнее звона дуций и страха.

За свободу готовы умирать и сильные, и слабые. Никто не хочет быть рабом вечно.

Аш смотрел на шпили дворца, сжимая кулаки — Огнемай вернется к нему. Рано или поздно он станет основным городом Мендемая или Аш не Аш вовсе, а жалкое ублюдочное дерьмо, каким его считают венценосные братья. За эти полтора года многое изменилось. Изменился он сам. Изменился настолько, что сейчас не узнавал себя, а точнее он не понимал, как мог жить теми ценностями, которыми жил когда-то. Теми ложными, лицемерными истинами, которые в него вложили уста предателя, внушавшего маленькому байстрюку, что нет в этом мире любви, нет жалости, нет верности, что все они звери и он должен быть самым свирепым из этих зверей, самым жутким и безжалостным. Впрочем, спасибо Сеасмилу, именно благодаря этому Аш жив, жива его женщина и живы его воины. Великое предназначение байстрюка править Мендемаем. Сеасмил взывал к тщеславию, к жажде власти, к алчности и кровожадности. Он взращивал эти чувства в маленьком Аше, как возделывают почву пахарь, дабы та дала урожай, только вместо пшеницы восходили червивые отростки самых низменных эмоций. Грязь и низость. Но видимо

эту почву плохо возделывал, она дала совсем иные плоды. Точнее в нее упало семя совершенно чуждое для таких тварей, как демоны. Крошечное белое зернышко, среди черной трясины. Хрупкий, тонкий зачаток, того, что по сути вообще не должно было появится даже близко возле одного из самых жестоких демонов — любовь женщины, и то, что эта любовь способна сотворить с монстром, как высоко его поднять над самим собой. Она сводила его с ума, она манила, затягивала с свои сети, опутывала и в тот же момент отогревала, распаляла, поджигала. Шели подарила ему то, чего он никогда не знал. Значение двух важных слов в жизни каждого — нежность и любовь. Если огненный цветок в его сердце, который прожигал ему грудь, мешал дышать, думать, и в тот же момент наполнил его жизнь всеми цветами радуги называется любовью, то Аш способен разодрать свою грудную клетку и подарить Шели этот цветок вместе с сердцем. Когда он смотрел в ее голубые глаза, полные нежности — да, теперь это слово ассоциировалось со светлой лазурью женских глаз, которые наполнялись слезами при виде его ран, которые темнели от срасти, когда ее тело извивалось под ним, блестящее от пота, дрожащее от наслаждения, бьющееся в экстазе от каждого проникновения. Он больше не боялся причинить ей боль, не потому что верил себе, а потому что она верила ему. Это оказывается важно до безумия, когда тебе доверяют. Он смотрел в ее глаза, которые горели и блестели, как самый драгоценный хрусталь Тартоса. Для него. Все только для него. Нежность в ее губах, которые он целовал с упоением и которые касались его самого, скользили по его телу и отдавали. Так много отдавали, что Ашу больше не хотелось отнимать, он захотел отдавать и сам. Ей. Все. Даже свою жизнь. В обмен на легкие касания тонких пальцев, веселый смех, ласковый шепот, хриплые стоны, крики и везде в них он слышал свое имя: "Аш… любимый, мой Аш…мой…мой…мой". Да ее. Только её. "Любимый" он никогда не слышал этого слова, его никогда, и никто так не называл. Все другие женщины перестали существовать. Они стали бесполыми. И они не могли подарить ему наслаждение. Не такое, как с ней, когда вместе с диким оргазмом сердце заходится в агонии вместе с телом.

Аш не знал, что все это на самом деле существует, он даже не знал, что, то самое чувство, когда глаза печет, жжёт и все тело наполняется болью…невыносимой душераздирающей болью, пронизывающей и заставляющей задыхаться переполняющими эмоциями от громкого крика ребенка. Его ребенка. Его дочери. Малышке с сиреневыми глазами и черными волосами. Чуду, которое не случается в Мендемае. Все это называется одним

словом — счастье, а его глаза пекут, потому что в них зарождается влага, о существовании которой демон не подозревал. Счастье — оно начало просыпаться в нем в тот самый момент, когда его женщина раскрывала ему объятия и жадно принимала в свое тело. Счастье наполняло его все больше и больше, когда он видел ее улыбку, предназначенную для него, когда мчался с ней верхом по берегу мертвого озера, а потом овладевал ею прямо там на земле, возле дерева, в хрустальной воде водопада. В те редкие дни, когда в Мендемае светило солнце и холод сменялся зноем. И он ошалело брал свою женщину где угодно. Зверея от дикой страсти и сумасшедшего чувства триумфа. От того, что и в ее сердце цветет огненный цветок. От нежного "люблю", которое отражалось в каждом взгляде и прикосновении. Когда-то, в другой жизни Аш привык возвращаться с боев в Огнемай, там был его дом. Сейчас ему казалось, что дом — это совсем не каменные стены, к которым он привык, а дом — это место, где тебя ждут. Искренне, долго, с надеждой. Его дом, там, где Шели. Там, где она его ждет вместе с малышкой Марианной. У него теперь СВОЯ семья. И ради них он возьмет за яйца всех своих братьев. Марианна будет наследницей Огнемая и он даст ей свое имя — Марианна Аш. К сожалению, жениться на Шели Аш не мог. Таковы законы. Ирония, но его дети повторяют его судьбу — они никогда не будут законнорождёнными, пока жива Миена и Шели не стала женой байстрюка. Но право наследия получат. А так как Миена бесплодна, то и конкурентов у них никогда не будет.

Аш пришпорил коня, приближаясь к пещерам, он чувствовал, как тоска, голод, сменяются предвкушением, которое наполняют все сильнее и сильнее. Его не было несколько недель, они возвращались с добычей, уставшие, но довольные победой, запачканные потом, кровью и пылью. С головами воинов Берита, привязанным к лукам седел.

Он увидел ее сразу, на склоне, смотрящую вдаль. Ее волосы сияли и развевались на ветру, слегка припорошенные снегом. Извечным снегом Мендемая. И Ашу казалось, что он слышит биение ее сердца даже на расстоянии. Каким-то дьявольским образом Шели чувствовала, когда он вернется. Она всегда ждала его именно в этом месте. Увидела, медленно пошла навстречу, потом побежала, он пришпорил коня и на ходу подхватил ее, усаживая в седло. Несколько секунд упиваться ее взглядом, сжимая лицо пятерней за нежные щеки, убеждаясь, что она цела, убеждаясь, что там, в нежной голубизне, все еще есть его отражение, а потом жадно целовать это лицо, глаза, губы, прижимая ее к себе до хруста в костях. Чувствовать запах ее тела,

волос. Спешился, подхватил на руки и понес вглубь пещеры, раздвигая ногой шкуры, закрывающие узкие проходы, освещенные факелами. Целый город в глубине скалы.

Поставил на пол, снова осматривая жадно, пожирая взглядом, а потом содрал с нее платье, умирая от голода по ее телу, опрокидывая прямо на пол, чтобы войти сразу, немедленно, заполнить ее всю, не отрывая взгляда от ее глаз. Видеть, как они закатываются от наслаждения, чувствовать, как она обхватывает его бедра ногами, оплетает шею тонкими руками. Шепчет, стонет, хрипит, кричит его имя выгибаясь навстречу ударам его плоти…и после первой дикой вспышки он не оставит ее, продолжит ласкать, терзать, упиваться ею часами, утоляя дикий голод, утверждая свои права на эту женщину. Все потом — еда, ванна, наполненная талым снегом и разогретая для него, сон. Сначала Шели, под ним, на нем.

Опрокинулся на шкуры, прижимая к себе, вдыхая запах волос, привлекая на свою грудь, взмокшую от пота, и еще бурно вздымающуюся после безудержного секса.

Шели приподнялась на локте и заглянула ему в глаза.

— Здравствуй, любимый, — они оба улыбнулись. Да, он не поздоровался, а точнее поздоровался самым примитивным способом врезаясь в ее тело на дикой скорости, как ошалелый.

— Мари сказала сегодня первое слово.

Аш усмехнулся уголком чувственного рта, поглаживая шелковое плечо Шели кончиками пальцев и наслаждаясь каждым прикосновением.

— Что сказала? Твое имя? Мелиссы?

Шели улыбнулась и потерлась кончиком носа о его щеку, а у него кожа покрылась мурашками. Он никогда не перестанет ошеломляться тому, как на него действует все, что она делает. Самые невинные жесты.

— Нет — папа.

— Неправда.

Аш сгреб женщину в охапку увлекая на себя.

— Правда. Это ты ее научил, да?

— Да! Я!

— Так и знала. Потому что ты эгоист.

Аш приподнялся на шкурах и почувствовал, как Шели прижалась к нему сзади всего тела. Дьявол, он хотел ее снова. Даже после того, как овладевал ею на протяжении нескольких часов к ряду, но его маленькая девочка не выдержит такого натиска.

— Я прикажу, чтоб тебе принесли поесть? — прошептала в ухо и поцеловала в висок.

— Да, прикажи я зверски голодный.

Он встал с постели и накинул на себя рубашку через голову, подхватил меч и положил на сундук. Шели застегивала платье на груди, поправляла волосы, а ему казалось, что даже одежда не имеет права прикасаться к ее коже. Только он. Только его пальцы. Если когда-нибудь к ней прикоснется другой мужчина Аш способен убить ее. От мысли об этом кровь начинала биться в висках, а глаза застилала красная пелена.

— Иди ко мне, — протянул руку и привлек ее к себе.

— Сначала ужин.

Сжал сильно тонкую тали и увлек к себе на колени.

— Сначала ты мне скажешь, что соскучилась, а потом ужин.

Да, она научила его и этому. День за днем Шели меняла его и менялась рядом с ним сама. Из хрупкой полу женщины полу ребёнка она превращалась в уверенную в себе красавицу, от взгляда на которую его черная кровь закипала в венах с каждым разом все сильнее, а член стоял дыбом круглосуточно. Вот кто с честью носил бы корону Огнемая на серебристой головке.

— Я соскучилась по моему мужчине. Сильно. Безумно.

Обвила его шею руками и улыбнулась.

— Ты сердишься?

Да…на себя. За то, что привязался к ней настолько сильно, что не мыслил без нее жизни, за то, что становился рядом с ней слабым и черт его раздери, наслаждался этим. За то, что боялся потерять то, что имел. Он, не ведающий жалости, не знающий самых простых слов, не то, что чувств боялся остаться один, как когда-то, до встречи с ней.

Зашла Мелисса с маленькой девочкой на руках и Ашу показалось что он физически чувствует, как его сердце превращается в пластилин при взгляде на ребёнка. До рождения Марианны он ни разу не видел детей, и тем более не прикасался к ним.

А когда впервые тронул крошечные пальчики, сжатые в кулачки, вдруг понял, что он превратился в раба. В эту самую секунду вот это существо стало смыслом всего, что он делал сейчас, как и та, что подарила ему это чудо. Аш взял малышку на руки и посмотрел ей в глаза — какой необычный цвет. Такого в природе не существует и кожа белая, как у матери, а волосы черные, как у него. Поцеловал тонкие волосики, вдыхая запах, который словно смешивал в себе его собственный и запах Шели воедино, а затем вернул малышку Мелиссе, которая сказала, что ребенка пора кормить, проводил женщин взглядом.

Он скажет Шели завтра. Не сегодня. Скажет о том, что они готовы напасть на Нижемай уже через несколько дней, замок

будет почти пуст и они возьмут его, опустошат полностью и превратят в пепел. Это будет непросто, и отряд понесет большие потери, но также и восполнит их помножив свои ряды освобожденными пленными с подвалов и каменоломней, золотом с казны, трофеями. Но больше всего Аш хотел бы узнать о реакции Лучиана, когда тот поймет, что его дворца больше нет, а сам он нищий без гроша. Интересно остальные братья помогут своему младшенькому? Или посмеются над его поражением? Скорей всего второе. В комнату вошла Веда, с черной склянкой в руках, деловито помешивая в ней темную, вязкую жидкость палочкой.

— Ну что, подлатаем нашего добытчика? — ведьма усмехнулась и закатала рукава простого темно-серого платья.

— Подлатай, — усмехнулся Аш, снова сбрасывая рубашку. Ведьма потрогала колото-рваную рану на плече, и он поморщился.

— Гноится. Сам не смазал, а получил ранение еще несколько дней назад.

— Давай, лечи и не ворчи, старая.

— Так что? Скоро подомнешь под себя Нижемай? Думал о последствиях?

— Думаю о них уже несколько месяцев, Веда. Пора начинать. Вишт и обозов ничтожно мало, а нам нужны воины и золото.

— Кровавые слезы Лучиана, вот что тебе нужно, Аш. И не отрицай этого.

Демон усмехнулся.

— Все-то ты знаешь.

— Это опасное мероприятие. Не все к нему готовы, Аш. Тебе б подождать пару месяцев. Солдаты твои зеленые совсем. Не тряси яблоню раньше сбора урожая.

Демон вскинул голову и посмотрел на ведьму, пока та зашивала рану.

— Я не могу ждать. Они двинулись походом на земли возле Тартоса, хотят отбить южные рудники. Замок будет пустовать. Самоуверенный и трусливый ублюдок всех заберет с собой, опасаясь за свой распечатанный зад, как за сокровище вселенной. Это мой шанс.

Веда, оторвала концы нитки и приложила к плечу Аша повязку.

В этот момент Шели отодвинула полог и слегка наклонившись вперед тихо сказала:

— Ужин готов, выходите к костру. Все собрались отметить победу.

Глаза Аша блеснули и потемнели, когда он посмотрел на ее

упругую грудь под шерстью платья, или он долго не видел ее или слишком голоден, но она становится соблазнительней с каждым днем, и в паху снова заныло…бешеная тяга к этой женщине сводила его с ума. Шели проследила за его взглядом и вспыхнула, опуская полог.

— Ты поумерь пыл, Аш.

Демон вскинул голову и вздернул бровь.

— Ты говори да не заговаривайся и не лезь не в свое дело.

— Не моё, верно…а вот если выкинет твоего ребенка станет моим. Кроме того, звезды говорят мне, что это мальчик, Аш. Сын. Шели носит твоего сына. Так что усмири в себе кобеля и не терзай ее слишком часто.

Демон прищурился и долго смотрел на Веду.

— Сроки?

Ведьма расхохоталась.

— Все мужчины одинаковы какой бы расы они не были. Всегда в сомнениях. Два полнолуния, Аш. Еще три и родит тебе наследника престола, о котором ты так мечтал.

Глава 25

— Когда? — Аш сверкнул глазами и посмотрел на инкуба исподлобья.

— Через три дня — Фиен воткнул меч в землю и достал флягу, наполненную Чентьемом.

— Он собирался через неделю, разве нет?

— Нет. Через три дня Лучиан выедет к скалам и в замке останется около пятидесяти воинов дозора. Остальные уедут с ним, — это самые свежие новости. Завтра будем выдвигаться в дорогу несмотря на пыльную бурю.

— Что у нас с оружием. Стрелы, наконечники, мечи? — Аш повернулся к Тиберию, тот невозмутимо натирал рукоятку меча до блеска.

— Все пополнено, Господин. В наше отсутствие Легуа работал не покладая рук.

— Значит через три дня. С рассветом начинай подготовку. Мы выдвинемся к Нижемаю по западным склонам, через вершину Аргона и спустимся по обрыву вниз к западному берегу Озера. Там разделимся на три отряда. Первый отвлечет на себя дозор, примет основной удар, второй обойдет замок с тыла и вынесет ворота к дьяволу. Как только второй отряд войдет в город, третий обрушится с центральных ворот. К этому времени, те, кто уцелеют из первого отряда, уже должны спустится в подвалы и каменоломни начать освобождать рабов.

— По моим подсчетам у Лучиана около двух тысяч душ в неволе.

— Они все пойдут за нами. Более того, они-то и помогут свалить дозор и охрану замка. Что у нас с экипировкой, лошадьми и провизией?

— Все готово, в трех километрах от Нижемая уже развернули лагерь. Лошадей и провизию пригонит Гурий из Арказара в назначенное время.

— Как только плотно осядем в городе, двинемся к цитадели. Ее нужно взять сразу после Нижемая.

Аш швырнул кубок в костер и посмотрел на Фиена.

— Ну что? Мы ждали этого слишком долго и наше время пришло. После взятия Нижемая наша победа будет не за горами.

Фиен отпил напиток прямо из горлышка фляги и усмехнулся.

— У него там хоть есть наложницы? Или одни мужики?

Аш расхохотался так громко, что стая ворон взметнулась с громким карканьем в черное небо.

— Говорят, что есть. Почти все девственницы, он их разводит,

как рыб в аквариуме. Вроде мясо, но жрать не хочет. Для красоты. Зато мужская часть гарема кишит красавчиками. Эй, Тиберий, может найдешь себе там кого по душе?

Тиберий отобрал флягу у Фиена и осушил ее полностью.

— Учитывая потребности Лучина, то шлюха там как раз он, а его гарем его же и имеет в раздолбаный зад.

— Твою, мать, Тиберий…, - Фиен сплюнул, а Аш усмехнулся.

— Так что мне или задницу Лучиана, или все же красавиц рабынь.

Они смолкли, мимо прошла Мелисса с тазом, наполненным чистым бельем и Шели с малышкой на руках. Ее шерстяное платье плотно обтягивало соблазнительные формы, а длинные волосы развевались на ветру, отливая серебром. Фиен проследил сначала за женщинами, а потом бросил взгляд на повелителя. Глаза Аша потемнели, он смотрел на Шели, а потом резко встал с камня.

— А точнее их задницы, ты у нас предпочитаешь иные входы и выходы, — на рассвете приступайте к тренировкам. Выдай карту каждому отряду. Фиен, ты поведешь первый отряд, я второй, а ты, Тиберий, естественно, третий. Как только мой флаг будет развеваться над центральной башней замка ты войдешь в город.

Аш скрылся за пологие пещеры, а Фиен достал еще одну флягу чентьема.

— Решил нажраться? — Тиберий откинулся на плащ, расстеленный на земле и закинул руки за голову.

— Нет, расслабиться.

— Давно у тебя бабы не было, инкуб. Чахнешь без женской ласки поди.

Фиен пнул носком сапога здоровенный булыжник и посмотрел на Тиберия.

— Волнуешься за меня?

— Представь себе. Волнуюсь. Когда-нибудь Аш заметит то же, что и я и не сносить тебе, Фиен, башки и яиц. Будут они красоваться у седла Аша, а потом гнить где-нибудь на большой дороге.

Фиен резко посмотрел на друга и прищурился.

— Это ты о чем сейчас?

— О ком? Думаешь все слепые? Думаешь никто не видит, как ты смотришь на нее? Или как бесишься, когда Аш остается с ней наедине?

— Бред.

Отвернулся и сделал глоток из фляги.

— Не бред и мы с тобой оба это хорошо знаем и тебя знаю,

как облупленного. Ты ни к одной рабыне или наложнице не притронулся. Я заметил давно, что эта белобрысая вскружила голову вам обоим. Еще когда она впала в немилость Аша, который слишком занят был своей строптивой, белобрысой сучкой, чтобы заметить, как беснуется второй кобель.

Фиен достал меч молниеносно, через секунду острие упиралось в горло Тиберия, и ухмылка исчезла с лица демона.

— Да ладно тебе. Может мне показалось. Мысли вслух, друг.

— Мысли свои оставь при себе они никому не интересны. Сучкой ее не называй. Сучка у тебя в шатре, становится раком и подставляет зад, а Шели…она станет королевой.

Тиберий оттолкнул лезвие меча.

— Ты идиот, Фиен. Найди себе бабу, привези сюда и трахай в свое удовольствие, а о девке Аша забудь, если жить хочешь. А … плевать. Пусть освежует тебя идиота.

Фиен сплюнул на землю и выдернул меч, сунул в ножны. Он бы и рад забыть. Все эти месяцы пытался. Каждый день, каждую долбанную ночь пытался не думать о ней и не мог, и ненавидел себя за это. Презирал. Боялся, что кто-то узнает, как иногда, в предрассветные часы, когда все спят он смотрит как она купается в ванной, как моет серебристые волосы, как растирает тело благовониями, приготовленными Ведой, смотрит и рука сама двигается по стволу члена. Вверх-вниз до дикой разрядки, когда искры из глаз сыплятся от наслаждения, а потом хочется выть от презрения к себе.

* * *

Я была счастлива, каким-то диким противоестественным счастьем даже в тот момент, когда поняла, что именно нам угрожает полтора года назад. Только счастье оно затмевает все остальные чувства: страх, панику, беспокойство. Да и как можно боятся, будучи женщиной того, при имени которого все обливаются липким потом ужаса.

Я не заметила, как из рабыни превратилась в его любовницу, как перестала бояться, как начала ему улыбаться. Шли месяцы, самые трудные и страшные месяцы даже для тех, кто привык к разным условиям жизни в период войны, а мне было все равно. Мой мир полностью замкнулся на моем демоне. На моем жестоком, властном и самом нежном господине, который больше ни разу не попросил так его называть. Я шла за ним с закрытыми глазами, мне не верилось, что его прикосновения перестали причинять боль, не верилось, что и он умеет улыбаться мне в

ответ. И как улыбаться, так что мне хотелось зажмуриться от его дикой красоты и от того что плескалось на дне расплавленного золота его глаз. Я перестала испытывать перед ним страх, наоборот в меня словно вселилось похотливое и ненасытное животное, я сходила от него с ума, от его взгляда, от голоса и когда понимала, что этот взгляд означает и что за ним последует начинала задыхаться от страсти. Мы учили друг друга каждую ночь, Аш открывал мне грани возможностей моего тела, а я ему иные грани прикосновений. И наш секс от дикого и сумасшедшего мог превращаться в бесконечно долгое безумие нежности, когда мой демон шептал мне какое красивое у меня тело, как сильно он хочет его ласкать пока я не закричу для него, пока не охрипну в его руках, под ласками его языка, который проникал везде, скользил порхал, заставляя меня корчиться от ненормального удовольствия, порочного и утонченного, а потом взрываться в ослепительных оргазмах и рыдать в его руках, чувствуя как жадные пальцы мнут мою кожу, а плоть врывается в мое тело разрывая и порабощая.

Моя любовь превратилась в одержимость, в зависимость от его взгляда, голоса и прикосновений. Я не просто его любила я обезумела.

Мне хотелось слиться с ним в единое цело, проникнуть к нему под кожу, стать частью его навечно. Меня переполняла гордость, что я смогла родить ему ребенка. Я плакала от умиления, когда Аш трогал большими ладонями мой вспухший живот и зачарованно говорил, что слышит, как бьется сердечко нашей дочери. Как я могла считать его монстром? Как могла думать, что в нем нет ничего человеческого? Аш менялся, и я чувствовала, что это ради меня. Все ради меня и Норд, которого привезли с осажденного замка, потому что я попросила и драгоценные камни, которыми засыпал меня мой мужчина. Никто больше не смел относиться ко мне, как к рабыне. Последней каплей стало то, что Аш подарил мне свободу от клейма. Оно по-прежнему украшало мое плечо, но я была освобождена от его извечного проклятия. Это было то, чего никто и никогда не получал ранее от демона — доверие. Он мне доверял, он больше не думал, что я захочу уйти. Да и это было равносильно самоубийству, вдали от него я медленно умру от тоски, я сойду с ума. Если когда-нибудь он меня разлюбит я просто превращусь в подобие женщины, завяну, умру без него.

Каждый раз, когда он уходил в очередной поход я сходила с ума от ужаса, что он может не вернуться. Меня мучали кошмары, в которых отряд возвращался без своего предводителя и я, каким-то ненормальным шестым чувством, знала, когда Аш придет

обратно. Я его чувствовала, словно нас соединяла не просто дикая страсть, а невидимые прочные узы, которые тянулись от моего сердца к его сердцу. Если я ждала его возвращения на склоне Аргона, значит он непременно едет домой. Ко мне. К нам.

Я начала забывать о том мире в который раньше мечтала вернуться. Я все реже видела его во сне, все реже думала о матери и брате. Я начинала привыкать жить здесь, в этих невыносимых условиях и наслаждаться каждой секундой своего счастья. Но иногда, когда тоска от разлуки, неведение извечное ожидание сводили меня с ума, я думала, что счастье не может быть вечным, что мне слишком хорошо, что потом я буду расплачиваться за каждое мгновение этой дикой безумной радости кровавыми слезами. Но как только Аш возвращался я обо всем забывала. Он заполнял собой мои мысли. Он и наша дочь, а еще тот малыш, которого я носила. Веда сказала, что он родится через три месяца и что это будет мальчик. Воин. Такой же, как и его отец. Я гордилась собой. Той самой безрассудной гордостью, когда ждешь ребенка от любимого мужчины и носишь в себе часть него, ту самую часть которое свяжет нас вечностью. Нет более дорогого подарка, чем ребенок, которого женщина рожает своему мужчине. В этот момент она дарит ему бессмертие в полном смысле этого слова. Аш говорил мне, что его наследники взойдут на престол, что он сделает все, чтобы они правили этим миром. А мне было все равно, тогда мой мир замыкался на нем, на наших пещерах в которых я была в десятки тысяч раз счастливее, чем во дворце Аша.

Сейчас я смотрела как он потягивает из кубка Чентьем, беседует с Фиеном и Тиберием. А я не могла насмотреться, мне казалось, что за ним можно наблюдать вечно, как за звездами. И сходить с ума от того, что он принадлежит мне…а точнее он позволяет мне приблизиться настолько, чтобы я это почувствовала. Именно он позволяет кормить себя с ладошки, ласкать его и безумно любить. Он мало говорил со мной, иногда мог часами просто смотреть мне в глаза и сказать всего одно слово "ШелИ" — МОЯ. Мне большего и не надо.

Только знать, что принадлежу ему. И смотреть бесконечно долго…задыхаясь от его красоты, от каждого изгиба мощного тела, от цвета гладкой кожи, от шрамов и длинных спутанных волос. От тигриного взгляда, пробирающего до мурашек. Тяжелого, свинцового иногда, а иногда озорного, как у мальчишки, и он мог этим взглядом творить что угодно. Мог, беседуя с воинами, посылать мне мысленно картинки того, что сделает со мной ночью, когда освободиться или заставлять меня корчится от желания, мысленно лаская мое тело и голос звучит у

меня в голове доводя до исступления, заставляя обессиленно сползать по стене, чувствуя насколько я близка к взрыву без единого прикосновения.

— Послезавтра мы выходим в поход на Нижемай.

Я замерла, осторожно положила Марианну в колыбель и одернула полог.

"Я вспомнила, как мы дали ей это имя…тогда, когда я обнимала крошечный комочек, завернутый в одеяло и смотрела в глаза Ашу, а потом следила как пальцы демона безумно нежно касаются головки ребенка.

— Скажи мне твое настоящее имя Шели.

— У меня его нет…есть то имя, которое мне придумал ты. Оно самое настоящее для меня. Более настоящего не придумать.

Демон склонился к моему лицу.

— Как тебя назвала ТВОЯ мать, Шели? Это то, что я хочу знать.

— Марианна, — тихо ответила я, — моя мама называла меня Марианной.

Аш несколько секунд смотрел на меня, потом перевел взгляд на нашу дочь.

— Ты больше никогда не услышишь его по отношению к себе, но ты сама будешь так называть нашу дочь. Я верну тебе твое имя.

— Марианна?

— Да, мы назовем ее Марианна. А ты останешься моей Шели.".

— Вы только вернулись, — тихо возразила я, но так и не отважилась на него посмотреть, чтобы он не увидел моё отчаяние. Моё разочарование. Обычно после того как Аш возвращался, он несколько недель проводил со мной.

— Иди ко мне.

Почувствовала, как демон коснулся моей руки и одернула ее. Тогда он рывком привлек меня к себе на колени, обхватил мое лицо пятерней.

— Если я зову тебя — подойди.

— Я ждала тебя почти месяц.

— Некоторые ждут меня тысячелетиями что значит месяц в сравнении с нашей вечностью?

Я упорно не смотрела в янтарные глаза. Месяц? Да это и есть вечость. Каждый день без тебя как тысячелетие, минута как столетие, а секунда ожидания, как десятилетие.

— Устала ждать меня?

Надавил на щеки, и я слегка поморщилась

— Посмотри мне в глаза, Шели! Надоело ждать?

— Нет…больно просыпаться, когда тебя нет рядом. Больно дышать, когда не знаю через сколько времени увижу тебя снова.

Пальцы на моем лице ослабили хватку, и он вдруг нежно прижался к моим губам, а потом посмотрел мне в глаза:

— Если бы я не знал, что ты меня ждешь…ты бы ждала еще дольше.

Я кивнула и в горле запершило. Каждое расставание с ним — это маленькая смерть. Это маленькая трагедия, которая на определенное время выбивает из колеи, лишает способности дышать. Я превращаюсь в комок оголенных нервов.

— Я хочу дать тебе больше, чем вечные скиьания в пещерах Аргона. Я хочу дать тебе будущее. Тебе и моим детям. И если я просто буду сидеть здесь, у твоего подола ничего не изменится. Мы так и будем прятаться, как крысы, Шели.

Я кивнула…но я не хотела ничего понимать. Мне хотелос орать, что рядом с ним меня устроит любое будущее, я все вытерплю. Я готова все вытерпеть.

— Я вернусь быстро. За тобой и за Марианной. Так быстро, что ты не успеешь соскучится.

Я сглотнула и обхватила его лицо ладонями.

— А если с тобой что-то случиться, Аш? Что будет с нами?

Он нахмурился, а потом провел большим пальцем по моей щеке и только тогда я поняла, что плачу.

— Я обо всем позаботился — если со мной что-то случится вы вернетесь в мир смертных.

— Значит…значит в этот раз все серьезно? Ты просто не говоришь мне насколько да?

— Все под моим контролем, Шели. Я знаю, что делаю, когда делаю и как.

Я снова кивнула и прижалась лбом к его лбу.

— Мне страшно, Аш…Мне страшно, что однажды ты не вернешься.

— А я не хочу, чтобы МОИ дети были лишены того, что принадлежит им по праву и ты, как моя женщина, должна это понимать и принимать…если тебе не надоело ждать. Я могу отпустить тебя, Шели…и тогда ждать больше не придется.

— Тогда лучше убей меня, Аш, но не отпускай. Никогда.

Он усмехнулся, но улыбка не затронула глаза.

— А я бы и не отпустил, — серьезно ответил он, — скорей бы убил, чем позволил уйти.

Глава 26

Они ушли за час до рассвета, когда на Мендемай опустилась непроглядная тьма и извечный туман пополз по сухой, припорошенной снегом, земле. Он загустел так сильно, что в молочном мареве я не смогла даже проводить отряд взглядом. Внутри поднималось ненавистное ощущение пустоты. Мерзкое сосущее чувство тоски и страха.

В этот раз я не сдержалась от слез. Раньше такого никогда не бывало со мной. Я отпускала, понимала, что Аш воин. Он живет этой войной, дышит ею и, если я не стану дышать ею вместе с ним, я перестану значить для него столько, сколько значила до сих пор. Возможно, это беременность сделала меня настолько чувствительной и слабой. Но я невыносимо не хотела его отпускать. Мне хотелось вцепиться мертвой хваткой в его грубый плащ и умолять остаться еще ненадолго. Хотя бы на сутки, на пару часов, минут дольше. Я не успела насладиться им, не успела сказать все то, что накопилось за недели его отсутствия. Я ничего не успела. Но Аш почти не говорил со мной в эти дни, он любил меня. Физически. С каким-то остервенением, дикой жадностью. Вычеркивая из моего сознания чтобы то ни было, кроме его объятий, поцелуев и голода. Мне даже казалось, что этой ночью ему было особенно трудно сдерживать свою сущность и что не носи я под сердцем его ребенка, на мне бы, остались следы от его страсти, рваная плоть и глубокие порез от когтей. Но он сдержался, хоть и овладевал мною без передышки, пока я не обессилела в его руках совершенно. А потом я лежала на его груди, и мы выбирали имя ребенку. Аш уступил это право мне. Я давно знала, как хочу назвать своего сына. Когда демон оделся, и я поправляла перевязь на его груди, нарочно медленно, оттягивая мгновения расставания, он попросил принести дочь.

Я смотрела на них обоих и понимала, что счастье оно настоящее к нему можно прикоснуться и сердце может разорваться от сладкой боли наслаждения тем, что я никогда не надеялась увидеть. Своего свирепого демона, которого ненавидели и боялись до смерти, держащим в своих огромных руках крошечную девочку. Как он касается губами ее волос, трогает щеки кончиками пальцев и улыбается, даже смеется и его взгляд…в этот момент он так похож на человека. На обычного мужчину. Отца. И мне вдруг стало невыносимо страшно, что я больше никогда этого не увижу. Сама не знаю, как сказала это… как вообще осмелилась такое сказать, зная насколько важен этот бой для Аша.

— Не уходи…пожалуйста, Аш….не уходи. Мне так страшно.

Сказала и замерла. Увидела, как Аш оторвал взгляд от лица Марианны и посмотрел на меня. Потом протянул руку и вытер слезу с моей щеки.

— Я вернусь. Ты же знаешь — я всегда возвращаюсь. Обещаю тебе. Это случится даже быстрее, чем ты думаешь.

Я тяжело вздохнула и прижалась к нему всем телом, закрывая глаза, стараясь сдержать слезы, проводить его достойно. Рядом с ним я всегда становилась сильнее — женщина такого воина, как Аш, не имеет права на слабость, а сейчас я чувствовала себя разбитой…потерянной. Потерлась щекой о его щеку.

— Я люблю тебя.

Почувствовала, как он прижал меня сильнее, сминая огромной ладонью мою спину. Аш никогда не говорил мне о любви. В глубине души я мечтала это услышать, но понимала, что для меня намного дороже его взгляды полные нежности или страсти. Его привязанность к нашей дочери, его сильная спина за которой я, как за тройной каменной стеной, его забота о нас и его дикая страсть ко мне. Я не могла мечтать и о десятой доле всего этого, а имела все. Когда любишь хочется отдавать, а не брать и я отдавала…я наслаждалась тем, что он брал. Из множества женщин, которые были в его жизни, он позволил мне быть ближе всех.

Вдохнула запах его кожи и закрыла глаза.

— А как бы ты назвал нашего сына, Аш?

— Габриэль. Но я отдал это право тебе.

Он быстро прижался губами к моим волосам.

— Пора.

Я стиснула челюсти и разжала руки.

Когда отряд внезапно исчез с поля зрения, я осела на землю, чувствуя, как шевелится в животе ребенок и закрыла глаза. Война будет нашим вечным спутником. Я буду всегда с ним прощаться. Всегда умирать от этого сумасшедшего страха, что он не вернется, сгорать в ожидании. Я должна с этим смириться. Научиться не сходить с ума каждый раз, когда Аш уезжает. Он ведь самый сильный из всех воинов. С ним ничего не случиться. Демоны бессмертные…Но я все еще помнила, что есть множество способов убить и бессмертного.

* * *

Я пришла в себя, когда Мелисса накинула мне на плечи накидку и увела в пещеры. Медленно зашла в пустую комнату и

села на низкую кровать, прижимая к себе Марианну. Я даже не замечала, что все еще плачу. Мелисса подошла ко мне и положила руки на мои плечи.

— У мужчин только две страсти, способные лишить их разума и увлечь за собой в бездну — это любимая женщина и война. Чаще всего вторая страсть сильнее первой, Шели, а нам остается только смириться с этим и ждать, когда настанет наша очередь в перерывах между той, второй страстью.

Я посмотрела на нее и тяжело вздохнув спросила.

— Ты не тоскуешь по семье, Мелисса? Не вспоминаешь мужа и детей?

Она отвела взгляд и судорожно вздохнула:

— Я запретила себе думать о них, иначе я сойду с ума и наложу на себя руки. Я просто молюсь, чтобы они были живы и счастливы. Может быть, когда-нибудь, я вернусь обратно и увижу их, а для этого я должна быть сильной. И я стараюсь выжить как могу. Ради них.

Я взяла ее за руку и сильно сжала. Я даже не хотела думать о том, что меня могли разлучить с Марианной. От одной мысли об этом вся моя кожа покрывалась мурашками. Я прижала малышку к себе сильнее и потерлась щекой о мягкие волосики на макушке. Моя девочка. Мое сердце, часть которого теперь живет вне моего тела.

— Но я все же думаю, — продолжала Мелисса, — какие они сейчас? Как выглядит мой старший сын и какие новые слова выучила младшая дочь? Представляю, как они возвращаются все домой, как спрашивают, что есть на обед, как ссорятся и дерутся…

Теперь уже ее глаза блестели от слез.

— Ты счастливая мама, Мелисса, у тебя пятеро детей, ты подарила своему мужу вечность. И ты обязательно вернешься домой. Я верю в это, и ты верь.

Она снова посмотрела на меня.

— А ты? Ты хочешь вернуться домой?

Если бы она спросила меня об этом несколько лет назад, я бы ответила, что мечтаю об этом, а сейчас я точно знала где мое место.

— Мой дом, там, где мой мужчина и мой ребенок, Мелисса. А в том мире ностальгия, детство и воспоминания. Я бы хотела увидеть своих близких…но не вернуться. Моя жизнь здесь. Мое сердце здесь и моя душа…

— С ним…, - продолжила она за меня, и я улыбнулась уголком рта.

— Да, с ним.

— Мы с Альбертом с детства. Учились вместе, выросли вместе, а потом поняли, что и состарится тоже хотим вместе.

Мелисса смахнула слезу, а потом улыбнулась мне:

— Расстроила я тебя своими воспоминаниями, и сама расстроилась, а тебе сейчас радоваться надо, побольше думать о хорошем. Ты носишь в себе наследника Верховного демона. У него будет великое будущее, вот увидишь.

Внезапно кто-то одернул полог, и мы обе обернулись. Я увидела одного из воинов демона, Кифа, начальника дозора, который остался охранять пещеры.

— К пещерам двигается отряд воинов. Их слишком много чтобы мы могли дать отпор. Несколько дозорных обезглавлены.

Я быстро посмотрела на Мелиссу и сильнее прижала к себе малышку.

— Сколько их?

— Дозорные сказали около ста. А нас слишком мало, все остальные с Ашем. Уходим в лес. Уже погасили все костры. Несколько воинов прикроют вас. Поторопитесь. Вы знаете, где можно укрыться. Ждите нас там. Если не вернемся к ночи — уходите дальше к вершинам Аргона. Скроетесь в верхних пещерах и переждете пока отряд Аша вернется.

— А лошади? А церберы?

— Их придется бросить, — сказал демон.

— Это невозможно. Мы не можем бросить лошадей. Это какое-то безумие.

— Они не пройдут по тоннелю. Собак спустим с цепи, они сами нас найдут.

От мысли, что придется оставить Люцифера внутри все похолодело.

— Поторопитесь, Госпожа. Нет времени думать. Они будут здесь через несколько минут. Уходите.

Я выдохнула, справляясь с приступом паники, стараясь унять дрожь по всему телу.

— Уходим, — наконец-то сказала я, стараясь взять себя в руки.

Мелисса помогла мне привязать Марианну куском материи ко мне, так чтоб мои руки были свободны, а она согревалась от тепла моего тела. Я закуталась в плащ, и мы поспешно вышли из пещер. Я бросила взгляд на коней, которые перебирали копытами, отбивая искры. Мысленно попрощалась со своим любимцем. Я не могла подойти к нему и, глядя в черные, преданные глаза сказать, что бросаю его. Вдалеке послышалось рычание — то спустили с цепи церберов. Я повернулась к демону:

— Киф!

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Береги себя и воинов.

А потом взяла его руку и крепко сжала. Демон не ожидал, он даже вздрогнул.

— Спасибо.

Едва мы вошли в тоннель, освещая дорогу факелами, как я услышала гул и от грохота задрожала земля, бросила взгляд назад и вздрогнула, когда поняла, что те, кто остались скорей всего будут убиты, чтобы дать нам возможность скрыться.

* * *

Дорога по извивающемуся узкому тоннелю казалась бесконечной. Все шли молча, никто не знал, что нас ждет снаружи, да и что нас ждет вообще. Со мной остались всего пять воинов. Остальные десять сейчас проливают за нас кровь там, у пещер.

Когда мы вышли наконец-то на свет, в Мендемае был уже полдень и блеклое пятно солнца виднелось на тусклом небе. С юга двигались сизые тучи. Нас ожидал снежный ураган. Мы должны достичь подземелья до того, как он обрушится на нас.

Все ускорили шаг, я поглядывала то на Веду, то на Мелиссу, иногда на нашу охрану. Только бы продержаться до возвращения Аша. Мы останемся на время без провизии, без воды, без каких-либо удобств.

— Это здесь, — крикнул один из демонов и наклонившись отодвинул присыпанную дерном дверь, ведущую в подземелье. Мы спустились вниз, поеживаясь от сырости и запаха затхлости. Воины развели костер и я в блаженстве протянула руки к огню.

Теперь оставалось ждать. До ночи. Если Киф не вернется, продолжать самый тяжелый путь — к вершине Аргона. Чем выше взбираешься, тем холоднее там, наверху, где проходит граница с Асфентусом.

Я прислонилась спиной к стене и посмотрела на Марианну. Ее растрясло в дороге, и она спала, посасывая большой палец.

Как мало нужно ребенку для спокойствия и счастья. Ее дом — это я. Защита тоже я. Но малышка такая хрупкая и маленькая. Веда сказала, что она еще долго будет человеком, почти до совершеннолетия даже не заподозрит о своей сущности. Да и какую сущность она унаследовала тоже не известно. В этом проклятом мире все загадка, свои неписанные законы извращенной до неузнаваемости, особенной природы. Даже я существо не особо понятное и не особо изученное даже самой

Ведой. Моя же дочь вообще полная загадка.

— Выпей, детка. Ради ребенка.

Веда протянула мне флягу, и я уже знала, что там — кровь. Бесценный нектар в наших условиях. Сделала несколько глотков и протянула ей обратно. Я видела, как между ее бровей пролегла складка и я даже понимала, о чем она думает — если за нами не вернуться, то очень скоро я останусь без этого нектара и у меня пропадет молоко, а ребенок, которого я ношу начнет пожирать меня изнутри, питаясь моей кровью, не получая ее извне. То есть мы все умрем. Вначале моя малышка, которой станет нечем питаться. Потом я, а потом и малыш во мне.

— Хватит еще на сутки, — тихо сказала Веда, — а потом будем думать. На время сойдет любая кровь. Но на вершине вряд ли осталось хоть одно живое существо. Там минус пятьдесят по Цельсию.

Она придвинулась ко мне вплотную, бросив взгляд на воинов и прошептала:

— Будь очень внимательной. Не доверяй никому. Слышишь? И не подпускай к себе никого. Держись ближе ко мне.

— Почему?

Ответ я получила намного позже, а сейчас я просто думала, что Веда имеет виду нападение чужаков или предательство. Мы ждали до последнего, до полуночи, никто не пришел. Воины молча переглядывались, ожидая моего приказа, а я медлила. Я все еще надеялась, что Киф уцелеет.

— Уходим. Скоро стихнет ураган, а нам нужно чтоб снег замел наши следы. Ждать дальше бесполезно. Они мертвы, — решительно сказала Веда и протянула мне руку, помогая подняться.

Мы снова двинулись в путь, затушив костер, уничтожив все следы нашего пребывания в подземелье.

Адская дорога, еще сложнее чем путь через тоннель. Особенно сейчас, когда все мы понимали, что теперь остается надеяться на чудо. Я знала, что многие из демонов уже чувствуют голод. Почти сутки в пути. Уставшие, замерзшие.

Мы взбирались наверх, карабкались по склонам и снова шли. В этом проклятом месте даже демоны лишались своих способностей.

— Делаем привал, — крикнул Легуа и махнул нам рукой, — переждем пару часов новый виток урагана и двинемся дальше.

— Да вершины час пути, — возразила Веда, — можно укрыться уже в пещерах.

Демон бросил на нее яростный взгляд:

— Сейчас начнет мести так, что ты в полуметре ничего не

увидишь, старая. Блуждать по лесу никто не хочет. Делаем привал. Вы, трое, несите дозор внизу, разделимся. И ты, ведьма, иди с ними, твоя чуйка им пригодиться.

Легуа кивнул трем другим демонам и те поспешно скрылись за деревьями. Веда несколько секунд смотрела на меня, а потом сказала:

— Помни, что я тебе говорила.

Мы укрылись под деревьями, прижимаясь спинами к могучим стволам, а лапы массивных елей защищали нас от снегопада. Я закрыла глаза, чувствуя насколько устала. Даже не заметила, как провалилась в сон. Меня разбудил сдавленный крик. Инстинктивно нащупала нож в кармане и приоткрыла глаза. В тот же момент меня схватили чьи-то руки и вдавили в ствол дерева.

— Только пискни, сука, я сожру твоего ребенка.

Распахнула глаза и встретилась с жутким взглядом Легуа. Он вцепился в мое горло.

— Отпусти, — уверенно сказала я, — отпусти и я клянусь, что забуду об этом. Иначе он найдет тебя, и ты умрешь долго и мучительно.

Демон оскалился мне в лицо и усмехнулся.

— Я скажу, что тебя убили враги. Остальные подтвердят. От тебя даже трупа не останется. Так что смирись и прими свою участь. Мы голодны и не собираемся дохнуть, когда рядом есть еда…но вначале…

Он плотоядно облизал губы и рванул в стороны полы моего плаща.

— Вначале я хочу понять, чем ты его так привязала к себе.

Я сильнее сжимала кинжал, понимая, что с ним не справлюсь, а если и справлюсь, то остальные добьют меня, Мелиссу и Веду. Когда он дотронулся до Марианны, чтобы оторвать ее от меня, я воткнула нож в шею Легуа, на меня брызнула его черная кровь и тут же выдернула, сжимая рукоятку и готовая сопротивляться о последнего.

— Сука! — он замахнулся чтобы ударить и в тот же момент вдруг взвыл, его отшвырнуло назад. Я не сразу поняла, что происходит, пока не услышала рычание, а потом, увидев в темноте три пары горящих красных глаз, резко выдохнула.

Норд загрыз Легуа быстро. Он был слишком голоден, а запах крови демона разбудил в нем самые примитивные инстинкты. Расширенными от ужаса глазами я смотрела как цербер раздирает демона на части, как растекается по снегу черная кровь.

Вдалеке послышался крик, и я вскочила на ноги, побежала на звук борьбы:

— Мелисса!

Но не успела, я лишь увидела, как напарник Легуа тащит мою подругу в чащу леса. Он не ушел далеко, я метнула кинжал, и он вонзился ему в спину, по самую рукоятку, а потом на него набросился другой воин, завязалась борьба.

Я подбежала к Мелиссе и рывком прижала ее к себе. Громко плакала Марианна, а мое сердце билось в горле от пережитого кошмара. Меня лихорадило, зуб на зуб не попадал, но, несмотря на это, по спине градом катился холодный пот.

— Ты цела? Цела?

Она кивнула, а я увидела на ее шее и щеке следы от клыков. Слезы смешались с ее кровью и расширенными от ужаса глазами, с застывшим взглядом. Она была в шоке.

— Он…он…

— Я знаю. Все хорошо, — пробормотала я, и с облегчением выдохнула, когда увидела, как тому, кто напал на Мелиссу вспороли грудную клетку и вырвали сердце.

Рядом раздалось довольное рычание, я повернулась к Норду. Он смотрел на меня, зажав в средней пасти голову Легуа. Осторожно положил к моим ногам и завилял хвостом. Несмотря на весь ужас происходящего, я усмехнулась. Принес трофей хозяйке. Потрепала его за ушами.

— Молодец. Ты молодец.

— Шели!

Веда подбежала ко мне, помогая нам обеим подняться.

— Вы целы?

— Да!

Марианна продолжала плакать, и я накрыла ее полой плаща, лихорадочно думая о том, что пора её кормить. Тот воин, который убил напарника Легуа так же бросил к моим ногам его голову.

— Предатели. Сукины дети. Простите Госпожа, мы должны были…

Я выдохнула и посмотрела на молодого демона.

— Они были голодны.

— Мы больше не воины армии братьев. У нас теперь иные законы. Это был наш выбор, и мы свободны. Предатели остались в цитадели. Те, кто с нами, хранят верность Ашу, а значит и его женщине. И мы скорее отдадим вам свою кровь, как бы не были голодны.

Я все еще тяжело дышала.

— Как тебя зовут?

— Шон.

Я кивнула.

— Ты знаешь дорогу к пещерам?

— Да, Госпожа.

— Веди нас туда. Сейчас.

Посмотрела на кричащую малышку и прижалась к ее головке губами.

— Скоро, милая, потерпи немного. Совсем немного. Все будет хорошо.

Тогда я еще думала и верила, что для нас возможно это "хорошо"…Что вернется Аш и все станет по прежнему. Главное дождаться его. Выжить.

Глава 27

— Все тихо, — прошептал Тиберий и лег рядом с Ашем и Фиеном, наблюдающими за замком, окруженным словно кольцами, облаками тумана. Нижемай находился в низине, клубы марева скрывали почти все здание.

Несколько огоньков мелькали на самой стене, где дозор замка нес круглосуточный караул.

Фиен перевернулся на спину и поморщился, придерживая руками колено.

— Царапина кровоточит. Запах крови разнесется на километры.

Тиберий резко сел и посмотрел на ногу Фиена. Штанина под коленом порвана и по голенищу сапога стекает густая кровь. Тиберий сунул руку за пазуху, достал кусок веревки и перехватил ногу Фиена чуть повыше колена.

— Сильно задело? — Аш повернул голову к инкубу.

— Нормально. Намазался зельем Веды. Жить точно буду.

Аш перевел взгляд на Тиберия.

— Дозор на границе сменится в пять часов утра. У нас почти не осталось времени. Как только обнаружат, что воины, которых мы убрали, не вернулись — поднимут тревогу. Тиберий, сменишь Фиена. Ты выдвинешься первым. Преодолеете стену и вывесите флаг справа.

— Это мой бой, Аш, — возразил Фиен.

— Я сказал — НЕТ! — Аш сверкнул глазами, — Нужна сила и ловкость, чтобы взобраться на стену под градом стрел. С твоей раной ты полетишь на дно оврага и сгоришь там дотла, упрямый инкуб, а я не в том положении чтоб разбрасываться лучшими воинами.

Повернулся к Тиберию:

— Все. Вперед. Мы прикроем.

— Если флага не будет — вы уходите! — Напомнил Тиберий и смачно сплюнул на землю, — Эх не хочется сдохнуть, не побывав в гареме Люциана. Так что флагу — быть!

Аш и Фиен усмехнулись, провожая мощную фигуру Тиберия взглядом. Снова припали к земле.

— Слишком тихо тебе не кажется? — спросил Фиен и, приподнявшись на локтях, всмотрелся в центральные башни.

— Главный клоун свалил трясти яйцами перед эльфами, вот и тихо, — ответил Аш и поднялся с земли, — я буду наготове. Как только увидишь мой флаг на левой башне — твой черед. К тому времени от охраны замка останутся жалкие ошметки.

— Понял, — Фиен поморщился, приподнимаясь и припадая на правую ногу.

— А говоришь нормально, — процедил Аш и перевел взгляд на залитую кровью штанину инкуба.

— Мне расплакаться и позвать мамочку?

— Она придет?

Оба расхохотались.

— Придумал имя сыну?

— Нет. Сына назовет Шели. Мы так решили. Кстати, Фиен, тебе не кажется, что пришел и твой черед обзавестись постоянной женщиной?

— Где ж я тебе ее возьму? У нас в отряде всего три женщины. Одна твоя. Одна не в моем вкусе, а третья старуха, — буркнул Фиен и отвел взгляд, вглядываясь в очертания замка.

— Это Мелисса? Не в твоем вкусе?

— Аш, ты заделался сводней?

— Мужик с полными яйцами не может полноценно наслаждаться жизнью. Или ты справляешься сам?

Аш расхохотался, а Фиен лишь криво усмехнулся, продолжая смотреть на темные окна башен.

— Они уже должны были взобраться по стене.

— Если только внизу их не принял еще один дозор. Дадим им время. Так что насчет Мелиссы, Фиен?

— Не моё, — ответил инкуб и вынув меч из ножен сунул его обратно. Аш пожал плечами.

— Как знаешь. Она красавица. Так, а кто, да, твое, Фиен?

— Смотри! — инкуб подался вперед, — Вешают знамя!

— Вижу! Сукин сын и правда очень хочет в гарем Лучиана. Все, начали. Давай, жди знак. Если моё знамя не появится на левой башне — уводи воинов. Возвращайся обратно в пещеры. Что делать дальше ты знаешь. Береги мою женщину и моих детей, Фиен, если я не вернусь. Поклянись.

Инкуб посмотрел в глаза Повелителю.

— Клянусь. Только ты сам ее будешь беречь. Но я клянусь.

Аш обернулся к демонам.

— Давайте. Вперед. Надерем задницы прихвостням Лучиана.

Предводитель мятежников махнул рукой и стройной вереницей, перебежками отряд двинулся к стене, пригибаясь к земле, сжимая рукоятки мечей. Достигнув края обрыва возле рва, Аш заметил фигуру одного из своих. Тот сделал условленный знак, и демон швырнул ему веревку. Через несколько минут они преодолели овраг с кипящей магмой. Аш осмотрелся по сторонам — демон, который привязал веревку исчез. Теперь они двигались вдоль стены к центральным воротам. Аш остановился и

прислушался — изнутри доносился лязг мечей и звуки борьбы. Он кивнул на ворота и вдруг замер…нахмурился, поднял руку вверх, а потом толкнул ногой ворота — те со скрипом приоткрылись. Сзади послышался сдавленный крик и уже через секунду со стены поспрыгивали воины Лучиана. Они обрушились на отряд неожиданно, укладывая на месте сразу нескольких солдат Аша. #286594757 / 13-сен-2015 Обезглавленные трупы полетели в овраг, и кипящая магма поглотила тела.

— Подстава! — крикнул кто-то. Но уже было поздно отступать, бой развязался у ворот. Отбиваясь от нескольких демонов одновременно, Аш сносил им головы, оттесняемый внутрь замка, за ворота, а когда оказался за ними, почувствовал, как по коже прошла волна электрического тока и от ярости закипела кровь в венах. Замок кишел воинами Лучиана. Никто не ушел в горы, в поход на Эльфов. Весь тысячный отряд внутри…и они явно ждали нападения. Они подготовились к этому вторжению, а войско Аша — нет. Он привел своих солдат в самое пекло. В засаду. Демон пригнулся, когда мимо виска просвистели стрелы с хрустальными наконечниками и впились в землю, раскачиваясь и пружиня из стороны в сторону, как маятники. Он бросился к левой башне. Если освободить пленных из каменоломен численность сопротивления возрастет в несколько раз. У мятежников появится шанс. Как же они ТАК влипли? Кто предал? Какая тварь подготовила эту ловушку? Потом. Всё потом. Сейчас ему нужно думать о том, как уцелеть и сберечь своё войско. Вывести их замка с малыми потерями. Если вообще останется кого уводить. Лишь бы Фиен все понял и не повел оставшихся воинов на подмогу. Послушался приказа уходить.

— Прикройте! Я вниз, — крикнул своим, на ходу разрубая на части одного из солдатов Лучиана, продвигаясь в нужном направлении. Увидел Тиберия на которого напали сразу трое. Резким взмахом меча снес одному голову, а второго пригвоздил к земле, выдернул меч, поднял помощника с земли и нанес удар очередному противнику прямо в грудь.

— Давай за мной, Тиберий, вниз. В каменоломни! Какого дьявола вывесил знамя?

— Его отобрали, как только мы достигли стены. Нас там ждали десятки воинов. У нас почти не было шансов.

Аш зарычал и с яростью посмотрел на Тиберия:

— Лучше б сдох, чем отдал знамя.

— Знамя нес Лиаф. Его обезглавили едва он ступил на стену. Аш, сзади!

Демон ловко обернулся и вонзил острие меча прямо в голову нападавшему, оно прошло насквозь и вышло с затылка, несколько

раз прокрутил лезвие, превращая лицо врага в кровавое месиво, и оттолкнул мертвеца ногой.

— Уходим вниз. Освободим рабов и появится шанс.

Они наконец-то достигли левой башни. Внезапно Ашу показалось, что кто-то дал ему под дых — на самой башне уже развевалось черное знамя мятежников с ярко оранжевым цветком.

— КТО МАТЬ ТВОЮ?

Медленно повернулся к Тиберию и тот ответил, едва шевеля побелевшими губами:

— Как кто? Ты!

В этот момент Аш почувствовал удар сзади. Чей-то меч прошел через плечо насквозь. Он развернулся так резко, что противник выпустил рукоятку, а демон выдернул меч и сломал о колено, двинулся на солдата рыча и скалясь. Он оторвал ему голову голыми руками и как мяч отшвырнул в сторону. Тиберий боролся еще с несколькими демонами уже на лестнице башни.

Свора воинов Лучина приближалась со всех сторон, оттесняя к стене байстрюка и его помощника. Аш усмехнулся, завидев среди них своего брата. Он узнал его даже под латами и шлемом. Этот трусливый взгляд голубых глаз. Отрезав Ашу все пути к отступлению, солдаты остановились, не решаясь напасть.

— Убить его! — взвизгнул Лучиан, но демоны не сделали и шага, глядя на Аша с мечом наголо, окровавленного и распаленного битвой. Все отлично знали, что пока они доберутся до байстрюка — он уложит больше половины из них.

— А один на один слабо, братишка? Или боишься, что я вспорю твое гнилое брюхо и оттуда полезут золотые черви? С того самого золота из казны нашего отца, которое вы украли!

Лучиан сдернул шлем и швырнул к ногам Аша:

— Там, куда я тебя отправлю, золото НАШЕГО отца тебе не понадобиться, грязный ублюдок. Давайте, валите его! Можно не брать живым!

Как же Аш ненавидел этот дешевый пафос. Воины ринулись на Предводителя осыпая градом ударов. Их около тридцати. Расхохотался, когда увидел насколько трусливо каждый из них нападает, наносит удар и отскакивает обратно. Боятся суки. Только все равно Аш с ними не справится. Не справятся они и вдвоем с Тиберием. А что еще хуже, то скорей всего его солдаты все здесь полягут. Слишком много воинов у Лучиана. Подготовленных к нападению и вооруженных до зубов. У них нет ни единого шанса. От отчаяния захотелось взвыть волком. Аш бросился вперед, разрубая и кромсая солдат, которые набросились на Тиберия. Схватил помощника за шиворот и силой швырнул в сторону за пределы места битвы. Тиберий отлетел на

несколько метров, прочесав по земле спиной, тут же вскочил на ноги готовый броситься обратно на помощь своему Повелителю.

— Уводи воинов, — закричал Аш, — уводи, Тиберий! Иди навстречу Фиену. УХОДИТЕ, МАТЬ ВАШУ, Я ПРИКРОЮ!

Аш прыгнул вверх на зубчатую кладку из камней вокруг башни. Достал лук из-за спины и молниеносно уложил сразу пятерых, метко попадая прямо в сердце. Он должен снять знамя, дать знак Фиену. Уберечь остатки армии.

— Уводи отряд! Это приказ! — рявкнул Аш, видя, как остальные солдаты Лучиана взбираются наверх с мечами наголо.

Несколько секунд помедлив, Тиберий бросился к воротам с криком:

— Отступаем!

* * *

Фиен вел солдат окружным путем прямо к воротам, поглядывая на развевающееся знамя. Смущало одно, что знамя появилось слишком быстро. К тому времени Аш и его воины должны были только добраться до оврага. Но черт его знает, может Фиен что-то упускает. Адреналин бьется в висках с дикой силой, он может не чувствовать времени.

Внезапно знамя исчезло. Фиен поднял руку вверх и отряд остановился.

— Что-то не так, — пробормотал инкуб, — на землю! Ждите!

Воины залегли за валунами, припорошёнными снегом. Фиен вглядывался вдаль, ожидая, что знамя снова появится, пока не увидел, как с левой стороны башни отделился отряд, уже за оврагом и несколько воинов бегут в сторону валунов.

— Приготовиться к бою! Не двигаться пока я не отдам приказ. Лежать! Твою мать!

Фиен узнал Тиберия. Их всего около двадцати? Где остальные? Где Аш?

— Назад! — кричал Тиберий, — Уходите назад! В замке засада!

* * *

— Мы должны ворваться в замок и попытаться вытащить Аша, Фиен! — Тиберий ходил из стороны в сторону, потом остановился напротив инкуба, который то сжимал, то разжимал кулаки.

— Нет! Я послал гонца к Гурию. Он приведет еще сотню!

Тогда можно попытаться еще раз. Нам не выстоять против всех с нашей численностью!

— Твою мать, Фиен! Аш там один. Он ждет подмогу!

Фиен оскалился и подался вперед:

— Какого дьявола ты бросил его там, трусливый пес?

— Это был приказ! — Оскалился в ответ Тиберий, — приказ, мать твою! Поднимай отряд, нужно вытаскивать его оттуда. Если проберемся в подземелье — рабы нам помогут. Мы не можем ждать!

— Это самоубийство. Против тысячного войска выдвинуть пятьдесят демонов!

Возразил Фиен.

— Потом будет поздно! Или это и есть способ занять место в постели рядом с белобрысой сучкой Повелителя?

В одну секунду Фиен сбил Тиберия с ног и приставил меч к его шее.

— Я вспорю тебе горло если ты скажешь еще хоть слово!

— Вспори! И я не буду соучастником этого предательства!

Фиен силой вдавил демона в землю.

— Выбирай слова, Тиб! С минуты на минуту появится Гурий и мы двинемся на замок! Если сдохнем там раньше — это Ашу не поможет. Не поможет, мать, твою! Они покромсают нас на ленточки! Думай, как бы поступил Аш. Отбрось к дьяволу свои эмоции.

Тиберий оттолкнул Фиена и вскочил на ноги.

— Нет у меня эмоций! Я — демон, ты не забыл?

Потом повернулся к Фену.

— Да понимаю я. Ты прав. Он меня спас! Мою гребаную жизнь, а сам остался там.

— Он жив, если снял знамя с башни, он был еще жив. Они не убьют его так быстро.

Тиберий сжал кулаки и посмотрел в сторону замка.

— Но он сам же его какого-то дьявола и повесил! Я видел, Фиен! Лучиан приказал взять Аша живым или мертвым. Смотри! Какого дьявола там происходит? Что за…!

Тиберий смотрел в направлении замка, заслонив глаза ладонью от тусклого солнечного света. Фиен шумно выдохнул и по его телу прошла волна дрожи.

— Они украшают местность, твари. Развешивают тела вдоль оврага, нанизывая на колья, показывая нам, что одержали победу и все наши мертвы.

Воцарилась тишина. Слышалось только карканье ворон.

— Все. Мы опоздали, — тихо сказал Тиберий и с яростью воткнул меч в землю.

— По законам Мендемая мы можем забрать наших мертвецов, — севшим голосом ответил Фиен, — Аша среди них может и не быть. Спустя час двинемся в сторону замка заберем тела.

— А смысл? Подставиться под стрелы ради мертвых?

Фиен резко повернулся к Тиберию.

— Это не просто мертвые — они наши братья. Они проливали там кровь за нашу свободу. Они достойны быть сожженными на ритуальном костре, а не сгнить развешанными на кольях, когда их трусливые друзья по оружию прячут свои задницы в лесу, распустив сопли. Кто со мной?

Фиен посмотрел на притихших воинов.

— Сделать шаг вперед — кто со мной?!

Несколько секунд все молчали, а потом каждый сделал шаг, глядя на инкуба.

— Через час двинемся в сторону замка.

— Лучиан не будет соблюдать законов. Он это сделал специально и нас перестреляют, как тупую дичь, клюнувшую на приманку.

— Не ты ли хотел выдвинуть туда всего пятьдесят солдат пару минут назад?

— Воины Гурия в километре от нас! — крикнул дозорный, ведущий наблюдение с возвышения.

— Они нас и прикроют. Там целый отряд лучников.

* * *

Спустя час отряд двинулся в сторону замка. Ровной шеренгой, под прикрытием лучников они шли забирать страшные трофеи, вывешенные вдоль оврага. Фиен впереди всех, с непокрытой головой, сжимая в руках перевернутый лезвием вниз меч — знак того, что отряд вышел за своими павшими собратьями, а не в наступление. Все молча остановились, когда увидели первого мертвеца. Раздался тихий ропот, больше похожий на всеобщий стон отчаяния.

Его узнали. Острый кол торчал из развороченной грудной клетки предводителя мятежников. Байстрюка вначале лишили сердца и только потом вздернули на высокий заостренный шест. Широко открытые глаза Аша смотрели прямо на отряд даже мертвый он вызывал в них трепет.

Демоны преклонили колени и склонили головы. Фиен сделал шаг вперед и остановился, несколько минут смотрел, задрав голову на мертвого Повелителя, а потом тоже упал на колени.

В землю, возле инкуба, вонзилась стрела. Знак того, что никто не собирался давать им много времени.

Первым сняли Аша, аккуратно положили на развернутый плащ. Быстро. В гробовой тишине, воины снимали своих собратьев и укладывали на расстеленные плащи. Вскоре на земле лежали около двадцати трупов.

— Уносим, — хрипло скомандовал Фиен, — остальных заберем через время.

* * *

Зарево костров полыхало до самых верхушек елей, солдаты выстроились в круг, наблюдая за тем, как Фиен поджигает хворост, разложенный вокруг их мертвых собратьев. Они сожгли все тела, кроме одного.

Фиен бросил горящий факел в один из костров и подошел к телу Повелителя. Позади него стоял Тиберий и еще несколько приближенных. Они ждали решения инкуба.

— Мы отнесем его к пещерам. К его вдове. Дадим ей возможность оплакать и попрощаться, — тихо сказал Фиен и тяжело вздохнул, глядя на открытые глаза мертвеца, подернутые белой пленкой.

— За нами могут выслать погоню, — возразил Тиберий, — не лучше ли предать тело огню и двинуться в путь?

— Нет! Вдова должна получить его тело!

— Миена? — ядовито заметил Тиберий, — отнесем за тысячи километров к границе с северным королевством?

Фиен стиснул кулаки:

— К его женщине, к той, что родила ему наследницу и еще родит наследника. Она и есть вдова. У кого-то есть возражения?

Окинул взглядом воинов, но никто не издал ни звука.

— Вот и отлично. Если все против, то я сам его понесу.

— Фиен! — инкуб повернул голову и увидел дозорного, — Киф! Он принес плохие вести, Фиен. Быстрее.

Инкуб бросился за дозорным вместе с Тиберием. На снегу лежал окровавленный израненный демон, он с трудом дышал. Его минуты были сочтены. Фиен упал на одно колено, наклоняясь к начальнику дозора пещер Аргона.

— Все мертвы…Женщины ушли к вершине…все мертвы… Все…

Глаза Кифа закатились и по телу прошла судорога, он затих. Фиен обхватил голову руками. Несколько секунд сидел над телом, потом встал с колен.

— Уходим в скалы. Где Тиберий?

Фиен резко развернулся и увидел, как Тиб и еще несколько демонов раскладывают хворост вокруг тела Аша.

— Прекратить! — заорал инкуб, — Я сказал прекратить!

Сбил Тиберия с ног и повалил в снег.

— Я сказал — мы несем тело к вдове. Значит, мы несем тело к вдове!

— Это бред! Тащить труп на вершину Аргона сущий бред! И какого дьявола я должен слушать твои приказы, инкуб? Или ты решил провозгласить себя новым предводителем?

Фиен стиснул горло Тиберия.

— Ты хочешь сейчас это решать? Сейчас, когда твои собратья мертвы? Когда твой Повелитель мертв?

— Но он же мертв! — возразил Тиб, — Кто-то должен мыслить трезво, а не как эмоциональная баба!

Кулак Фиена врезался в лицо Тиберия с хрустом ломая переносицу.

— Мы решим это потом! Когда сожжем тело Аша. А сейчас ты отдашь ему последние почести и отнесешь его тело вдове.

— А он бы сделал это для тебя? Он бы отнес твое тело Ибрагиму?

Фиен несколько секунд смотрел на окровавленное лицо друга.

— Тот Аш, который был Верховным демоном — нет. А тот Аш, который прикрыл твою задницу и погиб для того чтобы мы все выжили — да. Да! Твою мать! Он бы это сделал! Ты жив, сука, только потому что он так решил!

Фиен тяжело дыша слез с Тиберия и повернулся к воинам:

— Мы уходим в скалы! Сейчас! Отряд Гурия пойдет за нами!

Никто не посмел возразить. Фиен чувствовал, как они все сломались. На физическом уровне. Их боевой дух безнадежно подорван смертью предводителя, который вел их всегда только к победе. Пройдет еще не мало времени прежде чем они смогут принять нового и набраться сил, чтобы продолжить сопротивление. А они его продолжат. Фиен закончит то, что начал Аш. До последнего взятого замка, до последнего обезглавленного Верховного демона. Воины вместе подняли носилки с телом Аша Абигора Руаха и понесли в глубь Проклятого леса.

Глава 28

На третьи сутки мы уже мучились от голода и жажды. Воины уходили в глубь леса, спускались вниз и возвращались с пустыми руками. Обмен кровью не приводил ни к чему, мы только больше истощались и теряли силы. Боль в желудке утоляла горячая вода. Мы грели талый снег, бросали в него кору деревьев и варили. На несколько часов это помогало, создавало иллюзию сытости. Но не более. После этого жестоко обмана организм бунтовал еще сильнее. Меня скручивало пополам и беспощадно рвало этой проклятой корой. Они все отдавали мне свою кровь. По очереди, но мы понимали, что это временно, что нужно искать выход из положения.

Шон предложил отправится в наше старое убежище, возможно воины Братьев не тронули запасы, спрятанные в пещерах. Мы согласились. У нас не оставалось выбора. Только все понимали — если Шон и остальные демоны не вернуться, мы тоже погибнем. Оставалось выбирать, и я выбрала. Пусть идут. Я больше не могу эгоистично опустошать их организмы и ничего не давать взамен. А так шанс появится у всех нас или же мы просто ускорим собственную смерть.

Мы остались одни. Три женщины голодные, обессиленные и маленький ребенок. Норд пропал еще вчера вечером. Его преданность все же побороли инстинкты. Он ушел искать пищу. Мелисса совсем выбилась из сил, Веда еще кое-как держалась, и я старалась не впадать в отчаяние, глядя как Марианна постоянно спит. Иногда, в ужасе я будила ее, щипала, чтоб заставить плакать и убедиться, что она жива.

А потом плакала вместе с ней целуя маленькие ручки, пальчики, умоляла ее простить меня. Я ничего не могла сделать. Мне оставалось только ждать. В этом проклятом месте я снова начала молиться. Так, как меня учила когда-то моя мама. Я молила Бога, чтобы Аш вернулся и нашел нас. Я молилась о своих детях и о женщинах рядом со мной…и да. Я молилась о демонах. Абсурд. Смешно и дико…но у меня ничего не оставалось кроме надежды и веры. Самое страшное это потерять и то и другое. Тогда жизнь перестает иметь смысл. Пока мы надеемся, мы продолжаем верить, а после…после уже ничего не остается. Только пустота.

К утру у Мелиссы начались галлюцинации от голода, а Веда все еще старалась не сдаваться и поддерживала огонь, варила кору снова и снова и заставляла нас пить, разжевывать горькие куски и глотать их. Мелисса зашлась в истерике уже ближе к

ночи, она металась по пещерам, ломала ногти, выла и просила есть и Веда с трудом успокоила ее, зажав виски женщины пальцами и использовав всю свою энергию, заставила уснуть. А потом и я уснула, прижимая к себе Марианну. Я не спала несколько суток. Боялась, что могу что-то проспать, что моя девочка будет плакать, а я не услышу, но организм не выдержал и я провалилась в сон после очередной порции "супа" Веды. Меня разбудило рычание, кто-то силой толкал меня в бок. Я с трудом разлепила веки и вздрогнула. Норд тут же облизал мне лицо, пачкая меня чем-то липким. Приподнявшись, сильнее прижимая к себе малышку, я хотела радостно вскрикнуть и не смогла. Норд принес тушу какого-то непонятного зверя, похожего на кабана. Цербер он вилял хвостом и преданно заглядывал мне в лицо.

— Веда, — слабо позвала я, — Веда!

Но ведьма не отзывалась, а у меня не оставалось сил даже встать. Цербер несколько секунд смотрел мне в глаза, потом оторвал кусок сырого мяса от туши и положил мне на колени. В желудке одновременно и заурчало, и все свернулось в узел от тошноты. Я раздумывала несколько секунд. Стоило только бросить взгляд на малышку у моей груди, которая выбилась из сил пытаясь высосать молоко, которого не было. Я схватила мясо и вгрызлась в него зубами. Норд отрывал кусок за куском, а я, зажмурившись ела, чувствовала, как по лицу течет еще теплая кровь зверя, меня подташнивало, а внутри разливался жар. Силы возвращались очень быстро.

— О Боги! — Веда зашла в пещеру и вытряхнула с подола собранную кору, она бросилась к Норду, но тот попятился назад, не подпуская к себе. Только я могла прикасаться к этому зверю. Я…и его Хозяин, остальных Норд мог растерзать на части.

— Черт меня раздери, если я и правда это вижу. Он принес нам поесть. Цербер. Адская псина.

Через час мы уже пили вкусный бульон и ели вареное мясо. Марианна наконец-то перестала плакать и теперь игралась с моими волосами. Мы все, в блаженстве, прикрыли глаза и молчали, наслаждаясь эйфорией от сытости. К утру вернулся Шон с помощниками, они принесли запасы с пещер. Даже золото прихватили, сказали, что как только закончатся ураганы, спустятся со скал в Арказар там тоже запасутся провизией. А еще Шон сообщил, что среди мертвых демонов не обнаружил тело Кифа и скорей всего тот двинулся к отряду Аша навстречу известить о нападении. Ко мне возвращались силы, я воспряла духом. Мы с Мелиссой обустраивали пещеры, доставая из тюков шкуры, теплые вещи. Веда стряпала снаружи. Они вместе с Шоном обрабатывали мясо зверя, которого принес Норд. Я

гордилась собой, когда вернется мой мужчина он увидит насколько я сильная, узнает в каких условиях мы продержались до его приезда. Я была уверенна, что мы скоро покинем это жуткое пристанище и сможем вернуться в пещеры, более приспособленные для жизни нежели вершина Аргона.

Каждые несколько часов я выходила наружу, кутаясь в теплый плащ и всматривалась вдаль. В этот раз — он не возвращался. Я утешала себя мыслями, что добраться к вершинам не так просто и возможно нас ищут, а следы замело снегом. Снова исчез Норд и сколько я не звала его снаружи, он не приходил на мой зов. Возможно снова ушел добывать пищу. Звери быстрее всех приспосабливаются к новым условиям.

Впервые за эти дни я уложила Марианну отдельно от себя. Мы обе были сыты и теперь она тихо спала на шкурах, прикрытая теплым одеялом. Я погладила ее сжатые кулачки, поцеловала пухлые щечки и снова вышла наружу. Сегодня у меня было предчувствие, что что-то изменится. Прошло слишком много времени, они должны уже найти нас. Я лихорадочно подсчитывала сколько времени мы добирались наверх и неизменно приходила к выводу, что уже скоро. Возможно даже сегодня ночью он вернется ко мне. Ведь с ним ничего не случилось? Я бы почувствовала. Я бы точно знала. Мое сердце не могло меня обманывать — он жив. В животе зашевелился наш сын, словно в ответ на мои мысли. Да. Наш папа скоро вернётся и все станет по-прежнему. В тот момент я даже не предполагала, что для меня именно с этой минуты начался обратный отсчет. Разделилась, а точнее треснула моя жизнь. На до и после. На Шели, которая верила и на Шели у которой не осталось ни веры, ни надежды, ни любви. Иногда от таких перемен отделяют секунды, мгновения, когда мы все еще счастливы и когда от нас осталась только тень без сердца, без души. Одна оболочка, которая каким-то странным образом еще функционирует и не гниет от пожирающей ее изнутри дикой пустоты. Обратный отсчет от первой потери…до того момента, когда терять уже больше нечего.

Вдалеке увидела Норда, он бежал ко мне, из-под массивных лап летели хлопья снега, а красные глаза поблескивали в темноте, а потом я разглядела воинов. Сердце замерло и пустилось вскачь. Оно забилось как ненормальное в горле, стуча о ребра, трепыхаясь в дикой скачке, дыхание перехватило. Мне хотелось закричать от безумной радости и броситься навстречу отряду, но я словно вросла в землю. Они двигались очень медленно, хоть и были верхом. Даже издалека я видела, что они что-то везут. Нечто большое, похожее на носилки. Скорей всего

раненых. Я не выдержала и побежала, упала, поднялась придерживая одной рукой живот, а другой полы плаща, а потом остановилась и отряд остановился. Непрерывно падающий снег мешал разглядеть кто двинулся мне навстречу, отделяясь от отряда. Сердце пропускало удары один за одним…а потом я увидела, что это Фиен. Легкий стон разочарования сорвался губ. Он спешился и медленно пошел ко мне. Я дышала все чаще, а ребенок тревожно бился внутри меня. Предчувствие холодной паутиной начало обволакивать мое тело. Фиен остановился напротив, он молчал… а я чувствовала, как начинает кружиться земля под ногами.

— Где Аш? — я не узнала свой голос, мне даже показалось, что он и не мой вовсе. Что это другая женщина, не я, спрашивает где ее любимый. Потому что-я-то точно знаю, что он с ними. Сейчас растолкает толпу, и поднимет своего коня на дыбы. Ветер будет трепать его длинные волосы, а из-под копыт дьявольского коня будут вылетать искры. Аш протянет мне руку и поднимет к себе в седло… я вдохну его запах…и…Иначе и быть не может. Фиен сделал еще один шаг ко мне и протянул перевязь Аша. Я отрицательно качнула головой, отказываясь ее взять и посмотрела на носилки, потом перевела взгляд на воинов, но они все опустили глаза.

— Он ранен?

Голос сорвался, я сильнее прижала руку к животу, ожидая ответа. Потом оттолкнула инкуба и побежала к носилкам, но Фиен перехватил меня за плечи.

— Не надо смотреть. Не смотри, Серебрянка. Не смотри.

Я вырвалась, оттолкнула инкуба и ринулась к проклятым носилкам. А потом остановилась. У меня не было сил сделать хотя бы еще один шаг. Да, я понимала, что произошло. Конечно, понимала …но понимать — не значит принять. Я видела очертания тела под плащом. На негнущихся ногах подошла еще ближе и откинула полу плаща. Я не закричала, и по щекам не покатились мгновенно слезы, как это пишут в книгах или показывают в фильмах, а просто смотрела и мне казалось я умираю. Нет, не мгновенно. Я умираю мучительно медленно. Каждая клетка моего тела наполняется дикой болью. Невыносимой, словно с меня сдирают кожу живьем, свежуют на живую, без наркоза, отковыривают мое мясо с костей, режут, рвут мое сердце на куски, а я не могу произнести ни слова. Я не знаю, как сходят сума быстро или постепенно. Когда происходит этот щелчок в сознании, отключается восприятие реальности.

Кто-то сильно сжал мои плечи, но я повела ими, сбрасывая чужие руки. Мне казалось, что я заледенела, настолько

наполнилась болью, что у меня не было сил думать или осознавать. Обвела демонов затуманенным взглядом, а потом посмотрела на Аша — казалось он спит. Такое красивое и безмятежное лицо, перепачканное кровью, но все же спокойное, я протянула руку и тронула его щеку. Тут же одернула пальцы. Какая холодная кожа. Ледяная. Ему холодно. Очень холодно. Перевела взгляд на Фиена и тихо сказала:

— Несите в пещеры. Он замерз. Поставьте у костра, пусть согреется.

— Шели! Он мертв.

Но я не хотела ничего слышать. Мой демон не может умереть. Он бессмертный. Он сильный. Он просто спит. Они идиоты. Они ничего не понимают. Я даже не понимала, что говорю это вслух.

Фиен одернул плащ с тела, и я увидела жуткую рану в груди Аша, а точнее развороченную грудную клетку. Смотрела невидящим взглядом и мне казалось только, что точно так же разодрали мою собственную…это не у него нет сердца, а у меня. Я теперь буду жить с пустотой внутри.

— Он мертв. Ему вырезали сердце, Шели.

Я с яростью посмотрела на Инкуба. В этот момент мне хотелось вцепиться ему в глаза и дико орать, выть, как безумная.

— Несите! — крикнула я и снова посмотрела на Аша, кто-то хотел накрыть его с головой, но я с такой силой сжала руку демона, что тот мгновенно ее одернул, — Я хочу, чтобы он согрелся! Вы не понимаете? Ему холодно! А потом я зашью его раны и все будет хорошо.

— Несите! — услышала голос Фиена и пошла следом за носилками.

* * *

— Скоро рассвет, нужно сжечь труп до восхода солнца, — тихо сказала Веда и посмотрела на Фиена, который пил чентьем и пустым взглядом наблюдал за потрескивающим костром на котором жарили мясо.

— Она не дает к нему приблизится, — ответил инкуб, — зашила раны и сменила повязки, мне не нравится то, что с ней происходит. Это, наверное шок, — пробормотал Фиен. — Наверное так бывает. Я никогда раньше не хоронил любимых, — инкуб осушил флягу и отшвырнул пустой сосуд, — я поговорю с ней. Мы должны сжечь тело и уходить вниз. В лагерь Гурия. Здесь нельзя оставаться, с севера двигается войско Балместа. Нас окружают со всех сторон.

Фиен встал с камня и со свистом выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Что говорят в утешение, Веда?

— Не знаю. Иногда лучше промолчать совсем.

Инкуб одернул полог пещеры и застыл на месте. Шели лежала рядом с трупом Аша, она положила голову ему на грудь и гладила кончиками пальцев его щеку, что-то тихо говорила, очень тихо, даже улыбалась и инкубу показалось, что у него зашевелились волосы на голове. Одернул полог.

— Я не могу, — пробормотал он, — не могу. Дадим ей время. Двинемся в путь, когда она будет готова.

Веда посмотрела на бледного инкуба и снова тяжело вздохнула.

— У такой потери нет времени, Фиен. Ей не станет лучше ни через час, ни завтра, ни возможно через годы. Не станет. Я сама пойду к ней. Сиди здесь. Проследи, чтоб никто не мешал.

Ведьма вытерла руки о подол платья и решительно одернула шкуру, закрывающую вход в отдельную пещеру. Фиен не слышал голосов, он смотрел на языки пламени и понимал, что у ТАКОЙ потери действительно нет времени. Теперь многое зависит только от него. Пойдут ли воины дальше или армия распадется. Шли минуты, а Веда не выходила. Ни звука там, за пологом. Гробовая тишина, а потом эту тишину вспорол крик, переходящий в вой. Захотелось зажать уши руками. Это было невыносимо. Шели кричала, она так сильно кричала, что инкубу казалось он оглохнет. Фиен вскочил с места, потом снова сел, он вцепился пальцами в волосы и не понимал, что с ним происходит. Ему казалось его разрывает изнутри. С улицы забежал Тиберий вместе с Шоном и застыли, глядя на Фиена.

А потом вышла Веда, она обвела их спокойным взглядом белесых глаз:

— Ищите хворост. Готовьте погребальный костер. Можете вынести тело. Она разрешила его забрать.

Когда Фиен с друзьями забирали труп своего Повелителя молодая женщина не издала ни звука. Она просто стояла как изваяние и смотрела на них и Фиену почему-то показалось, что она их всех ненавидит за то, что они живы.

Фиен схоронил много своих собратьев. Кого-то лично отправил на тот свет, кто-то погиб в бою. Они привыкли к смерти. Они с ней срослись, как с чем-то естественным и понятным в этом мире, где жизнь намного удивительнее, чем вечный сон. Но сейчас, когда хрупкая фигура в развевающемся на ветру платье шла по кругу, поджигая хворост дрожащей рукой ему вдруг показалось, что никогда раньше он на самом деле не осознавал,

что значит терять. Нет, не потому что его покинул лучший друг, не потому что он видел страдания Шели, которая скорее походила на призрак или на изможденную долгой, тяжелой болезнью смертную. Он осознал это когда успел перехватить Серебрянку прежде чем та добровольно ступила в пылающий костер. Прежде чем языки пламени начали пожирать подол ее платья Фиен вдруг понял, что значит терять. Удерживая женщину на расстоянии от костра, чувствуя, как она дрожит, слыша, как слабо бьется ее сердце он понимал, что если потеряет ее, то дальше нет смысла ни в чем. Нет смысла даже продолжать войну.

Они простояли возле костра пока не истлел последний уголь, пока от Повелителя не осталось лишь пепла, который вихрем закружил ветер и понес над скалами Аргона вниз, к Мертвому озеру.

Спустя три года…

Фиен смотрел как она срывает сухие стебли травы и аккуратно складывает на колени. Издалека она кажется почти ребенком. Очень худенькая, хрупкая, почти прозрачная. На голове платок, туго завязанный вокруг идеального лица. Он содрогнулся, когда вспомнил, как повязал ей на голову этот платок впервые. Было жутко наблюдать как тонкие пальцы плетут крошечные венки из сухих стеблей. В Мендемае нет цветов, только чертополох и перекати-поле. Цветы завозят в Арказар из мира смертных. Он привез ей настоящие, живые. Целый ворох. Фиена не было несколько недель. Они как раз вернулись с наживой, пополнив ряды армии новыми воинами, разгромив несколько деревень возле Нижемая. Постепенно все возвращалось на круги своя. Два года назад Фиена выбрали новым предводителем армии мятежников, после взятия огромного склада продовольствия в Арказаре воины признали его своим Господином. До этого в отряде царил хаос. Они вернулись в пещеры у подножия скал. На это раз укрепив охрану местности, расставив ловушки, вырыв подземные ходы. Фиен не торопился, так, как Аш в свое время, движимый жаждой мести. Инкуб хотел, чтобы армия окрепла, достигла той численности, когда противостоять им не смогут даже воины Лучиана и Берита. И тогда они снова пойдут на Нижемай, но в этот раз за победой.

Вернувшись с долгого похода, Фиен не пошел к кострам праздновать, пить четьем, трахать рабынь, которых освободили из обоза невольников. Он хотел увидеть ЕЕ. Знал, что его не узнают, знал, что ей все равно. Веда кивнула на заросли ельника. Шели проводит там каждый день. С утра и до ночи она рвет стебли сухой травы и плетет венки. А потом развешивает их на деревьях, любуется своей работой и плетет заново.

Сейчас он наблюдал за ней, даже не сбросив запыленный плащ. В Медемае настал сезон жары и мог продлиться несколько месяцев, а то и лет. Солнце беспощадно выжигало все живое, пересыхало даже мертвое озеро, обнажая свои жуткие трофеи, похороненные на дне ядовитых вод. Изо льда в пламя. Только в скалах Аргона еще можно существовать ледяной холод вершин смешивался с кипящим воздухом и создавал атмосферу пригодную для существования. Впрочем, демонам не ведомы неудобства, связанные с капризами жестокой природы Мендемая.

Шели не сразу его заметила, а когда увидела посмотрела сквозь него и продолжила свою извечную монотонную работу. Фиен подошел к ней и присел на корточки, стараясь поймать взгляд голубых глаз.

— Я привез тебе цветы. Помнишь? Ты рассказывала мне о ромашках?

Женщина даже не подняла голову, но он привык. Он знал, что она его слышит. Веда так говорила. А ему хотелось в это верить. Хотя он и привык к ее безмолвию.

К этому странному состоянию, в которое она погрузилась три года назад и в котором он винил только себя….

* * *

После того, как сожгли труп Аша, они двинулись в путь вечером, когда Мендемай накрыла непроглядная тьма, освещая дорогу факелами, спускались вниз к долине Смерти, где разбил лагерь Гурий, куда перенесли из пещер все что уцелело после набега армии Братьев. Их путь пролег через лабиринты и подземелья, узкие ущелья скал и пустынную местность. С короткими передышками на привалы. Все это время Фиен не сводил с нее глаз. Ему казалось, что стоит упустить Шели из вида, как с ней что-то случится, ему мерещилась повсюду угроза, он постепенно превращался в одержимого ею безумца. Осознавал, что никогда не добьется т нее даже взгляда. Ему просто было необходимо, чтобы она дышала и жила. Ради нее делались эти привалы, когда инкуб видел, как она слабеет в седле, как бледнеет и обхватывает руками огромный живот или как валится с ног, когда они идут пешком. Ему казалось, что она и сильная, и хрупкая одновременно. Сломленная и в то же время железная. Только он понимал, что ее сила вот в этом пищащем комочке, завернутом в одеяло. Пока ей есть о ком заботится она готова бороться и идти с отрядом.

В один из таких коротких привалов Шели родила сына.

Несколько часов инкуб ждал, пока Веда выйдет из проклятого шатра и сообщит ему плохую или хорошую новость. Только там, под цветным пологом, было неестественно тихо и Фиен обливался холодным потом. Разве роженицы не должны кричать, стонать от боли? Почему она молчит? Почему не издала ни звука? Наконец-то ведьма вышла из шатра и сообщила Фиену, что у Шели родился сын. Она назвала его Габриэлем.

Спустя несколько месяцев за голову новорожденного назначили награду в десять миллионов дуций. Ни Фиен, ни Шели не знали, что Руаха Эш завещал все свое состояние тому сыну, у которого первым родится мальчик. И состояние, и трон должны были пеейти к Ашу автоматически после рождения ребенка мужского пола. Аш должен был стать королем Мендемая. Такого была воля самого Руаха. Только король погиб еще до того, как успел взойти на престол, значит Габриэль становился прямым наследником. Берит не мог потерпеть подобной конкуренции, он мгновенно издал указ об уничтожении семьи проклятого отцеубийцы. По следам беглецов отправилась целая армия, а с севера наступал Балмест, который больше не соблюдал временное перемирие и шел открытой войной на Мендемай. Эльфа не волновало кто и на чьей стороне, он выжигал все живое, кромсал демонов на части, разрушал любую деревню, через которую проходило его войско. Они вылезли из нор, ушастые твари, и усложнили мятежникам жизнь. Теперь приходилось скрываться не только от лазутчиков армии Берита, но и от эльфов, которые могли обрушиться в любую минуту на лагерь или обоз. Огромная сумма, назначенная за ребенка Шели означала, что теперь все те, кто могли быть союзниками восставших могут стать врагами и предателями. Кто угодно мог соблазниться на ящики золота, даже один из них. Берит обещал неприкосновенность любому из мятежников, готовому сдать местонахождение сына байстрюка.

Решение пришло само собой. Тогда оно казалось Фиену правильным. Единственной возможностью спасти детей Шели и избежать бунта солдат, которые понимали, что они гонимы и преследуемы лишь по одной причине — Бериту нужен этот ребенок и пока он не будет уничтожен мятежников будут преследовать. От вечной дороги и потерь устали все. У их армии не было времени окрепнуть, набраться сил, сплотиться, увеличить численность. Каждый привал заканчивался поспешным бегством. Деньги, собранные за это время набегами и грабежами — кончились и Фиен чувствовал, как нагнетается обстановка. Как скоро грянет бунт? Как скоро они разделятся на два лагеря, один из который потребует выдать детей Бериту, а второй до конца

будет фанатично предан сыну своего погибшего Повелителя? И Фиен принял решение…Они двинулись к границе с Асфентусом. Инкуб убедил Шели отдать малышей Мелиссе и переправить смертную в ее мир. Туда, где их никогда не станут искать. Туда где по законам бессмертных не место ни одной твари из Мендемая. Он, Фиен, заставил Шели, обезумевшую от страха за жизнь детей, согласиться. Это была его ошибка. Лучше бы они прятались и скрывались здесь, лучше бы он к такой-то матери был свергнут своими собратьями, чем испытывать это дикое чувство вины и понимать, что это он, Фиен, убил Серебрянку. Он превратил ее в живой труп. В оболочку, лишенную жизни.

Мелисса ушла с детьми через границу, а спустя месяц, когда по просьбе изнывающей от тоски матери, он послал гонца в Асентус чтобы разузнать о детях ему принесли страшную весть — всю семью смертной убили. Всех до единого вырезали, как скот. Гонец принес доказательства. Мылышей расчленили, а родителей распяли и обезглавили. Самое страшное, что Фиен, не зная, какого рода новость может принести лазутчик, принял его при Шели. Она слышала все. Каждую деталь смерти своих малышей. В тот момент она не издала ни звука…Фиен даже было подумал, что она справится, что она сильная и переживет и эту потерю. Но он ошибался. До встречи с Шели инкуб вообще не знал, что такое чувства, что такое любовь…не знал, что такое терять. Что такое отчаяние и боль. Нет не физическая, а моральная. Та, которая лишает разума. Ночью Шели исчезла. Он искал ее почти до рассвета и успел вовремя. Несчастная подожгла себя на одной из вершин Аргона и горела живьем, когда инкуб вытащил ее из костра. Это было самое жуткое зрелище из всех что он видел за свое бессмертие.

Обгоревшая плоть, вырванные с корнями волосы и пустые глаза. Бессмысленные. Безумные. Веда залечила раны от ожогов, залечила и кожу на голове, но не смогла вернуть ту Шели, которую все знали. Она ушла куда-то далеко, туда, где ее больше не терзали муки и страдания. Осталось это тело. Такое же прекрасное, как и раньше, но без души. И каждый раз, едва отрастали нежные серебристые пряди Шели безжалостно рвала их с корнями до мяса, до крови. После таких ночей Веда смазывала ее голову мазями и снова надевала платок. Фиен сам задыхался от боли. Он не знал, как вернуть ее обратно, как вдохнуть в нее жизнь, как вернуть в ее глаза блеск. Он делал все что мог. Привозил ей дорогие подарки, цветы, украшения. Что угодно, что могло бы вызвать улыбку на ее лице. Но она неизменно смотрела сквозь него и монотонно плела свои венки. Через год в отряде начали поговаривать, что от безумной нужно избавится. Что

толку таскать ее за собой, как больного ребенка? Оставить ее в одной из вишт, пусть о ней там позаботятся. Или сдать Бериту, который и за ее голову назначил награду. Какая разница если сумасшедшая умрет? Они избавятся от обузы и преследования.

Фиен не мог их долго сдерживать. Рано или поздно, пока он был в походе кто-то мог навредить Шели, убить ее, покалечить. Она ведь беззащитна, как ребенок. Только одно помешает тронуть ее, только одно сдержит кого бы то ни было и усмирит бунтовщиков и подстрекателей.

Фиен сочетался с Шели браком. Скрепил их союз по всем законам бессмертных.

Веда дала свое согласие и помогла провести ритуал. Жену предводителя мятежников не тронет никто. Не посмеют. С тех пор прошел год. Ничего не изменилось. Армия разрослась, окрепла, они заняли большую территорию, очистили ее от лазутчиков Балместа, захватили еще один рудник с хрусталем. Войско готовилось идти на Нижемай. Окрестности города уже были захвачены, и мятежники держали позиции уже несколько месяцев. Мендемай был охвачен с юга войной с эльфами. Берит разрывался между двумя фронтами. Но эльфы пока представляли для него большую опасность чем восставшие демоны. Он бросил все силы на защиту Огнемая, который стал основным городом.

Фиен вложил в руку Шели несколько ромашек и зажал ее пальцы.

— Это настоящие цветы, Серебрянка. Твои венки будут намного красивее, если ты будешь плести их не из сухой травы.

Но она смотрела вдаль…только пальцы безжалостно смяли цветы, оторвали лепестки и швырнули на потрескавшуюся землю. Словно отвергая дары инкуба

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА